

ВОЙНА И ОРУЖИЕ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

**Труды Седьмой Международной
научно-практической конференции**
18–20 мая 2016 года

Часть III

Управление культуры Минобороны России
Российская Академия ракетных
и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие

Новые исследования и материалы

**Труды Седьмой Международной
научно-практической конференции**

18–20 мая 2016 года

Часть III

Санкт-Петербург
ВИМАИВ_иВС
2016

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,

С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В.И. Кобякова, начальник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук.

Война и оружие Новые исследования и материалы

Труды Седьмой Международной
научно-практической конференции

В пяти частях

Часть 3

Информационная поддержка

Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

ISBN 378-5-7937-1303-0

© ВИМАИВиВС, 2016
© Коллектив авторов, 2016
© СПбГУПТД, 2016

Э.Г. Клейн (Кострома)

ВЫПУСКНИКИ ВУЗОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА – ВETERАНЫ ВОЕННО-ОРКЕСТРОВОЙ СЛУЖБЫ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

СРЕДИ известных костромских военных музыкантов есть несколько выпускников высших учебных заведений Санкт-Петербурга. Некоторые из них родились на костромской земле, а кто-то приехал сюда уже сложившимся музыкантом.

Пожалуй, из плеяды костромичей наибольший вклад в развитие отечественной музыкальной культуры внес композитор Владлен Павлович Чистяков (1929–2011). Он родился в городе Шарье Костромской области. В 1941 г. будущий композитор был зачислен в число воспитанников оркестра Ленинградского училища военных сообщений им. М.В. Фрунзе, находившегося в эвакуации на станциях Шарья и Мантурово. Первым учителем Владлена Чистякова стал военный капельмейстер оркестра майор Ф.В. Розов, в довоенное время игравший в оркестре Ленинградского театра оперы и балета им. С.М. Кирова. С большой теплотой вспоминал Владлен Павлович большинство музыкантов военного оркестра, до войны игравших в оперных и симфонических оркестрах Ленинграда¹.

Через год воспитанник В.Чистяков вместе с оркестром Военного училища переехал из Шарьи в Ярославль, где наряду с выполнением служебных обязанностей продолжал активно заниматься музыкой. Здесь состоялось его знакомство с будущим знаменитым ленинградским композитором Вениамином Баснером. В 1945 г. училище вернулось в Ленинград, где началась учеба сначала в музыкальном училище, а затем – в Ленинградской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова.

Среди педагогов В.П. Чистякова в стенах консерватории были знаменитые композиторы Д.Д. Шостакович и В.В. Волошинов.

Уже в годы учебы Владлен Павлович проявил себя как незаурядная творческая личность. Будучи студентом 4 курса консерватории, он был выдвинут на Сталинскую премию за кантату для солиста, хора и симфонического оркестра «Песнь труда и борьбы».

За годы своей творческой жизни В. Чистяков написал музыку к более 60 кинофильмам, сотрудничая с такими кинорежиссерами, как Е. Учитель, Я. Фрид, В. Аксенов, В. Мельников, Г. Натансон. В течение нескольких десятков лет он преподавал композицию, инструментовку и чтение оркестровых партитур в стенах музыкального училища и консерватории, подготовив целую плеяду блестящих музыкантов, среди которых был певец и композитор Игорь Корнелюк. Владлен Павлович неоднократно посещал Кострому и Шарью, выступал перед студентами Костромского музыкального училища. Через всю свою жизнь композитор пронес любовь к военной музыке.

Рис. 1. В.П. Чистяков

В марте 2009 г. в Государственной филармонии Костромской области прошел юбилейный творческий вечер композитора, в котором принял участие духовой оркестр Военной академии радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, детский хор «Вдохновение», солисты филармонии. С 80-летием композитора поздравили власти области и Шарьинского муниципального района, руководитель Костромского землячества в Санкт-Петербурге В.Ф. Яковенко, командование Военной академии. На сцене филармонии композитору был вручен знак начальника военно-оркестровой службы Вооруженных сил РФ «За заслуги».

Около сорока лет отдал отечественной военной музыке заслуженный деятель искусств РСФСР дирижер Борис Михайлович Победимский (1926–2014). Свое музыкальное образование он начал в стенах Костромской детской музыкальной школы в классе фортепиано Л.Ф. Иорданской в начале 1930-х гг.² В 1940 г. Борис Победимский поступил в Центральную музыкальную школу при Московской государственной консерватории, отучившись в которой год, в связи с началом войны, вернулся в Кострому. В годы Великой Отечествен-

ной войны он неоднократно выезжал с концертными бригадами на Калининский фронт, а в 1943–1947 гг. являлся музыкантом военного оркестра 3-го Ленинградского артиллерийского училища, эвакуированного в Кострому.

В 1947 г. Б.М. Победимский начинает учебу на Военно-морском факультете Ленинградской государственной консерватории. Наряду со специальными дисциплинами и предметами общеобразовательного цикла слушатели факультета постигали основы военно-морского дела, историю военно-морского искусства и тактику. На государственном экзамене по дирижированию, проходившем в зале имени А.К. Глазунова, слушатель Б. Победимский дирижировал 5-ю симфонию Бетховена. Следует отметить, что педагогом по дирижированию у него был костромич, профессор И.А. Мусин³.

Служба в качестве военного дирижера у Бориса Михайловича началась в 1952 г. на крейсере «Адмирал Ушаков» Ленинградской военно-морской базы. В 1953 г. оркестр под его руководством принял участие в дружеском визите в Стокгольм. В 1957–1961 г. Борис Михайлович являлся военным дирижером Флотского экипажа Северного флота. Наиболее ярким и интересным этапом творческой деятельности

Рис. 2. Б.М. Победимский

подполковника Б. Победимского стал период 1961–1985 гг., когда он являлся заместителем, а затем – художественным руководителем ансамбля песни и пляски Краснознаменного Северного флота. Ансамбль этого периода отличала высокая культура звучания, интересный и разноплановый репертуар. Коллектив сотрудничал со знаменитыми композиторами, неоднократно представлял наше государство в таких странах, как Франция, Швеция, Норвегия, Канада, Мексика, Куба. В интервью журналистке газеты «Костромские ведомости» Л. Кириленко дирижер отмечал: «У нас на Севере Пахмутова не раз гостила. И написала свою “Подлодку”... Соловьев-Седой с Фогельсоном приезжали, написали “Североморский вальс”, я его аранжировал. Френкель и Шаферан – “Северный флот – не подведет”... Все эти песни получали жизнь в нашем коллективе»⁴.

После увольнения в запас Б.М. Победимский вернулся на свою малую родину. Он активно участвовал в работе Морского собрания, выступал перед молодежью.

Значительный вклад в музыкальную культуру Костромской области внес выпускник Ленинградской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова участник Великой Отечественной войны профессор Костромского государственного университета заслуженный работник культуры РСФСР К.Н. Герцензон (1927–2014). Он родился в Одессе, где начал заниматься по классу скрипки в музыкальной школе. Вскоре после начала войны, 27 июля 1941 г. мальчик с матерью выехал в эвакуацию в Самарканд. В это время Одесса уже была окружена, существовал лишь один выход к морю и на город Николаев. Карин Наумович вспоминает, что сначала шли четыре дня пешком до Николаева, где пробыли несколько дней, затем добирались на поезде до Херсона, после чего сменили еще несколько городов: Запорожье, Сталино, Воронеж.

Осенью 1941 г. семья прибыла в Самарканд, где в это время располагалась в эвакуации Ленинградская военно-медицинская академия им. С.М. Кирова. В оркестре Академии в начале войны не хватало военных музыкантов в связи с тем, что многих из них отправили на фронт в качестве санитаров. В мае 1942 г. Карин Герцензон становится воспитанником этого оркестра, успешно пройдя прослушивание⁵. Следует отметить, что военный капельмейстер М.И. Файнгут принимал в воспитанники лишь тех ребят, кто закончил или проходил обучение в музыкальной школе. Первые шаги в освоении репертуара военного оркестра 14-летний воспитанник сделал на большом барабане. Вскоре Карин освоил альт, а его брат Руستم, поступивший на службу в этот же оркестр, – трубу. Творческая деятельность оркестра в период эвакуации не отличалась разнообразием: в основном играли на академических разводах. Вместе с тем, помимо служебно-строевого репертуара, оркестранты исполняли классические произведения русских и зарубежных композиторов: Вальдтейфеля, Верди, Чайковского, Глинки. Наряду с занятиями музыкой и обеспечением воинских ритуалов музыканты пилили дрова, возили мешки с сахаром и выполняли другие хозяйственные задачи.

В марте 1944 г., после снятия блокады, Военно-медицинскую академию, а вместе с ней и оркестр, вновь перевели на место постоянной дислокации в Ленинград. Здесь будущий профессор стал участником концертной бригады, которая регулярно выезжала на передовую. Не-

Рис. 3. К.Н. Герцензон

однократно оркестранты выступали на островах Эзель и Даго, находящихся в Балтийском море. Обычно в составе ансамбля было два вокалиста, скрипач и баянист. Воспитанник Герцензон в ансамбле играл на скрипке, которую освоил еще до войны, в музыкальной школе Одессы. Концерты перед бойцами Ленинградского фронта проходили прямо в окопах. Наибольшей популярностью пользовались такие произведения, как «Соловей» Алябьева, «Чардаш» Монти, а также песня «Синий платочек». Карин Наумович рассказывает, что один раз прямо во время выступления военных артистов началась бомбежка.

Творческая и служебная деятельность военного оркестра в Ленинграде была более насыщенной, чем в эвакуации. В 1944 г. коллектив военных музыкантов обслуживал совещание, на котором присутствовал командующий Ленинградским фронтом Л.А. Говоров, представитель Ставки Верховного Главнокомандующего А.А. Жданов, а также 1-й секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) А.А. Вознесенский. На всю жизнь сохранился в памяти К.Н. Герцензона день 8 июля 1945 г., когда он в составе сводного оркестра гарнизона играл во время встречи победителей – воинов и партизан Ленинградского фронта, вошедших в город с трех сторон. На проспекте Стачек были построены временные триумфальные ворота. Три потока (45, 63 и 64-я гвардейские дивизии) постепенно вливались на Дворцовую площадь, где проходили торжественным маршем под звуки сводного духового оркестра.

В 1946 г. Карин Герцензон, в это время уже рядовой, награжденный медалью «За победу над Германией», увольняется из военного оркестра по состоянию здоровья: начинается учеба в Ленинградской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова по классу скрипки М.М. Белякова. Здесь, в стенах прославленного учебного заведения, он проходит ассистентуру-стажировку по симфоническому дирижированию под руководством И.А. Мусина.

Учебу в консерватории К.Н. Герцензон завершает в 1952 г., со следующего, 1953 г., он начинает деятельность в качестве солиста-скри-

пача Костромского концертно-эстрадного бюро (филармонии в то время еще не было). В 1954 г. Карин Наумович был назначен директором Костромской детской музыкальной школы, а 5 июля 1957 г. возглавил вновь созданное Костромское музыкальное училище⁶.

В 1958 г. Карин Наумович создает Костромской симфонический оркестр. Несмотря на то, что он существовал на общественных началах, музыканты во главе с К. Герцензоном дали десятки концертов в стенах филармонии, учебных заведений Костромы, перед передовиками сельского хозяйства и производства. Музыканты оркестра выступали в концертах, организованных Костромской народной филармонией, организатором и бесшменным руководителем которой с 1964 по 1994 г. был К.Н. Герцензон.

С 1973 по 2010 гг. Карин Наумович работает педагогом музыкально-педагогического факультета Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. За эти годы им было подготовлено более 120 специалистов, издано более 50 научно-методических работ, среди них три научных пособия. Он является автором песен на стихи Е. Старшинова, А. Часовникова, М. Лисянского, часть из которых в разные годы была записана на Костромском областном радио.

Выпускник Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена Григорий Григорьевич Клейн (1938–

Рис. 4. Г.Г. Клейн

2011) первые шаги в музыке сделал в духовом оркестре районного центра Мантурово Костромской области⁷. В 1962–1965 гг. он проходил службу в должности старшего музыканта военного оркестра войсковой части 6592 внутренних войск МВД СССР. По воспоминаниям Г.Г. Клейна, оркестр, располагавшийся в пос. Вожаель Коми АССР, много концертировал. Военным дирижером оркестра был лейтенант Олег Владимирович Целиковский. В составе оркестра было около 25 исполнителей. Выступления военных музыкантов чаще всего проходили перед военнослужащими в различных районах автономной республики, неоднократно коллектив выезжал в командировку в Сыктывкар.

В 1979–1989 гг. Г.Г. Клейн руководил духовым оркестром Костромского технологического техникума, а в последующие годы играл в самодеятельных оркестрах Костромы.

В данной статье мы познакомили читателей лишь с несколькими военными музыкантами, чье творческое становление проходило в городе на Неве. Безусловно, этот список значительно шире. Каждый из представленных в работе людей, совсем недавно ушедших из жизни, внес весомый вклад в развитие русской военной музыки, отечественной музыкальной культуры.

¹ Славентантор А. Песни сердца // Нева. 1961. № 4. С. 207–212.

² В унисон со временем: 1890–2015: юбилейный буклет, посвященный 125-летию со дня основания Детской музыкальной школы № 1 им. М.М. Ипполитова-Иванова города Костромы / Ред.-сост. М.В. Журакова, Э.Г. Клейн, Т.В. Луданова, С.Б. Румянцев. Кострома, 2015. С. 17.

³ Клейн Э.Г. Из истории военных оркестров Костромского края. Кострома: ДиАр, 2010. С. 124.

⁴ Книга воинской славы города Костромы. Приложение. Кострома, 2011. С. 8.

⁵ Костромские ведомости. 1999. 3 февраля.

⁶ Анорова В. Г., Виноградова Е.А., Сальникова В.В. (сост.) Костромское музыкальное училище. 1957–2007 гг. С. 3.

⁷ Клейн Г.Г., Клейн Э.Г. Из истории музыкальной культуры города Мантурово: духовой оркестр лесозавода № 5 // Костромская земля: культура малых городов: сборник научных трудов / Сост. и отв. ред. Н. Б. Кудинова, Н. К. Кашина. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. С. 140–143.

С.Н. Ковалев, А.Н. Щерба (Санкт-Петербург)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА
В ПЕРИОД 1.01.1942 – 5.10.1943 ГОДОВ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ
И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

НЕСМОТРЯ НА ТО, что после окончания Великой Отечественной войны прошло уже более 70 лет, в историографии битвы за Ленинград исследуемый период деятельности Полевого управления Ленинградского фронта (январь 1942 – октябрь 1943 гг.) практически не освещен.

Научное значение рассмотрения вопросов деятельности Военного совета, командования, штаба, управлений, отделов и служб Ленинградского фронта, включая период объединения Полевых управлений Ленинградского и Волховского фронтов (Ленинградский фронт в составе: Ленинградской группы войск, Волховской группы войск [23.04 – 8.04.1942]), обуславливается необходимостью постоянного совершенствования теории и практики управления войсками, развития структуры управленческих органов.

Исследование опыта деятельности, совершенствования организационно-штатной структуры фронтовых полевых управлений носит актуальный характер. Творческое осмысление опыта прошлых лет, его использование в практике современных органов военного управления необходимы для успешного решения проблем обеспечения военной безопасности государства, оперативности, надежности и живучести систем управления войсками, прогнозирования их развития в будущем.

Рассмотрение литературы, затрагивающей вопросы исследуемой темы, позволяет условно разделить ее на несколько основных групп. К первой из них следует отнести фундаментальные труды, раскрывающие историю строительства Ленинградского фронта, а также ра-

боты, посвященные рассмотрению проблем управления войсками¹. Наряду со многими другими вопросами, в этих работах рассматриваются отдельные аспекты истории создания и развития управленческих органов, в том числе оперативно-стратегического (оперативного) звена, их эволюция.

Вторую группу составляют труды, в которых проблемы управления войсками рассматриваются наряду с исследованием различных аспектов истории Второй мировой (Великой Отечественной) войны². В этих трудах с различной степенью детализации, наряду с рассмотрением основ, сущности и содержания процесса управления войсками, а также и самого этого процесса в ходе подготовки и ведения военных действий, рассмотрены его отдельные составляющие, среди которых и вопросы, связанные с организацией и совершенствованием системы органов военного управления различного уровня.

Вместе с тем, анализ отечественной военно-исторической литературы показывает, что наиболее детально аспекты деятельности полевых управлений фронтов в период Великой Отечественной войны рассмотрены в монографическом исследовании В.А. Жилина «Система органов военного управления оперативно-стратегического звена: прошлое, настоящее, будущее»³, в котором на основе широкого круга архивных источников проанализированы взгляды военного руководства Советского Союза и военных ученых на управление войсками, сформировавшиеся в период Великой Отечественной войны. В труде обобщен опыт совершенствования деятельности полевых управлений фронтов и общевойсковых армий в годы войны, раскрыты тенденции их организационного развития, сформулированы рекомендации, полезные при решении актуальных проблем теории и практики военного строительства.

В трудах данной группы с наибольшей полнотой рассматривается состояние организационных структур полевых управлений общевойсковых армий и фронтов (военных округов) в первый и второй периоды Великой Отечественной войны. В них подвергнуты анализу как их положительные, так и отрицательные стороны, поскольку последние, наряду с другими факторами, стали причиной неудач войск Красной армии в 1942 г., ряда операций Ленинградского фронта после проведения операции «Искра» в январе 1943 г.

В работах рассматриваемой группы, таких как «Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», «Органы руководства Вооруженными Силами СССР: история организации и де-

тельности в годы Великой Отечественной войны» и др., приводятся обстоятельные оценки уровня оперативного и оперативно-стратегического управления войсками в 1942–1943 гг., сделанные на основе анализа подготовки и хода операции и кампаний, исследованы формы и способы работы командующих и штабов, других элементов полевых управлений фронтов. Однако, развитие в ходе войны управленческих органов оперативно-стратегического звена, изменения в их организационно-штатной структуре, причины этих изменений практически не рассматривались. За исключением работы П.Л. Товстухи и Р.М. Португальского «Управление войсками в наступлении. По опыту Великой Отечественной войны», в которой очень сжато приведен ряд важных организационных мероприятий, проведенных в ходе Великой Отечественной войны в области совершенствования состава и структуры органов полевых управлений фронтов и армий, дана оценка эффективности проведенных изменений. Сведения об изменениях в составе фронтовых полевых управлений приведены в трехтомном труде «Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в работах В.А. Марамзина, Н.Н. Попеля и др. Вопросы руководства оперативным тылом нашли отражение в фундаментальном труде «Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», подготовленном под общей редакцией генерала армии С.К. Куркоткина⁴.

В трудах, посвященных истории Ленинградского военного округа, опубликованных в различные годы, основное внимание уделялось рассмотрению, главным образом, хода военных действий, которые вели войска Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны. Деятельность Полевого управления Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны в этих работах не рассматривалась.

Третью группу составили статьи в периодической печати, посвященные проблемам руководства Вооруженными силами. В большинстве своем они носят научно-популярный характер и знакомят широкий круг читателей с различными аспектами процессов, связанных с управлением войсками, развитием полевых управлений⁵. Среди них наиболее значительными для исследования явились статьи А.Н. Баженова, В.А. Марамзина, Р.М. Португальского, в которых прослеживаются эволюция системы управления и тенденции в развитии оперативно-стратегических органов военного управления.

В четвертую группу входят диссертационные исследования И.В. Богородского и Р.М. Португальского⁶. В первом рассмотрено развитие органов управления объединений и соединений от возникновения регулярной армии до начала 1960-х гг. Главное внимание при этом обращается на анализ факторов, вызывавших необходимость изменения управленческих органов в прошлом, развития общевойсковых штабов, роли и места начальников родов войск в управлении.

В работе Р.М. Португальского «Совершенствование управления войсками ...» обстоятельно исследованы проблемы управления войсками в наступлении, основные направления и тенденции его развития в ходе войны.

Пятую группу составили мемуары выдающихся советских военачальников: Б.М. Шапошникова, Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского, И.С. Конева, С.М. Штеменко и др.⁷

В шестую группу вошли документы ГКО, Ставки ВГК, Наркомата обороны СССР, документы, хранящиеся в центральных государственных и ведомственных архивах Российской Федерации, опубликованные сборники документов и др.

Анализ рассмотренной литературы и источников показывает, что проблемам деятельности полевых управлений фронтов уделялось определенное внимание. Однако в существующей отечественной и зарубежной историографии фактически отсутствует комплексное рассмотрение деятельности конкретного органа военного управления – Полевого управления Ленинградского фронта. Так, например, в пяти главах фундаментального труда «История ордена Ленина Ленинградского военного округа», посвященных действиям Ленинградского фронта в Великой Отечественной войне, места для описания деятельности Полевого управления Ленинградского фронта в период с февраля по октябрь 1943 г. не нашлось⁸.

Одним из изданий, комплексно освещающих события под Ленинградом в 1942–1943 гг., стала коллективная монография «Битва за Ленинград 1941–1944»⁹, главным редактором которой был генерал-лейтенант С.П. Платонов, отвечавший в Генеральном штабе Красной армии (в исследуемый период) за северо-западное направление советско-германского фронта. Вместе с тем, вопросов работы органов Полевого управления Ленинградского фронта авторы данной книги не коснулись.

Актуальность исследования определяется еще и потребностью изучения феномена блокадного города-фронта, жизнедеятельность которого в условиях военного времени протекала под непосредственным управлением командования Ленинградского фронта.

Задача проведения комплексного рассмотрения деятельности Полевого управления Ленинградского фронта в 1942–1943 гг. обуславливает необходимость поиска, обработки, анализа и введения в научный оборот ранее не опубликованных архивных документов и материалов, отложившихся в фондах Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), Центрального военно-морского архива (ЦВМА), Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

В фондах ЦАМО РФ отложились документы, содержащие сведения о деятельности Ставки ВГК, Народного комиссариата обороны СССР, Генерального штаба Красной армии, Полевого управления Ленинградского фронта.

Для проведения исследования деятельности Полевого управления Ленинградского фронта при подготовке и проведении Любанской и Сиявинской наступательных операций из архива ЦАМО РФ были использованы документы фонда 217, описи № 1221, 1227, 1250, 1258 – Ленинградского фронта за 1942 г. В частности, дело № 94 – постановления и распоряжения Военного совета фронта об организации перевозок через Ладожское озеро, готовности артиллерии армий ленинградского обвода к обороне города, сформировании полевых артиллерийских складов, строительстве бензопровода через Ладожское озеро, сформировании и расформировании авиационной опергруппы генерал-майора Жданова, ремонте танков, распределении продовольствия и другим вопросам; дело № 761 – постановления Военного совета фронта об изготовлении на предприятиях Ленинграда деревянных лодок и броневых ДОТов, директивы штаба и приказы войскам фронта по вопросам использования в бою различных родов войск, работы штабов, состояния и усовершенствования обороны, материально-технического обеспечения, по оргштатным и другим вопросам; дело № 591 – оперативные директивы, боевые приказы и распоряжения штаба фронта; дело № 589 – приказы войскам фронта о назначении на должности и присвоении воинских званий начальствующему составу.

В ЦГАИПД СПб использованы материалы фондов: № 24 – областного комитета партии за 1927–1991 гг. и № 25 – городского комитета ВКП(б), где хранятся документы о работе партийных органов города за 1934–1948 гг. В материалах данных фондов сконцентрированы документы партийных органов г. Ленинграда, отражающие их деятельность в период вражеской блокады. В исследовании, в основном, нашли отражение материалы, связанные с организацией работы военной промышленности города.

В ЦГА СПб использованы материалы фонда № 7384 – городского совета народных депутатов за 1917–1993 гг. В материалах данного фонда сосредоточены документы (протоколы, оперативные сводки, переписка, доклады, справки, отчеты), отражающие характер и особенности взаимодействия органов власти города с командованием Ленинградского фронта в интересах организации обороны Ленинграда в условиях вражеской блокады.

Для проведения исследования деятельности Полевого управления Ленинградского фронта при подготовке и проведении операции «Искра» из фондов ЦАМО РФ были использованы документы Ленинградского фронта, содержащиеся в фонде 217, опись № 1221.

Так, в деле 591 «Оперативные директивы, боевые приказы и распоряжения штаба фронта, боевой приказ штаба Краснознаменного Балтийского флота. Приказ войскам фронта № 00147 от 14 июня 1942 г. о создании временных бомбардировочно-штурмовых групп ВВС» представлены документы по указанным вопросам. В деле содержатся «соображения Ленинградского фронта», подписанные начальником штаба фронта генерал-лейтенантом Д.Н. Гусевым, о задачах фронта в зимний период 1942/43 гг. с целью «...решительного изменения общего оперативного положения фронта <...> 1) прорвать блокаду и установить надежное железнодорожное сообщение по южному берегу Ладожского озера; 2) соединить Приморскую группу и 42[-ю] армию по южному берегу Финского залива»¹⁰.

В деле 2169 «Донесения Военного совета фронта об обстановке и оперативных задачах фронта и материалы по планированию операций по прорыву и снятию блокады с гор. Ленинград»¹¹ значительный интерес представили документы периода подготовки к операции «Искра»: «Исполнительный план по общевойсковой линии» 67-й армии. В плане боевой подготовки войск фронта представлены тематика и программы обучения войск действиям в условиях предстоящих боевых действий. В деле представлены материалы, раскрывающие

мероприятия, проводимые в Ленинградском фронте по обеспечению скрытности и внезапности операции. В этом деле также имеются документы по организации разведки противника в полосе 67-й армии в декабре 1942 г. и план работы штаба Ленинградского фронта со 2 по 12 января 1943 г., непосредственно перед проведением операции «Искра».

В деле 761 собраны материалы постановлений Военного совета фронта «об изготовлении на предприятиях гор. Ленинграда деревянных лодок и броневых дотов» для охраны южного берега Ладожского озера; директивы штаба и приказы войскам фронта по вопросам «использования в бою различных родов войск, работы штабов, состояния и усовершенствования обороны, материально-технического обеспечения, по оргштатным и другим вопросам; донесения ВС фронта, политдонесения ПУ ЛГВ (политического управления Ленинградской группы войск. – С. К., А. Ш.)». Рассмотрение документов этого дела позволило провести анализ организационно-штатных мероприятий, направленных на формирование танковых, артиллерийских соединений и частей, предназначенных для осуществления наступательных действий в целях деблокады Ленинграда, проведенных в конце ноября – начале декабря 1942 г. в войсках Ленфронта, о работе штаба и частей Ленинградской армии ПВО.

В деле 761 содержатся постановления Военного совета Ленинградского фронта о закрытии навигации и об организации перевозок через Ладожское озеро в зиму 1942/43 гг., о переселении гражданского населения из прифронтовой зоны (районов сосредоточения войск фронта перед началом операции «Искра»).

В деле 1434 отложились боевые донесения и оперативные сводки штаба фронта, в том числе оперативная сводка, в которой подробно изложено положение войск Ленинградского фронта по состоянию на 30.11.1942 г. – к началу планирования и непосредственной подготовки операции «Искра».

В деле 69 фонда 424, описи 10246 (Полевое управление 67-й армии. Оперативный отдел штаба) отложились оперативные директивы и боевые распоряжения штаба Ленинградского фронта.

Для исследования значительный интерес представили документы фонда 217, описи 1221, дела 2169, содержащие отчеты управлений, служб и отделов Ленинградского фронта, в которых представлены «Описания действий артиллерии, БТ и МВ и инженерных войск по прорыву блокады гор. Ленинград, данные по обороне противника

на невском направлении, список руководящего состава армий и соединений фронта, участвовавших в боях по прорыву блокады гор. Ленинград».

Для проведения исследования деятельности Полевого управления Ленинградского фронта по предотвращению попыток противника летом и осенью 1943 г. выйти к побережью Ладожского озера и восстановить блокаду города, по овладению созданным противником мощным узлом обороны в районе Синявина и о начале подготовки наступательной операции по полному освобождению Ленинграда от вражеской блокады (с 6 октября 1943 г.), в основном, использовались архивные материалы из фондов ЦАМО РФ.

Основной массив документов по вопросам деятельности Полевого управления Ленинградского фронта в период с февраля по октябрь 1943 г. отложился в делах фонда 217 (описи 1221, 1227). Это оперативные директивы командующего фронтом, частные директивы по тылу, организации взаимодействия, боевые распоряжения; материалы по изучению и обобщению опыта боевых действий войск фронта в предыдущих наступательных операциях войск 67 и 55-й армий; стенографические отчеты совещаний, проведенных командованием фронта, как с командованием оперативных (военными советами армий), так и тактических звеньев управления, в том числе и с представителями полков и дивизий Ленинградского фронта; планы проведения командно-штабных учений.

Значительный интерес представили указания командующего войсками Ленинградского фронта от 5 апреля 1943 г. «... по вопросам боевого распределения артиллерии и о расходе боеприпасов», а также рекомендации по тактике действий танков в условиях лесисто-болотистой местности, разработанные в штабе БТ и МВ Ленинградского фронта и другие материалы (Ф. 217. Оп. 1221. Д. 2185).

Алгоритм работы должностных лиц органов Полевого управления фронта по подготовке наступательной операции «Брусиллов» помогают проследить хранящиеся в ЦАМО РФ различные справки, а также предложения начальников управлений, отделов и служб полевого управления фронта, планы командующих родов и начальников специальных войск с соответствующими приложениями (Ф. 217. Оп. 1221. Д. 67).

Для изучения и обобщения опыта деятельности органов Полевого управления Ленинградского фронта представляют интерес и документы Полевого управления 67-й армии. На протяжении иссле-

дуемого периода (февраль – октябрь 1943 г.) армия решала одну из главных задач фронта (по расширению коридора, образовавшегося после прорыва блокады города, и разгрому мгинско-синявинской группировки противника). Касаясь документов, хранящихся в фонде 424 (Полевого управления 67 А), прежде всего, следует остановиться на деле 69, в котором сосредоточены оперативные директивы и боевые распоряжения командующего фронтом, приказы командующего армии и др.

При рассмотрении вопросов организации взаимодействия Ленинградского и Волховского фронтов были использованы документы Полевого управления Волховского фронта (Ф. 204. Оп. 97).

Введение в научный оборот не опубликованных ранее архивных материалов, их обработка, наряду с недавно изданной военно-исторической литературой, позволяют более полно и всесторонне раскрыть содержание деятельности Полевого управления Ленинградского фронта в 1942–1943 гг.

Исследуемая в работе деятельность Полевого управления Ленинградского фронта обусловлена современными реалиями, которые диктуют необходимость переосмысления многих исторических фактов и явлений, а вводимые в научный оборот новые источники ставят перед необходимостью корректировки существующих знаний.

¹ Иванов Д.А. и др. Основы управления войсками. М., 1971; Основы теории управления войсками (силами). М., 1980; Развитие организационной структуры полевого управления фронта и армии: Научно-исследовательское сообщение. М., 1980; Управление войсками (силами) в операциях Вооруженных Сил: Учебник для Военной академии Генерального штаба ВС СССР. М., 1984; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1978; Петербургский – Петроградский – Ленинградский военный округ. СПб.: Полигон, 1999; 300 лет военной истории Санкт-Петербурга. СПб.: Славия, 2003; Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. СПб.: Славия, 2005; Петербургский – Петроградский – Ленинградский военный округ. В двух томах. СПб.: ИПК «Вести», 2012; и др.

² Отечественные военные реформы XVI–XX веков. М., 1995; История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг. Т. 1–6. М., 1963–1965; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 1–12. М., 1972–1978; Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985; Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961; Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1–3. М., 1961–1962; Военное искусство во второй мировой войне (стратегия и оперативное искусство). М., 1973; Товстуха П.Л., Португальский Р.М. Управление войсками в наступлении. По опыту Великой Отечественной

войны. М., 1981; Попель Н.Н., Савельев И.П., Шеманский И.В. Управление войсками в годы Великой Отечественной войны. М., 1974; Органы руководства Вооруженными Силами СССР: История организации и деятельности в годы Великой Отечественной войны. М., 1988; Марамзин В.А. История развития методов управления в операциях Великой Отечественной войны (работа командующего и штаба). М., 1976; Марышев А.П. Управление войсками в годы Великой Отечественной войны. М., 1976; и др.

³ Жилин В.А. Система органов военного управления оперативно-стратегического звена: прошлое, настоящее, будущее. М., 2001.

⁴ Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977.

⁵ Герасимов И.А. Управление Вооруженными Силами в операциях Великой Отечественной войны // Военная мысль. 1985. № 4; Комаров Н.И. Государственный Комитет Обороны постановляет // Военно-исторический журнал. 1989. № 3; Красильников С. О стратегическом руководстве и Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 1960. № 8; Куликов С.В. Стратегическое руководство Вооруженными Силами // Военно-исторический журнал. 1975. № 6; Португальский Р.М., Фомин Н. Некоторые вопросы совершенствования структуры органов управления фронта и армии // Военно-исторический журнал. 1978. № 8; Марамзин В.А. Организация управления войсками фронта в ходе наступательных операций // Военно-исторический журнал. 1981. № 2; Данилов В.Д. Развитие системы органов стратегического руководства с началом Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1987. № 6; Баженов А.Н. Тенденции развития организационной структуры органов управления фронтов и армий в ходе Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1984. № 3; Курасов В.В. О руководстве в минувших войнах // Военная мысль. 1972. № 6; Штеменко С.М. О стратегическом руководстве Вооруженными Силами в годы Великой Отечественной войны // Военная мысль. 1979. № 12; и др.

⁶ Богородский И.В. Организационная структура органов управления объединений и соединений Сухопутных войск при существующих средствах управления и пути ее совершенствования. М., 1964; Португальский Р.М. Совершенствование управления войсками в наступательных операциях Великой Отечественной войны. М., 1978.

⁷ Шапошников Б.М. Воспоминания. М., 1974; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1–3. 11-е изд. М., 1992; Василевский А.М. Дело всей жизни. В 2 кн. 6-е изд. М., 1989; Рокоссовский К.К. Солдатский долг. 5-е изд. М., 1988; Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1–2. М., 1989.

⁸ История Ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974.

⁹ Барбашин И.П., Кузнецов А.И., Морозов В.П. [и др.]. Битва за Ленинград 1941–1944 / Под общей редакцией генерал-лейтенанта С.П. Платонова. М., 1964.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 591. Л. 96–100.

¹¹ Там же. Д. 2169.

М.А. Коневская (Санкт-Петербург)

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЕЩЕВОГО СНАБЖЕНИЯ РККА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГОДОВ

УРОВЕНЬ эффективности организации вещевого снабжения РККА накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. включает в себя следующие аспекты: степень обеспеченности армии вещевым имуществом, трансформацию структуры учреждений снабжения в период с 1935 по 1941 г. и организацию их деятельности за данный период. Значимыми представляются изменения структуры, произведенные по итогам локальных военных конфликтов 1938–1940 гг. Актуальность исследования организации вещевого снабжения Красной армии в период 1935–1941 гг. определяется возрастающим вниманием к предвоенной обстановке в Советском Союзе. Согласно определению, предложенному автором статьи, организация вещевого снабжения подразумевает под собой ориентацию на положительный результат, в рамках принятой структуры и схемы снабжения.

В 1935 г. проведена реформа системы снабжения¹. Во исполнение приказа Народного комиссариата обороны СССР № 0145 от 08 августа 1935 г. образовано Управление ободно-вещевого снабжения. Согласно положению, Управление ободно-вещевого снабжения являлось центральным органом Народного комиссариата обороны СССР по обеспечению Красной армии всеми видами ободно-вещевого имущества. Во главе управления стояли начальник и военный комиссар. На них возлагались: ответственность за составление смет на предметы ободно-вещевого снабжения Красной армии; заготовка и обеспечение армии обозом, в том числе и специальным; объектами механизации военно-хозяйственного тыла; упряжью, седлами, вьюками; вещевым имуществом, предметами хозяйственного оби-

хода; санитарно-хозяйственным и спортивным инвентарем, а также соответствующими ремонтными материалами. На Управление обозно-вещевого снабжения, согласно положению, ложилось также руководство мобилизационной работой по обозно-вещевому снабжению Красной армии, накопление неприкосновенных запасов обозно-вещевого имущества, хранение, содержание и освежение этих запасов, разработка новых образцов, технических условий и конструкций на предметы обозно-вещевого снабжения².

Упомянутым приказом утверждена и схема снабжения войск: центр – округ – фронт (военное время) – армия (военное время) – дивизия – полк (батальон) – рота – красноармеец. В структурных звеньях, до полка включительно, созданы органы военно-хозяйственного снабжения, имевшие в составе отделения обозно-вещевого снабжения. Управление этими органами должно было осуществляться сверху вниз, заявки на имущество предьявлялись низшим звеном высшему звену³.

Следует отметить, что руководящие указания, касающиеся изменения структуры органов снабжения и коренных направлений движения имущества, проводились в жизнь Наркоматом обороны и Генеральным штабом, то есть Управление обозно-вещевого снабжения имело весьма ограниченные руководящие функции.

При этом необходимо отметить, что наблюдалось пересечение функций Управления обозно-вещевого снабжения и Генерального штаба. В Генеральном штабе были сосредоточены данные по численности армии, поэтому планирование снабжения должно было осуществляться совместно. Деятельность Управления обозно-вещевого снабжения находилась также в зависимости от деятельности Управления военных сообщений.

В период 1935–1939 гг. структура органов обозно-вещевого снабжения претерпела некоторые изменения, связанные с необходимостью адаптации процесса снабжения к существующим условиям, а также с централизацией отдельных видов снабжения.

В октябре 1939 г. образовано Управление начальника снабжений. Приказом Народного комиссариата обороны № 0167 от 23 октября 1939 г. было объявлено временное положение об Управлении начальника снабжений Красной армии, по которому оно являлось центральным органом Народного комиссариата обороны СССР, объединяющим деятельность соответствующих управлений по руководству обозно-вещевым и продовольственным снабжением, квартирным

довольствием и торговлей в Красной армии. Руководящие функции Управления были по-прежнему ограниченны⁴.

Однако к началу локальных военных конфликтов 1938–1940 гг. организация вещевого снабжения еще не была налажена должным образом. Отрицательно сказывались низкая укомплектованность квалифицированными работниками ободно-вещевых отделов различных уровней, отсутствие преемственности кадров руководящих органов. На развитие организации вещевого снабжения негативное влияние оказывало нечеткое распределение обязанностей по планированию снабжения между Генеральным штабом и Управлением ободно-вещевого снабжения, которое было подчинено непосредственно Народному комиссариату обороны⁵. Это обстоятельство способствовало фактическому неимению мобилизационного плана и неприкосновенного запаса. Кроме того, в ведении Генерального штаба находилось Управление военных сообщений, на которое возлагалась организация подвоза имущества. Указанное обстоятельство создавало децентрализацию в организации снабжения.

Процесс реализации принятой схемы вещевого снабжения замедлялся из-за плохого ведения учетной документации. Сказывался также переход на новое военно-административное деление.

Нехватка складского пространства, наблюдавшаяся в 1935 г., оставалась и к 1938 г. Кроме того, условия хранения имущества на складах продолжали быть неудовлетворительными. Следует учитывать, что ряд организационных недостатков зависел и от внутренней организации самих военнослужащих, вопросов несерьезности отношения к учету и к сбережению имущества.

Нельзя забывать и о положительных тенденциях в развитии вещевого снабжения в период с 1935 по 1938 гг. – о внедрении новых норм и образцов имущества, разработке документации, необходимой для полноценной реализации схемы снабжения, о совершенствовании подготовки военных представителей на промышленных предприятиях. Таким образом, к 1938 г. принятая в 1935 г. модель организации вещевого снабжения находилась на начальной стадии развития. Организационные недостатки в ряде случаев устранялись путем издания соответствующих руководящих документов, основанных на результатах проводимых проверок⁶.

В начале военного конфликта на оз. Хасан обнаружилась слабая подготовка тыловых структур, а точнее их полная неготовность к обеспечению войск. Военно-хозяйственный аппарат 39-го стрел-

кового корпуса был представлен в лице начальника отдела тыла и начальника военно-хозяйственного снабжения. Здесь необходимо сказать, что корпусной аппарат военно-хозяйственной службы не предполагал наличия отделов: обозно-вещевого и продовольственного, с большим количеством штатных единиц. Данное обстоятельство затрудняло организацию вещевого снабжения в то время, когда в бою был задействован один корпус, и вся нагрузка по организации снабжения ложилась именно на корпусной аппарат.

Неразбериха в вопросах снабжения не могла продолжаться долго. Необходимо было срочно решить вопрос организации тыла. 5 августа проведено совещание, на котором была выработана схема управления. Своеобразие принятого решения заключалось в том, что начальник отдела тыла и начальник военно-хозяйственного снабжения корпуса должны были работать в отделе армейского снабжения, тем самым усиливая его штат⁷. Таким образом, сведения об обеспеченности соединений миновали корпусное звено и передавались сразу в отдел армейского снабжения.

Решение об объединении руководства корпусным и армейским тылом должно было способствовать гибкости организации снабжения. Однако обеспечение частей оставалось затруднительным вследствие отсутствия необходимого количества транспорта, а также плохой связи. 10 августа 1939 г. корпусной аппарат сменил место дислокации, что было вызвано необходимостью выяснять действительную потребность на месте из-за искаженности поступающих данных. Таким образом, слияние армейского и корпусного аппаратов снабжения не принесло желаемых результатов.

Затронув вкратце вопрос об организации тыла в период проведения операции, следует остановиться на проблеме обеспечения частей вещевым имуществом. Обмундированием в начале операции части были обеспечены на 100 %, при этом шинели у 40 % красноармейцев и командиров были изношены. Наблюдался сильный недостаток обуви. Кроме того, из-за отсутствия представления о масштабах операции части оставили запасы имущества на зимних квартирах. Сначала они пополнялись с войсковых складов. Начиная с 5–6 августа заявки на пополнение недостающего имущества стали поступать в отдел армейского полевого снабжения и головной склад пристани Посьет. Бывали случаи, когда заявки на имущество расширялись по сравнению с действительной потребностью, что создавало дополнительные сложности и приводило к избытку имущества в одних

частях за счет потребности других, мешало правильной постановке учета. Созданный в Посьет головной склад был объединенный, то есть предусматривал хранение различных видов имущества и вооружения, штат склада всего 8 человек, работники даже не знали названий некоторых предметов обмундирования и снаряжения⁸.

Худо-бедно, но потребность частей в вещевом имуществе удовлетворялась до наступления периода дождей, внесших еще большую дезорганизацию в устройство тыла.

Поношенное обмундирование начало быстро выходить из строя. Командный состав оказался в наихудшем положении по сравнению с красноармейцами потому, что плащи промокали, и приходилось пользоваться или красноармейским плащом-палаткой или же оставаться все время мокрым. Г.М. Штерн телеграммой военсовету 1-й армии просил дать войскам брезенты для прикрытия грузов, кипятильники, плащи, обмундирование и сапоги. Однако на головном складе никакого имущества, кроме простыней, не оказалось. Запросы частей на обеспечение их вещевым имуществом начали удовлетворять лишь в сентябре⁹.

Ремонт обуви в войсках производился вручную. Армейская подвижная обувная мастерская сформирована только в середине августа, ремонтные мастерские соединений до конфликта не были укомплектованы, по этой причине не взяты в поход. Они прибыли в войска только в сентябре. Причиной позднего развертывания мастерской в 40-й стрелковой дивизии был розыск агрегатов, которые были найдены на полевой хлебопекарне¹⁰.

По окончании операции руководством отдела снабжения армии были сделаны выводы относительно организации тыла. Сказано, что прифронтовая полоса должна иметь надежные, подготовленные во всех отношениях порты. Планирование работы следует централизовать, поэтому необходимо разрешить организационные вопросы между отделом военных сообщений армии и штабом флота, назначив коменданта порта. Также сказано, что в период операции руководство подвозом осуществлял начальник штаба армии через начальника военных сообщений, при полном отсутствии какой-либо активности начальника отдела тыла, что способствовало неадекватности планирования и управления подвозом¹¹. Отмечено отсутствие у работников тыла знания основных уставных положений¹².

Военный конфликт на р. Халхин-Гол 1939 г. и поход Красной армии в Западную Украину и Беларусь 1939 г. не внесли ничего принци-

пильно нового в вопросы организации вещевого снабжения. Однако была предпринята попытка централизации продовольственного, вещевого, обозного и квартирного снабжения. В октябре 1939 г., как упомянуто ранее, образовано Управление начальника снабжений¹³.

В период военного конфликта на р. Халхин-Гол 1939 г. были выявлены такие недостатки в вещевом снабжении войск, как несоответствие некоторых образцов обмундирования и снаряжения ведению боя в специфических природных условиях, затруднения в стирке белья из-за удаленности прачечных отрядов, непрактичность объединенных головных складов, сложность подвоза вследствие большой растяжки тыла. Поступило предложение создавать склады по отдельным или близким видам имущества. Осталась неразрешенной проблема недостачи средств подвоза и связи. В начальный период операции тыл района боевых действий, так же, как и в период боев на оз. Хасан 1938 г., подготовлен не был. Как и тогда, основным средством сбора сведений об обеспеченности имуществом оставалось личное общение работников тыла армейской группы и частей. «Не было дня, чтобы тыловые работники частей не были у начальника отдела тыла [1 Армейской группы], не было также дня, чтобы кто-либо из работников отдела тыла не побывал в какой-либо части¹⁴...»

Стоит отметить положительные моменты, связанные с налаживанием взаимодействия тыловых органов. Подвоз происходил по плану, разработанному отделом тыла штаба армейской группы совместно с начальником отдела военных сообщений¹⁵. Можно сказать, что был учтен опыт операции на оз. Хасан 1938 г., и организация подвоза была, если не налажена, то хотя бы регламентирована.

В целом организация вещевого снабжения в период боев на р. Халхин-Гол 1939 г. имела относительно устойчивый характер, в том смысле, что не пришлось восполнять имущество, испорченное непогодой.

В начальный период похода Красной армии в Западную Украину и Беларусь 1939 г. в некоторых частях наблюдался недостаток вещевого имущества, в других же его избыток. Имущество было перераспределено распоряжениями командования действующих армий. Подвоз был затруднен из-за быстрого продвижения войск и большой растяжки тыла. Из положительных моментов следует отметить введение головных складов обозно-вещевого имущества по одному на армию. В целом, в районе конфликта присутствовала развитая дорожная сеть, в отличие от района боев на оз. Хасан 1938 г. и р. Хал-

хин-Гол 1939 г¹⁶. На основании опыта этого военного конфликта серьезных выводов об организации вещевого снабжения сделать было невозможно. Сами бойцы называли этот поход «военной прогулкой». Однако общий анализ работы тыла на окружном уровне был проведен, но оценку высокого руководства на должном уровне не получил – помешала начавшаяся война с Финляндией 1939–1940 гг.

К началу «зимней войны» вещевое снабжение Красной армии было налажено. На его реализации сказывались: нехватка квалифицированных кадров военно-хозяйственного аппарата, недостаточная укомплектованность работниками обозно-вещевых отделов всех уровней, отсутствие преемственности кадрового состава руководящих органов, излишняя бюрократия, нечеткое распределение функций и нечеткое взаимодействие между Управлением обозно-вещевого снабжения и Генеральным штабом. Часто осложнения возникали из-за снабжения войск не по штатной, а по списочной численности – заявки на обеспечение войск задерживались Генеральным штабом. Промышленность работала на пределе, в изделиях присутствовал брак, кроме того, приходилось работать по заявкам, поступившим с большим опозданием. Как следствие, промышленность задерживала реализацию плана поставок.

Процесс вещевого снабжения протекал затруднительно из-за громоздких форм учета, отсутствия бланков по ним. Вследствие указанного обстоятельства учетная документация велась небрежно, а иногда не велась вовсе. Также сказывался переход на новое военно-административное деление – формирующаяся система не была способна обеспечить своевременное снабжение по другому территориальному принципу по причинам, изложенным выше. Наблюдалась нехватка складского пространства. Кроме того, организация хранения и учет имущества на складах были неудовлетворительными.

Однако ситуация в области вещевого снабжения не могла серьезно повлиять на обеспечение действующих армий в начальный период Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. По мнению автора, сказалось отсутствие у командования адекватного представления о сроках проведения военной кампании, а также о климатических и рельефных особенностях Карело-финского театра военных действий.

Для полного обеспечения Красной армии на зиму 1939–1940 гг. по состоянию на 1 октября 1939 г. недоставало шинелей – 1 120 000, шаровар суконных – 419 000, шлемов зимних – 1 200 000, рубах теплых – 717 000, рубах суконных – 383 000, рубах летних – 680 000.

Отпуск частям зимнего обмундирования по плану на 1939 г. затянулся до января 1940 г.¹⁷

Из приведенных выше цифр видно, что недостача в предметах обмундирования по Красной армии в целом не была катастрофической, но, при наличии небольшого количества неприкосновенного запаса, в Ленинградский военный округ не были вовремя стянуты необходимые резервы теплых вещей из других военных округов.

Декабрь 1939 г. был самым тяжелым месяцем в снабжении войск. Вследствие отсутствия резервов имущества, из-за того, что командование неадекватно оценило огромные проблемы, связанные с приведенным выше обстоятельством, имело место большое число обморожений. По сравнению с декабрьским периодом с января 1940 г. организация обозно-вещевого снабжения всех принимавших участие в военной кампании армий улучшилась. После рапортов об обморожениях в войска стали направляться утепленные палатки, зимнее обмундирование, валенки. Стал применяться камуфляж – маскхалаты¹⁸ (рис. 1, 2).

Основываясь на сохранившихся в Российском государственном архиве документах, можно сделать вывод о том, что, начиная с января 1940 г., 7-я армия снабжалась более оперативно, чем 13-я армия,

Рис. 1. После боя за Териоки (автор, точная дата не указаны) // РГВА. Ф. 34980. Оп. 14. Д. 202. Л. 19.

Рис. 2. Выдача теплых шапок бойцам действующей Красной армии. Январь 1940 г. Карельский перешеек. Фото В. Федосеева. Фотохроника ТАСС // РГВА. Ф. 34980. Оп. 14. Д. 202. Л. 5.

вследствие лучшей организации ее тыла. Однако 13-я армия была более обеспечена, чем армии северных направлений, так как растяжка тыла последних была огромной.

При этом существовали и такие подразделения, которые на март месяц совершенно не имели обуви, например, 60-я рабочая рота – валенки были изношены, а сапоги вовремя не поставлены¹⁹. 122-я стрелковая дивизия 9-й армии к 17 января 1940 г. фактически не получила валенок, перчаток, шинелей²⁰.

Часто ростовки по обуви не были соблюдены, и в войска поступали маломерные валенки, то же самое можно сказать и о шинелях. Армии северных направлений до конца зимы оставались необеспеченными шапками-ушанками, не хватало ватного обмундирования. На протяжении военных действий весьма низок был процент обеспеченности санитарно-хозяйственным имуществом – халатами, фартуками, госпитальными туфлями, палатками и носилками. При этом следует отметить, что войсковые части неоднократно запрашивали имущество по нормам мирного времени, а отпускалось оно по нормам военного времени и должно было эксплуатироваться до полной изношенности, кроме того, в частях был крайне плохо поставлен учет²¹.

Что же было предпринято руководящими органами для улучшения обеспеченности бойцов вещевым имуществом за период военных действий?

Директивой Главного военного совета № 001 от 9 декабря 1939 г. непосредственное руководство войсками возлагалось на Ставку Главного командования Красной армии во главе с И.В. Сталиным. Для того, чтобы объединить действия 7 и 13-й армий, на основании приказа Народного комиссариата обороны СССР № 0977/оп от 7 января 1940 г. был создан Северо-Западный фронт под командованием командира 1-го ранга С.К. Тимошенко, управление которым было сформировано на основе штатов управления Ленинградского военного округа. Приказом Главного военного совета № 1 от 10 января 1940 г. года вводилась должность заместителя начальника штаба по тылу фронта и временное штатное расписание обозно-вещевого отдела фронта.

Заместитель начальника штаба фронта по тылу был призван организовать работу тыла и поставку имущества, следя за его подвозом и эвакуацией. Подобные должности были введены во всех действующих армиях в декабре 1939 г.

Приказом Главного военного совета Красной армии № 0897 от 3 января 1940 г. с целью организации материального обеспечения и санитарной эвакуации 8, 9, 14-й армий было создано Управление заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа по материальному обеспечению и санитарной эвакуации северных армий под руководством командира корпуса М.В. Захарова, непосредственно подчиненное Ставке, при управлении создан обозно-вещевой отдел. Тем не менее, до 21 января, то есть до завершения формирования Управления заместителя командующего войсками, обеспечение всех действующих армий было возложено на Управление Северо-Западного фронта²².

На период военных действий принята следующая структура обозно-вещевой службы: обозно-вещевой отдел фронта; обозно-вещевые отделы армий; службы военно-хозяйственного снабжения войсковых соединений и частей; окружной обозно-вещевой склад № 161; головные обозно-вещевые склады; корпусные и дивизионные обменные пункты; полевые механические мастерские по ремонту обуви, шорно-седельных изделий, кухонь, обоза; бригады лудильщиков походных кухонь; прачечные отряды. В стрелковые дивизии военного времени был введен полевой подвижной склад продовольственного и обозно-вещевого имущества – объединенный. Изучались его функ-

циональные возможности, а именно, могут ли сотрудники склада организовать работу на обменных пунктах²³. С целью обеспечения армий северных направлений в январе 1940 г. в г. Вологде создан обозно-вещевой склад № 869 и база № 865 на станции Волховстрой.²⁴

Подвоз имущества, как правило, производился по нижеследующей схеме. Имущество доставлялось с окружного обозно-вещевого склада по железной дороге на станции снабжения, где должно было учитываться и передаваться на головные склады, находившиеся на станциях. Далее армейским транспортом поставлялось на корпусные и дивизионные обменные пункты, а оттуда дивизионным транспортом – в соединения и части. Имущество поступало на склады в отсутствие накладных, навалом. Особенно ясно отмеченные проблемы давали о себе знать на северных направлениях²⁵.

Обозно-вещевой отдел Ленинградского военного округа, долгое время являвшийся организатором снабжения всех действующих армий, в начале боевых действий оставался в штатах мирного времени. С целью быстрейшего обеспечения войск из личного состава отдела было выделено оперативное отделение, состоявшее из четырех человек, которое занималось исключительно обеспечением действующих армий. Только с 1 февраля 1940 г. были введены временные штаты обозно-вещевого отдела округа (фронта) в составе 51 человека²⁶.

В процессе Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. проведены мероприятия по облегчению носимых запасов бойца, даны указания о методах ремонта и количестве ремонтных мастерских вещевого имущества. По окончании боевых действий поступил ряд предложений о необходимости изменений конструкций и норм снабжения вещевым имуществом. Принято решение относительно увеличения штатов хозяйственной и транспортной служб войсковых частей и соединений армии, введены дополнительные единицы автотранспорта²⁷.

Советско-финляндская война 1939–1940 гг. спровоцировала ряд изменений в руководстве тылом на уровне центральных управлений. Начиная с 1 марта 1940 г. Управление обозно-вещевого снабжения было разделено на два самостоятельных управления: Управление вещевого снабжения и Управление обозно-хозяйственного снабжения²⁸. В июле 1940 г. создано Главное интендантское управление, заменившее Управление начальника снабжений²⁹.

Сделать какие-либо выводы об организации вещевого снабжения в период похода в Бессарабию 1940 г., который продолжался без малого неделю, не представляется возможным. Но стоит отметить, что в период с апреля по август 1941 г. была проведена реформа организации тыла, во многом основанная на опыте предшествующих локальных конфликтов. Эта реформа завершила процесс централизации всех видов снабжения. 1 августа 1941 г. Народным комиссариатом обороны издан приказ, согласно которому образовано Главное управление тыла, которому подчинялось центральные управления снабжения, в том числе Главное интендантское управление и Управление военных сообщений. Аналогичные структурные изменения произошли во фронтовых и армейских звеньях³⁰.

Данная структура организации тыла с небольшими корректировками сохранилась до конца Великой Отечественной войны. Исходя из сказанного, следует сделать вывод, что довоенный опыт организации тыла, в частности вещевого снабжения, был тщательно проанализирован, чему в большей степени способствовала война с Финляндией 1939–1940 гг.

¹ Бочков Е.А. Реорганизация обозно-вещевого и продовольственного снабжения РККА. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). 1935 г. // Исторический архив. М., 2006. № 1. С. 158–168.

² РГВА. Ф. 37860. Оп. 1. Д. 50. Л. 206.

³ РГВА. Ф. 40443. Оп. 1. Д. 5. Л. 307.

⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 15а. Д. 456. Л. 205.

⁵ Голушко И.М. Штаб тыла Красной армии в годы войны 1941–1945. М., 1998. С. 21.

⁶ Коневская М.А. Становление и развитие системы обозно-вещевого снабжения РККА в 1935–1939 гг. // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 175–182.

⁷ Там же. Л. 2–16.

⁸ Там же. Л. 24–25.

⁹ Там же. Л. 111–113.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 60–62.

¹² Там же. Л. 75–76.

¹³ РГВА. Ф. 4. Оп. 15а. Д. 483. Л. 202–204.

¹⁴ РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 242. Л. 29.

¹⁵ Там же. Л. 23.

¹⁶ РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 85. Л. 73.

¹⁷ РГВА. Ф. 37860. Оп. 1. Д. 193. Л. 206.

¹⁸ Якимович К. На фланге линии Маннергейма. Битва за Тайпале. М., 2010. С. 147.

¹⁹ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1303. Л. 48.

²⁰ Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. СПб., 2000. С. 292.

²¹ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1298. Л. 20.

²² Там же. Оп. 4. Д. 170. Л. 12.

²³ Там же. Оп. 1. Д. 1303. Л. 8.

²⁴ Там же. Д. 1298. Л. 1.

²⁵ Там же. Оп. 4. Д. 461. Л. 9–9 об.

²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 1299. Л. 39.

²⁷ Там же. Д. 1298. Л. 1–25.

²⁸ Там же. Д. 406. Л. 180.

²⁹ РГВА. Ф. 4 Оп. 15а. Д. 501. Л. 75–75 об.

³⁰ Вещиков П.И. Тыл Вооруженных Сил России (XVIII – XX вв.). М., 2003. С. 446.

В.В. Коровин (Курск)

УЧАСТИЕ ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ В БОРЬБЕ ПРОТИВ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ (1941–1943 годы)

КАК ПОДЧЕРКИВАЕТСЯ в многотомном издании «Великая Отечественная война 1941–1945 годы», сотрудничество с противником на временно оккупированных территориях страны часто приобретало формы прямого участия в боевых действиях против Красной Армии и партизан и стоило им немалых потерь¹.

Политическое и военное руководство СССР в лице Государственного Комитета Оборона, наркоматов обороны, внутренних дел и государственной безопасности, Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандующего применяли адекватные военные меры, направленные на противодействие добровольческим частям, сражавшимся на стороне вермахта, полицейским и карательным подразделениям, а также шпионам и диверсантам в полосах действующих фронтов и армий.

Одним из наиболее действенных способов борьбы с полицейскими подразделениями и структурами оккупационной власти (в том числе местного управления) становилось движение сопротивления оккупантам: действия партизанских бригад, отрядов и разведывательно-диверсионных групп, находившихся в подчинении НКВД–НКГБ.

Так, при активном руководстве партийных органов, взаимодействии с сотрудниками 4-го отдела УНКВД по Курской области и военнослужащими четырех отделов (отделений) политуправлений (политических отделов) Брянского, Юго-Западного, Воронежского фронтов и общевойсковых армий (13-й, 40-й, 21-й, 28-й), действовавших в тыловых границах на территории региона, для ведения боевых действий в тылу врага были подготовлены 32 партизанских отряда².

Первые донесения, поступавшие от партизан в обком ВКП(б) и в 4-й отдел УНКВД, свидетельствовали о том, что партизанские формирования уже на начальном этапе своей деятельности вносили посильную лепту в дело создания «невыносимых условий для врага и всех его пособников». Например, по данным, представленным командованием Кривцовского партизанского отряда (командир П.Н. Пашков), с 25 декабря 1941 по 1 февраля 1942 г. партизаны уничтожили 44 предателя, в их числе 12 старост и их помощников, а также 16 полицейских³.

Медвенский партизанский отряд под командованием Т.В. Фильчакова за этот же период уничтожил 110 фашистов и 18 предателей⁴. В январе 1942 г. медвенские партизаны расстреляли предателей Родины: агронома Курячего, Ф.Г. Плохих, М.В. Воронкова, выдававших партизанские семьи врагу⁵.

Осенью 1941 г. партизаны Белгородского отряда (командир – А.А. Поляков) расстреляли старост сел Ушаково, Севрюково, а также хуторов Соловьев и Шенно Шебекинского района⁶. Позднее комиссар Белгородского партизанского отряда А.Т. Сиверский вспоминал: «...Удивляло то, что некоторые лица, считавшиеся до войны хорошими людьми и работниками советских органов, добровольно... перешли на службу к фашистам и стали активно им помогать»⁷.

В донесениях, подготовленных в мае 1942 г. сотрудниками 4-го отдела УНКВД по Курской области, указывалось, что Томаровский партизанский отряд (командир – В.А. Доброхотов) уничтожил 16 предателей Родины⁸. Об уничтожении 20 изменников Родины сообщило и командование Ивнянского партизанского отряда (командир – Д.В. Застрожнов)⁹. Руководство Курского обкома ВКП(б) и управление НКВД по Курской области требовали от командования партизанских отрядов активизации их деятельности, в том числе направленной на уничтожение изменников и предателей Родины. Так, 8 декабря 1941 г. разведчики 2-го Суджанского партизанского отряда в с. Пристенное Курской области уничтожили 6 немецких военнослужащих и старосту села¹⁰.

Показательным является приказ № 26 областного управления НКВД, направленный на имя командира и комиссара 2-го Суджанского отряда С.В. Трибунского и Я.Я. Гломаздина. В приказе подчеркивалось, что в течение февраля 1942 г. партизанский отряд так и не перешел линию фронта в районе Прохоровки – Обояни; 4-й отдел УНКВД ставит задачу руководству Суджанского отряда пос-

ле перехода линии фронта «выявить всех лиц, изменивших Родине, перешедших на сторону немцев, уничтожить старост, полицейских и других активных помощников оккупантов»¹¹.

К сожалению, поставленные задачи 2-й Суджанский отряд выполнить не смог. 20 мая 1942 г. у села Средняя Ольшанка Пристенского района его бойцы, перейдя линию фронта, были обнаружены местными жителями, которые об этом сообщили полиции и военному коменданту. Партизан окружили немецкие подразделения и отряд полиции. В завязавшемся бою погибли командир отряда С.В. Трибунский, комиссар Я.Я. Гломаздин и многие партизаны.¹²

В июне 1942 г. медвенские партизаны под командованием Т.В. Фильчакова сумели организовать крупную акцию возмездия: за проведение насильственной мобилизации молодежи и направление их на работу в Германию был убит староста села Лубянка¹³.

Привлечение вооруженных коллаборационистов к партизанскому или войсковому суду уже практиковалось весной 1942 г. Так, согласно донесению начальника политотдела 1-й гвардейской стрелковой дивизии старшего батальонного комиссара М.Ф. Моисеева, составленному после совместной с партизанами Микояновского отряда операции по разгрому гарнизона в селе Варваровка Волчанского района Харьковской области, решением военного трибунала 6 марта 1942 г. был приговорен к расстрелу изменник Родины – полицейский Федощенко. Он дезертировал из Красной армии и перешел на службу к врагу. Лично Федощенко дважды принимал участие в боях против советских частей. В одном из боев он убил 2 красноармейцев, с одного раненого стащил сапоги¹⁴.

При зачитании приговора и приведении его в исполнение присутствовало до 50 партизан и 100 местных жителей. Расстреляли предателя сами партизаны. После этого с обращением к партизанам и колхозникам выступил комиссар партизанского отряда Н.В. Иванченков и военный юрист из прокуратуры дивизии.

Весной 1942 г. диверсионные группы, забрасываемые в тыл противника, на территории Коньшевского и Дмитриевского районов Курской области провели ряд локальных боевых операций по уничтожению изменников Родины. Так, диверсионно-разведывательная группа, руководимая Бобрышовым (настоящая фамилия П.Н. Свечкин. – В.К.), в селе Белые Берега Коньшевского района уничтожила 4 предателей, в их числе начальника полицейского подразделения, расположившегося в селе¹⁵.

В сентябре 1942 г. оперативной группой 4-го отдела НКВД по Курской области был расстрелян старшина Тагинской волости Троснянского района Г.К. Манохин. В его доме сотрудники НКВД изъяли служебные документы и многочисленные приказы оккупационных властей. С большой достоверностью это позволило уточнить структуру административного управления на территории оккупированных районов Курской области, регулярность поставок продовольствия, собираемого у населения, и порядок делопроизводства. Все захваченные документы были пересланы в штабы Брянского и Воронежского фронтов¹⁶.

Оригинальный способ устранения активного пособника фашистов, начальника полиции Дмитриевского района А.З. Гридина применило командование Дмитриевского партизанского отряда (командир – М.М. Плотников) и оперативно-разведывательная группа 4-го отдела УНКВД под руководством В.М. Казакова.

В воспоминаниях бывшего заместителя командира 1-й Курской партизанской бригады по разведке А.Т. Москаленко отмечалось, что «... в ноябре 1941 года из разведки не вернулся Андрей Гридин. Он дезертировал из партизанского отряда и поступил на службу к гитлеровцам. Получив должность начальника районной полиции, этот иуда лез из кожи вон, дабы доказать свою преданность новым хозяевам. Полицейские засады на переправе через Свапу у деревни Ратманово стоили жизни десяткам советских солдат, которых партизаны выводили из окружения... За связь с партизанами расправам подверглось население лесных поселков Чемерки, Подвойный, Осиновский... Предательство Гридина грозило гибелью многим советским патриотам¹⁷. Поэтому партизанский суд приговорил изменника к смерти...»¹⁸

Но открыто уничтожить изворотливого предателя не представлялось возможным. Тогда командование Дмитриевского отряда, согласовав действия с В.М. Казаковым, решило взять его хитростью. Через партизанскую разведчицу С.П. Гладышеву были пересланы «благодарственные письма», адресованные А.З. Гридину за якобы оказываемые помощь и содействие партизанам и сообщенные им сведения о противнике. Письма, которые были подписаны командиром отряда М.М. Плотниковым, С.П. Гладышева смогла доставить в приемную военной комендатуры Дмитриева.

Вскоре в комендатуру была передана и следующая партизанская записка, адресованная «господину» Гридину. В ней содержалось

предупреждение о том, что в случае провала Гридин может рассчитывать на помощь народных мстителей. После этого А.З. Гридин был арестован и вскоре расстрелян гитлеровцами.

В специальном сообщении о расстреле А. Гридина оккупационные власти Дмитриевского района отмечали, что «начальник полиции Гридин наказан за незаконное присвоение чужого имущества и бесчинства по отношению к населению...»¹⁹

Часто полицейские привлекались к несению караульной службы, помогали отражать нападения партизан на германские воинские части. Впрочем, нередко случалось, что и сами немецко-полицейские гарнизоны попадали под удары нескольких партизанских отрядов.

16 июня 1942 г. такая участь постигла полицейский гарнизон в слободе Михайловке. Партизаны Михайловского и Дмитриевского отрядов заранее провели разведку и установили численность гарнизона (60–70 гитлеровцев и до 400 полицейских). На основании этих данных был составлен план уничтожения Михайловского гарнизона. Его реализация началась ночью 16 июня 1942 г. Одиночными выстрелами партизаны сняли часовых. Завязался жестокий бой, в ходе которого был убит ряд полицейских, оказывавших сопротивление. Сотрудники полиции и гитлеровцы, расквартированные в здании бывшего райкома партии, все же оказали упорное сопротивление. Укрывшись на втором этаже, они до утра вели огонь. Имея численное превосходство, партизаны смогли подавить этот очаг вражеского сопротивления. Было убито до 100 полицейских и солдат вермахта, захвачены 18 винтовок и пулемет. В донесении партизан подчеркивалось, что народные мстители вывели из строя оборудование местного маслозавода, банка, изъяли крупные суммы немецких и советских денег, документы, медикаменты и продовольствие²⁰.

Активную борьбу с изменниками Родины вели партизаны Дмитриевского и Дмитровского партизанских отрядов, действовавшие в северо-западных районах Курской области. Приведем выдержку из дневника за 1942 г. командира Дмитриевского отряда И.И. Свирина: «23 мая – в Первоавгустовском поселке убит староста и два полицейских. 12 июня – в селе Полозовка убито 4 полицейских. 16 июня – в Богословке убит староста. 18 июня – налет на Кузнецовку, убит полицейский. 25 июня – разгромлена полиция в с. Кузнецовка и Хлебтово. Убито 11 полицейских. 3 июля – в дер. Романово уничтожены староста и писарь. 19 июля – уничтожены полицейский и начальник Звеняченской полиции. 21 июля – в селе Поповкино убито два пре-

дателя. 22 июля – в Дерюгино уничтожено 2 предателя. 27 июля – за-сада на полицию в с. Пальцево, убито 12 полицейских»²¹.

Только в течение двух летних месяцев 1942 г. дмитриевские партизаны уничтожили 40 изменников Родины. Любопытные эпизоды уничтожения предателя-лесника Облаухова, выдавшего фашистам место стоянки Дмитровского партизанского отряда, содержат воспоминания бывшего командира отряда (с августа 1942 г. – комиссара 1-й Курской партизанской бригады) А.Д. Федосюткина.²²

Узнав об обстоятельствах гибели разведчицы Веры Терещенко, партизаны разведывательной группы Дмитриевского отряда И.Н. Ермаков, Е.А. Лакеев и А.М. Еничев решили уничтожить предателей. Ночью партизанские разведчики пришли в дом к писарю Баженову, который, ожидая мести партизан, уехал в неизвестном направлении. Старосту пос. Зеленый Гай Бушнева партизаны захватили дома. Партизанская разведгруппа на санях вывезла его в еловый лес, где расстреляла. Ему на грудь прикололи листок бумаги со словами: «Изменник Родины. За подлое предательство Веры Терещенко»²³.

Только за октябрь 1941 – август 1942 гг. партизаны Дмитриевского отряда уничтожили 26, а Дмитровского – 19 полицейских²⁴. Всего же за этот период в северо-западных районах Курской области партизаны истребили 154 предателя Родины²⁵.

Первый секретарь Курского обкома П.И. Доронин, выступая с докладом на X пленуме обкома ВКП(б) (апрель 1943 г.), отметил, что партизанами Курской области за 1941–1943 гг. было уничтожено 1511 полицейских и различных пособников фашистов²⁶.

Ветеран 37-й гвардейской стрелковой дивизии Г.М. Роговой так описывал ситуацию, сложившуюся на северо-западе региона зимой 1943 г.: «В Курской области было так: одна деревня полицейская, где все мужчины служили в немецкой полиции и палили партизан, а другая – партизанская. В таких деревнях... все было сожжено полицаями. Местные жители были разделены на полицаяв и партизан почти поровну. Они друг друга ненавидели больше, чем мы немцев»²⁷.

Совершая расправы над семьями полицейских, партизаны хотели заставить стражей порядка бросить службу. Труднее было принудить к этому жителей сел и деревень, где в полиции состояли все мужчины. Тогда командование партизанских отрядов старалось наказать не только полицейских, но всех граждан, проживавших там.

Командным составом отрядов и органами контрразведки партизанских зон также велась работа по выявлению агентов немецких

спецслужб, тайно внедренных в состав партизанских отрядов. 8 августа 1942 г. в докладной записке начальника штаба партизанского движения на Брянском фронте А.П. Матвеева о работе оперативно-чекистских групп партизанских отрядов отмечалось, что 28 июля 1942 г. был расстрелян агент германских спецслужб, уроженец с. Износково Льговского района Курской области И.М. Максименко. Он в составе группы изменников Родины, вступил в Харьковский партизанский отряд. Пробыв в отряде 7 дней, захотел сбежать, чтобы вновь возвратиться к врагу. Но через партизанскую агентуру были выявлен и задержан²⁸.

Партизаны и подпольщики постоянно вели контрпропагандистскую работу: ими практиковалась засылка советских листовок и другой пропагандистской литературы в полицейские гарнизоны и добровольческие части. Пропагандистская война против полицейских велась и изобразительными средствами. Так, Н.С. Исаев, воевавший на Брянщине в составе 2-й Курской партизанской бригады, вспоминал: «Мы листовки завертывали кусочками цветной материи, чтобы они привлекали внимание, и подбрасывали на базарной площади... Однажды молодые партизаны изобразили на листовке полицейского, который фрицу лижет зад. Ребята ухитрились прилепить ее на спину одного служаки. Тот шел с ней по всему селу, а вслед раздавался дружный смех»²⁹.

Любопытно, что листовки с карикатурами аналогичного содержания распространялись во многих районах. Как отмечает историк Б.Н. Ковалев, во вражеском тылу «работа велась по двум основным направлениям: прокламации, рассчитанные на полицейских, и прокламации, предназначенные легионерам и власовцам». Материалы, адресованные представителям службы порядка, по словам исследователя, были менее тиражными, иногда писались от руки, чаще всего содержали обращение к жителям конкретных деревень.

Так, в феврале 1943 г. партизанская газета «Народный мститель» опубликовала обращение Дмитриевского окружкома ВКП(б) к полицейским, старостам и старшинам с призывом переходить на сторону партизан и уничтожать немецких захватчиков³⁰.

Историк С.А. Никифоров в одной из монографий отмечает, что «сотрудничество с оккупантами в глазах участников антифашистского сопротивления, как правило, не делало человека «вечным» союзником фашистов. Напротив, партизаны и подпольщики, сражавшиеся в немецком тылу, оставляли гражданам, привлеченным на

службу к немцам, право вернуться. Такую возможность теряли только те, кто лично участвовал в казнях или являлся агентом немецких спецслужб. Успехи советских войск на фронте приводили к тому, что коллаборационисты остро ощущали моральную и юридическую ответственность и искали выход из положения...»³¹

17 ноября 1942 г. в адрес командира объединенных партизанских отрядов Курской области И.К. Панченко была направлена специальная директива штаба партизанского движения на Брянском фронте с целью усиления работы по разложению «добровольческих» антисоветских формирований в тылу противника. В ней, в частности, указывалось, что каждому перебежчику на сторону партизан необходимо предоставлять возможность искупить вину участием в борьбе за освобождение Родины, обеспечив за ним постоянное наблюдение. От партизан требовалось беспощадно истреблять или захватывать в плен организаторов и проявляющих активность командиров карательных полицейских отрядов. В первую очередь подвергать уничтожению белогвардейцев, сотрудничающих с оккупантами³².

Специфической формой антифашистской борьбы была деятельность партизан по разложению многих полицейских гарнизонов. Особенно она активизировалась после поражений, понесенных противником в районе Сталинграда. 11 полицейских гарнизонов Крупецкого, Глушковского, Коньшевского, Рыльского районов Курской области перешли с оружием в руках на сторону партизан. Из полицейских Коньшевского района был даже создан 2-й Коньшевский партизанский отряд. Он вел бои с немецкими войсками. В очередной оперсводке штаба партизанского отряда им. Ворошилова № 2 от 25 февраля 1943 г. сообщалось, что «в результате проведенной работы в Хомутовском, Коньшевском, Дмитриевском районах полиция во главе с начальником полевой жандармерии Е.М. Пушкаревым в количестве 230 человек перешла на сторону партизан. Командир батальона лейтенант Азарян из всей полиции отобрал 70 человек... и создал оперативную группу»³³. 10 марта 1943 г. личный состав этого отряда вошел в состав 132-й стрелковой дивизии. Из служащих ивановской полиции Рыльского района был образован 2-й Ивановский партизанский отряд, не принимавший, правда, участия в боевых действиях. По данным штаба 1-й Курской бригады в Михайловском районе в середине февраля на их сторону перешел полицейский полк³⁴. Согласно утверждению начальника ЦШПД П.К. Пономаренко, к частям 132-й стрелковой дивизии в районе Дмитриева перешли

несколько групп вооруженной полиции. Из них были сформированы отдельные подразделения для борьбы с фашистами³⁵.

Случаи перехода полицейских на сторону советских партизан были не редки. Впрочем, это обстоятельство, как правило, не спасало бывших стражей оккупационного порядка от ответственности за совершенное предательство.

Как известно, поддержка «нового порядка» антисоветскими и националистическими элементами, активное их участие в борьбе с партизанами и подпольщиками очень болезненно воспринималась высшим руководством страны и советскими патриотами. Поэтому партизаны без суда и следствия расстреливали бывших советских милиционеров, служивших в полиции. Следует отметить, что даже вступив в партизанский отряд, полицейские, решившие покаяться перед советским государством, не пользовались никаким уважением, и после войны многие из них были арестованы органами госбезопасности. Часто причиной было недоверие по отношению к бывшим коллаборационистам, которых подозревали в шпионаже или двойной игре.

4-й отдел УНКВД–НКГБ Курской области в период деятельности с марта по декабрь 1943 г. осуществлял значительный объем работ по подготовке резидентуры в прилегающих к фронту районах области. Такая деятельность значительно активизировалась в ходе подготовки и проведения Курской битвы. В августе 1943 г. в тыл противника была заброшена оперативная группа 4-го отделения УНКГБ в составе старшего лейтенанта госбезопасности Л.В. Егорова, лейтенанта К.И. Коптева и радиста Л.Л. Колесниченко³⁶. С помощью жительницы Суземского района Орловской области М.Т. Старостиной им удалось выйти на связь с солдатами батальона РОА, который находился на охране лагеря гражданских лиц в селе Середина Буда Сумской области³⁷. Курские чекисты, базируясь в зоне действия партизанской бригады им. Фрунзе, смогли сагитировать военнослужащих из батальона РОА. Поэтому 30 августа 1943 г. 132 солдата РОА, возглавляемые командиром отделения М. Диделевым, покинули охрану лагеря и прибыли в распоряжение партизанского отряда «Большевик». 1 сентября 1943 г. часть военнослужащих РОА, перешедших на сторону партизан, приняла участие в нападении на немецкий автомобильный конвой, который сопровождал высокие должностные лица оккупационной администрации.

Как указывал в докладной записке руководству НКГБ начальник УНКВД по Курской области подполковник госбезопасности В.Т. Аленцев: «...1 сентября 1943 года командованием партизанской

бригады была отобрана группа (до 30 человек) из числа перешедших на нашу сторону солдат батальона РОА на боевую операцию, в результате которой был разгромлен немецкий штаб, следовавший на машинах по дороге. Был убит генерал-лейтенант Бронеманн³⁸, уничтожено 10 штабных офицеров и несколько солдат из конвоя, захвачено два портфеля с ценными документами и карта с оперативной обстановкой на 30 августа 1943 года. Все документы бригада сдала командиру Южной группы партизан генерал-майору Горшкову. Оперативно-чекистская группа 4-го отдела УНКГБ по Курской области, возглавляемая старшим лейтенантом госбезопасности Егоровым, была заброшена в тыл противника на базу партизанской бригады 20 августа и вышла из тыла врага 10 сентября 1943 года...»³⁹

Исключительно настроенно к пополнению, прибывавшему из числа местного населения, относилось командование 248-й отдельной стрелковой бригады. Так, в приказе по бригаде от 10 марта 1943 г. отмечалось: «За последнее время установлены случаи самовольного приема на службу в кадры РККА лиц из гражданского населения без ведома штаба бригады и санкций особого отдела. В результате чего в некоторых частях под видом гражданского населения попали чуждые элементы, которые занимались антисоветской пропагандой среди войск». Командир бригады полковник И.А. Гусев потребовал запретить принимать в части дивизии лиц из гражданского населения без санкции особого отдела. Всех принятых на службу предлагалось немедленно подвергнуть проверке⁴⁰.

Таким образом, партизаны и подпольщики в 1942–1943 гг. развернули борьбу против граждан, активно помогавших оккупационному режиму. Руководители народного сопротивления считали делом чести наказать пособников германского фашизма. Народные мстители «карали» не только самих полицейских, но и их родственников. Жертвами партизанского возмездия часто становились и семьи полицейских. Действия подобного рода среди партизан воспринимались как явление, обусловленное военными и идеологическими соображениями. Сомнительно, чтобы жестокость, с которой немцы устанавливали свой оккупационный режим, не вызвала «адекватного ответа». Трудно не поверить в то, что жестокая борьба полиции против партизан не провоцировала народных мстителей на аналогичные меры.

В военное время многие лица, активно служившие врагу, приговаривались к смерти. Только после войны бывшие сотрудники поли-

ции (в случае, если они не совершали военных преступлений) могли рассчитывать на наказание в виде лишения свободы.

С течением времени партизаны и подпольщики стали засылать в полицейские гарнизоны надежных людей с целью разложения их изнутри. Участились личные контакты подпольщиков, партизанских командиров и политработников с отдельными полицейскими, с целью подготовки групповых переходов на сторону партизан. Увеличению количества таких переходов способствовали письма от бывших полицейских, ставших партизанами, которые передавались подпольщиками в немецко-полицейские гарнизоны.

¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годы. В 12 т. Т. 1. Основные события. М., 2011. С. 437.

² Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 25. Л. 87; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов Т. 2. Кн. II. Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 г. М., 2000. С. 310.

³ Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Сб. документов и материалов. Т. I. Курск, 1960. С. 302.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 26. Л. 15.

⁵ Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. I. С. 301.

⁶ Там же. С. 298; Сиверский А.Т. Героические будни // Народные мстители... Воронеж, 1966. С. 245.

⁷ Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. Р-1517. Оп. 1. Д. 22. Л. 11.

⁸ Архив Управления ФСБ РФ по Курской области (АУФСБ КО). Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 140. Л. 6.

⁹ Там же. Л. 2. Есть основания считать эти данные о предателях, уничтоженных на территории Ивнянского района, завышенными. – *В.К.*

¹⁰ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 205. Л. 277.

¹¹ Там же. Л. 268.

¹² Была народная война... Курск, 1992. С. 21.

¹³ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 190. Т. 2. Л. 173. Это стало последней боевой операцией медвенских партизан. В июле 1942 г. местными полицейскими, которыми командовал начальник районной полиции И.И. Ильющенко, командир отряда Т.В. Фильчаков был схвачен и вскоре казнен в Медвенке.

¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 24. Л. 69; Коровин В.В. Поднимались воины народа... Курск, 2007. С. 382.

¹⁵ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 36; Курский край. Научно-исторический журнал. 2004. № 6–7 (56–57). С. 32.

¹⁶ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 46.

¹⁷ Москаленко А.Т. Без права на ошибку // Противостояние. Рассказы о курских чекистах. Воронеж, 1991. С. 115–116.

- ¹⁸ См.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 979. Л. 13.
- ¹⁹ Там же. Л. 26.
- ²⁰ Коровин В.В. Партизанское движение на территории Курской области в 1941–1943 гг. Курск, 2005. С. 114–115.
- ²¹ См.: Коровин В.В. Боевая деятельность и повседневная жизнь дмитриевских партизан (по воспоминаниям командира отряда И.И. Свирина) // Курский край. Научно-историч. журнал. 2004. № 10–11 (60–61). С. 19.
- ²² Федосюткин А.Д. На земле железной. Записки комиссара Первой Курской партизанской бригады // Курские мемуары. 2006. Вып. 1. С. 27–28.
- ²³ Злуникин В.Г. Вера. Повесть. Изд. 4-е, доп. Воронеж, 1965. С. 379–380.
- ²⁴ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 26. Л. 15–15 об.
- ²⁵ Там же. Л. 15.
- ²⁶ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 6 об.; Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 1. С. 370.
- ²⁷ Цит. по: Иванов И.Л. Военные действия советских войск по освобождению территории Курской области и образованию Курской дуги в январе – марте 1943г. Дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2013. С. 216.
- ²⁸ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 18–23.
- ²⁹ Исаев Н.С. Чапаевцы // Народные мстители. Воспоминания курских и белгородских партизан и подпольщиков. Изд. 2-е, испр. Воронеж, 1975. С.80.
- ³⁰ Народный мститель. Орган Дмитриевского окружкома ВКП(б) Курской области. 1943. 4 февраля.
- ³¹ Никифоров С.А. Немецко-фашистская оккупация и коллаборационизм на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Том 1. Под фашистской пятой. Курск, 2012. С. 311.
- ³² ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 18. Л. 124–125; Суровая правда войны. 1942 год на Курской земле в документах архивов. Сб. документов. Ч. II. Курск, 2010. С. 430–431.
- ³³ Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Курск, 1999. С. 79.
- ³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 361. Оп. 6079. Л. 270 об., 271.
- ³⁵ Русский архив: Великая Отечественная: Партизанское движение. Т. 20 (9). М., 1999. С. 272.
- ³⁶ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 44. Л. 130; Д. 44. Л. 23–23 об.; ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 64. Л. 91 об.
- ³⁷ Война и женская судьба / Авт., ред. и сост. проф. А.Ю. Друговская. Курск, 2000. С. 238–242; Быстров В.Е. Советские партизаны. М., 1963. С. 224.
- ³⁸ Но по данным немецкого историка С. Штоппера, начальник штаба 442-й дивизии специального назначения генерал-лейтенант Карл Бронеманн не был убит партизанами. При отступлении войск вермахта он вместе 9-й армией отошел в Бобруйск, несколько месяцев командовал 410-й пехотной дивизией. В 1945 г. он служил комендантом Вюцбурга. К. Бронеманн умер в 1979 г., в возрасте 94 лет, в Вене. (См. Трифанков Ю.Т., Шапцева Е.Н., Дзюбан В.В. Партизаны и предатели. История оккупации Брянской области в период Великой Отечественной войны: партизанское движение и коллаборационизм. Брянск, 2012. С. 350–352).
- ³⁹ Цит. по: Война и женская судьба. С. 243.
- ⁴⁰ ЦАМО РФ. Ф. 2051. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.

С.Н.Коротков (Санкт-Петербург)

Артиллерия корпуса Конде: структура, социальный состав

ИСТОРИЯ ЭМИГРАЦИИ остается одной из актуальных тем изучения истории Французской революции XVIII в., изучаются военные силы эмиграции. Создание военных отрядов эмигрантов началось осенью 1791 г. на Рейне с прибытием туда принцев: брата короля графа Прованского, а также Людовика Жозефа де Бурбон, принца де Конде. Принц Конде имел большой опыт государственного управления, отличился в сражениях Семилетней войны. Его авторитет, признанный современниками, был закреплен и историками: «С осени 1791 г. в Кобленце, под общим руководством принца Конде, – пишет А.И. Молок в известном обобщающем труде советских историков, – формируются военные отряды эмигрантов, создается “армия”, предназначенная для вторжения во Францию»¹. В Кобленце формировался корпус принцев, братьев короля, а корпус Конде располагался в Вормсе, недалеко от Кобленца, но действительно наиболее авторитетным являлся Конде.

Эмигранты приняли участие в походе 1792 г. под руководством герцога Брауншвейгского. После поражения при Вальми и занятия французскими революционными войсками рейнских городов большая часть эмигрантских частей была распущена. Корпус Конде единственный сохранился после поражения 1792 г., этому способствовал и авторитет самого принца – так, он получил прямую и солидную материальную помощь от русской императрицы. В последующие годы кондейцы приняли участие еще в ряде кампаний, получая английскую и австрийскую поддержку. Кампо-Формийский мир 1797 г. поставил под сомнение само существование корпуса. Граф Прованский (король эмигрантов Людовик XVIII) и принц Конде обращались к импе-

ратору Павлу I с просьбой принять корпус в России.² Летом 1797 г. Конде получил письмо русского императора с согласием взять его солдат на русскую службу.

Павел I распорядился: «1. составляющие армию войска сохраняют свою нынешнюю организацию до тех пор, пока не придут на предназначенные им Квартиры, и тогда они будут переформированы в Подразделения Пехоты и Кавалерии в соответствии с моими указами, применяющимися в моей армии, однако каждый, тем не менее, сохранит без потерь свое жалование в соответствии с тем, что имеет сейчас у Вас;

2. все, составляющие ныне вашу Армию, поступят на мою службу в тех же званиях, которые они имеют на первое августа сего года, и ваши войска сформируют отдельный корпус за пределами общего состава моей армии;

3. перемещение вашей армии и время, которое на него потребуется, зависят от местных условий, и Вашей Светлости предлагается этим заняться; я надеюсь, что Вы также примете во внимание свою Артиллерию, в соответствии с тем, что Вам было предложено на сей счет от моего имени»³.

С января 1798 г. до начала похода летом 1799 г. корпус находился на Вольни.

Из военных формирований эмигрантов Французской революции армия принца Конде вызвала в России наибольший интерес⁴, изучалась ее история и зарубежной историографией⁵. Интерес отечественных историков к корпусу Конде вызван не только тем, что это было самое боеспособное, крупное, долго существовавшее подразделение эмигрантских сил, но и тем, что судьба этого корпуса связана с Россией, собственно, большинство отечественных работ посвящено нахождению корпуса Конде на русской службе.

В Российском государственном военно-историческом архиве (далее РГВИА) находятся документы «армии Конде». Задачей настоящей работы является уточнение некоторых данных по этому корпусу. В частности, нас интересуют сведения об артиллерии.

Данные о численности и составе корпуса Конде приводятся во многих работах, но документы фонда РГВИА 1797–1798 гг., на момент перехода в состав русской армии, и 1800 г. могут позволить увидеть динамику изменения.

Главной артиллерийской частью «армии Конде» был Королевский корпус артиллерии (Corps Royal D'Artillerie). Он включал Дворянс-

кую артиллерийскую роту; Артиллерийский полк Ризона и роту при артиллерийских упряжках.

Справедливо общее место о большом количестве офицеров у Конде, в Дворянской роте рядовые назывались «дворяне-канониры» (*canonniers nobles*). Именные списки ведомости артиллерийских частей показывают должность в корпусе в 1798 г., звание в момент отъезда из Франции и во время создания корпуса в составе русской армии⁶. По документам этого фонда можно установить должностную структуру корпуса артиллерии, есть информация о том, из каких провинций происходят кондейцы, а также другие сведения.

В корпусе было две 8-фунтовые и девять 4-фунтовых пушек.

В корпусе Конде в полку Роже де Дама была также рота пешей артиллерии.

Для дальнейшего изучения истории эмигрантских военных сил, истории пребывания корпуса Конде в составе русской армии необходимо дальнейшее изучение материалов РГВИА, сравнения содержащихся в его фондах сведений с другими источниками.

¹Французская буржуазная революция 1789–1794 / Под ред. В.П. Волгина и Е.В. Тарле. М.: Л., 1941. С. 122.

²Д.Ю. Бовыкин показывает, что раньше, чем принц Конде, написал Павлу I Людовик XVIII. См. Бовыкин Д.Ю. Эмигрантский корпус Конде на русской службе // Россия и Франция XVIII–XX века. М., 2006. Вып. 7. С. 82.

³Письмо Павла I принцу Конде. Публикация и перевод Д.Ю. Бовыкина // Там же. С. 85.

⁴См.: Щепкина Е.М. Армия роялистов в России // Журнал Министерства народного просвещения, 1889, янв., ч. ССLXI; Васильев А.А. Роялистский эмигрантский корпус принца Конде в Российской империи // Великая Французская революция и Россия. М., 1989. С. 314–329; Иванов И.Б. Корпус принца Конде. К 200-летию принятия на русскую службу // Наши вести, 1998. № 452; Бовыкин Д.Ю. Эмигрантский корпус Конде на русской службе. Ср.: Коротков С.Н. Армия Конде в дни мира: особенности репрезентации эмигрантских вооруженных отрядов // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. М.; СПб: ИВИ РАН, 2007. С. 134–137.

⁵Bittard des Portes R. Histoire de l'armée de Condé pendant la révolution française (1791–1801): d'après les archives de l'État, les mémoires de l'émigration et des documents inédits. Paris, 1975; Grille F.-J. L'Émigration angevine, les princes, l'armée de Condé. Angers, 1840; Grouvel F.M.L.R. Corps de troupe de l'émigration française. Vol. 2. L'Armée de Condé. Paris, 1961; Muret T. Histoire de l'armée de Condé. 2 vol. P. 1844.

⁶РГВИА. Ф. 50. Оп. 1. № 23. Л. 1–2.

С.А. Кочуков (Саратов)

**РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 гг.
В КОРРЕСПОНДЕНЦИЯХ КНЯЗЯ
Л.В. ШАХОВСКОГО**

ВОЗНИКНОВЕНИЕ в середине 70-х гг. XIX в. очередного конфликта на Балканском полуострове заставило российскую печать несколько по-иному относиться к этому событию, чем к Крымской кампании. Если известия с театров Крымской войны приходили в центральную Россию с большим опозданием и, как правило, «из рук» иностранцев, то перед началом новой войны с Турцией русское общество вполне обоснованно требовало больше информации. С другой стороны, правящая элита России старалась влиять на общественное мнение страны через «средства массовой информации» – прессу.

В отечественной и мировой историографии события на Балканском полуострове изучены достаточно подробно, однако нет ни одной полномасштабной работы, где бы рассматривалась деятельность корреспондентов в войне 1877–1878 гг. Дореволюционные исследования были представлены лишь работой В.А. Апушкина¹, про которого говорили, что «Апушкин – лучшее, что есть среди военных...»². В советское время проблема деятельности корреспондентов на фронтах кампании 1877–1878 гг. ограничилась небольшой обзорной статьей О.А. Яковлева³ и двумя диссертационными исследованиями⁴. Эти работы отличаются тем, что в них рассматриваются одни и те же корреспонденты: В.И. Немирович-Данченко, Н.В. Максимов и В.В. Крестовский. Тем не менее, круг «газетчиков» на театре военных действий был достаточно широк и каждый по-своему видел «ужасы войны» и также по-своему старался представить «природу» очередного Балканского кризиса. Проблема появления корпуса военных корреспондентов в России автором данной статьи была детально рассмотрена в ряде исследований⁵.

Некоторые представители прессы в армии в 1877–1878 гг. в исследовательской литературе не рассматривались. К их числу можно с уверенностью отнести корреспондента газеты «Московские ведомости» князя Л.В. Шаховского.

Действительно, ни в работах В.А. Апушкина⁶, ни в известной статье О.А. Яковлева⁷ об этом «газетчике» нет ни слова. Он упоминается лишь в монографии В.А. Золотарева, который считает, что в корреспонденциях Шаховского нет ни серьезного анализа боевых действий, ни сколько-нибудь примечательных наблюдений⁸. При беглом взгляде на эти материалы может сложиться такое впечатление, но известно, что наблюдения князя пользовались в России большой популярностью. Кроме того, сам корреспондент отнюдь не считал свои труды идеальными. Уже в предисловии к первому изданию своей книги он отмечал: «Предлагаемое сочинение есть сбор корреспонденций, написанных мною с театра войны в «Московские ведомости». Пусть читатель не ищет в них ни полноты, ни точности, ни последовательного изложения военных событий, которых я был очевидцем. Это – просто ряд впечатлений, записанных мною во время моего пребывания в отрядах генерала Гурко, во время его первого похода за Балканы, его деятельности под Плевной и второго похода за Балканы»⁹.

До начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. кн. Шаховской служил в Министерстве иностранных дел. По свидетельству современников, его относили в разряд либералов¹⁰. Однако, его взгляды кардинально изменились после того, как он «женился по страстной любви»¹¹ на старшей дочери М.Н. Каткова. Тесная близость с семьей Каткова оказала на кн. Шаховского серьезное влияние. Авторитет Каткова в печатной среде был чрезвычайно велик. Издатель «Московских ведомостей» проявлял значительный интерес к новому противостоянию России с Османской империей. События на Балканском полуострове полностью «поглотили» Каткова. Его взгляды, представленные на страницах «Московских ведомостей», по свидетельству современников, «...владели умами и сердцами многих. Никто лучше него не выражал то, что чувствовали мы все, а потребность в отрезвлении после ряда фальшивых нот – была очень велика»¹². М.Н. Катков увлекся балканскими проблемами настолько, что пытался основательно разобраться во всей хитросплетениях международной обстановки в Европе.

К вопросу освобождения балканских народов от власти Турции Катков впервые обратился в начале 70-х гг. XIX в., когда теория пан-

славизма переживала второе рождение. Он подверг жесткой критике деятельность Славянского благотворительного комитета, и в частности его лидера И.С. Аксакова. М.Н. Катков считал, что Славянские комитеты помогали балканским славянам лишь теоретически, а необходима помощь сугубо военная, силовая. Русская помощь братьям славянам, по мнению Каткова, не имела организации, аксаковские комитеты не принимались в расчет, так как их деятельность ограничивалась лишь сбором средств, а русские добровольцы в Сербии и Болгарии слишком малочисленны, чтобы изменить сложившееся там положение. Такая ситуация, на взгляд редактора «Московских ведомостей», была следствием отсутствия ясной позиции русского правительства: «...правительство наше, оставаясь верным своим международным обязательствам, не принимало никакого участия в направлении добровольного движения русских людей на личные жертвы. Оно только не препятствовало ему, потому что никто же не мог ожидать, чтобы русское правительство, единое со своим народом, шло против лучших и святейших его стремлений»¹³.

Безусловно, близкое знакомство с Катковым ко многому обязывало. Вероятнее всего это и явилось одной из причин появления кн. Шаховского на Дунайском фронте в 1877 г. Мемуарист и корреспондент Г.А. Де-Воллан в своих воспоминаниях отмечал, что такой человек как Шаховской подходил как нельзя лучше на роль проводника идей Каткова: «... сам Лев Владимирович не был ни оратором, ни писателем, а только иногда восторженным глашатаем какой-нибудь истины, но во всяком случае, это был в высшей степени порядочный и хороший человек»¹⁴.

Л.В. Шаховской пополнил ряды корпуса военных корреспондентов сравнительно поздно. Если в Генеральный штаб стали поступать прошения со стороны «печатной братии» об их присутствии в армии еще с весны 1876 г., то Шаховской оказался непосредственно в войсках с середины лета 1877 г. Первая его корреспонденция датируется 13 июля 1877 г., а последняя – 16 января 1878 г. Таким образом, Лев Владимирович пропустил лишь само начало боевых действий и переправу через Дунай.

Штаб Действующей армии всеми силами старался взять под контроль действия русских корреспондентов. Последние могли распространять непроверенную информацию и тем самым вводить в заблуждение русское общество («если и не будут (корреспонденты. – С.К.) допущены в армию, все же найдут возможность сле-

дить за ней издали и сообщать о ней слухи, вместо достоверных сведений»)¹⁵. В самом руководстве русской армии были убеждены, что пресса выполняет серьезную миссию. В частности, полковник М.А. Газенкамф, который являлся автором правил поведения военных корреспондентов в русской армии, считал: «Общественное мнение в настоящее время – такая сила, с которой нельзя не считаться, газетные же корреспонденты влиятельнейших органов печати суть могущественные двигатели и даже создатели этого мнения, лучше стараться расположить корреспондентов в свою пользу, не ставя им таких требований, которым не согласятся подчиниться именно самые влиятельные и талантливые»¹⁶.

По сравнению с другими военными корреспондентами Шаховской был в заведомо более выигрышном положении. Это объясняется тем, что он непосредственно находился в действующих частях, на передовой, а не при Главном штабе Действующей армии. Безусловно, у него до 1877 г. не было опыта работы в действующих частях непосредственно на театре боевых действий. Но подобного опыта не было ни у кого из русских корреспондентов.

Не менее важным оказался вопрос о профессионализме будущих «летописцев» войны с Турцией. Главное, чего не хватало русским корреспондентам – это школы военного корреспондента как такового. Описательная сторона дела доминировала над анализом действий. Ряд газетчиков описывали лишь сугубо батальные сцены, за которыми не видно было людей, да и самого положения армий на Балканах или Кавказе. В результате, интерес к таким материалам был не высок. Особенно этим отличались заметки в «Летучем военным листке»¹⁷, где публиковались материалы и приказы из рассекреченных документов Действующей армии. Кроме того, на русских корреспондентов, и на Шаховского в том числе, оказало определенное влияние несколько искаженное понимание общественным мнением самой войны. С одной стороны, эйфория в желании помочь братьям по вере и начать «Божьей милостью войну за идею»¹⁸, а с другой, – слухи об ужасах войны, которые отпугивали газетчиков.

Другим крупным недостатком являлась малая мобильность военных корреспондентов. Вместо того, чтобы искать интересные факты или события и торопиться поделиться ими с читателем своих газет и журналов, отечественный корреспондент ждал, пока ему преподнесут какие-либо сведения, «а потому он воодушевляется, когда попадает на что-нибудь крупное и рисует блестящую картину, затем

он погружается снова в обыденную жизнь, жалуется, что ничего не происходит и молчит по целым неделям¹⁹». Это объясняется отчасти тем, что представители иностранной прессы находились непосредственно на передовой, тогда как русским корреспондентам приходилось довольствоваться второй линией войск или пребыванием в тылу. Шаховской, безусловно, понимал все эти недостатки и старался непосредственно оставаться в войсках.

Больше всего внимания Шаховской уделял положению русских войск на Шипке. Действительно, описание батальных сцен преваляло в его корреспонденциях. Но обвинять корреспондента в стремлении описывать лишь подвиги русских войск, как это делал исследователь Золотарев, нельзя²⁰. В данном случае необходимо понимать, что перед Шаховским стоял обычный официальный заказ – проводить и популяризировать официальную линию русского правительства на Балканском полуострове. Кроме того, необходимо учитывать и интересы русских читателей, которым, безусловно, было наиболее интересно описание всевозможных торжественных сцен и подвигов.

Тем не менее, Шаховской старался затронуть и другие моменты. Например, глава «На Шипке» сразу начинается с характеристики турецкой армии. Причем главная составляющая этого описания – жестокость османских солдат. Заметка выполнена достаточно профессионально. По всей видимости, она была рассчитана не только на гражданскую публику в России, но и на солдат русской армии: ее назначение состояло в поднятии боевого духа. Шаховской отмечал: «Свежо еще поле сражения, еще дышит оно всеми ужасами битвы; еще не прибранные тела убитых турецких солдат валяются там и сям в беспорядке, по дороге и в кустах. Но вот на одной из площадок горы открывается зрелище, от которого больно становится внутри. Турки, прежде чем покинули высоты Шипки, успели захватить в плен несколько раненых русских солдат и офицеров и зверски, дико изувечили их. В одном месте кучкой сложено 18 отрезанных голов русских воинов, и между ними голова одного полковника, начальника отряда пластунов... В другом месте лежат два-три десятка голых трупов русских же солдат и офицеров, над которыми турки совершили всевозможные жестокости... Один из этих мучеников-солдат лежит на спине с отрубленной головой, с застывшей поднятой вверх рукой и с пальцами, сложенными для крестного знамения...»²¹. Такие известия с мест боев, причем описанные чрезвычайно красоч-

но, сильные по степени эмоционального воздействия, насыщенные образными восприятиями врага, по мнению Шаховского, должны были возбудить в русских воинах желание биться с турками до конца. Кроме того, это был своеобразный ответ на заявления турок, что русские солдаты ведут бесчестную войну. Министр иностранных дел Турции прямо заявил: «Мне тяжело сообщать вам о новых подвигах возмутительного варварства, совершенных казаками на Дунае. Два селения, находящиеся в 5 часах езды от Рушука, были разграблены казаками, которые убили 30 человек мусульманских жителей, не разбирая ни пола, ни возраста. В селении Бин-Пунар они отрезали по пояс юбки у женщин и девушек и изнасиловали в присутствии их родных. Все жители мужского пола взяты в плен. Наконец, в довершение ужаса, эти варвары, потерявшие всякое человеческое чувство, отрубили руки у одной женщины и в насмешку положили ее несчастного ребенка в эти окровавленные изуродованные руки...»²². На подобные заявления не стоило бы обращать внимания, если бы не позиция Запада. Уже в самом начале войны иностранные средства массовой информации старались изображать Турцию как объект агрессии, а на Россию переложить всю вину за развязывание боевых действий. Например, в газете «Неделя», со ссылкой на иностранные источники, была помещена заметка «О русских жестокостях», где красочно изображались безобразия русских солдат. Там в частности отмечалась: «Вся Европа говорит теперь о русских жестокостях. И градом сыплются на нас тягчайшие обвинения, в Пеште созывается митинг в 8000 чел. протестующих против русского способа ведения войны, английские и французские дипломаты в Шумле свидетельствуют факты жестокости, о них идет речь на каждом заседании английского парламента, палате представляются обстоятельные донесения о том же консулов, опровергающих в то же время рассказы о турецких зверствах. Наконец, появляется известное уже заявление двадцати иностранных корреспондентов, которое первоначально телеграф зачем-то истолковал в смысле благоприятном для России и которое напротив того оказалось торжественным подтверждением жестокостей, обнаруженных на телах убитых и раненых, осмотренных лично самими корреспондентами. И вот уже зреет мысль о своевременности дипломатического протеста против нашего образа действий, и вмешательство в войну начинает иным казаться честным делом, так как оно положит предел поруганию всего человечества»²³. Таким образом, Л.В. Шаховской принял участие в развертывании

самой настоящей идеологической войны, в которой русской прессе была отведена весьма значительная роль.

Показательной чертой корреспонденций Шаховского является резко отрицательное отношение ко всем иностранным корреспондентам. Причинами этого, по всей видимости, являлись два момента. Первое, Шаховской прекрасно понимал, что представители иностранной прессы более опытни и профессиональны в деле освещения войны. Второе, это боязнь предательства со стороны иностранцев. В восторженных тонах Шаховской описывает ситуацию с высылкой из Действующей армии английского корреспондента Бойля, который писал для газеты «Standard»: «...его официально выслали из Главной квартиры за границу Румынии в сопровождении румынского жандарма, за то, что он, обязавшись честным словом не печатать никаких сведений, касающихся расположения наших войск²⁴, поместил тем не менее в «Standard» (от 24 августа) подробное описание русских позиций под Плевной, с указанием слабых сторон этих сторон. Многие из иностранных корреспондентов возвратились на родину»²⁵.

Вообще Шаховской достаточно часто возвращался к сюжету о шпионах. При захвате русскими частями турецкого госпиталя было обнаружено несколько французских санитаров. Уже этого было достаточно, чтобы в них он сразу же углядел представителей иностранных спецслужб²⁶.

Отличительной чертой всех без исключения корреспонденций Шаховского является большое внимание к фигуре русского солдата. И наоборот, во всех материалах корреспондента фактически нет характеристик военачальников русской армии: главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича старшего, И.В. Гурко, М.Д. Скобелева, М.И. Драгомирова, Ф.Ф. Радецкого. Русский солдат был главным героем Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., по мнению Шаховского.

Идея, что русские солдаты идут на Балканы выполнять святое дело, освобождать братьев по вере от турецкого ига, буквально захватила Шаховского. Уже в процессе войны сформировалась официальная точка зрения, по которой русские солдаты шли выполнять свою историческую миссию «спасать братушек» от турецкого ига. Например, в одном из воспоминаний, посвященных войне, отмечено: «Кто из нас не помнит этого замечательного времени. Нет деревушки, которая не слышала бы о «добровольцах»; нет города, в котором толпы народа не провожали бы их с благословениями и пожеланиями. Помещик, мужик от сохи, отставной солдат, офицер – все потяну-

лись на войну, где рядом с кровью братьев-сербов лилась уже русская кровь»²⁷. В другом историческом источнике мемуарист указывает: «С какой завистью смотрели мы, бывало, когда из города отправлялись в Сербию добровольцы: мы сами были движимы этими чувствами – помочь нашему брату – болгарину и отомстить туркам за поруганный крест, за поруганную веру Христову; и вот, наконец, дождалось: и мы пойдем туда, куда стремились добровольцы!»²⁸. Из приведенных цитат может сложиться мнение, что не только в образованном русском обществе, но и в солдатской среде возобладали настроения помощи братьям-славянам. Что касается корреспонденций Шаховского, то он давал самую возвышенную характеристику русским солдатам. В статье «Переход через Балканы» он отмечал: «Солдаты на высоте 4 тысяч футов, выбив себе траншеи в мерзлой земле, стоят лицом к лицу с суровой зимой, словно в открытом бою принимают на себя разыгравшиеся силы природы. Траншею засыпает снегом; костер из сырого дерева не горит; ноги в поизносившихся сапогах отказываются служить; ружье вываливается из оковеневших рук... Под утро плетутся с гор в Орхание и Этрополь натерпевшиеся воины: у кого руки отмерзли, у кого нога как чужая, другого бьет нестерпимый кашель... Спросите их: “Ну, что, брат, каково тебе?” – “Ничего, ваше благородие! Холодно больно”... Послушайте разговор у костра. Солдат объясняет столпившимся товарищам, почему царь-батюшка мира с супостатом не заключает. Кабы за что другое воевали, а то, брат за религию воюем... Тяжело пришлось русскому человеку на Балканских горах в глухую зимнюю пору; но несет он свой крест без жалоб, понимая всю необходимость, все значение претерпеваемых лишений»²⁹.

Хотя Шаховской и не являлся членом Московского славянского благотворительного комитета, многие идеи И.С. Аксакова ему были близки. Например, он был убежденным сторонником изгнания мусульман с Балканского полуострова и всячески развивал эту мысль в своих корреспонденциях. Он замечал по этому поводу: «Настоящая война замечательна в особенности поголовным исчезновением с лица Болгарии мусульманского населения, которое бежало отовсюду, куда только приближались русские войска. Сознание ли того, что пришел конец господству мусульман на Балканском полуострове, или же чувство виновности в злодеяниях прошлого года и страх места болгар руководили населением Турции? Но грозная судьба потрясла над Востоком в настоящую минуту, судьба, которой мы были только посторонними зрителями»³⁰.

С другой стороны, нельзя считать, что Шаховской был идиллически настроен по отношению к славянам Балканского полуострова. Если в начале своей корреспондентской деятельности он рассматривал болгар как несчастные жертвы³¹, то уже в конце кампании 1878 г. вынужден был констатировать: «Мы видим по временам болгар, шныряющих между разломанными телегами. Болгары роются в брошенном турецком имуществе, выбирают себе годные куски; тащат одеяла, посуду, одежды и навьючивают этим добром волов и лошадей... Минутами нас смущает эта картина. Мы подъезжаем к болгарам с угрозой, приказываем бросить награбленные вещи. Но болгарин, всегда застенчивый и пугливый, обнаруживает внезапно энергию, уверенность. «То мое!» – отвечает он твердо...»³².

Но в целом корреспонденту Шаховскому было свойственно приукрашивание событий. Особенно это показательно в описаниях заключительного этапа войны. В частности, парад русских войск в Адрианополе был описан Шаховским чрезвычайно восторженно: «В воздухе стоит целый хор оглушающих звуков ура, барабанный бой и музыка сопровождают великого князя всю дорогу до города. У входа в город воздвигнута триумфальная арка из мирта и лавра; на ее верху окаймленный лавровым венком портрет государя императора. Развешены хоругви; блестят иконы и кресты, ризы духовенства. Звучит церковное пение»³³. Однако многие современники были более скупы на эмоции в описаниях заключительного этапа войны. Совершенно спокойно о мире с Турцией пишет в своих воспоминаниях будущий герой Первой мировой войны А.А. Брусилов: «Мы читали... о быстром продвижении наших войск к Адрианополю, который и был взят без боя, о приближении нашего авангарда к Сан-Стефано. Вообще было ясно, что война кончается»³⁴. Об определенной опустошенности участников войны пишет в своих воспоминаниях князь Мещерский, у него даже чувствуются нотки определенного разочарования в победителях: «...я жаждал рассказов о боевых подвигах; но вскоре понял, что состояние духа, в котором были наши вчерашние герои-богатыри, мешало им увлекаться и жить свежими впечатлениями прошлого: они были именно в состоянии какого-то полусна или оцепенения, без энергии для жизни и даже для рассказов»³⁵.

Как бы то ни было, корреспонденции кн. Л.В. Шаховского были чрезвычайно интересны русскому обществу, в результате чего вышли отдельной книгой двумя изданиями.

¹ См.: Апушкин В.А. Война 1877–1878 гг. в корреспонденции и романе // Военный сборник. 1902. № 7–8, 10–12; 1903. № 1–6.

² http://ru.wikipedia.org/wiki/Апушкин,_Владимир_Александрович

³ См.: Яковлев О.А. Военные корреспонденты в русской армии во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Вестник Ленинградского университета. 1978. Вып. 2. № 8.

⁴ См.: Болотова Н.В. Московская печать в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. М., 1999; Яковлев В.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и русское общество. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1980.

⁵ Кочуков С.А. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012; Он же. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в освещении периодической печати России. Саратов, 2011; Он же. К вопросу формирования корпуса военных корреспондентов в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия история. Международные отношения. Саратов, 2011. Вып. 2. Ч. 1. С. 64–72; Он же. Г.К. Градовский – военный корреспондент Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Проблемы истории российской цивилизации. Сборник научных трудов. Саратов, 2007. Вып. 3. С. 88–95; Он же. Историк Д.И. Иловайский о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Россия и мир: панорама исторического развития. Сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского гос. ун-та. им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 57–64; Он же. Материалы российских и западно-европейских корреспондентов как источник по истории Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Россия и Запад. Источники и методы их изучения. Москва, 2008. С. 71–75; Он же. Участие русских женщин в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (по материалам Х.Д. Алчевской и А.В. Каировой) // Проблемы истории российской цивилизации. Сборник научных трудов. Саратов, 2010. С. 49–60; Он же. Формирование облика русского военного корреспондента в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. // Проблемы истории российской цивилизации. Сборник научных трудов. Саратов, 2011. Вып. IV. С. 14–26.

⁶ См.: Апушкин В.А. Указ. соч.

⁷ См.: Яковлев О.А. Указ. соч.

⁸ Золотарев В.А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. апофеоз восточного кризиса. М., 2005. С. 197.

⁹ Шаховской Л.В. С театра войны (1877–1878). Два похода за Балканы. М., 1878. С. 1.

¹⁰ Уманец С.И. Мозаика // Исторический вестник. 1912. Т. 130. № 12. С. 1035.

¹¹ Там же.

¹² Мемуары графа С.Д. Шереметева. В 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 291.

¹³ Катков М.Н. Собрание сочинений. Русский консерватизм. Государственная публикация. Деятели России. В 6 т. СПб., 2011. Т. 2. С. 388; Он же. Империя и крамола. М., 2007. С. 207.

¹⁴ Де-Воллан Г.А. Очерки прошлого // Русская старина. 1916. Т. 165. № 3. С. 516–517.

¹⁵ Апушкин В.А. Указ. соч. С. 199.

¹⁶ Газенкамф М.А. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. С. 6.

¹⁷ См.: Летучий военный листок. 1877. № 1–72; 1878. № 73–77.

¹⁸ Мещерский В.П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 3.

¹⁹ Новое время. 1877. № 481. С. 1.

²⁰ Золотарев В.А. Указ. соч. С. 197.

- ²¹ Шаховской Л.В. Указ. соч. С. 23–24.
- ²² Правительственный вестник. 1877. № 151. С. 3.
- ²³ Неделя. 1877. № 30. С. 984.
- ²⁴ Были разработаны специальные рекомендации, адресованные будущим корреспондентам. Они состояли из четырех пунктов: а) не сообщать никаких сведений о расположении и численности войск, а равно никаких предположений относительно предстоящих действий под угрозой высылки из армии; б) доставлять лицу, на которое будет возложена обязанность следить за содержанием корреспонденций, все номера газет, в которых они будут напечатаны; в) о каждой перемене своего местопребывания доносить записками в штаб армии; г) иметь на левом рукаве особый наружный знак, крупную бляху из листового меди с орлом, номером, надписью «корреспондент» и с печатью полевого комендантского управления армии, а также иметь всегда при себе фотографический портрет, на оборотной стороне которого, за печатью того же комендантского управления, должно было быть удостоверение личности корреспондента (Апушкин В.А. Указ. соч. С. 199–200).
- ²⁵ Шаховской Л.В. Указ. соч. С. 71.
- ²⁶ Там же. С. 126.
- ²⁷ Воспоминания стрелка. СПб., 1886. С. 4.
- ²⁸ Гуськов С. Походы и действия 70-го пехотного Рязского полка в войну 1877–1878 гг. (воспоминания вольноопределяющегося). Люблин, 1909. С. 2.
- ²⁹ Шаховской Л.В. Указ. соч. С. 224–225.
- ³⁰ Там же. С. 302.
- ³¹ См.: Там же. С. 19–21.
- ³² Там же. С. 306.
- ³³ Там же. С. 310.
- ³⁴ Брусиллов А.А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 31.
- ³⁵ Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2001. С. 401. Война с Турцией вырвала многих офицеров из привычного состояния, в результате чего многие не сумели приспособиться к новым жизненным реалиям: «Как вчера помню (слова В.П. Мещерского. – С.К.) сильное впечатление, которое на меня произвела картина одного из многих действий этой атмосферы на молодого офицера, еще недавно давшего своему имени ореол героизма. Я принялся его искать в Сан-Стефано между офицерами, чтобы его увидеть, ему поклониться, его послушать. И вот нахожу его жилище, стучусь в дверь, денщик открывает, впускает меня в комнату, и я застаю моего героя у окна с видом на море, с глазами, устремленными в даль, и с неизбежно содовой водой с коньяком под руками на столике» (Мещерский В.П. Воспоминания... С. 401).

О.В. Кочукова (Саратов)

РУССКИЙ ФЛОТ НА ПЕРЕЛОМЕ ДВУХ ЭПОХ В МЕМУАРНОМ НАСЛЕДИИ Н.А. КАЧАЛОВА

ПЕРИОД подготовки и проведения Великих реформ 1860-х гг. был чрезвычайно наполнен как социально-политическими событиями и явлениями, так и стремительными изменениями в сознании общества. Этому процессу уже современники давали разные названия, среди которых «умственная революция», «переходное время», «эпоха обличения», «оттепель», и очень многие признавали факт настоящего переворота в социальной действительности и политическом мировоззрении, стремительного и необратимого. Не случайно одной из наиболее читаемой в интеллектуальных кругах книг стало сочинение Алексиса Токвиля «Старый порядок и революция» (1856), посвященное выяснению исторических предпосылок Великой Французской революции. Первое, на что обращали внимание русские читатели французского автора, это характеристики «старого режима», который откровенно приравнивался к «николаевскому режиму»¹. Провозглашаемый разрыв преемственности между двумя эпохами, двумя царствованиями (Николая I и Александра II) и своеобразный нигилизм по отношению к прошлому были весьма естественными в период перехода к масштабному реформированию страны. «Обличение» прежней системы становилось орудием реформаторских сил и видимым образом, символом, служившим их консолидации.

Между тем, такой ракурс не вполне соответствовал истине, и сегодня большинство историков, занимающихся николаевской эпохой, считает, что царствование Николая I было временем, подготовившим эпоху Великих реформ². Впрочем, и некоторые современники, как правило, придерживавшиеся умеренно консервативных воззре-

ний, пытались по-своему «восстановить баланс» в пользу «прежней системы». К их числу относился общественный и государственный деятель Николай Александрович Качалов (1818–1891). В его мемуарном наследии можно обнаружить любопытные суждения на тему сопоставления дореформенной и пореформенной России. Предметом данной статьи является анализ той части воспоминаний Н.А. Качалова, которая относится к периоду его обучения в Морском кадетском корпусе и службы во флоте и в которой он излагает собственное мнение, сравнивая характеристики русского флота и деятельность Морского министерства в николаевскую эпоху и в период преобразований.

Первая и незавершенная попытка публикации обширного мемуарного наследия Н.А. Качалова состоялась в 1916–1917 гг. на страницах журнала «Голос минувшего». Полное научное издание «Записок» Качалова, включающее вступительную, археографическую и биографическую статьи и комментарии, подготовленное В.Б. Войцеховской-Качаловой, Н.В. Тутолминым, А.В. Мельниковым и др., вышло в свет в 2012 г.³ Введение в научный оборот богатейшего исторического источника представляет значительный интерес для исторической науки, но пока еще находится в начальной стадии. Внимание исследователей в основном привлекает деятельность Качалова в таможенном ведомстве и в должности архангельского губернатора⁴. Страницы, посвященные службе во флоте, еще не стали предметом специального исследовательского интереса.

Как известно, преобразования не только затронули флот и Морское ведомство, но в определенной степени и начались именно с них. Роль Морского ведомства во главе с великим князем Константином Николаевичем в инициировании и обсуждении реформ, в формировании общественного мнения и в объединении под знаменем «прогресса» молодых реформаторов хорошо известна⁵. В исторических исследованиях выявлены положительные итоги морских реформ и их влияние на общее развитие в стране преобразовательного процесса. Тем не менее, морские реформы, как и все другие Великие реформы, имели своих противников в период их проведения и зачастую подвергались общественной критике по прошествии некоторого времени. Консервативные оппоненты либеральных реформаторов далеко не всегда отстаивали корыстные интересы, а развивали определенную логику и имели собственное видение политической реальности, и можно даже утверждать, что сформировали неучтенный в

свое время резерв общественной мысли и управленческой практики. Во всяком случае, современные исследователи, говоря о различных проектах и мнениях, исходивших из консервативной среды, склонны признавать их своеобразным «забеганием вперед», в «эпоху контрреформ», так как многие идеи были услышаны в период «корректировки правительственного курса», то есть в 1880-е гг⁶.

Именно к началу 1880-х гг. относится и создание «Записок» Н.А. Качалова. Таким образом, при использовании мемуарного наследия Качалова в качестве источника, характеризующего состояние флота в «николаевскую эпоху» и в эпоху Великих реформ, следует принимать в соображение время и обстоятельства создания источника. Историческая ценность глав «Записок», относящихся к периоду службы во флоте, состоит не столько в возможности их использования для реконструкции объективной реальности, сколько в исследовании самой природы субъективности мемуарного текста, раскрывающей особенности авторского переосмысления феномена реформ. Постоянное сравнение «старой» и «новой» эпох в повседневности, организации, управлении флота (и далеко не всегда в пользу «новой») сформировали осевую линию мемуарного текста Н.А. Качалова.

Н.А. Качалов сделал карьеру от капитан-лейтенанта флота до действительного статского советника. Служба во флоте была началом его биографии. В 1830 г., в возрасте двенадцати лет он поступил в Московский кадетский корпус, который закончил в 1836 г. и в чине мичмана был приписан к одиннадцатому флотскому экипажу Балтийского флота. В 1843 г., уже в чине лейтенанта, Н.А. Качалов выполнял специальное поручение от Е.В. Путятина по организации перевоза закупленных в Англии пароходов и заслужил одобрение за выполнение зарубежных заказов для флота. Завершение службы во флоте относится к 1845 г., когда он, в чине капитан-лейтенанта, вышел в отставку в связи с необходимостью управления имением⁷. В дальнейшем Н.А. Качалов занимал различные должности на государственной службе и выполнял разнообразную деятельность в общественной сфере: был предводителем белозерского дворянства в Новгородской губернии (с 1854 г.), председателем Новгородской губернской земской управы (с 1865 г.), архангельским губернатором (1869–1870) и директором Департамента таможенных сборов Министерства финансов (1870–1882).

Значительное влияние на формирование политических взглядов Н.А. Качалова оказали близкое знакомство с непосредственной ре-

альностью и повседневностью государственной и общественной жизни в провинции и сближение (по рекомендации В.П. Мещерского) с сформировавшимся в конце 1860-х гг. окружением наследника престола, великого князя Александра Александровича. На вечерах у Александра Александровича, которые устраивал В.П. Мещерский, Н.А. Качалов имел возможность встречаться с К.П. Победоносцевым, Д.А. Оболенским, В.А. Черкасским, М.Н. Катковым, И.С. Аксаковым и др.⁸. В письме к наследнику престола от 12 апреля 1868 г. В.П. Мещерский дал Н.А. Качалову следующую характеристику: «Качалов – один из немногих непетербургских русских! Его процесс мыслей совершенно иначе образуется, чем логика А.Д. Шумахера, М.Х. Рейтерна, П.А. Шувалова и тому подобных государственных людей. Логика относительно русского какого-либо вопроса у Качалова сложилась в течение 10 и более лет добросовестного труда ознакомления с народными нуждами, логика же Шувалова, Рейтерна, А.Е. Тимашева и К^о созидает готовые представления о России не десятки лет, а в 10 минут, в ту минуту, когда им предлагают место и они отвечают «Да...»⁹. В 1868 г. Качалов вошел в комиссию под председательством цесаревича Александра Александровича для оказания помощи голодающему населению северных губерний, пострадавших от неурожая, а в 1869 г. принял участие в сопровождении путешествия великого князя по России. Таким образом, в конце 1860-х гг. он оказался вовлеченным в особую политическую среду формирования умеренно консервативного переосмысления реформаторского курса «либеральной бюрократии». В этой среде была актуализирована мысль о неизбежности и необходимости корректировки преобразований, «сочиненных» в либерально настроенных петербургских бюрократических сферах, которую нужно было провести, исходя из конкретных потребностей и проблем государственной и общественной повседневности; то есть в данном случае обретал значение основной тезис консерватизма о превосходстве жизни над теорией. В течение последующего десятилетия такой подход в еще большей степени становился основой мировоззрения Качалова, и именно он определял характер его мемуарных текстов, написанных в 1883–1888 гг.

Действительно, в главах, посвященных учебе в Морском кадетском корпусе и службе во флоте, мемуарист постоянно подчеркивает прагматические стороны описываемой действительности, прошедшие проверку временем, основанные на исторических традициях, и очень

часто сетует на поспешность и необоснованность отказа от многих из них в ходе различных преобразований.

Говоря об обучении в Морском корпусе, Н.А. Качалов несколько раз возвращается к той мысли, что вся система преподавания и воспитания в стенах этого учебного заведения в 1830-е гг. была направлена к развитию способного специалиста из любого «шалуна и лентяя», к каковым он причислял и самого себя в отрочестве. В воспоминаниях можно встретить много теплых и признательных слов в адрес педагогов и офицеров корпуса, и особенно – его директора И.Ф. Крузенштерна. Отличительной чертой «системы воспитания Крузенштерна» Качалов назвал выработку в воспитанниках способности «скоро присматриваться к новому делу и уметь производительно применять к нему свои сведения»¹⁰. Этому способствовал и состав преподаваемых дисциплин, среди которых преобладали математические и специальные морские науки, и повышенное внимание к практике военно-морского дела. Кадеты умели убирать паруса, брать рифы, были гребцами на шлюпках, исполняли все матросские обязанности и, таким образом, проходили «превосходную практическую подготовительную морскую школу». «Каждое лето гардемарины последних двух классов посылались в Кронштадт на военную эскадру и расписывались по кораблям для плавания в течение всей навигации... Я помню, какая была общая радость, когда суда эти начинали весной вооружаться, с каким интересом следили за ходом работ, и это возбуждало морской дух и знакомило с процессом вооружения»¹¹.

Примечательно, что, вспоминая о годах обучения в Морском кадетском корпусе, среди положительных сторон организации учебного процесса мемуарист называет те, которые можно рассматривать как частные проявления общественного устройства, основанного на ценностях стабильности, социальной защищенности и опеки. Принято считать обратной стороной такого порядка пониженную личную ответственность за свое будущее, но в период перехода к модели общества, основанной на конкуренции капиталов, возможностей и личных интересов, ностальгия по романтизируемым временам «безрисковой реальности» имеет определенный положительный смысл, возвращая к вопросу о социальной справедливости. Во всяком случае, Качалов видел достоинство «прежнего» времени в Морском корпусе в том, что в нем совершенно не было исключенных за провинности или неспособность к учению, и «по милости этого гуманного взгляда большая часть вырабатывалась в людей порядочных и полезных»¹².

В целом положительную оценку мемуариста получил и сословный принцип в подготовке кадров флота. При этом Н.А. Качалов, отказываясь от прогрессивных идей нового века, руководствовался соображениями прагматического характера и исходил из ценностей стабильности и защищенности профессионально-военной корпорации. По этому поводу он замечал: «В прежние времена моряки терпеливо переносили лишения и трудную службу, имея в виду, что дети их поступят в Корпус и получают дальнейшую дорогу»¹³. Мало того, по мнению Качалова, именно семья и сословно-корпоративная среда воспитывали моральные и профессиональные качества морских офицеров: «Воспитанники Морского корпуса состояли преимущественно из детей моряков, которые, вырастая в семье моряков и в обществе моряков, с молоком всасывали понятия о своей будущей службе и своих обязанностях; кроме того, дети видели, что окружающее их общество терпеливо переносило лишения при получении скромного казенного содержания... наконец, дети моряков с детства усваивали правила чести и убеждение, что казну и особенно матроса обворовывать стыдно, исполнять небрежно свои обязанности, когда от этого зависит часто жизнь целого экипажа, грешно и пр.»¹⁴. Мемуарист подверг критике реформы в Морском корпусе, проведенные новым директором В.И. Римским-Корсаковым, в результате которых был допущен прием в учебное заведение детей всех сословий. По его мнению, конкуренция сословий сократила возможность приема детей старых заслуженных моряков, а воспитанники из других сословий «не могли усвоить корпоративных, выработанных морским кружком общественных понятий и внесли рознь как в товарищество, так и в кают-компанию»¹⁵.

Разумеется, автору воспоминаний нельзя было обойти многих неприглядных сторон «прежней системы» обучения и воспитания в Морском корпусе. Качалов упоминал о редко употреблявшихся, но чрезвычайно психологически эффектно обставленных телесных наказаниях, которые «тиранили бедных мальчишек», признавал, что педагоги еще не имели понятия об изучении детских характеров, описывал случаи банальной «показухи» в повседневности учебного заведения, когда к приезду государя и высшего начальства воспитанников передевали в новые мундиры и всюду настилали новые ковры и одеяла и т. п. Тем не менее, отдельные недостатки не повлияли на общую оценку благодарного воспитанника Морского корпуса: «Цель каждого учебного заведения – это дать воспитаннику,

во-первых, полезные для его будущей жизни сведения и, во-вторых, развить способность применять эти сведения с пользой в жизни. Я по собственному опыту испытал, что Морской корпус в этом отношении достигал цели»¹⁶.

Переходя к воспоминаниям о службе во флоте (с 1837 по 1845 гг.), Н.А. Качалов честно признавал, что очень многое стерлось из памяти: «Время морской моей службы вспоминается как в тумане и поглощается позднейшими, более важными и сознательными событиями жизни»¹⁷. Собственно, именно «позднейшие события», настроения и представления Качалова и определили построение и содержание мемуарного текста, центральной линией которого стало сравнение флота в дореформенную эпоху и после преобразований второй половины 1850–1860-х гг.

Н.А. Качалов подчеркивал, что в период его службы в Балтийском флоте каждый из двадцати семи флотских экипажей имел свой парусный линейный корабль, все фрегаты, бриги, шхуны и пароходы были расписаны по экипажам и комплектовались командами из своих экипажей. Никто ни года не оставался без плавания: «В продолжение моей службы я ни одного года не оставался без плавания, а я служил без всякой протекции»¹⁸. Вследствие этого на самом высоком уровне были боевые качества и практическая подготовленность. Дорогим воспоминанием для бывшего моряка оставалась картина Кронштадтского рейда: «Флот стоял в три линии: линия кораблей, другая – фрегатов и корветов и третья – мелких судов, и протягивалась до Толбухина маяка... Картина была внушительная и не то, что теперь, когда Кронштадтский рейд пуст». Блестящие парадные картины жизни флота прочно ассоциировались в сознании мемуариста с образом императора Николая и величественным внешнеполитическим имиджем империи: «Государь Николай Павлович любил флот, часто его посещал и привозил иностранцев, и его тешила такая значительная морская сила. И сила эта производила должное впечатление на иностранцев. Вероятно, в этих видах государь очень интересовался, чтобы состав флота для смотра был полнее, и смотр назначался во время приезда иностранных государей»¹⁹.

В то же время мемуарист не был склонен приукрашивать повседневность морской службы в николаевскую эпоху. Он писал о недостаточности содержания и фактической бедности офицеров, о невероятно тяжелых бытовых условиях матросов, о вечных проявлениях «показухи» и специально для государя ус-

траивавшихся, не отражавших реального положения дел «мошеннических» смотрах отдельно подготовленных экипажей. Вместе с тем, Качалов старался понять, почему, при всех тяготах суровой повседневности, служившие во флоте составляли профессионально сильную и морально крепкую корпорацию. В поисках ответа на этот вопрос он пытался найти положительную основу в уходящих в прошлое ценностных социальных установках справедливости, порядка, устойчивости, стабильности и защищенности. Жизнь морских офицеров была «расписана», производство в чины «шло туго, но для всех одинаково», «всем было место, и каждый знал, что он до смерти не останется без куска хлеба, и потому терпеливо переносил и тягость службы, и нищенское содержание»²⁰. Даже говоря о рекрутской повинности и 25-летнем сроке службы, на основе которых создавалась «громадная, но уродливая и варварская сила в руках правительства», автор «Записок» указывал на то, что за длинный срок вырабатывались великолепные боцманы, унтер-офицеры, рулевые и различные искусные мастера на все виды морских ремесел²¹.

В итоге Качалов формулирует мысль об общей эффективности прежней организации жизни флота: «Жизнь образовала замечательную корпорацию, которая жила, постоянно окруженная морской атмосферой, и в ней существовал истинный молодецкий морской дух. Несмотря на отсутствие паровых двигателей, несовершенства судостроения, снабжения судов... моряки на неуклюжих парусных судах совершали кругосветные плавания, в боях не уступали иностранным флотам»²². Крымская война, по мнению Качалова, послужила доказательством силы русского флота: «Осада Севастополя доказала, что черноморские моряки были люди железные и герои... Ежели моряки держались в Севастополе 11 месяцев без укреплений, с корабельными орудиями, при недостатке пороха и снарядов, с войсками, вооруженными дрянными ружьями, и без путей сообщения с центром снабженья, то, конечно, при полном пособии союзники были бы прогнаны»²³. Содержание этого фрагмента показывает, что Качалов видел недостатки, мешавшие развитию флота, и вполне понимал необходимость реформ. Принципиальное несогласие Качалова вызывали не сами по себе преобразования, а их методы, характер и направленность, сформировавшиеся в конкретно исторический момент и при самом непосредственном влиянии вполне определенных исторических лиц.

Основой качаловской критики морских реформ, осуществленных в период руководства Морским ведомством великого князя Константина Николаевича, является мнение о проявленной небрежности к исторически сложившимся традициям в организации и управлении флота. По убеждению Качалова, эти традиции следовало непременно сохранять и развивать, а основное внимание следовало сконцентрировать только на техническом перевооружении флота и улучшении его обеспечения. В «Записках» Качалова присутствует образ «ломки» и «перестройки» флота как части общей «ломки» и «перестройки» всего общественного устройства. В Морском министерстве, которое «оказалось самым либеральным и передовым при возбуждении всех новых вопросов», «начались всевозможные реформы и общая ломка, но жаль, что ломали слишком страстно и усердно и потому недостаточно осмотрительно», вследствие чего «реформаторский шум и гром не принесли государству и флоту всей желаемой и возможной пользы»²⁴.

В «Записках» Н.А. Качалова можно встретить нелицеприятные высказывания в адрес группы реформаторов, известных под названием «константиновцев». Великого князя Константина Николаевича он считал умным, хорошо образованным и специально подготовленным к морскому делу человеком, но при этом испытывавшим разлагающее влияние придворной атмосферы и особого статуса («бесконтрольная власть портит каждого»), с сильно развитым честолюбием и страстью заниматься только «необыкновенными» вещами, но не рутинными и обременительными обязанностями²⁵. Однозначно отрицательной фигурой в воспоминаниях выглядит Н.К. Краббе, ближайший помощник Константина Николаевича, управлявший Морским министерством с 1862 г. («был человек, хотя умный, но безнравственный, эгоист и как государственный человек окончательно ничтожный и вредный, и такая личность имела власть изломать целое учреждение и вредно направить его на долгое время»). Следует отметить, что негативные оценки в адрес Н.К. Краббе можно встретить и в воспоминаниях лиц, входивших в группу реформаторов флота (к примеру, И.А. Шестакова и Д.А. Оболенского)²⁶.

Примечательно, что Н.А. Качалов обратил внимание на фактор конкуренции поколений в управленческой элите. Он подчеркивал, что генерал-адмирал Константин Николаевич был окружен «молодежью высшего образования и европейских взглядов» (мемуарист называл А.В. Головина, Д.А. Толстого, Д.А. Оболенского,

М.Х. Рейтерна, Д.Н. Набокова, С.И. Грейга, Н.К. Краббе). Молодые реформаторы «массу почтенных стариков... без всякой причины перечислили в резерв флота, глубоко оскорбили почтенных служивых, уменьшили их содержание и укоротили их век, не принеся ни малейшей пользы службе»²⁷. Здесь следует отметить, что в 1855 г. А.В. Головнину было 34 года, а Константину Николаевичу – 27 лет, и мемуарные тексты Головнина, действительно, вполне четко фиксируют самосознание «молодых реформаторов», ощущавших свою противоположность «старикам-ретроgrадам»²⁸.

Кроме необдуманного отношения к традициям управления и организации флота, Н.А. Качалов называл и другие ошибки реформаторов Морского ведомства. Так, по его мнению, их силы и внимание были излишне сконцентрированы на отдельных прогрессивных и «прорывных» в техническом отношении направлениях, при том, что сила флота состоит в правильном и равномерном развитии его общей массы. Мемуарист обратил внимание и на неприглядное соседство модернизации флота с возникновением новых форм и масштабов финансовых махинаций. По этому поводу он иронизировал: «Цивилизация идет параллельно с мошенничеством... так, с развитием парового флота появились командиры, наживавшие деньги на каменном угле, увеличивая по журналу число часов под парами, и также при покупке угля за границей. В мое время как командиры, так и офицеры от судов и команд не имели ни копейки доходов»²⁹.

Итог сравнения состояния флота в «николаевскую» эпоху и в эпоху преобразований выглядел, с точки зрения Н.А. Качалова, неутешительно. По его мнению, несомненное преимущество нового флота было в технической стороне и образовательном статусе офицерского состава, но «в пользу прежнего управления» преимущество заключалось в общем числе плавающих судов, в эффективности сравнительно с количеством употребляемых расходов, в значении русского флота в отношении флотов других морских держав, в практической подготовленности и боевых качествах «морской корпорации»³⁰. Разумеется, мемуарист был крайне пристрастным и излишне бескомпромиссным судьей морских реформ, но его воспоминания очень ярко высвечивают позицию консервативных оппонентов преобразований, по-своему отразивших сложные внутренние противоречия и реформаторские риски, наложившие значительный отпечаток на общее развитие флота. Во всяком случае, даже и по мнению современных исследователей морских реформ, они «не прошли бесследно

для флота, и, несмотря на то, что к концу 1870-х гг. он оказался не столь уж силен, как того можно было ожидать, его нельзя уже было сравнить не только по внешнему виду, но и по внутреннему строю с тем, каким он был накануне Крымской войны»³¹.

¹ Кочукова О.В. Из опыта осмысления истории Франции XVIII в. в контексте общественных дискуссий в России середины XIX в. (русские отклики на сочинение А. Токвиля) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15. 2013. № 5. С. 19–20.

² См., напр.: Андреева Т.В., Высокочков Л.В. Николай I: PRO ET CONTRA (Зеркало для героя) // Николай I: pro et contra, антология / Сост., вступ. статья, коммент. Т.В. Андреевой, Л.В. Высокочкова. СПб., 2013. С. 62.

³ Качалов Н.А. Записки тайного советника. М., 2012.

⁴ См.: Попов Г.П. Губернаторы русского Севера. Архангельск, 2001 (глава об архангельском губернаторе Н.А. Качалове); Мельников А.В. «Записки тайного советника Н.А. Качалова» – малоизвестный источник по истории таможенного управления 1870–1880-х гг. // Торговля, купечество и таможенное дело в России XVI–XIX вв. Курск, 2009. С. 352–355; Тутолмин Н.В. О Н.А. Качалове и его «Записках» // Качалов Н.А. Записки тайного советника. М., 2012. С. 11–24.

⁵ См., напр.: Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990; Он же. Во главе «константиновцев»: великий князь Константин Николаевич и А.В. Головнин // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. СПб., 2012.

⁶ См.: Абакумов О.Ю. Реформаторы из Третьего отделения: политическая полиция в борьбе за реформы // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. СПб., 2012. С. 132.

⁷ См.: Тутолмин Н.В. О Н.А. Качалове и его «Записках». С. 13.

⁸ См.: Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 135.

⁹ Мещерский В.П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868 / Сост., публ., вступ. ст. и коммент. Н.В. Черниковой. М., 2011. С. 456.

¹⁰ Качалов Н.А. Записки... С. 128.

¹¹ Там же. С. 129.

¹² Там же. С. 126.

¹³ Там же. С. 138.

¹⁴ Там же. С. 137.

¹⁵ Там же. С. 138.

¹⁶ Там же. С. 153.

¹⁷ Там же. С. 158.

¹⁸ Там же. С. 161.

¹⁹ Там же. С. 164.

²⁰ Там же. С. 160.

²¹ Там же. С. 181–182.

²² Там же. С. 177.

²³ Там же. С. 178–179.

²⁴ Там же. С. 193.

- ²⁵ Там же. С. 194–195.
- ²⁶ Записки князя Д.А. Оболенского. 1855-1879 / Отв. ред. В.Г. Чернуха. СПб., 2005. С. 384–385; Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838–1881). СПб., 2006; См. также: Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны... С. 9.
- ²⁷ Качалов Н.А. Записки... С. 210.
- ²⁸ См.: Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 124–125.
- ²⁹ Качалов Н.А. Записки... С. 168.
- ³⁰ Там же. С. 160–161.
- ³¹ Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны... С. 164.

М.Б. Крапивенцева (Тула)

**ОРГАНИЗАТОР ПРОИЗВОДСТВА ТУЛЬСКОГО
ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА М.В. КРАПИВЕНЦЕВ
(1883–1943) (ПО МАТЕРИАЛАМ ТУЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ОРУЖИЯ)**

СОБРАНИЕ Тульского государственного музея оружия (далее – ТГМО) представляет интерес для исследователей не только коллекцией оружия, но и хранящимися в нем документальными источниками, среди которых материалы, связанные с жизнью и творчеством известных конструкторов стрелково-пушечного и спортивно-охотничьего оружия, организаторов производства, инженерно-технических работников, а также рабочих тульских оборонных предприятий.

В их числе выделен личный фонд организатора производства Тульского оружейного завода (далее – ТОЗ) Михаила Васильевича Крапивенцева (1883–1943). Имя этого оружейника упоминается в работах, посвященных истории ТОЗ¹, краткие биографические сведения с некоторыми неточностями размещены в Тульском биографическом словаре и в генеалогическом исследовании династии Крапивенцевых потомка оружейника М.В. Крапивенцева². Данное сообщение ставит перед собой цель систематизировать фрагментарные сведения о М.В. Крапивенцеве на основе документов из фондов ТГМО и представить его вклад в развитие производства на ТОЗ в 20–30-е гг. XX в.

В настоящее время фонд насчитывает 32 единицы хранения, хронологические границы которых охватывают период с 1908 по 1943 г. Часть документов поступила в 1984 г. от Тульского машиностроительного завода имени В.М. Рябикова, остальные отнесены к данному фонду в ходе научного изучения хранящихся в музее источников по истории ТОЗ. Среди них личные документы М.В. Крапивенцева (автобиографии, трудовая книжка, документы

об образовании, наградные документы), материалы служебной и общественной деятельности (рабочая тетрадь члена Центрального исполнительного комитета СССР, тексты выступлений в печати), а также отложившиеся в фонде документ родственника фондообразователя и некролог. Особую ценность для установления отдельных фактов из биографии М.В. Крапивенцева имеют фотографии.

М.В. Крапивенцев относился к одной из знаменитых тульских оружейных фамилий. Ее представители известны на тульской земле с XVI в. Среди них преобладали стрельцы, казаки из Тулы, Деделки и Крапивны. Первое известное нам упоминание о носителе фамилии, занимавшемся оружейным делом, относится к 1713 г., когда обронный мастер Родион Крапивенцев предложил свой вариант ложи для пистолета, который послужил эталоном для штатного драгунского пистолета и был поставлен на вооружение российской армии в 1715 г.³ С конца XVIII в. фамилия «Крапивенцев» нередко встречается в связи с изготовлением в г. Туле художественно украшенного охотничьего и произвольного оружия. Об этом свидетельствуют хранящиеся в коллекциях крупнейших музеев страны образцы. Так, в Государственном Эрмитаже представлено детское кремневое ружье, созданное в 1780–1785 гг. Иваном Крапивенцевым, который при его оформлении использовал различные декоративно-технические приемы, известные на тот момент⁴. Изделия другого тульского оружейника, Якова Крапивенцева, представлены в Эрмитаже (пара кремневых пистолетов, около 1790 г.)⁵, в собрании музеев Московского Кремля (два ударно-кремневых охотничьих ружья) и Государственном историческом музее (пара ударно-кремневых дуэльных пистолетов). В собрании ГИМ хранятся образцы работы мастера Никиты Яковлевича Крапивенцева, в том числе и дуэльный гарнитур с кремневыми пистолетами, датированный 1820-ми гг.⁶ Н.Я. Крапивенцев, в отличие от вышеупомянутых оружейников, являлся владельцем собственной относительно крупной оружейной мастерской (в 1813 г. на него работало 13 рабочих), которая в 1812–1816 гг. добровольно включилась в выполнение государственного заказа по изготовлению и ремонту ружей и пистолетов для армии. Она занималась выпуском не только армейского оружия, но и охотничьих ружей⁷.

Первым известным нам представителем фамилии, непосредственно трудившимся на ТОЗ в конце XVIII – начале XIX вв., является кузнец Петр Крапивенцев. Он был основателем семьи,

члены которой до конца XX в. трудились на оборонных предприятиях Тулы. Среди них его сын Василий Петрович (1833–1909)⁸, внуки Петр Васильевич (1858–1938) и Михаил Васильевич (1883–1943), которому удалось пройти незаурядный путь в профессии оружейника (рис. 1).

В 1896 г. после окончания начальной школы М.В. Крапивенцев поступил в охотничью мастерскую ТОЗ учеником слесаря, продолжая заниматься в воскресной школе. В 1906–1909 г., как указано в его трудовой книжке⁹, он находился на обязательной военной службе. Более подробные сведения об

Рис. 1. Унтер-офицер Офицерской стрелковой школы М.В. Крапивенцев. 1906 г. Фотограф И. Яковлев

Рис. 2. М.В. Крапивенцев среди выпускников учебной команды Офицерской Стрелковой школы. 1906 г. Фотограф И. Яковлев (ТГМО)

этом периоде в остальных документах и публикациях отсутствуют. Однако благодаря хранящейся в ТГМО фотографии удалось установить, что он проходил службу в Офицерской стрелковой школе (г. Ораниенбаум). На ней мы видим М.В. Крапивенцева выпускником учебной команды в звании младшего унтер-офицера постоянного состава школы 1906 г.¹⁰ (рис. 2). В этом военном учебном заведении, где проходили подготовку офицеры российской армии, испытывали новейшие системы стрелкового оружия, что предполагало обязательное наличие в его штате высококвалифицированных оружейников. С 1904 г. на школу также было возложено обучение кадров вновь формируемых пулеметных рот и конно-пулеметных команд¹¹. Трехлетний срок прохождения службы в школе позволил М.В. Крапивенцеву накопить большой объем знаний в области автоматического оружия и практический опыт, который он смог реализовать в дальнейшей работе, о чем будет сказано ниже.

После увольнения в запас в 1909 г. М.В. Крапивенцев вернулся в охотничью мастерскую ТОЗ слесарем и поступил на первые вечерние технические курсы повышения квалификации рабочих завода. При этом стремился и к дополнительному самообразованию – в 1914–1918 гг. занимался математикой в частном порядке с лучшими тульскими преподавателями¹². В 1919–1922 гг. он являлся одним из первых учащихся Тульского вечернего механического техникума, который готовил средний технический персонал для завода. Необходимо отметить, что для М.В. Крапивенцева характерно стремление к постоянному повышению образовательного уровня. В 1932 г. он окончил Высшие технические курсы Тульского учебного комбината по подготовке инженеров и техников, получив квалификацию инженера по холодной обработке металлов¹³.

Приобретенный уровень подготовки способствовал непрерывному профессиональному росту М.В. Крапивенцева. Как указано в его биографии¹⁴, уже в 1913 г. он из слесарей был переведен в чертежники, а затем в конструкторы механической мастерской. На «Снимке Въ память Освобождения Россіи 1917 года 27-го февраля»¹⁵ мы видим Михаила Васильевича среди работников пулеметной мастерской, куда он был назначен в 1915 г. старшим мастером, а в 1918 г. стал помощником ее заведующего. После Октябрьской революции 1917 г. он продолжал длительное время числиться на заводе в списках «бывших офицеров» российской армии¹⁶, однако это не сказалось отрицательным образом на его работе. В это время

на ТОЗ велись работы по созданию новых образцов автоматического оружия, в которых активно участвовал и М.В. Крапивенцев. В 1922 г. он стал заведующим автоматной мастерской, а в октябре 1924 г. вошел в состав возглавляемой П.П. Третьяковым комиссии по установке производства на ТОЗ облегченного пулемета Виккерса для Военно-Воздушных Сил СССР¹⁷. В 1925 г. в качестве конструктора участвовал в освоении выпуска ручных пулеметов Максима–Токарева.

Этот год отмечен в биографии М.В. Крапивенцева еще одним важным событием – присвоением ему звания Героя Труда ТОЗ¹⁸ (рис. 3). Впервые такая форма поощрения трудящихся руководством завода появилась в г. Туле в 1921 г. Полученный Михаилом Васильевичем художественно оформленный адрес ручной работы за внедрение ценных технических усовершенствований является раритетным, одним из последних, выданных на местном уровне – с 1926 г. постановления о присвоении звания Героя Труда подлежали утверждению Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом, а в 1927 г. учреждено высокое и почетное для граждан СССР государственное звание «Герой Труда».

Как отмечал М.В. Крапивенцев, на заводе ему

Рис. 3. Адрес Герою Труда Тульского оружейного завода М.В. Крапивенцеву 1925 г. (ТГМО)

всегда «доверяли и неоднократно посылали на слабые участки»¹⁹, используя его организаторские способности и умение принимать своевременные решения. Поэтому Михаил Васильевич в 1926 г.²⁰ был назначен заведующим текстильной мастерской машиностроительного отдела (рис. 4). В указанной должности он находился в

Рис. 4. Инженерно-технические работники текстильного производства Тульского оружейного завода. 1926 г. (ТГМО)

ответственный период – на заключительном этапе создания первой отечественной прядильной машины. На нескольких фотографиях, датированных 25–27 мая 1927 г., М.В. Крапивенцев присутствует в качестве представителя завода среди членов государственной комиссии, которой ТОЗ предъявлял для приемки первую отечественную кольцепрядильную машину (ватермашину)²¹. Организация выпуска оборудования для текстильной промышленности СССР была поручена ТОЗ, так как он располагал высококвалифицированными кадрами и имел необходимое для решения этой задачи оборудование. С этой целью с 20-х гг. XX в. на заводе проводились работы сначала по изготовлению деталей к иностранным прядильным машинам, затем по проектированию машины собственной конструкции. 27 мая 1927 г. успешно прошло генеральное испытание машины, состоявшей из 46 тысяч деталей, объединенных для облегчения

сборки в 140 отдельных узлов. Это испытание символизировало окончание первого этапа освоения текстильного машиностроения, результатом которого стал серийный выпуск машин²². Михаил Васильевич после успешного выполнения задания в 1928 г. вернулся в техническое бюро пулеметного отдела старшим мастером²³.

Занимаясь ответственной работой по установке нового производства, М.В. Крапивенцев оказался одновременно вовлеченным в широко развернувшееся массовое движение рационализаторов-изобретателей. В 20-е гг. XX в. ТОЗ находился в активном поиске путей выхода из производственного и социального кризиса²⁴, в котором он оказался после Гражданской войны в результате износа оборудования, перебоев в снабжении сырьем, текучести кадров, недостаточного профессионального уровня работников. М.В. Крапивенцев благодаря своему образованию, трудовым достижениям, авторитету среди товарищей по работе не только включился в широко развернувшееся движение за повышение производительности труда, но и сумел возглавить такие его важные направления, как изобретательство, ударничество, техническое обучение рабочих. С 1921 г. консультировал рабочих по вопросам рационализации, был председателем производственной комиссии по обсуждению рационализаторских предложений рабочих, организатором кружка техминимума в пулеметном цехе № 5. Большое значение для массового изобретательства на ТОЗ имели выставки «Рабочая смекалка», которые представляли всем желающим возможность познакомиться с изобретениями оружейников. Первая выставка была организована в 1925 г., и именно ее участникам, в том числе заведующему автоматной мастерской М.В. Крапивенцеву, было присвоено звание «Героев Труда ТОЗ».

В автобиографиях Михаил Васильевич указал перечень основных выполненных им рационализаторских работ. Так, в 1922–1927 гг. в автоматной и текстильной мастерских он занимался усовершенствованием и переоборудованием большого и малых волочильных станков, сконструировал приборы для пробы колков к ватермашинам, для копирования гнезд к ватермашинам, для прорезки пазов у винтов. В 1919–1927 гг. в области пулеметного дела он разработал прибор для пробы пластинчатых пружин, приспособление для разработки боевой личинки ряда деталей, приспособление для разработки алюминиевых спиралей к магазину «Д», станок для вытяжки пулеметных лент, патрон для сверления отверстий в деталях, за-

мочный рычаг, объединяющий ряд деталей, приспособление – разработка малых отверток, осуществил усовершенствование работ по рамке оковки уравнивателя. На настоящий момент не выявлены документы, позволяющие дать оценку данным изобретениям. Известно лишь, что они не только повышали производительность труда, но и имели значение для облегчения и охраны труда рабочих, а размер экономии от вышеперечисленных предложений исчислялся примерно в 50 тысяч рублей²⁵.

В 1935 г. М.В. Крапивенцев, являясь членом Пленума Всесоюзного общества изобретателей, был избран на одну из ответственных должностей – председателя Ревизионной комиссии Центрального

Совета ВОИЗ. В 1936 г. за активную и плодотворную изобретательскую и рационализаторскую работу он был награжден знаком «Лучший изобретатель»²⁶ (рис. 5).

К началу 30-х гг. XX в. на ГОЗ сложилась сложная ситуация, связанная со срывами выполнения плановых заданий. Так, в 1930 г. серийный выпуск винтовок обр. 1891/30 г. и станковых пулеметов Максима обр. 1910/30 г. сопровождался массовым браком вследствие низкой квалификации вновь набранного кадрового состава²⁷. В связи с

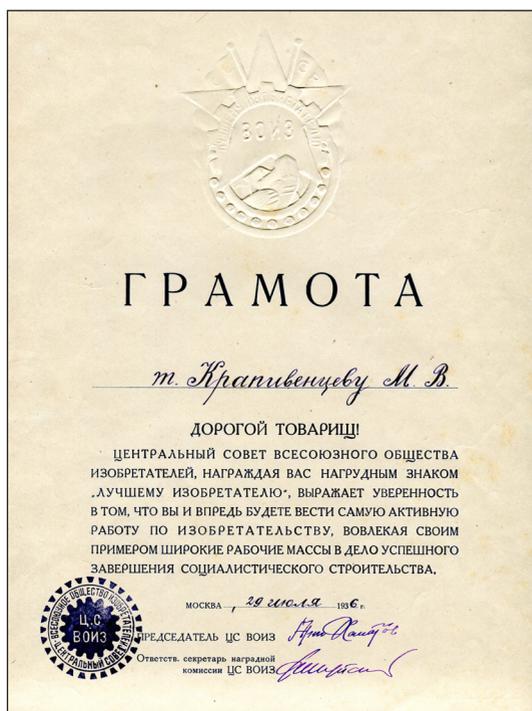

Рис. 5. Грамота Центрального Совета Всесоюзного общества изобретателей М.В. Крапивенцеву о награждении нагрудным знаком «Лучшему изобретателю». 1936 г. (ТГМО)

этим партийное и заводское руководство организовало мобилизационные мероприятия по решению возникших проблем. В их числе укрепление системы профессиональной подготовки рабочих²⁸ и создание ударных бригад из наиболее опытных сотрудников. В 1930 г. М.В. Крапивенцев был назначен для ликвидации прорыва начальником одной из пулеметных мастерских. В течение двух месяцев под его руководством мастерской удалось не только ликвидировать отставание, но и перевыполнить план. На следующий год для решения схожих проблем как работник с научным кругозором и большим опытом в области организации производства он был назначен руководителем по установке технологических процессов пулеметного отдела²⁹ (рис. 6).

М.В. Крапивенцев являлся активным сторонником передачи опыта старейших оружейников молодым рабочим. В 1922–1927 гг. работу на заводе он совмещал с преподаванием школе фабрично-заводского ученичества ТОЗ, обучая черчению, геометрии, механике, а также руководил практикой учащихся в пулеметной мастерской.

Наряду с производственной деятельностью М.В. Крапивенцев занимался общественно-политической работой на заводе, в г. Туле и в высших органах государственной власти СССР. Из газетных публикаций мы узнаем, что в начале 30-х гг. XX в. коллектив рабочих завода избрал его членом городского Совета депутатов трудящихся, а в 1935 г. – делегатом XVI съезда Советов РСФСР³⁰. Данные факты в очередной раз

Рис. 6. М.В. Крапивенцев. 30-е гг. XX в. (ТГМО)

подтверждают, что М.В. Крапивенцев обладал широкими интересами и государственным мышлением, а также пользовался на заводе непререкаемым авторитетом и уважением за деловые и человеческие качества. В том же году на VII Всероссийском съезде Советов СССР он был избран в члены Центрального Исполнительного Комитета СССР (ЦИК СССР). Ему была оказана честь выступить на второй сессии ЦИК СССР с докладом о развитии Тульского экономического района в условиях стахановского движения за годы советской власти, развитии сельского хозяйства, строительстве школ, больниц, о деятельности ТОЗ, работающего на оснащение Красной армии³¹.

Исходя из записей в рабочей тетради члена ЦИК СССР М.В. Крапивенцева³², дважды в месяц он вел прием граждан с последующим направлением дел в суд или ведомственные организации. Среди заявлений преобладали материальные и юридические вопросы, такие, как просьбы об обеспечении жилплощадью, предоставлении работы, надбавке к заработной плате, разъяснении вопросов налогообложения, незаконного увольнения, восстановлении избирательных прав. Обращались к нему и с волнующими трудящихся вопросами организации быта: об уборке улиц лицами, проживающими на одном дворе, установке радио, инициативе открытия школы для слабослышащих, подавали жалобы об избиении. М.В. Крапивенцев проводил среди рабочих завода и работу по правовому просвещению, разъяснял значение статей Конституции, права и обязанности граждан, рассматривал их жалобы на предмет соблюдения законов советского государства.

Михаил Васильевич отмечал, что в работе ему большую помощь оказывали партийные и профессиональные организации ТОЗ³³. Однако сам он подал заявление о вступлении в ряды Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) лишь в 1934 г. и стал ее членом в 1939 г., уже в довольно солидном возрасте.

В июне того же года за выполнение заданий правительства по «оснащению Красной Армии новейшим вооружением» М.В. Крапивенцев был награжден орденом Трудового Красного Знамени³⁴. С большой долей вероятности можно предполагать, что указанным «новейшим вооружением» на тот момент были пулеметы. Именно в 30-е гг. XX в. на ТОЗ было налажено серийное производство пулеметов Максима обр. 1910/30 г., авиационных пулеметов ПВ-1 и ШКАС, а в 1939 г. – 7,62-мм станкового пулемета Дегтярева образ-

ца 1939 г. (ДС-39).

В годы Великой Отечественной войны М.В. Крапивенцев был помощником начальника цеха по технике на оружейном заводе № 314 в г. Медногорске, куда с ТОЗ было эвакуировано производство самозарядных винтовок Токарева. Основным направлением его работы в 1941–1943 гг. было также обучение молодежи рабочим специальностям в сложнейших условиях становления производства. Его богатейший опыт старейшего оружейника также способствовал обеспечению организации в кратчайшие сроки бесперебойного производства оружия для фронта.

Осенью 1943 г. М.В. Крапивенцев был переведен на ТОЗ. Но 20 ноября 1943 г. он умер после тяжелой болезни. Соболезнования его семье выразил сам Народный комиссар вооружения СССР Д.Ф. Устинов³⁵, что также является красноречивым свидетельством высокой оценки деятельности оружейника и его вклада в организацию производства ТОЗ.

Таким образом, личный фонд М.В. Крапивенцева в собрании Тульского государственного музея оружия позволяет достаточно полно представить биографию конкретного человека, а также служит ценным источником для изучения истории Тульского оружейного завода в 20–30-е гг. XX в. Необходимо отметить, что в данном комплексе документов имеются лакуны, не позволяющие дать исчерпывающую характеристику и оценку деятельности М.В. Крапивенцева и ставящие перспективу для дальнейшего поиска информации. Тем не менее, можно утверждать, что его деятельность в возглавляемых им подразделениях, и прежде всего – пулеметном отделе, помогала оперативно и рационально обеспечивать выпуск необходимой заводу продукции. В рассматриваемый период реализовать организаторские способности и личностные качества и осуществить профессиональный рост в сфере военной промышленности в значительной степени помогали такие социальные институты советского государства, как образование, общественные и политические организации. Ярким примером этого является М.В. Крапивенцев, которого можно отнести к числу типичных представителей нового класса «красных специалистов» – активных работников советского военно-промышленного комплекса, внесших свой вклад в рационализацию и налаживание производства, подготовку кадров Тульского оружейного завода.

- ¹ Мы – с Тульского оружейного / Сост. Г.М. Чуднов и др. Тула: Приокское книжное издательство, 1987. С. 143; Сотников М.А., Чуднов Г.М. Тульскому машиностроительному заводу имени В.М. Рябикова – 50 лет. Тула: Приокское книжное издательство, 1989. С. 96.
- ² Тульский биографический словарь. Т.1 / Под ред. В.И.Крутикова. Тула: Пересвет, 1996. С. 284; Крапивенцев М.В. Дети Крапивны // Провинция в контексте истории и литературы. Материалы I Крапивенской конференции. Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2005. С. 39.
- ³ Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. Определитель. М.: Военное издательство, 1992. С. 51.
- ⁴ Оружейное искусство Тулы XVII–XIX веков в собрании Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2005. С. 84–85.
- ⁵ Там же. С. 92.
- ⁶ Палтусова И.Н. «Лепаж стволы роковые». Дуэльные пистолеты из собрания Государственного исторического музея // Труды Государственного исторического музея. Выпуск 123.; М.: Родина-Фолио ГИМ; Альфа-Дизайн, 2003. С. 102–106.
- ⁷ Шокарев Ю.В. Русское оружие. Мастера и фирмы. М.: ООО «ПТП Эра»; ООО «ИД Рученькиных», 2005. С. 191.
- ⁸ ТГМО. Фонд «Документальные источники». ТГМО КП-2-21879/Д-685. Копия постановления № 18 о состоянии здоровья Крапивенцева В.П. Россия. г. Тула. 10.09.1908 г.
- ⁹ Там же. ТГМО КП-6644. Книжка трудовая Крапивенцева М.В. СССР. г. Тула. 1939 г.
- ¹⁰ Там же. ТГМО КП-2-21878/Д-684. Фотография. Крапивенцев М.В. среди выпускников учебной команды 1906 г. в Офицерской стрелковой школе. 1906 г. Россия. г. Ораниенбаум.
- ¹¹ Вестник Офицерской стрелковой школы. № 5–6. СПб.: Типография Я. Бальянского, 1907 г. С. 140.
- ¹² ТГМО. Фонд «Документальные источники». ТГМО КП-2-21874/Д-681. Краткая автобиография Крапивенцева М.В. СССР. г. Тула. 23.11.1932 г.
- ¹³ Там же. ТГМО КП-6645. Свидетельство № 30 об окончании Крапивенцевым М.В. Высших технических курсов Тульского учебного комбината. СССР. г. Тула. 1932 г.
- ¹⁴ Там же. ТГМО ВФ-1141. Краткая биография Крапивенцева М.В. СССР. г. Тула. 10.12.1936 г.
- ¹⁵ Там же. ТГМО КП-2-21781. Фотография. Пулеметная мастерская № 1 Тульского оружейного завода. Вакуленко В.И. Россия. г. Тула. 1917 г.
- ¹⁶ Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (далее – ГАТО). Ф. Р-220. Оп. 5. Д. 966. Л. 9.
- ¹⁷ Там же. Д. 105. Л. 25.
- ¹⁸ ТГМО. Фонд «Документальные источники». ТГМО КП-2-21887/Д-691. Адрес Герою Труда Крапивенцеву М.В. СССР. г. Тула. 1925 г.
- ¹⁹ Там же. ТГМО ВФ-1141. Краткая биография Крапивенцева М.В. СССР. г. Тула. 10.12.1936 г.
- ²⁰ ГАТО. Ф. Р-220. Оп. 5. Д. 796. Л. 3.
- ²¹ ТГМО. Фонд «Документальные источники». ТГМО КП-2-21889. Фотография.

Комиссия по испытанию и приемке первой советской кольцепрядильной машины, изготовленной на Тульском оружейном заводе. Тула. 25–27 мая 1927 г.

²² Тульский оружейный завод. От петровских времен до наших дней. Тула: Изд-во «Свамия», 2012. С. 77.

²³ ГАТО. Ф. Р-220. Оп. 5. Д. 416. Л. 62.

²⁴ Костиков В.В. Социальная ситуация на Тульском оружейном заводе в 1921–1928 годах // Оружие в исторических событиях, человеческих судьбах, музейных и частных коллекциях: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 140-летию Тульского музея оружия, 23–24 октября 2013 / Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Тульский государственный музей оружия». Тула, 2014. С. 123–128.

²⁵ ТГМО. Фонд «Документальные источники». ТГМО КП-2-21874/Д-681. Краткая автобиография Крапивенцева М.В. СССР. г. Тула. 23.11.1932 г.

²⁶ Там же. ТГМО КП-6648. Удостоверение о награждении Крапивенцева М.В. нагрудным знаком «Лучшему изобретателю» № 217. СССР. г. Москва. 29.07.1936 г.

²⁷ Костиков В.В. Трудовые отношения на Тульском оружейном заводе в 1928–1932 годах // Мир оружия: история, герои, коллекции: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны, 23–24 октября 2014 г. Тула, 2015. С. 36–39.

²⁸ ГАТО. Ф. Р-220. Оп. 5. Д. 966. Л. 32.

²⁹ ТГМО. Фонд «Документальные источники». ТГМО КП-2-21874/Д-681. Краткая автобиография Крапивенцева М.В. СССР. г. Тула. 23.11.1932 г.

³⁰ Там же. ТГМО ВФ-1335/2. Фотокопия газетной публикации. Славный юбилей. СССР. г. Тула. 1936 г.

³¹ Там же. ТГМО ВФ-1335/1. Фотокопия газетной публикации. Вторая сессия ЦИК Союза СССР (Из речи тов. М.В. Крапивенцева) // Ударник. № 10 (1333). 15 января 1936 г.

³² Там же. ТГМО КП-2-21880/Д-686. Рабочая тетрадь Крапивенцева М.В. СССР. г. Тула. 29.05.1935 – 21.09.1936 гг.

³³ Там же. ТГМО ВФ-1141. Краткая биография Крапивенцева М.В. СССР. г. Тула. 10.12.1936 г.

³⁴ Там же. ТГМО. Фонд «Документальные источники». ТГМО КП-6644. Книжка трудовая Крапивенцева М.В. СССР. г. Тула. 1939 г.

³⁵ Там же. ТГМО КП-2-21883/Д-688. Правительственная телеграмма Народного комиссара вооружения СССР Устинова Д.Ф. Кочерыгину Н.В. с соболезнованиями семье Крапивенцева М.В. СССР. г. Москва. 26.11.1943 г.

А.С. Кручинин (Москва)

ПЕРВЫЙ БОЙ НА ПЕРЕКОПЕ В 1920 ГОДУ

1. Укрепления, которых не было. Отбросив короткими, но дерзкими и чувствительными ударами войска советской 13-й армии, направленные на захват Северной Таврии и Крымского полуострова, командующий 3-м армейским корпусом Вооруженных сил Юга России генерал Яков Александрович Слащов в первой декаде 1920 г. (по старому стилю) перевел вверенные ему части за крымские перешейки и возглавил оборону полуострова, превратившегося в осажденную крепость. Вскоре, 10/23 января, он объявил населению Крыма: «Наштаглав (начальник штаба Главнокомандующего. – *А.К.*) Генерал Романовский телеграммой № 00100 передал мне приказ Генерала Деникина во что бы то ни стало удерживать Крым. Учитывая ответственность, которую несу, получив важную задачу, считаю выполнение названного приказа для себя вопросом не только долга, но и чести. Подписал Генерал-Маиор Слащов»¹. Но какие у него были для этого силы и средства и как можно было выполнить эту задачу?

В отличие от узких перешейков Чонгарского боевого участка, сравнительно легко обороняемых – по крайней мере, до тех пор, пока не замерз Сиваш, – Перекопский перешеек был значительно более уязвим, и именно здесь предстояло разыграть основными событиями крымской кампании. Сама топография левого (Перекопского) участка, с преграждающим перешеек в наиболее узком месте старинным Турецким валом, казалось, подсказывала основную идею построения здесь обороны, – и действительно, не только рядовые солдаты и офицеры, но подчас и генералы ожидали увидеть на Перекопе солидные укрепления и возмущались их отсутствием. С другой стороны, еще недавно, когда фронт проходил от Могилева-Подольского

через Киев и Орел к Камышину, для крайне стесненных в средствах Вооруженных сил Юга России затраты денег и рабочих ресурсов на какие-либо сооружения у глубоко-тылового Перекопа действительно выглядели излишними: «Главком считает при данной обстановке ненужной установку артиллерии на Перекопском Перешейке и приказал разрешенный на это его телеграммой № 09766 кредит не отпускать», – телеграфировал 2/15 сентября 1919 г. в штаб войск Новороссийской области начальник деникинского штаба генерал И.П. Романовский². Тем сильнее было впечатление от стремительно ухудшившейся обстановки, и тем больше была растерянность местного командования, судорожно пытавшегося что-либо сделать перед лицом надвигавшейся на Северную Таврию грозы. «Скорость хода фронта за последнее время дает основание предполагать, что через месяц можно ожидать атаки противником Перекопа», – телеграфировал начальнику Морского управления адмиралу А.М. Герасимову командующий Черноморским флотом адмирал Д.В. Ненюков еще 11/24 декабря (угадав почти точно день в день), обеспокоенно сообщая, что «работы по укреплению Перекопа <...> до сих пор не восстановлены за отсутствием кредитов» и что «нет оснований предполагать, чтобы оборона Перекопа через месяц могла бы быть (пропуск в оригинале, вызванный сбоем при дешифровке. – А.К.) упорной и стойкой»³.

Нельзя сказать, чтобы для обороны полуострова ничего не делалось, и нельзя сказать, что деникинская Ставка о нем забыла или махнула на этот участок фронта рукой: скажем, 13–14 / 26–27 декабря в Крым направлялись «для защиты Перекопа» танки (хотя и с оговоркой: «танки без поддержки артиллерии и пехоты одни вряд ли что сумеют») и 3-й дивизион Морской тяжелой артиллерии (пошел, однако, не он, а 1-й дивизион)⁴. Более того, 15/28 декабря Ставка даже одернула крымское командование («ввиду важности по радио и по проволоке»): «Об эвакуации Севастополя не может быть и речи. Непонятно, чем вызваны панические телеграммы, идущие бесконечной лентой из Севастополя»⁵. В самом Крыму спешно формировались на основе Учебно-подготовительной артиллерийской школы (Севастополь) «батареи, предназначенные для Перекопских позиций» (позже на фронт действительно вышли две легкие и две гаубичные «Школьные батареи» по 4 орудия каждая); из гарнизонных солдат и выделенных флотом матросов, а также из добровольцев предполагалось создать «1-й Крымский пехотный полк»; и даже

объявлялась платная реквизиция «у зажиточных классов населения» одежды и белья⁶. Впрочем, все эти попытки производят впечатление какой-то неуверенности, и лучшей помощью Ставке Крыму стали не пушки и танки, многие из которых к тому же так до него и не доехали, а назначение начальником обороны Слащова.

«Во главе обороны Крыма стоял инженерный генерал Субботин, человек очень хороший, но не военный», – писал впоследствии Слащов⁷. Сложно сказать, был ли Яков Александрович снисходителен к своему незадачливому предшественнику, или эта оценка и вправду соответствовала его впечатлению, вынесенному из знакомства с Субботиным (которое состоялось непосредственно перед военным советом, как и с Ненюковым), – но «общественное мнение» (конечно, далеко не всегда справедливое) судило «инженерного генерала» намного строже. В докладе генерала Макаренко, по приказу Деникина возглавлявшего ревизию обстановки в тылу и деятельности тылового начальства, сообщалось: «Весьма большое недовольство офицеров крымской армии вызвано отсутствием заблаговременно укрепленных позиций, которые они при своем отступлении надеялись найти и в существовании которых их уверяло начальство. Виновником в этом отношении общее мнение считает генерала Субботина. Его же обвиняют в азартной игре и во взяточничестве, причем это последнее обвинение настолько распространено, что вызвало со стороны генерала Субботина торжественную клятву памятью родителей перед собранием офицеров в том, что это неправда»⁸.

2. Два плана обороны Крыма. Впрочем, было ли дело в некомпетентности или нечестности, в недостаточном соответствии генерала его должности, на которой требовался военачальник, а не инженер, а может быть, и в объективных факторах, мешавших строительству укреплений, – только на военном совете, куда собрались, кроме Слащова, Субботин (по должности – комендант Севастопольской крепости и начальник Сивашско-Перекопского укрепленного района) со своим начальником штаба, начальник гарнизона Симферополя генерал Лебедевич-Драевский, Ненюков и начальник штаба флота адмирал А.Д. Бубнов, твердо определились два положения, на которых собирались строить оборону: недостаточность существовавшей Перекопской оборонительной позиции и необходимость опираться именно на нее для отпора подходившему противнику. Правда, один из генералов так не считал, и генералом этим был Яков Александрович Слащов.

«Я попросил, – вспоминал он через несколько лет, – поставить меня в известность относительно плана обороны Крыма и имеющихся фортификационных сооружений. Оказалось, что план обороны был шаблонный. После отхода из Сев[ерной] Таврии занять Перекопский вал и Сальковский перешеек, где поставлена проволока. Кроме того, было построено несколько окопов с проволокой – и это все. На мой вопрос, где будут жить на перешейке войска (ведь время зимнее), получил ответ: “Придется в окопах”. – “Ну, далеко вы на своих укреплениях уедете, – вероятно, дальше Черного моря”, оставалось мне только сказать»⁹. Но что же мог молодой генерал противопоставить этому плану?

Генерал П.И. Аверьянов, лично Слащова не знавший, уже в эмиграции со слов офицеров – защитников Крыма составил очерк о тех событиях, в котором так излагал «любимый способ ведения боя», якобы практиковавшийся Яковом Александровичем: «На противника при атаке велось энергичное наступление и иногда кончалось успешной атакой, но если последняя не удавалась или оказывалась трудновыполнимой, то слащовский отряд медленно отступал, увлекая за собой переходящего в наступление противника, но отступал лишь до заранее намеченной линии или до рубежа, откуда внезапно для противника бросался на него в атаку и, преследуя его по пятам, захватывал и первоначальную позицию противника»¹⁰. Удивительно, правда, что генерал-генштабист столь уверенно и безапелляционно повторяет бытовавшую на многих войнах всех времен солдатскую легенду о «заманивании» противника притворным отступлением, не задумываясь о чрезвычайной сложности такого маневра и о том, что первейшим его условием должна быть надежность и высокая моральная устойчивость войск. Слащов же в последние дни 1919 г. считал имевшиеся в его распоряжении части недостаточно устойчивыми не только для притворных отступлений, но и для обычной, традиционной обороны, предлагавшейся остальными участниками военного совета.

«...Я совершенно не признаю сиденья в окопах, – говорил им новый начальник обороны Крыма, – на это способны только очень хорошо выученные войска, – мы не выучены, – мы слабы и потому можем действовать только наступлением...»¹¹ Таким образом, по самой постановке задачи, Якову Александровичу предстояло *оборонять* Крым, *наступая*. Но как же это было возможно?

План обороны, датируемый Слащовым 25 декабря 1919 г. (7 января 1920), предусматривал ведение боевых действий на следующих

основаниях: «Чонгарский полуостров и Перекопский перешеек занимать только сторожевым охранением», «главную позицию устроить по южному берегу Сиваша и строить групповые окопы, чтобы встретить врага контратакой, а севернее Юшуня еще фланговую позицию, фронтом на запад», «иметь большую часть в резерве» и «никогда не позволять себя атаковать, а всегда атаковать разворачивающегося противника и по возможности во фланг»; «такое расположение, – признавал впоследствии его автор, – с охранением на 20 верст впереди, было, конечно, несколько экстравагантно»¹². И, конечно, вряд ли следовало ожидать от участников военного совета, готовившихся строить на Перекопе укрепления, чтобы они сразу и беспрекословно приняли такую «экстравагантность».

Действительно, генерал Субботин уже 25 декабря / 7 января, в тот же день, когда Слещов дописывал свой план обороны Крыма, направил обширную и несколько обиженную телеграмму главноначальствующему Новороссии генералу Н.Н. Шиллингу, генералу Романовскому, командующему флотом и – что делает самому Субботину честь – Слещову, не желая действовать исподтишка у него за спиной: «Еще до приезда генерала Слещова мною приняты серьезные решительные мероприятия по подготовке полуострова к обороне, а именно: 1) выработан план устройства позиции у перешейков, и работы ведутся самым спешным порядком, 2) формируют[ся] и устанавливают[ся] 10 (десять) батарей позиционной артиллерии, в связи с этим объявлена мобилизация [в] Крыму лошадей, упряжи и повозок, люди для формирования батарей берутся во всех гарнизонах Крыма и [в] Государственной Страже, 3) снимается во всех городах Крыма необходимая телефонная сеть и аппараты и направляется [на] перешейки для установления связи, 4) спешно формируется первый Крымский пехотный полк из офицеров и интеллигенции, и в связи с этим формируется обоз, 5) сделано распоряжение об установлении в Перекоп-Сивашском укрепленном районе военно-хозяйственных и санитарных учреждений и заведений, как то: этапов, расходных магазинов, дезинфекционных отрядов, 6) во всех городах Крыма производится реквизиция теплой одежды и белья для защитников Крыма, 7) спешно строится железная дорога Джанкой – Перекоп, материалы для нее достаются по всему Крыму и вне его, причем распоряжения по сему весьма сложны и многообразны. <...> Проведение в жизнь указанных мероприятий требует преемственности, между тем во время проезда через Севастополь

ген[ерала] Слещова я не мог доложить ему об указанных мероприятиях. В настоящее время вследствие указанного приказа генерала Слещова (вероятно, об объединении в своих руках командования. – А.К.) я лишен возможности приводить [в] исполнение изданные мною приказы и распоряжения. Ввиду изложенного я прошу о нижеследующем: 1) уведомить меня, объединяет ли генерал Слещов гражданскую и военную власть в крае с предоставлением ему прав Главноначальствующего, 2) если необходимо объединение власти [в] лиц[е] генерала Слещова, подчинить меня означенному генералу, но с тем чтобы за мной были сохранены все обязанности и права по подготовке Крыма [к] обороне, что существенно необходимо для проведения в жизнь моих распоряжений, указанных в пунктах 1–7 телеграммы. Это необходимо и потому, что у генерала Слещова нет соответствующих органов для непосредственного управления Крымом во всех отношениях»¹³.

Как видно, Яков Александрович по дороге на фронт просто не желал выслушать подробный доклад Субботина, чьи мероприятия должен был считать ненужными, а то и вредными; Субботин же, убежденный в своей правоте, даже после просьбы об официальном назначении Слещова (просьбы, похоже, лукавой, поскольку вряд ли кто-либо собирался предоставлять молодому генералу права Главноначальствующего) по сути дела требовал свободы рук в выполнении своего плана. Но «наверху», и у Шиллинга, и у Деникина, уже был решен вопрос о полном доверии Слещову, который и приступил к непосредственной организации обороны полуострова с присущей ему энергией и решительностью.

3. Полковник Морозов спасает Перекоп. Сосредоточение войск для обороны Перекопского боевого участка (старшим начальником здесь был генерал И.М. Васильченко, начальник 34-й пехотной дивизии) приходилось производить в спешке и без должной связи между штабами. Три полка 34-й дивизии (133-й Симферопольский, 134-й Феодосийский и 136-й Таганрогский), которые должны были составить здесь ядро защитников Крыма, только что проскочившие на полуостров, группировались в районе Юшуни; на помощь им Слещов выделил 52-й Виленский полк полковника Королева (из 13-й дивизии), батальон Константиновского военного училища полковника Сребницкого (с распоряжением бросать юнкеров в бой только в крайнем случае) и отряд чешских колонистов; в районе Турецкого вала и города Армянска находился Славянский стрелковый полк (из карпатороссов и

югославян, занесенных в Таврию событиями Мировой и Гражданской войн) генерала П.К. Вицентьева, с осени 1919 г. без большого успеха боровшегося в тыловом районе с махновцами и подобными им отрядами и шайками; наконец, из материковой Таврии, от Аскании-Нова, отходили на город Перекоп 2-я Донская конная бригада полковника В.И. Морозова и Отдельная кавалерийская бригада генерала Ю.К. Сахно-Устимовича, на путях своего долгого отступления присоединявшие к себе более мелкие конные части.

Связь с Морозовым была, похоже, эпизодической, и он жаловался Слащову 4/17 января: «Телефонную связь с Перекопом поддерживать чрезвычайно трудно. На участке Перекоп – Перво-Константиновка беспрерывно рвется линия, и никто из тыловых начальников до сего времени не проявил заботы о поддержании ее в исправности, наоборот, все проходящие на Перекоп отряды считают своим долгом снимать аппараты и рвать линию. Ни на одной станции нет дежурных воинских чинов, телефонограммы принимают штатские люди»¹⁴. Очевидно, что в такой ситуации передавать Морозову стратегические планы было бы слишком легкомысленно, и в результате он еще 3/16 января считал, что вся 34-я дивизия примерно в эти же дни «сосредоточится на Перекопе»¹⁵.

В действительности там был только Вицентьев, который накануне на вопрос капитана Д.П. Рогова (начальник штаба дивизии, впоследствии полковник), «сможет ли он продержаться у Перекопа два дня, <...> ответил, что продержится и десять»¹⁶. Заметим, что в рамках слащовского плана обороны Крыма Славянскому полку (всего-то около 100 штыков) и должна была предназначаться роль того самого «экстравагантного» охранения «на 20 верст впереди», и пожелания командования 34-й дивизии, чтобы эта горстка держалась двое суток против советской 46-й стрелковой дивизии (разведка уже выявила ее присутствие на этом участке), могут объясняться лишь стремлением любой ценой выиграть время для перегруппировки перед Юшунью: на действия сторожевого охранения двухдневный безнадежный бой не очень походил бы.

Впоследствии генерал Устимович записал воспоминания о тех событиях, известные, к сожалению, лишь в извлечениях и пересказе. Прежде всего в них примечательно, с каким разочарованием кавалеристы увидели Перекоп, который они явно настроены были защищать на легендарных «позициях Турецкого вала»: «...Глаза искали фортов и других укреплений, о которых мы так много слышали еще в Одес-

се. Городок Перекоп был разрушен и сожжен большевиками при их первом захвате Крыма год тому назад. Уцелела только церковь и несколько строений. У входа в городок никаких укреплений. Не было протянуто даже колочей проволоки. На мокрой, превратившейся в грязь земле валялись разбросанные там и сям колья и намечен путь для рытья окопов... Путь в Крым был открыт, и красные могли войти в него церемониальным маршем». Нарисовав портрет легкомысленного генерала Вицентьева, потерявшего голову при виде показавшихся вдалеке цепей красной пехоты, Устимович далее утверждал, будто в тот же день, 9/22 января, он «попросил полковника Морозова, молодого, распорядительного боевого офицера, отлично знавшего местность, принять на себя командование», и так описывал произошедшее:

«Казаки и добровольцы бегом развернулись в цепь, залегли и открыли редкий огонь. Красные продолжали идти без выстрела. По видимому, наша стрельба не производила на них особого впечатления... Откуда-то сзади, из-за нашего левого фланга, ахнула пушка. Высоко в воздухе, как раз над нашими цепями, разорвалась шрапнель. Полк[овник] Морозов вскипел: – Это что такое! Что они делают? Скачите на батарею, – приказал он своему адъютанту, – скажите, что они бьют по своим. – Батарея продолжала редкий огонь из одного орудия. Шрапнель делала то недолет, то перелет над линией наших цепей, очевидно – брала их в вилку.

Адъютант полк[овника] Морозова возвратился и доложил, что на батарее не оборудована телефонная связь с наблюдательным пунктом, вследствие чего командир батареи не может руководить огнем... Вот она, могущественная перекопская артиллерия!

<...> К довершению зол, Славянский полк, составлявший гарнизон Перекопа, не вышедший на позицию и оставшийся по своим квартирам, открыл в наши спины стрельбу из окон домов и из-за стен уцелевших строений.

При первых выстрелах с тыла полк[овник] Морозов догадался, в чем дело. Он приказал садиться на коней и галопом скакать за валы.
<...>

Красные, окрыленные успехом, густыми массами бежали следом за всадниками. Переход на их сторону Славянского полка вселил в них уверенность в полной деморализации защитников Перекопа и легкой возможности на их плечах прорваться в Крым.

Выждав спокойно, когда красные приблизились к валам, казаки и добровольцы открыли огонь из пулеметов и начали в упор расстрели-

вать атакующих. <...> Убитыми и ранеными покрылась местность перед валами. Атака была отбита.

Перешеек остался за нами, но это стоило страшного напряжения сил для нас. Если бы не спокойствие и решительность полк[овника] Морозова, быстро и правильно оценившего обстановку, Крым был бы захвачен красными в этот тяжкий и памятный день 9 января 1920 года. Не Слащов спас тогда Крым, как об этом сообщалось, а скромный донской казак Василий Иванович Морозов, принявший в свои руки защиту ворот в Крым у Перекопа...»¹⁷

Эмоциональный рассказ очевидца-фронтовика передает немало достоверных деталей происходившего, и еще больше – личных впечатлений, оставшихся в памяти; но сохранившиеся документы из полевых книжек Морозова и его начальника штаба, войскового старшины И.А. Андрианова существенно дополняют нарисованную Устимовичем картину, а во многих деталях – и существенно ее корректируют, начиная с того, что само подчинение Устимовича своему младшему (на 15 лет) соседу произошло, по-видимому, вовсе не так легко и безболезненно. Накануне вышеописанного боя, 8/21 января, Морозов писал Вицентьеву, которого, очевидно, считал начальником боевого участка: «Полагаю, что бригада Генерала Устимовича настолько малочисленна, что самостоятельных задач решать не может», – а 12 часов спустя раздраженно жаловался Слащову: «Сегодня красные повели наступление на Перво-Константиновку со стороны Ново-Григорьевки и Чаплинки силами до 1000 пехоты и 400 конных при 4 орудиях с обходом моего левого фланга по дороге Чаплинка – Перекоп. <...> Состав [моего] отряда сейчас остался 450 человек. На фронте Генерала Устимовича в это время противника не было, полагаю, что мне можно бы было оказать поддержку, но я видел только разъезды, начальник одного из них доложил мне, что его задача [] наблюдать за действиями моего отряда. Когда я попросил орудие, то в нем было отказано, и оно стояло в имении Преображенка в 1½ версте от меня, совершенно бездействуя. <...> Генералом Вицентьевым проявлено недоверие к даваемым мною сведениям о противнике до такой степени, что им высылался разъезд в район расположения моих частей выяснять обстановку помимо меня. Прошу или назначить следствие, или отрешить меня от командования бригадой», – и лишь утром 9/22 января Андрианов передавал распоряжение Устимовичу, добрая воля которого в воспоминаниях оказалась явно преувеличенной: «Согласно телеграммы Генерала Слащова за № 400 вы

подчинены полковнику Морозову. Полковник Морозов приказал с вверенной вам частью немедленно собраться на площади между городом Перекопом и Кантемировкой, где собирается весь отряд. Выслать в штаб отряда 2-х расторопных солдат для связи»¹⁸.

Разобравшись к тому времени с собственной подчиненностью, Морозов в 7 часов утра 9/22 января доносил генералу Васильченко: «Согласно телеграммы генерала Слещова № 400 я вхожу в ваше подчинение. Если собрать всю конницу, имеющуюся в районе Перекопских укреплений, то можно перейти в наступление на хутора, что по дороге из Перекопа на Чаплинку и на село Перво-Константиновку»¹⁹, – как видно, совершенно не представляя себе стратегического замысла Слещова и, вероятно, все еще ожидая подхода к валу 34-й дивизии. Второй день находясь в соприкосновении с наступающими частями 46-й дивизии, неоднократно контратакуя и даже захватывая трофеи, он, несмотря на незначительность собственных сил, все еще пытался удерживать позиции почти в одиночку, о чем говорят его последовательные донесения 9/22 января:

12 часов 05 минут: «Я тремя спешенными полками конницы занял окопы от большой дороги из Перекопа на Чаплинку до Сивашей, где вашей пехоты нет. Артиллерия стреляет по своим, очевидно наблюдатели совершенно не видят противника. Около тысячи пехоты противника идет к нашим укреплениям цепями совершенно безнаказанно»; *12 часов 45 минут:* «сейчас идет сильный ружейный и пулеметный огонь, наша артиллерия молчит. Артиллерия противника безнаказанно громит наши окопы. <...> Перед окопами видно примерно не менее двух тысяч красных. <...> У меня нет патронов, срочно пришлите, возьмите, где можно»; *13 часов 35 минут:* «наша пехота на нашем левом фланге начала уже отходить. Посылаю последний дивизион к ней на помощь. Наша артиллерия преступно продолжает бить по своим. Начался отход по всему фронту»; и, наконец, *20 часов,* Васильченке в Юшунь: «Необходимо стянуть всю пехоту и артиллерию у Ишуня. Очень Вас покорнейше прошу. Генерал Вицентьев неизвестно куда делся, связи с ним нет. Пехоту и артиллерию я предложил полковнику Попову отводить в Ишунь, с конницей остаюсь в Армянске, буду держаться изо всех сил, дабы дать возможность занять позицию у Ишуня»²⁰.

Таким образом уточняется картина, нарисованная Устимовичем. Прискорбная стрельба по своим, конечно, не означала предательства, в том числе и со стороны Славянского полка, который вероятно

и подразумевается Морозовым под «пехотой» (другой пехоты там не должно было быть), а была лишь следствием общей неразберихи в быстро меняющейся обстановке и, может быть, нервозности Вицентьева, передававшейся кому-то из его подчиненных (Славянский полк к 10/23 января отошел в Юшунь, где стал в резерве Васильченки; Вицентьев уехал в тыл, где вскоре умер от тифа). По меньшей мере преувеличена и картина бойни, якобы остановившей красных у Турецкого вала. И, разумеется, доблестные действия бригад Морозова и Устимовича в тот день не могли «спасти Крым», хотя Морозов и сделал большое дело: упорно цепляясь едва ли не за каждую пядь земли, он, по-видимому, создал у противника впечатление, что после оставления вала сопротивление защитников полуострова практически сломлено и дальше можно идти если и не церемониальным маршем, то, по крайней мере, с уверенностью, что основная часть задачи уже выполнена. А дальше-то большевиков и ждал главный сюрприз...

4. От Турецкого вала к Юшуню и обратно. Топографически оборона полуострова строилась на системе соленых озер непосредственно перед выходом с Перекопского перешейка на простор степного Крыма и перед селом и почтовой станцией Юшунь. С запада на восток, от Каркинитского залива, последовательно шли: большой почтовый тракт Перекоп – Армянск – Юшунь, затем озеро Старое, озеро Красное и озеро Круглое (совсем не круглой формы), и далее берег Сиваша, с шириною каждого из дефиле не более 5–6 верст. «При продвижении пр[отивни]ка от Армянска на любой из перешейков (межозерных дефиле. – А.К.) прямое движение с неатакованных перешейков выводило во фланг и тыл наступающему, – вспоминал полковник Рогов. – Кроме того, пр[отивни]к не в состоянии был развернуть на узком Армянском плацдарме больших сил, и мы с малым числом бойцов могли бить его маневром»²¹. Картина нарисована совершенно верно (особую опасность для красных при неизбежной для них попытке втянуться в дефиле представлял отряд полковника Королева – Виленский полк, юнкера и чехи, – стоявший на правом фланге обороны, возле берега Сиваша, и непосредственно угрожавший флангу проходившего мимо противника, которому приходилось выделять часть сил на заслон), однако считать данную позицию неуязвимой никак нельзя, а уверенность Рогова в невозможности для красных развернуть между Перекопом и Армянском «большие силы» приходится отнести к ошибкам памяти мемуариста.

На самом деле именно на численном превосходстве и должен был строиться план действий бывшего прапорщика Р.П. Эйдемана – начальника советской 46-й дивизии. Глубокое эшелонирование боевых порядков наступающих позволяло бы парировать «прямое движение с не атакованных перешейков» даже без разделения своих сил по различным дефиле. Разумеется, даже при равенстве сил наступающих и обороняющихся действовать так довольно трудно, но, казалось бы, превосходство определенно было на стороне большевиков. По советским данным, 46-я дивизия насчитывала около 6000 штыков и 500 шашек (с учетом 13-й кавалерийской бригады) при 18 орудиях и 166 пулеметах²², силы же защитников Юшуни, впоследствии оцениваемые Слащовым в 1550 штыков и 1000 шашек²³, похоже, не дотягивали даже до этой мемуарной оценки: Рогов вспоминал, что в ходе отступления «силы [34-й] дивизии таяли, и <...> 2000 штыков, вышедших из Екатеринослава, обратились в 400–600! Дивизия стала батальоном», – общую же оценку к бою 11/24 января дает следующую: «Всего к этому времени на Перекопе было от 800 [до] 1000 штыков и до 600 сабель при сравнительно сильной артиллерии (до 28–30 пушек, из них четыре 6” [6-дюймовые] гаубицы Виккерса)»²⁴.

Однако советский военачальник не сумел распорядиться своими силами. Одна из трех бригад 46-й дивизии была оставлена Эйдеманом против Чонгара, хотя после взрыва моста возможностей для активных действий там было немного: вероятно, сыграло свою роль стремление «всюду быть сильным» – распространенная тактическая ошибка, над которой позже Слащов не раз иронизировал в своих военно-научных работах. Но если отделение части войск на Чонгарский участок (где еще оставалась 8-я кавдивизия В.М. Примакова) было решением спорным, однако объяснимым, – то совсем уж трудно понять, что имел в виду Эйдеман, выделяя еще одну бригаду (!) для окарауливания нижнего течения Днепра, и как он вообще представлял себе тамошнюю обстановку. 9/22 января, вытеснив Морозова с Турецкого вала, Эйдеман сообщал в штаб 13-й армии: «Вслед за 34-й дивизией отступавшая на Крым 5-я стрелковая дивизия противника (? – А.К.) уже не могла пройти ввиду подхода наших частей к Перекопу в район побережья Черного моря. Противник нервничает, освещает местность прожекторами до Херсона (?! – А.К.). Обращаю ваше внимание на задержку 45-й дивизии, это заставляет меня держать заслон в северном и северо-западном направлениях; таким образом, для Перекопской операции при противнике, весьма

упорном (хорошая оценка действий Морозова! – А.К.), я вынужден выделить конную бригаду и пехотный полк 2-й бригады при пяти легких орудиях»; 11/24 января, выделив на Перекоп все-таки одну стрелковую бригаду, начальник дивизии вновь упирал на необходимость «держатъ заслон от Каховки до берега моря», продолжая видеть противника в районе Берислав – Алешки, где давно уже никого не было²⁵. Заблуждение своего подчиненного разделяло и фронтовое командование, 12/25 января требовавшее от командования 13-й армии установить «конными частями наблюдение за участком р[еки] Днепр – Алешки – Берислав», а от командования 14-й – выслать «особый отряд для занятия в кратчайший срок г[орода] Берислава и дальнейшего затем, если это потребует обстановка, движения совместно с кавчастями 46 дивизии наперерез противнику в случае отхода его из Херсона на Перекоп»²⁶.

В результате Эйдеман сам лишил себя своего главного преимущества, и его 136-я бригада (разведка Слацова выявила здесь 406-й и 407-й полки), двинувшись вслед за отступившим Морозовым, у входа в межозерные дефиле была встречена противником и буквально растерзана мощным артиллерийским огнем (Рогов: «В несколько минут стройные цепи красных обратились в толпу, метавшуюся между озером и курганами. Было видно, как на снегу оставались люди. Все способное двигаться через несколько минут в полном беспорядке бросилось обратно»²⁷) и хладнокровною контратакой 34-й дивизии, поддержанной отрядом Королева (во фланг деморализованному противнику) и конницей Морозова. Даже по советским данным, «407-й стрелковый полк в бою под Армянском потерял убитыми, ранеными и пленными до 70 % личного состава»²⁸, а для укомплектованного мобилизованными «полка гражданской войны» это означало, что он попросту перестал существовать как боевая единица (штаб Слацова сообщал в оперативной сводке: «407-й пех[отный] полк уничтожен полностью, Командир полка убит, захвачено более 600 пленных, взята батарея [в] 4 орудия противника с командир[ом] дивизиона»²⁹).

5. Бой в метели. Все это разыгралось без Слацова, оставшегося со своим штабом на узловой железнодорожной станции Джанкой. Отсутствие Якова Александровича на Перекопе объяснялось не только беспокойною обстановкой и на правом, Чонгарском участке, более слабом (11/24 января «красные вели целый день настойчивые атаки на Сальково, атаки поддерживались огнем двух бронепоездов, все атаки отбиты»; 14/27-го сообщалось, что «настойчивые атаки про-

тивника на ст[анцию] Сальково отбиты, перейдя в контратаку, наши части лихим штыковым ударом отбросили [противника] на Дмитриевку»; 16/29-го «противник, пользуясь сильной метелью, атаковал наши части [в] районе Сальково, но ружейным и артиллерийским огнем был отбит»³⁰), – но и необходимостью все время находиться у телеграфного аппарата, координируя борьбу на различных направлениях и ведя подчас нервные разговоры с тылом и Ставкой. Слащов вспоминал:

«Вечером [10/23 января] я получил телеграмму от Деникина, который, сильно обеспокоенный, уже предъявлял мне вексель, выданный мною заявлением, что защиту Крыма ставлю вопросом чести. Телеграмма гласила: “По сведениям от англичан, Перекоп взят красными, что вы думаете делать дальше в связи с поставленной вам задачей”. В мой план, очевидно, никто не верил.

На это я ответил: “Взят не только Перекоп, но и Армянск. Завтра противник будет наказан”. <...>

В 13 час[ов] [11/24 января] я уже продиктовал донесение Деникину, что наступление красных ликвидировано, отход противника превратился в беспорядочное бегство, захваченные орудия поступили на вооружение артиллерии корпуса»³¹.

Тогда же, 10/23 января, генерал издал приказ, адресованный населению Крыма: (§ 1) «Противник атаковал наше сторожевое охранение под Перекопом и занял названный пункт. Зная нервность населения, не имеющего возможности правильно разобраться в обстановке, объявляю: колебания фронта у Перекопа и Сальково мною предусмотрены и будут повторяться впредь»; (§ 2) «Граждане, от Вас прошу доверия, требую спокойной повседневной работы. Категорически запрещаю распространение панических слухов и объявляю распространяющих последние – преступниками, содействующими большевикам»³².

А паника могла привести к последствиям поистине губительным. За две с половиною недели пребывания в Крыму Слащов, конечно, не имел возможности даже взять на учет остатки частей и тыловых учреждений, скопившихся на полуострове и представлявших собою питательную среду не только для слухов, но и для противоправных действий, что вызвало «приказ по Крымскому району», отданный Слащовым 17/30 января: «Отход 9 января нашего сторожевого охранения от Перекопа вызвал панику в ближнем тылу, и некоторые обозы, вместо того, чтобы помогать фронту вовремя накормить

бойцов, позорно удирали в тыл. На основании ложных непроверенных слухов мелкие команды пополнения, следовавшие на фронт, не ускорили свой шаг вперед и не пришли на помощь честно выполнившим свой долг, а повернули назад. Советую вернуться, пока не поздно. Предупреждаю, что все без дела болтающиеся в тылу, грабящие население, предательски оставляющие без поддержки своих братьев в бою, будут мною беспощадно уни[чтожаться] как паразиты морального сыпняка»; «начальникам дивизий произвести чистку своих тылов до линии Джанкой (искл[ючительно]), Богемка, Воинка, Дюрмень (включ[ительно]), проверить местонахождение своих тыловых частей. <...> Район южнее указанной линии очищу сам, выслав конный отряд с пулеметами и широкими полномочиями»³³. В такой обстановке местонахождение начальника обороны в ближнем тылу было, пожалуй, необходимо, за Перекопом же он следил, насколько мог, – например, направив туда на подмогу 49-й Брестский полк (13-й дивизии) и «эскадрон немцев-колонистов», упоминающиеся в оперативном приказе 17/30 января³⁴. Однако незадолго до этого отсутствие Якова Александровича на Перекопском боевом участке чуть было не сыграло роковую роль во всем ходе обороны.

Мираж Турецкого вала, несмотря на то, что теперь все знали – никаких укреплений там нет, – продолжал манить командование боевого участка, и войска генерала Васильченко, преследуя разбитого 11/24 января противника, вскоре вышли на вал и сделали попытку там закрепиться. Полковник Рогов утверждал позднее, что предполагалось лишь сделать дневку, однако это либо ошибка памяти, либо лукавство мемуариста: в приказе, датированном 12/25 января, подписанном Васильченко и скрепленном самим же Роговым, ясно говорится о занятии и обороне позиций на валу Славянским, 133-м Симферопольским и 136-м Таганрогским полками и предписывается «теперь же приступить к укреплению вала, мобилизовав для этой цели шанцевый инструмент и пользуясь для работы как войсками, так и местным населением»³⁵. Недооценив упорство и волю Эйдемана, «наказаны» теперь были уже защитники Крыма: рано утром 15/28 января они получили серьезный удар (разведка установила присутствие здесь 406-го стрелкового и Алатырского конного полков и всей 137-й стрелковой бригады).

На сей раз даже погода была на стороне большевиков: с утра валил плотный снег, перешедший во вьюгу, и «ослепшая» артиллерия не могла вести эффективного огня. Связь с частями, отходящими от

вала, также оказалась нарушенной, и в распоряжении командования, находившегося в Армянске, имелся лишь отряд Королева и часть конницы Морозова, – а мимо Армянска уже двигались сквозь вьюгу в Крым красные стрелки, и возникала неприятная перспектива пропустить врага на полуостров.

Контратака началась почти вслепую, однако красные, также ослепленные снегом, вероятно, чувствовали себя неуверенно и, натолкнувшись на Конвойный полк Командующего Донской армией (в свое время генерал В.И. Сидорин отправил свой конвой на фронт, и вот он в составе бригады Морозова дошел до Перекопа), немедленно обратились вспять. Меньше повезло юнкерам полковника Сребницкого, вышедшим в лоб на пулеметные тачанки, – однако, бросившись под убийственным огнем в штыковую и потеряв убитыми самого Сребницкого, 2 офицеров и 29 юнкеров и ранеными 4 офицеров и 51 юнкера³⁶, батальон сбил противника, повернувшего к Перекопу. Королев с Виленским полком преследовал красных, уже не вступая с ними в соприкосновение, и, соединившись перед валом с ранее отошедшими оттуда полками, вместе с ними выгнал большевиков обратно за вал³⁷. Одного из убитых офицеров-константиновцев «нашли с застывшей правой рукой, занесенной ко лбу для крестного знамения»³⁸, и казалось, что этим Крестом не меньше, чем штыками юнкеров и шашками донцов, было совершено чудо спасения Крыма. Еще несколько дней продолжались атаки красных, но, несмотря на упорство Эйдемана и начавшийся подход от Чонгара 8-й кавдивизии Примакова, боевое счастье явно отвернулось от них – как выяснилось, на всю зиму.

Таким образом, стратегический талант и воля генерала Слацова, мужество и инициатива подчиненных ему войсковых начальников, доблесть офицеров, юнкеров, солдат и казаков, даже несмотря на заминки из-за плохой связи и взаимного недопонимания, на фоне принципиальных оперативных ошибок советского командования, сделали первый бой на Перекопском перешейке одним из ярчайших и важнейших по своим последствиям (удержание стратегически важного для всего Юга России плацдарма) событий Гражданской войны.

¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.

² Там же. Д. 33. Л. 164.

³ Там же. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 80. Л. 36.

⁴ Там же. Д. 64. Л. 626; Д. 80. Л. 87.

- ⁵ Там же. Д. 81. Л. 59.
- ⁶ Там же. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 14. Л. 119, 128, 120.
- ⁷ Слащов Я.А. Крым в 1920 г.: Отрывки из воспоминаний. М.; Л., [1924]. С. 27.
- ⁸ Деникинцы о состоянии своего тыла // Красный Архив: Исторический журнал. М., 1935. Т. 5 (72). С. 195.
- ⁹ Слащов Я.А. Указ. соч. С. 28.
- ¹⁰ Аверьянов П.И. Генерал Слащов-Крымский // Новый исторический вестник: Избранное, 2000–2004. [М.], [2004]. (Библиотека «Нового исторического вестника»). С. 257.
- ¹¹ Слащов Я.А. Указ. соч. С. 28.
- ¹² Там же. С. 33, 34.
- ¹³ РГА ВМФ. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 40. Л. 620 и об.
- ¹⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39696. Оп. 1. Д. 22. Л. 27 об.–28.
- ¹⁵ Там же. Л. 17 об.
- ¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 596. Л. 7.
- ¹⁷ Цит. по: Матасов В.Д. Белое движение на Юге России, 1917–1920 годы. Montreal, 1990. С. 137–140.
- ¹⁸ РГВА. Ф. 39696. Оп. 1. Д. 22. Л. 52, 59 и об., 68.
- ¹⁹ Там же. Л. 64.
- ²⁰ Там же. Л. 69; Д. 23. Л. 2, 4, 8.
- ²¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 596. Л. 11.
- ²² Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Т. 4. М., 1978. С. 119–120.
- ²³ Слащов Я.А. Указ. соч. С. 24, 38.
- ²⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 596. Л. 7, 12.
- ²⁵ Панков Д.В. Комкор Эйдемман. М., 1965. (Советские полководцы и военачальники). С. 59.
- ²⁶ Директивы командования фронтов... Т. 2. М., 1972. С. 396, 397.
- ²⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 596. Л. 14.
- ²⁸ Коротков И.С. Разгром Врангеля: Оперативно-стратегический очерк. М., 1939. С. 7.
- ²⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-87. Оп. 1. Д. 37. Л. 5.
- ³⁰ Там же. Л. 5, 8, 9.
- ³¹ Слащов Я.А. Указ. соч. С. 40.
- ³² РГА ВМФ. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.
- ³³ РГВА. Ф. 39696. Оп. 1. Д. 54. Л. 6 об., 7.
- ³⁴ Там же. Л. 5.
- ³⁵ Там же. Л. 3 и об.
- ³⁶ Константиновское Военное Училище, 1865–1922. Горная Джумая, 1922. С. 3.
- ³⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 596. Л. 16–18.
- ³⁸ Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923. С. 68.

Л.В. Кудзеевич (Санкт-Петербург)

ЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ ФЕЛЬДМАРШАЛА П.П. ЛАССИ

«МЕСТО МОЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ есть Киллиди, в Ирландии, в графстве Лимерик, где я родился 29 сентября 1678 г. Моим отцом был Петр де Ласси, сын Джона де Ласси, из рода Баллингари-Ласси из того же графства Лимерик. Моей матерью была Мари де Кортни, дочь Томаса де Кортни и Катерины Нэйгл», – так, вполне традиционно, начинается автобиография российского фельдмаршала Петра Петровича Ласси, описывающая его военную службу с 1691 по 1736 г. Большая часть этого документа посвящена периоду Северной войны, и именно к ней мы хотим привлечь внимание. В Европе текст стал известен в конце XVIII в. благодаря публикации принца де Линя¹, которую использовали для написания биографий П.П. Ласси Бантыш-Каменский и Бергман². Переведенный на французский язык «Журнал» фельдмаршала графа Петра де Ласси содержит много несоответствий известным фактам и явных ошибок, которые до сих пор встречаются во французских и англоязычных биографиях Петра Петровича. В России этот текст не был воспринят как исторический источник и не подвергался критическому анализу со стороны исследователей. В процессе исследования деятельности П.П. Ласси нами был обнаружен английский вариант его автобиографии, напечатанный в 1798 г., в «Британском военном журнале»³, изучение которого позволило иначе оценить значение данного документа.

Прежде всего, удалось окончательно убедиться, что «Журнал» был создан при непосредственном участии П.П. Ласси, так как публикаторы в обоих случаях не сообщают об источнике появления у них данного документа. Можно только догадываться, что принц де Линь мог получить рукопись у австрийского фельдмаршала Морица

Ласси, сына Петра Петровича, с которым был хорошо знаком. Уже из его перевода было видно, что автору «Журнала» известны такие подробности Северной войны, которые нельзя было найти в печатных изданиях XVIII в. Английский же вариант позволил точнее понять ряд эпизодов частного характера, непосредственно связанных с Ласси и подтверждающих его авторство.

Во-первых, это история поступления Петра Петровича на русскую службу вместе с герцогом К.-Е. де Кроа. Хотя факт приезда герцога в Новгород накануне нарвской осады был хорошо известен, информация о том, что он привез с собой в Россию офицеров из Вены, нашла документальное подтверждение только в сочинении Н. Устрялова. В опубликованных им письмах герцога 1701 г. из Ревеля царю и Меншикову значится: «...я уже более полугода в плену, а ваше царское величество ни однажды милости не показали уведомиться о моем состоянии и вспоможение прислать, хотя из Вены я привез до 70 офицеров и каждому из них дал на проезд по 100 рублей, что составит 7000 рублей...» и «Я передаю вам, моему высокопочтеннейшему господину брату, не с единой ли покорности к службе его царского величества и для пользы с 85-ю офицерами из Вены прибыл? Каждый из них мне стоил до Новгорода по 100 червонных, и того 8500 червонных...»⁴. Там же приведена и «Роспись королевских Польских начальных людей, которые с его высококняжою пресветлостью герцогом Кройским к его царскому величеству к Москве посланы были: Генерал-адъютанты герцога фон-Кроя: Дукодре полуполковник и фон-дер Фекен; капитаны: Комте, Деласен, Линден, Брейзах, Селмних; поручик Думонт; прапорщики: фон-Келер, Демонс, Ведерган; сержант Колсгаузен», которую Устрялов датирует 1700 г.⁵ В этом списке особый интерес вызывают капитаны Комте и Деласен, поскольку «comte» по-французски означает граф, а de Lacy легко мог стать Деласеном.

Другой подобный эпизод – назначение Ласси в 1706 г. в Полоцк, – также прослеживается только по публикациям конца XIX – начала XX вв. В статье о П.П. Ласси в энциклопедии Леера Д.Ф. Масловский пишет: «1706 г. именованным указом Петра I назначен в новонабранный полк (Куликова теперь 1-й пехотный Невский) подполковником, и в этом полку офицеров и солдат “привел к регулярному ученью”»⁶. Некоторые детали находятся в «Письмах и бумагах императора Петра Великого»: 9 августа 1706 г. фон Верден пишет Петру из Полоцка: «...также и полк, которо(й) был у маора Кара, отдал подполковнику

Леси...», на что Петр отвечает 20 августа: «...А ты ведай полк, что был маеора Кара»⁷. Тем не менее свой полк Ласси вскоре получил, так как в составе бригад генерал-майоров Чамберса и Фон-Вердена 3 декабря 1706 г. числился и полк Лесли (т. е. Ласси – шотландцы Лесли не подходят сюда по возрасту)⁸.

Еще один пример полного совпадения сведений о событии, имевшем значение лишь для небольшого количества его участников – шторм в Финском заливе 4 июля 1719 г. Запись из журнала Ласси: «30 я был откомандирован вперед, с 26 галерами и 4000 человек к Аланду, где я встал на якорь 4 июля... между Юнгфернсчирен и Соттингау я пережил жестокий шторм. В этот же день, 4 июля Его Величество также прибыл с адмиралом к Аланду». И в «Камер-фурьерском журнале» Петра I за тот же день в сообщении о переходе морем к Аландским островам: «в 10-м часу пополудни стал ветер WNW и тем шли мили с две, потом вдруг стал шторм, что с великим трудом пристали к острову Гусеи... и за тою погодою стояли там часов с пять. А оттуда паки пошли шхерами и, отъехав одну милю, увидели генерала-маеора Лесия в 17-и галерах и нескольких островских лодок»⁹.

Но окончательно причастность Ласси к написанию данного текста доказывает подтверждение ряда сведений исключительно архивными документами. Приведем лишь два факта из «Журнала» за 1712 г., совпадающие со сведениями из писем князя А.И. Репнина А.Д. Меншикову:

Ласси: «В Торне я получил приказ взять 3000 пехоты и 1000 драгун и идти на встречу польскому генералу Гразенскому, активному партизану шведского короля, который сжег один из наших магазинов и угрожал всем оставшимся той же судьбой...». Репнин 8 июня пишет из Таруни (Торна): «а сего числа ради поспешания дабы полскую ребелию одержать и Познань охранить командировал я на перед до Познани один драгунский полк и 3000 пехоты под кумандою брегадира Леси без обозов и велел как наискорее поспешал к Познани»¹⁰. Хотя эпизод с рейдом Гразенского в целом известен, в «Истории швейской войны» о посылке против него отряда от корпуса Репнина вообще не упоминается¹¹;

Ласси о пребывании войск в Мекленбурге: «Мне было приказано занять, с тремя полками, проход возле маленького городка Лесзцин, на расстоянии 3 миль от Ростока». Репнин 21 ноября из Волкендорфа: «Также три полка пехотных под кумандой Генерала Майора Леси

в Тесин на контонирс квартиру командировал в том числе Новогородской, Белогородской, Ростовской...»¹².

Другим результатом изучения английской версии «Журнала» и сравнения ее с французским переводом стало более четкое понимание характера имеющихся в них ошибок и странностей. Детальное сравнение французского и английского вариантов текста показало, что английский вариант более точен в деталях и содержит меньше ошибок. Характер целого ряда сокращений и добавлений, имеющих во французской версии, позволяет предположить, что они были сделаны де Линем при переводе с целью улучшить понимание текста читателем. Тем не менее, оба варианта «Журнала» содержат ряд одинаковых искажений исторических фактов, которые невозможно списать на ошибки при наборе текста. Особенно привлекают внимание расхождения и путаница в датах в обоих текстах. Большинство полных дат дано по старому стилю, но если одни точны, то другие могут отличаться на несколько дней. Характерный пример – запись о капитуляции Риги в 1710 г., которая в английском тексте датирована 27, а во французском 29 июня, при том что фактически 27 было заключено перемирие, а 29 город согласился на капитуляцию. Совсем другую ситуацию мы видим в записи за 1713 г. об осаде Теннингена, где открытие траншей и сдача города датированы 3 и 26 (месяц пропущен) в английском тексте и 3 и 16 мая во французском, тогда как по русским источникам это 24 апреля и 3 мая. То же и со следующей датой – прибытие русских войск к Штеттину: 29 и 23 июня и 11 июля соответственно, что наводит на мысль о не очень удачных попытках пересчитать в этом месте даты на новый стиль. К сожалению, без рукописного оригинала данного текста можно строить лишь более или менее обоснованные догадки о его различных особенностях, но это все же позволяет получить о нем некоторое представление.

Первое, что обращает внимание при просмотре «Журнала» – это его завершение в конце 1736 г., т. е. накануне знаменитых походов фельдмаршала в Крым. Представляется маловероятным, что он счел излишним писать об этом и последующих событиях в силу их известности, тем более что о своих не менее известных рейдах в Швецию в 1719 и 1721 гг. он написал. Журнал, скорее всего, не был закончен, что хорошо согласуется с датой, приведенной в названии текста у де Линя – «от 12 января 1751 г.», т. е. за три месяца до смерти Ласси. По воспоминаниям шотландского медика Джона Кука, с июля 1749 г. заботившегося о здоровье фельдмаршала, с августа 1750 г. тот се-

рзезно болел и не мог заниматься делами по службе¹³. Вероятно, именно в этот период Петр Петрович и стал сочинять мемуары, которые диктовал своим секретарям. И, скорее всего, именно не знавшие подробностей Северной войны секретари могли поместить Ее Величество на военный корабль в Анландских островах в 1719 г. или назначить полковника Ласси командовать 15 000 войска при атаке на Ромну в 1708-м. К невнимательности переписчиков следует также отнести отсутствие слов «центра армии» или «дивизии Репнина» после «командовал правым флангом» в записи о Полтавской битве и ряд других моментов. Большинство таких ошибок очевидны или исправлены в наших предыдущих докладах, и мы не будем на них останавливаться.

Самым интересным результатом изучения и перевода английской версии «Журнала» П.П. Ласси стало понимание того, что он является не только историческим документом, но и произведением литературы. Казалось бы, уже сама форма, выбранная Петром Петровичем для своей биографии – походный журнал – предполагает лишь сухое изложение фактов. И тем не менее то там, то здесь в лаконичных фразах военных донесений встречаются литературные украшения и даже патетические обороты. Наиболее целостным и показательным в этом отношении является, на наш взгляд, часть «Журнала», посвященная участию Ласси в Северной войне. Данный фрагмент текста является довольно редким образцом полной истории Северной войны с точки зрения одного из ее участников. Мы можем увидеть, как спустя годы он осмысливает историю своей жизни, выделяя важное и второстепенное, и вписывает ее в историю России и северной Европы. Целый ряд деталей повествования показывает, что выросший в Ирландии и сформировавшийся на французской службе Питер де Лэйси до конца жизни считал себя европейцем. И биографию свою он писал в расчете на европейского читателя: сотня новгородской поместной конницы становится ротой мушкетеров, Чудское озеро названо Пейпус, а другие названия снабжаются пояснением «как их называют русские», используется французская мера длины туаз (равна 6 футам или 2 метрам) и т. д. Но особенно интересно отметить, что автор пытается придать излагаемым событиям некоторую эпичность, которая заметна во фразах вроде «18-го мы приступили к нашим разрушениям, неся пожары и опустошение всем землям, расположенным между Гевелем и Питами» и в именовании Днепра античным именем Борисфен.

Приводимый ниже сделанный нами перевод с английского этой части текста начинается в 1698 г. с истории попадания П. П. Ласси на русскую службу. Сам процесс перевода представлял определенную дилемму, так как полностью восстановить строй и лексику русского языка середины XVIII в. не представлялось возможным, а использовать современный язык – неправильным. В итоге главной задачей стало сохранение авторских особенностей текста и его речевых конструкций, для чего использовалась как лексика и географические названия того времени, так и не совсем удачные с точки зрения современного языка конструкции, точнее соответствующие английским фразам. С той же целью в тексте отмечены лишь ошибки, мешающие пониманию общего хода повествования.

**Журнал его превосходительства фельдмаршала графа
Петра де Ласси, на службе России, собственноручно им писанный**

После разрушения Нового Бризака и Рисвикского мира полк был расформирован, вследствие чего я оставил французскую службу с намерением послужить на войне, которую вели между собой Германский император и турки. Но мир был заключен как раз в то время, когда я прибыл в Венгрию, я решил предложить свою службу маршалу герцогу де Кроа, направленному своим господином, королем Польши, нанимать офицеров в Вену. Он отвез меня как лейтенанта в Польшу, а затем из этого королевства к Риге, которую король осаждал сам. После короткого пребывания герцог получил приказ идти к Нарве, с офицерами, которых он с собой привез, примерно с сотню; поскольку Российский император Петр I, в союзе с Польшей, нуждался в офицерах для обучения дисциплине своей армии. Герцог представил нас Его Императорскому Величеству, после нашего приезда под Нарву, осажденную русской армией. Он сам был назначен главнокомандующим, а прибывшие с ним офицеры, получив одобрение, были распределены по полкам. Я получил роту в пехотном полку под командованием полковника Брюса. 9 ноября 1700 года шведская армия прибыла на помощь городу и русская армия была разбита и принуждена отступить к Новгороду.

В году 1701 наш полк перешел в Псков для соединения с корпусом под командованием князя Репнина. 1 мая мы выступили в Ливонию в составе 19 пехотных полков для соединения с саксонской армией, которая еще продолжала осаждать Ригу. В скором времени после нашего соединения саксонская армия была разбита шведами и при-

нуждена отступить в Литву. Русские войска возвратились в Псков. Фельдмаршал Шереметев, которому было передано командование, снова вступил в Ливонию и предложил сражение шведскому генерал-майору Шлиппенбаху в окрестностях Дерпта.

В этом деле шведы, многие из которых были убиты и взяты в плен, потеряли всю свою артиллерию и амуницию. В продолжение кампании фельдмаршал снова атаковал шведскую армию возле деревни Хаммерсхоф, где шведы были принуждены оставить поле сражения, с потерей 3000 убитыми и большого числа ранеными и все наименования багажа и артиллерии.

В эту кампанию Император, лично командуя армией, также добился нескольких преимуществ над шведами в Ингрии. В Ливонии Мариенбург и Вольмар сдались русским и гарнизоны стали военнопленными.

В году 1703 фельдмаршал Шереметев взял Копрье и Ямбург в Ингрии. В последнем городке я получил командование над ротой мушкетеров, числом доходивших до 100, и состоявшей из русских дворян, которым было приказано, за их собственный счет, снабжать себя оружием и лошадьми.

В году 1704 фельдмаршал Шереметев добился сравнимых преимуществ над шведами, на озере Пейпус, он также взял города Дерпт и Нарва, куда Его Величество Император прибыл лично.

В году 1705 Император пошел с армией в Польшу, где я был повышен в чин майора в пехотный полк Шереметева. Его Величество отделил фельдмаршала атаковать шведского генерала Левенгаупта, что он сделал возле Мур-мызы в окрестностях Митавы, но был отброшен с потерей: эти обстоятельства принудили Императора идти с оставшейся армией в Курляндию высматривать Левенгаупта. Но шведский генерал не счел благоразумным дожидаться его, перешел Двину и занял позицию под валами Риги, а тем временем русская армия взяла город Митаву.

На следующий год наша армия пошла из Польши на Украину, куда она пришла в мае. 29 июля, в годовщину дня рождения Императора, который находился тогда в Городке, в двух милях от Киева, Его Величество милостиво пожаловал мне чин подполковника, приказав мне, в то же время, отправиться присоединиться к полку в Полоцке. Мне было также приказано наставить, с надлежащей быстротой, строевому учению новонабранные полки, поставленные лагерем в том же месте.

В году 1707 шесть полков пошли к Быхову, городу в Польше, относящегося к князю Сапеге. Отряд по прибытии туда в мае присоединился к ведущему осаду корпусу под командованием генерал-лейтенанта Боура. 7 июня мне было приказано открыть траншеи в десяти таузах от контрэскарпа. По этому случаю противник сделал вылазку, я отбросил его с потерей. 14-го того же месяца крепость капитулировала и мой полк был отправлен на квартиры в Литву.

В году 1708 я получил приказ присоединиться к большой армии, и Его Величество по доброте своей назначил меня командовать Сибирским пехотным полком. Армия продвинулась к Копаси на Борисфене, где и укрепились в расчете перехватить проход шведского короля, который продвигался со своей армией, идущей из Саксонии; но корпус князя Репнина был побежден шведами, армия отступила к Горкам, на другом берегу Борисфена, пока Король не направил свое движение в сторону Украины, в расчете соединиться с Мазепой, начальником казаков. В это время Император получил известие, что генерал Левенгаупт вышел из Риги, с 18 000 человек, чтобы соединиться с армией Короля на Украине, Его Величество, с гвардией и частью армии, отправился дать им сражение, которое произошло при Лесной, возле Могилева, где он принудил его к сражению и победил его. Большое число шведов было убито или схвачено; а сам генерал, с небольшим окружением, спасся бегством. После этой победы наша армия пошла на Украину. 5 ноября я получил приказы идти с двумя полками к Перегове, где шведы старались навести мост через Десну. Быстрая акция была следствием, и шведы были принуждены были оставить попытку со значительным уроном. После этого они попытались пересечь реку ниже по течению, возле деревни Мишин, каковое намерение я расстроил, лично захватив редут и батарею, которые они соорудили. Я получил приказы переместиться на лигу вниз по течению реки, так как было сообщено, что попытка переправы возобновится; но они возвратились в Мишин, где генерал Гордон занял позицию после того, как я ее оставил: шведы перешли реку и разбили его. В декабре месяце генерал Алларт отрядил меня с 15 000 человек для нападения на Ромны, где король Швеции расположил свою квартиру. Но он ушел передо мной в Гадяч, так что я занял позицию в Ромне с тремя батальонами пехоты, полком драгун, ротой гренадер и 500 казаков, но поскольку шведская армия располагалась во всех местах, окружающих город, я сделал необходимые приготовления для укрепления своей обороны.

1 января 1709 года Его Величество, в виде следующей награды за мою службу, пожаловал мне гренадерский полк. Во время знаменитой Полтавской битве, в которой я участвовал в качестве бригадира и командовал правым флангом, я получил ранение. После этой памятной победы наша армия пошла в Ливонию, под командованием фельдмаршала Шереметева. Мы прибыли к Риге 15 октября, блокировали этот город и бомбардировали всю зиму; а также Динамюнде, где я командовал операциями.

20 июня 1710 года я был направлен атаковать предместья Риги, окруженные рвом и палисадом. Я выбил неприятеля из предместья, которое он предал огню: я потерял 15 моих гренадер, и один лейтенант был ранен. С наступлением ночи я открыл траншеи перед цитаделью, и по этому случаю у меня было убито и ранено сорок человек. 27 июня город, цитадель и вскоре затем форт Динамюнде капитулировали. Во время капитуляции я был вторым представителем с нашей стороны и первым вошел в крепость со своим полком, комендантом которой я был незамедлительно назначен.

В году 1711 турки объявили войну России, и военные действия тут же преуспели декларацию, которая была сделана 3 февраля. Я оставил Ригу с 3 полками и прошел через Польшу к границам Турции. Во время этой кампании наша армия претерпела многие трудности, страдала от большой нехватки воды и фуража. Мир был заключен на берегу Прута, и армия пришла в движение, чтобы возвратиться в Польшу, где мне было поручено приготовить квартиры, а также провизию и фураж, для наших войск.

3 августа 1712 (*правильно – 1711*) Его Величество произвел меня в бригадиры и приказал мне маршировать в Смоленск с корпусом нашей армии, под командой князя Репнина. В этом месте князь получил приказ идти через Польшу в Померанию, с одиннадцатью полками, из которых два были гренадерскими. В Торне я получил приказ взять 3000 пехоты и 1000 драгун и идти навстречу польскому генералу Гразенскому, активному партизану шведского короля, который сжег один из наших магазинов и угрожал всем оставшимся той же судьбой; но он ретировался в Силезию, как только слышал о нашем приближении. Я дождался, по этой причине, с моим корпусом в районе Познани князя, поскольку он вел нашу армию через территорию Бранденбурга, к Штетину, в Померании, находившемуся тогда в осаде. Его Величество Император прибыл вместе с князем Меншиковым к армии, которая сняла осаду Штетина и 22 августа

направила свой марш в Мекленбург, куда шведский маршал, граф Штейнбок, уже вошел возле Дунгартена и занял позицию между Висмаром и Ростоком. Мне было приказано занять, с тремя полками, проход возле маленького городка Лесцин, на расстоянии 3 миль от Ростока.

12 сентября милость Его Величества провозгласила меня генерал-майором. Граф Штейнбок, после разбития датчан, которых вел в Мекленбург сам король, дабы соединиться с русскими и саксонскими войсками, ушел в Голштинию, тогда как Император преследовал его со своей армией и с саксонской, и соединился с королем Дании под Рендсбургом 13 января 1713. Совершив сие, два суверена пошли со своими армиями и саксонской на встречу с неприятелем. Они нанесли ему несколько поражений и принудили его отступить в крепость Теннинген, что стало поводом к осаде этого места отрядом союзных войск. Я получил команду над русским корпусом, состоявшем из 13 батальонов, под началом датского генерала Сайза, который был главным командиром. Траншеи были открыты 3 [??], а 26 числа того же месяца генерал Штейнбок сдал город, гарнизон сделался пленником войны. Оружие, равно как и артиллерия, были распределены между русскими, датчанами и саксонцами, и я был выбран производить раздел. От Тённингена наша армия пошла через Гамбург к Шецину, куда мы прибыли 29 июня. 13 ноября [*так в тексте*] перед городом были открыты траншеи, и 29-го он сдался. После этой осады русская армия прошла через Бранденбург и Польшу в Россию. Я прибыл в феврале месяце 1714 года с четырьмя полками в Смоленск, где провел остаток зимы. Летом армия стояла лагерем у Юнфор-гоф, на расстоянии одной лиги от Риги в Ливонии, а следующую зиму квартировала в окрестностях этого места. 8 ноября я отбыл в мое маленькое поместье Лёзер, где я провел остаток зимы с женой и семьей.

В году 1715 я был послан в Курляндию, на побережье возле Либавы, для предупреждения высадки шведского десанта. 19 июля я получил приказ идти через Самогитию, через польскую Пруссию и через Польшу в Померанию, но отменяющий его приказ настиг меня в Бирнбауме в Польше.

В году 1716 я пошел с пятью полками из Польши через польскую Пруссию, через Кульм и Эльбинг, прошел рядом с Данцигом, через Штеттин к Висмару, куда я прибыл 31 марта и усилил 5 полками, находившимися под моим началом, датские, прусские и ганноверские

войска, которые осаждали этот город двенадцатый месяц. Через несколько дней после моего прибытия он сдался союзникам. Когда князь Репнин прибыл с остальной армией, наши войска разместили по квартирам в Мекленбурге. Корпус Шереметева стоял на квартирах в городе с этим названием, мой был размещен в маленьком городке Кревниц, где я находился до июня месяца, когда я был направлен в Барнсдорф, в лиге от Востока, месте randevу нашей армии. 2 сентября Его Вел. Император приказал грузиться на суда всей армии, достигавшей в кавалерии и пехоте 30 000 человек. Мы отплыли в тот же самый день в Копенгаген, куда прибыли 3-го, в 10 часов утра. Завершив высадку, 5-го мы поставили наши палатки рядом с городом, и простояв лагерем в этом месте восемнадцать дней, мы были переправлены назад в Мекленбург; там армия оставались на квартирах до 12 июля следующего года [?? – 1717], когда армия получила приказ вернуться в Россию. После долгого и трудного марша, я прибыл 5 февраля 1717 [*правильно* – 1718], с моим отрядом из четырех полков, в польскую Ливонию, где мы разместились на квартирах; мой собственный полк был в деревне Ликсна. 20 мая 1718 года полки, находившиеся в Литве и части польской Ливонии, были посланы к Данцигу, по приказу князя Репнина, дабы заставить этот город соблюдать условия соглашения, которое он ранее заключил с Императором. Жители Данцига согласовали дела с Князем, армия была выведена на квартиры в Вердере и в палатинате Померелия.

В году 1719 армия вернулась в Ригу; я оставил мою квартиру в Праусте, в окрестностях Данцига, и прибыл в Ригу 24 апреля, с тремя полками под моим командованием. По моем прибытии я получил указ, написанный собственно Его Величеством, который вызывал меня в Петербург, куда я прибыл 11 мая. Его Величество дал мне указание сражаться в предстоящую кампанию на галерах, под началом адмирала графа Апраксина. Мы погрузились на суда в Петербурге 31 мая и 1 июня отплыли в Кроншлот, куда прибыли 2-го и вновь отплыли 9-го в Финский залив, вместе с корабельным флотом, на котором находился Его Величество. Мне выпала честь командовать арьергардом. Авангардом командовал генерал-лейтенант Бутурлин, а главным корпусом адмирал. 16-го наши галеры встали на якорь в Гельсинфорсе, в Финляндии. Его Величество отвел флот в Ревель, чтобы соединиться с эскадрой, которая провела там зиму; 19-го мы пошли из Гельсинфорса к Гангуту. Здесь Его Величество присоединился к нам с флотом, и я имел честь обедать с Его Величеством на

борту его корабля, также как и 29-го, в день его рождения. 30-го я был откомандирован вперед, с 26 галерами и 4000 человек к Аланду, где я встал на якорь 4 июля и нашел князя Голицина с его галерами, которые зимовали в Або; между Юнгфернсчирен и Соттингау я пережил жестокий шторм. В этот же день, 4 июля Его Величество также прибыл с адмиралом к Аланду; 6 мы отбыли к Филхаму; и 7-го один военный корабль бросил якорь у Ламеланда. 10 июля адмирал отплыл к Аландсгофу, в сторону Стокгольма, со 115 галерами, имевшими 22 пехотных полка на борту с несколькими сотнями казаков и их лошадьми. 11-го в 9 часов по полуночи мы прибыли к Свенске-Ботин, в 12 лигах от Стокгольма; 12 июля я был командирован с 22 галерами, имевшими 4000 войска на борту, от северного побережья к Гевелю, в Вестерланде. Адмирал с главным флотом взял курс на запад от Стокгольма, в направлении Норчепинга. В тот же день я пристал к Арнгольму; 13-го я приплыл к Сингему, 14-го к Харриену, где, произведя высадку, я разрушил заводы и взял нескольких пленных. От Харриена я отправился к Гебонику, затем к Отлабрюгу, куда прибыв 16-го, я вышел на берег и разорил заводы этого места; оттуда я поплыл к Остхаммеру, который был разграблен и сожжен. 19-го я захватил двух шведских купцов, возле острова Бресон. 20-го я достиг Форшт Марк брука, где шведский генерал-майор стоял в укреплении с двумя полками. Я высадил 1400 человек, атаковал и принудил их к отступлению, с потерей 3 ротных пушек, которые они оставили позади. От этого места я продолжил мой путь к Листу, где неприятель укрепился сходным образом. По репортам там было до 900 пехоты и 600 конницы. Я сошел на берег и, не теряя времени, атаковал; они были разбиты, в результате чего 7 ротных пушек и 2 кулеврины попали к нам в руки. После этого Лестабрук был обращен в пепел, и я продолжил путь к Гевелю, сжигая и опустошая все на пути вдоль побережья, также как и на прилегающих островах. 3 августа я возвратился от Суитланда к Аландам, куда прибыл 15-го: я нашел Ее Величество с корабельным флотом. Она оказала мне весьма любезную встречу, салютовала мне и повелела обедать с ней. Действия адмирала были сходны с моими. Он разграбил, сжег, разрушил Норджопинг, со всеми городками и деревнями между этим городом и Стокгольмом, даже в одной лиге от этой резиденции. 19-го он возвратился к Ламеланду, а 21-го Его Величество, адмирал и министры отплыли в Петербург; однако князь Голицин направился с кораблями в Або. Его Величество позволил мне отправиться в Ливо-

нию. Я отбыл на борту маленькой галеры в Або, прибыв куда, 24-го направился далее в Гельсингфорс, которого достиг 27-го. Затем я пересек Финский залив, на бригантине до Ревеля: прибыв туда 29-го, я проследовал в Ригу, которой я достиг 1 сентября, и 2-го я был в моем доме в Лёзер.

1 марта 1720 года я получил приказ Его Величества отправляться со всем поспешанием в Або в Финляндии, для командования вместе с князем Голицыным собиравшейся армией. Я отправился из Лозера через несколько дней и прибыл в Ригу 15-го того же месяца. 18-го я оставил Ригу и миновал Пернау 20-го, Ревель 24-го, Нарву 28-го, Петербург 31-го, Выборг 4 апреля, Тавастуг 8-го, и 10-го я прибыл в Або. 24 апреля 15 пехотных полков и несколько рот казаков и драгун были погружены на галеры; 25-го мы отплыли из Або и прибыли к Аланду 27-го. Ввиду нескольких шведских военных кораблей, был созван военный совет, на котором было признано неблагоприятным форсирование прохода Аленсдхоф, который мы ранее решили пересечь в расчете атаковать неприятеля, занявшего позицию в Гевеле. 9 мая мы отплыли от Аланда к Гельсингфорсу, куда придя 17-го, армия высадилась 19-го и стала лагерем вблизи города Гельсингфорса. 26-го генерал князь Голицин пошел с 10 полками к Кирке пою, на половине пути между Гельсингфорсом и Або, где и встал лагерем. Я остался в Гельсингфорсе, имея в команде оставшиеся шесть пехотных полков, весь флот, состоявший из 105 галер, и город, где я и провел всю зиму. 17 июля 1720 года Его Величество снизошел почтить меня званием генерал-лейтенанта.

1 мая 1721 года я получил указ Его Величества произвести вторжение в Швецию, со 130 [так в тексте] галерами, 5000 пехоты, 2 полками конных драгун и 370 казаками также верхом. Я погрузился для этой службы 3-го, был в Гус фелин, на Аланде, 15-го; мы взяли курс к Норд Боден, и 17-го в 9 часов вечера мы встали на якорь недалеко от Гевеля. 18-го мы приступили к нашим разрушениям, неся пожары и опустошение всем землям, расположенными между Гевелем и Питами, одно продолжительное пространство, протяженностью около 100 шведских лиг. 21-го мы пришли в Содергам, который был разорен и сожжен вместе с бывшими в гавани кораблями. 22-го мы сожгли город Гудвиксваль и, отбросив противника, оспорившего нашу высадку, мы взяли у них 4 пушки и 10 пар знамен; 40 солдат и офицеров были взяты в плен. 25-го мы обратили город Сандхеррот в груды пепла; здесь также неприятель оказал значительное сопротивление, но был обра-

щен в бегство, и шесть из их галер, как и обнаруженные в бухте суда, были сожжены. В этой экспедиции мы остались хозяевами 2 пушек, одного штандарта и 4 пар знамен; 20 солдат и двух трубачей сделали пленными. 30-го мы предали огню город Эггерсунд и стоявшие в гавани корабли. 6 июня Нормалин постигла та же участь; стоявший там неприятель был принужден отступить, оставив нескольких пленных. 8-го того же месяца я высадился в Умах в Вестерботтнии, где два шведских полка стояли в ретраншементах. Они покинули свои ретраншементы, как только мы подошли, и наши казаки, преследуя их, взяли несколько пленных. 13-го я пристал возле Пит, на Ботническом заливе, и, как и раньше, принудив неприятеля оставить свои укрепления, я сжег Питы, как старый, так и новый город. 15-го я думал о возвращении, и по прибытии в Ратон, 16-го, мы получили указ покинуть Швецию, по почтительному представлению Его Величеству от шведских министров, собранных на конгрессе в Ништадте. 17-го я пересек Финский [правильно – Ботнический] залив и в тот же день, несмотря на страшную бурю, я встал на якорь возле Ваз в Остерботтнии. 20-го я пошел под парусами к Або, которого достиг 23-го. 4 июля, по прибытии в Гельсингфорс, я выгрузил свои войска и соединился с войсками князя Голицина. 20 июля Его Величество приказал мне покинуть Гельсингфорс, с 17 пехотными полками, 300 драгунами и 600 казаками, на борту 50 больших и 48 малых галер, или Калэфем-Острофски, как русские их называют, и отправляться с поспешанием к Корпо кирке, острову, расположенному между Або и Стокгольмом. Я прибыл к месту назначения 24-го, а князь присоединился ко мне 13 августа с оставшимися галерами, мы поплыли вновь 16-го, к Аланду, со всеми 130 галерами, и бросили якорь 19-го у Фелиссемберга, в 12 милях от Стокгольма. 27-го я получил приказ высадиться с авангардом; и в этом положении я оставался до заключения мира между Его Величеством Императором и королем Швеции. Покинув Швецию, мы отплыли 8-го от Аланда к Гельсингфорсу, куда прибыли и выгрузились 14-го. 7 октября мы отплыли с 50 галерами в Петербург. На следующий день мы потеряли одну из наших лучших галер во время ужасной бури. 14-го мы пристали к Беркхольму, или Березовому острову, каковое имя ему дали русские. Там я дождался князя Голицина, который присоединился к нам 20-го с остальным флотом. Вместе мы отплыли к Кроншлоту, а оттуда в Петербург, где войска высадились и разошлись на зимние квартиры. 22 ноября я оставил столицу, дабы вновь посетить мое маленькое имение в Лёзер в Ливонии, где я отдыхал всю зиму.

- ¹ Traduction du Journal écrit de main propre de S. E. Mr. Le Marechal, Comte Pierre de Lasy, du 12. Janvier, 1751. De Ligne, Prince Charles-Josph. Melanges militaires, litteraires et sentimentaires. Tome VI. Viene, 1796. P. 20–63.
- ² Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей земли русской. Ч. 3. М., 1836. С. 147–157 (и «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов». СПб., 1840. Ч. 1.); Бергман В. История Петра Великого. Т. 6. СПб., 1834. С. 271–276.
- ³ A Journal of his Excellency the Marshal Count Peter de Lasy, in the service of Russia, written with his own hand / The British military library... Vol. I. London, 1804. P. 340–345, 388–392.
- ⁴ Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 2. Приложения. СПб., 1863. С. 224–225.
- ⁵ Там же. С. 153.
- ⁶ Масловский Д. Ф. Ласси // Энциклопедия военных и морских наук. Т. 4. СПб., 1889. С. 50.
- ⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 4. СПб., 1900. С. 952; Т. 6. СПб., 1900. С. 614.
- ⁸ Мышлаевский А.З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. (Документы гос. архива). СПб., 1893. С. 338.
- ⁹ Походный журнал 1719 года. СПб., 1855. С. 48–49.
- ¹⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 5214.
- ¹¹ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 381.
- ¹² Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 5711.
- ¹³ Подробнее см. Кудзеевич Л. В. Фельдмаршал П. П. Ласси в царствование Елизаветы Петровны // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 78: Петровское время в лицах – 2015: материалы научной конференции / Государственный Эрмитаж. СПб.; 2015. С. 261–263.

А.С. Кудрец (Санкт-Петербург)

СРАЖЕНИЯ 1916 ГОДА: ОПЫТ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ Первой мировой войны в целом и крупнейших ее сражений в частности остается одной из актуальных проблем на постсоветском пространстве.

Одним из наиболее известных сражений на Восточном фронте Первой мировой войны в русской и зарубежной историографии является Брусиловский прорыв 1916 года. Несмотря на то, что Первая мировая война в советское время была забыта, а ее основные события преподносились исключительно с точки зрения государственной идеологии, Брусиловский прорыв представлялся как один из знаменательных эпизодов военной истории, предвосхитивших победу в Великой Отечественной войне. Такая оценка была связана с отношением к самому генералу А.А. Брусилову, поддержавшему революцию и перешедшему на службу к большевикам.

В 1939 г. Луцкий прорыв впервые в отечественной историографии был назван именем Брусилова, которое впоследствии закрепилось за этой военной операцией, ставшей одним из наиболее известных сражений Первой мировой войны¹. Пик пропаганды, связанной с именем Брусилова, пришелся на Великую Отечественную войну и первый послевоенный год, с 1942 по 1946 г. В это время появляются многочисленные статьи, музейные выставки и даже художественные постановки агитационного характера, призванные не только прославить имя генерала, но и напомнить бойцам о ратных подвигах недавнего прошлого. Интересно, что Мгинская наступательная операция 1943 г. также должна была носить имя прославленного генерала, но ввиду неудачного проведения название не закрепилось². В 1946 г. на волне патриотического подъема отмечалось 30-летие Брусиловского

прорыва, который в это время изображался предтечей побед советской армии³. Правда, чествование генерала продолжалось недолго. Переданный из белоэмигрантского архива в 1945 г. в СССР второй том воспоминаний Брусилова, авторство которого приписывается его вдове, содержал негативную оценку революционным событиям и советской власти в целом. В дальнейшем в СССР переиздавался только первый том воспоминаний Брусилова, подвергнутый цензуре, а после 1948 г. материалы о генерале по распоряжению Сталина подлежали изъятию из общественного доступа. Новая волна интереса к Брусилову началась в СССР уже в 1960-е гг., когда второй том воспоминаний был признан фальсификацией⁴. Уход за могилой Брусилова в Новодевичьем монастыре в Москве велся в советское время, особенно активно с 1980-х гг., а в 2014 г. надгробие было отреставрировано. В советское время надгробие несколько раз заменяли.²

Несмотря на крайне неоднозначные оценки личности самого генерала Брусилова, он является одним из наиболее известных в России участников войны, о чем свидетельствует открытие памятников в Санкт-Петербурге в 2007 г. и в Саратове в 2015 г. (рис. 1). Кроме того, в Виннице (Украина) сохранился дом Брусилова, где в 2006 г.

Рис. 1. Открытие памятника А.А. Брусилову в Саратове, 2015 г.

также была установлена мемориальная доска. Улицы, названные в его честь, есть в Москве и Воронеже. На сегодняшний день в России Брусилов – один из немногих участников и единственный из генералов Первой мировой войны, чье имя увековечено в памятниках и топонимах.

События 1916 г. на Восточном фронте нашли отражение в мемориализации Первой мировой войны в советский период. Противоречивое отношение к войне в это время проявилось в сфере сохранения военного наследия. Довольно часто можно услышать мнение о том, что все военные памятники были уничтожены в советское время. Но, как отмечают историки и краеведы, такое утверждение не всегда можно считать справедливым. До настоящего времени сохранился ряд памятников и военных захоронений, оставшихся со времен той войны. В основном это памятные объекты, созданные в местах сражений, на территории современных Западной Украины и Западной Белоруссии, где можно увидеть множество памятников, поставленных как в годы войны, так и сразу после нее. Во время Первой мировой войны указанные территории принадлежали Австро-Венгрии, в 1920–30-е гг. – Польше, с 1939 г. – СССР, а окончательное оформление границ произошло только в 1945–1946 гг.

В настоящее время Брусиловский прорыв остается одним из наиболее известных событий Первой мировой войны на Восточном фронте. На Волини (Украина) сохранился ряд воинских захоронений участников Брусиловского прорыва, а в 2011 г. жители села Переспа создали частный музей Первой мировой войны и установили памятник уроженцу села герою К. Назарчуку.⁵

Рис. 2. Кевлы, Белоруссия. Памятник на могиле русского офицера, 1916 г.

На местах сражений 1916 г. в Белоруссии можно увидеть множество захоронений и военных памятников разной степени сохранности. Наиболее ранние из них датируются 1915–1916 гг. Так, с 1916 г. сохранился памятный знак на русском воинском захоронении в д. Кевлы (рис. 2), братская могила погибших в ходе Нарочанской операции 1916 г. в д. Узла, русско-немецкие кладбища в д. Тевли и Томашовка 1915–1916 гг., русское и татарское кладбища в д. Слоним 1915–1916 гг. и т. д.⁶

Среди памятников особый интерес представляют образцы немецкой монументальной скульптуры. Сами кладбища, в основном, в советское время были заброшены, но ряд памятников сохранился, несмотря на военные действия 1940-х гг. в этом регионе. Интересно, что немецкое кладбище 1916 г. в д. Десятники было запечатлено в фильме «Война под крышами» 1967 г.⁷

Отдельные памятники в Западной Белоруссии были созданы в 1930-е гг., когда эта территория еще не входила в состав СССР. Например, памятник на могиле героя Первой мировой войны летчика Е.М. Костенчика в д. Столбцы, умершего в 1935 г. (рис. 3), и памятный крест в д. Турец, созданный в 1937 г. В последнем случае современный памятник был установлен в 2002 г.⁸ Еще один памятник погибшим в 1916 г. русским летчикам самолета «Илья Муромец» в д. Боруны был уста-

Рис. 3. Столбцы, Белоруссия. Могила летчика, памятник 1936 г.

Рис. 4. Боруны, Белоруссия. Памятник погибшему в 1916 г. экипажу «Ильи Муромца», установлен в 2009 г.

новлен немцами в 1930-х гг. и впоследствии утрачен. В 2009 г. взамен был установлен новый памятник⁹ (рис. 4).

Большой интерес представляют памятники советского периода. Они были созданы в основном в 1960-е гг. в небольшом количестве и выглядят очень скромно, так как Первая мировая война по-прежнему освещалась с точки зрения государственной идеологии. Тем не менее, возведенные в это время памятники представляют большой интерес в силу своей уникальности и исключительности. Прежде всего, это памятник в д. Стошаны 1965 г., который можно назвать одним из первых. В д. Негневичи на русском захоронении 1915 г. был установлен памятник в 1967 г.¹⁰

В 1980-е гг. идеологический контроль постепенно ослабевает. В это время было благоустроено захоронение в д. Скроблово, в 1984 г. был установлен памятник (рис. 5). Захоронение в д. Полятичи (рис. 6), судя по памяtnому знаку, было также благоустроено в это время. Точная дата на памятнике не указана, но, судя по тексту на памяtnом знаке, он мог появиться в 1960–80-е гг. или одновременно с памяtnыми знаками «Народного союза Германии по уходу за военны-

Рис. 5. Скроблово, Белоруссия. Памятник 1984 г.

Рис. 6. Полятичи, Белоруссия. Русско-немецкое кладбище 1915 г., надгробия 1916 г.

ми захоронениями» в 1990-е гг.¹¹

Таким образом, мемориализация Первой мировой войны в 1920–1930-е гг. проходила в русле европейской памятной традиции. Тем не менее, и в советское время Западная Белоруссия была одним из немногих регионов, где сохранялись, а в 1960–1980-е гг. даже создавались новые памятники героям Первой мировой войны. В 2000-е гг. в Белоруссии был открыт ряд новых памятников.

В России 1916 год – начало мемориализации Великой войны, когда появляются первые гражданские памятники, посвященные всем погибшим на фронте, открывается экспозиция «Народного музея Великой войны», продолжается строительство и освящение храмов-памятников. Среди этих проектов боль-

Рис. 7. Форт Помпель, Франция. Памятник Русскому экспедиционному корпусу, открыт в 2010 г.

Рис. 8. Зейтинлик, Греция. Памятник русским солдатам на союзническом кладбище

шинство оказались не реализованы или уничтожены после революции. Тем не менее, некоторые уникальные памятники сохранились. К созданию храмов-памятников и музеев Первой мировой войны в России вернулись лишь в 2000-е гг.

Память о Великой войне сохранялась в среде русской эмиграции. Отдельно стоит отметить мемориализацию Русского экспедиционного корпуса, которой в России не уделяется достаточно внимания.

В сражениях 1916–1918 гг. на Западном фронте принимал участие Русский экспедиционный корпус, отправленный во Францию и затем в Грецию на Салоникский фронт. Первые памятники во Франции появляются на русских кладбищах в 1930-е гг., например, церковь в Мурмелоне (1937). Ряд памятников на кладбище Сент-Илэр-ле-Гран (Saint Hilaire le Grand) посвящены как французским, так и русским героям Первой мировой войны. Среди современных памятников можно назвать установленные в 2010–2015 гг. в Париже, Курси и на территории музея «Форт Помпель» (рис. 7). В самом музее есть экспозиция, посвященная Русскому экспедиционному корпусу. Кроме Франции, ряд памятников русской армии был открыт в Греции (Флорина, 2015) и Сербии. В Греции находится Союзническое кладбище Зейтинлик, где на русском участке долгое время была деревянная часовня, а также был установлен памятник (рис. 8).

Мало освещенной темой по-прежнему остаются сражения на Кавказском фронте, который еще в годы войны считался второстепенным. С 1915 г. в России не было создано ни одного памятника погибшим на Кавказском фронте, где в 1916 г. прошел ряд успешных сражений, в том числе Эрзерумское сражение и взятие турецкого порта Трапезунд. Мало отражены основные сражения с Турцией и в музейных экспозициях.

Как можно увидеть, мемориализация Первой мировой войны в России начала складываться с 1915 г. В советское время мемориальная традиция оказалась прерванной и лишь с начала 1990-х гг. постепенно возобновляется. Тем не менее, именно советский период ознаменован рядом мероприятий по увековечению Брусиловского прорыва, одной из наиболее успешных наступательных операций Восточного фронта. Подводя итог, следует назвать перспективы мемориализации Первой мировой войны и, в частности, сражений 1916 года в России:

– открытие новых памятников, в том числе, посвященных Русскому экспедиционному корпусу, сражениям Кавказского фронта, отдельным участникам войны,

- увековечение имен героев войны в топонимике,
- музеефикация мест сражений,
- создание музеев и храмов-памятников,
- создание мемориальных маршрутов и привлечение туристов.

Мемориальная традиция в Европе и США практически не прерывалась в результате внутривойсковых изменений, как это произошло в России – СССР. Таким образом, мемориализация Первой мировой войны в России и бывших союзных республиках на современном этапе постепенно перенимает зарубежный опыт.

¹ Стародубова О. Брусиловские сюжеты сталинской пропаганды // Родина. 2015. № 1. С. 90–91.

² Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. 2-е изд. СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. С. 76.

³ Стародубова О. Брусиловские сюжеты сталинской пропаганды. С. 90–91.

⁴ Там же.

⁵ Музафаров А. Луцкий прорыв. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/luckij_proryv_2011-06-10.htm. Дата обращения: 04.02.2016.

⁶ Глобус Беларуси. URL: <http://globus.tut.by/>. Дата обращения: 14.10.2015.

⁷ Там же.

⁸ Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. С. 76.

⁹ Глобус Беларуси.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

А.Ю. Кузнецов

РУССКИЙ СЛЕД «КАВКАЗСКОЙ» ШАШКИ

О САБЛЯХ без защиты руки и с раздвоенным навершием на русских монетных изображениях XV–XVII вв. Сабля на Руси известна довольно давно, но изначально она фиксируется здесь как оружие кочевников: «И въдаст печенежский князь Претичу конь, саблю, стрелы; он же дасть ему броне, шит, мечь»¹. Несколько позже, в XIV в., мы встречаем саблю и в числе имущества отдельных знатных русских людей: «А се даю своему сыну князю Дмитрию... чепь золоту врану с крестомъ золотымъ... сабля золота» (1359); «И чепь и сабли золотые... дал своему сыну Василию и своеи княгине и своим детям» (1378)². Однако, как оружие широкого распространения, т. е. как оружие не единичных воинов и знатных владельцев, сабля становится известной на Руси гораздо позже. Впервые упоминание о массовом употреблении сабель на территории Руси и на стороне русских войск мы встречаем в описании битвы под Листанью. В этой битве совместно с войском московского князя Василия Темного в уничтожении татар, напавших на Рязанское княжество, принимали участие вооруженные саблями рязанские казаки и мордва (1444): «Услышавъ же на Москве сиа князь великий Василей Васильевич и послал противу его князя Василея Оболенского и Андрея Федоровича Голтяева, да дворъ свой съ нимъ, да мордву на ртахъ, понеже зима бе люта и снежна. И ступишася на речке на Листани. Татары же отнюдь охудеша и промерзоша и безконни быша... И придоша на нихъ мордва на ртахъ съ сулицами и рогатинами и съ саблями, а казаки резанския такоже на ртахъ съ сулицами и съ рогатинами и съ саблями зъ другиа стороны, а воеводы великого князя Василья Васильевича съ своею силою; а пешая рать много собрана на нихъ

съ ослопы и съ топоры и съ рогатинами. И бысть имь бой великъ и силенъ зело на речке на Листани и начаша одолевать христиана... и много татарь избиша и самого царевича Мустафу убиша и князей съ нимъ многихъ татарскихъ избиша»³. Как видно из приведенного летописного фрагмента, рать Василия Темного сабель на вооружении массово тогда еще не имела. Это первое фиксируемое совместное боевое участие рязанских казаков и московской рати в борьбе с татарами оказалось весьма успешным и эффективным, в Москве его оценили, и там возникли первые намерения по привлечению казаков на службу. Привлечение казачьих отрядов, как это было уже проверено в бою под Листанью, могло значительно укрепить московскую рать. Первым делом Василий Темный решил использовать факт совместного с казаками боевого участия в пропагандистских целях, задачей которых предполагалось показать рязанским казакам его расположение к ним, а заодно сообщить соседям о якобы уже существовании у него на службе казачьих отрядов. Подходящим средством информации в то время считались монеты невысокого достоинства, доступные каждому жителю Московского государства и заезжим гостям (купцам), которые и должны были вместе с монетами распространить эту новость. Нужно отметить, что воины с оружием на русских монетах изображались уже давно, однако оружие, фиксируемое на этих более ранних монетах, было иного рода: это преимущественно топоры, копья, луки и мечи с явно выраженными перекрестиями для защиты руки (рис. 1). Так было и в предшествующий период, во

Рис. 1. Изображения воинов с клинковым оружием на монетах князя Василия Дмитриевича

времена Дмитрия Донского, и в начальный и средний период правления Василия Темного. И вот примерно с середины XV в. на русских мелких монетах появляются изображения воина легкой казачьей конницы, причем на изображенном оружии – саблях стала фиксироваться не встречавшаяся ранее особенность – это отсутствие защиты руки, т. е. отсутствие защищающего руку сабельного перекрестия⁴ (рис. 2). Традиция изображать на монетах конных воинов с сабля-

Рис. 2. Изображения воинов с клинковым оружием на монетах «деньга» периода княжения Василия II Темного

ми без перекрестия продолжилась и у преемников Василия Темного, причем в период правления Ивана III изображений конных воинов с саблями без перекрестия на монетах стало не только больше, но они стали более детально выражены. В положении конного воина на монетном изображении, как правило, в несколько развернутом виде по отношению к смотрящему, а иногда и у изображенного строго в профиль, стало видно, что сабля имеет явно выраженное раздвоение на вершине, подобное такому, какое известно на современных и более ранних казачьих шашках⁵ (рис. 3). Сабли с раздвоенным наконечником довольно часто встречаются на монетах неплохо прорисованных новгородских монетных штампов, что позволяет предположить распространенность таких сабель и у новгородских военных отходников – ушкуйников, которые, согласно историческим преданиям и современным исследованиям, как и рязанские казаки, переселялись

Рис. 3. Изображения воинов с клинковым оружием на монетах «деньга» периода княжения Ивана III

на южные рубежи Русского государства и вливались в формировавшиеся там казачьи социумы. Увеличение числа изображений воинов с саблями без перекрестий на монетах в период правления московского великого князя Ивана III можно связать с тем, что у него на службе стали фиксироваться довольно значительные казачьи отряды. Однако, московский великий князь решил не сохранять казачьи отряды в том виде, в котором они существовали, а стал обращать их в так называемых «городовых казаков», т. е. вводить в городские гарнизоны и ставить под командование своих воевод (известен первый командир московских казаков боярин Иван Руно). Некоторая часть рязанских казаков, не захотев потерять своей, в значительной степени, независимости и права выбора атаманов, прямое московское руководство принять не пожелала, и уже при княжении Ивана III стал фиксироваться их отток на Дон. Подтверждение этого факта можно найти в письме Ивана III к рязанской княгине Агрипине: «Твоим

служилым людям и городовым Казакам быть всем на моей службе, а кто ослушается и пойдет самодурью на Дон в молодечество, их бы ты Агрипина велела казнити»⁶.

Во времена правления великого князя Василия III число сабель без перекрестий, изображенных на монетах «деньга», в сравнении с изображениями на монетах его предшественников, еще больше увеличилось и даже стало преобладающим. Во времена правления Ивана IV Грозного значение казаков, главным образом как политического и физического оплота южных рубежей Русского государства, еще больше возросло. Казаки принимают участие во взятии Казани, ведут непрерывную борьбу с крымскими татарами, вместе со стрелецкими отрядами зачищают местности Центрального Кавказа от противников царского ставленника Темрюка. В состав конной рати русского войска при Иване IV Грозном стали входить казаки: донские, волжские, терские, казанские, астраханские, сибирские и черкасские. И именно в период правления Ивана IV Грозного практически на всех монетах «деньга» или, как их называли в народе, «сабельницах» изображались конные воины с саблями без перекрестия⁷ (рис. 4, 5). Традиция изображать на монете «деньга» сабли без перекрестия сохранялась и в последующие после царствования Ивана IV Грозного годы, вплоть до правления Петра I. Именно эти сабли без перекрестия, а некоторые с раздвоенным навершием, что изображались на русских монетах XV–XVII вв., после перехода значительного числа рязанских и московских казаков на Дон, по всей видимости, и послужили прототипом казачьих шашек, которые фиксируются на сохранившихся портретах и гравюрах донских казаков XVIII в., написанных и гравированных еще до появления первых известий об аналогичном оружии у горских народов Северного Кавказа⁸. На XVIII в. мы имеем единичные известия о том, что сабли и большие ножи без защиты руки получают распространение и в российских окраинных, и в соседних с Россией районах: в Малороссии (малороссийские казаки), Закавказье, на Урале (башкиры), Средней Азии (бухарцы), Персии, однако раздвоенного навершия у сабель из этих районов в этот период не отмечено. У арнаутов, народов Предкавказья (калмыки, ногайцы), Северного Кавказа (черкесы, ингуши, черноморские казаки) сабли без защиты руки и в основном с раздвоенными навершиями (т. е. схожие по конструкции рукоятки с уже известными саблями донских казаков) впервые фиксируются на рисунках и гравюрах рубежа XVIII–XIX вв. Судя по изображениям,

Рис. 4,5. Изображения воинов с клинковым оружием на монетах «деньга» Ивана IV Грозного

отдельные образцы ранних арнаутских и северо-кавказских сабель без защиты руки и с раздвоенным навершием имели клинки с лезвием на вогнутой стороне⁹. Не исключено, что сабли без защиты руки и с раздвоенным навершием, бытовавшие на территории России, ока-

зали влияние на возникновение моды на явно выраженное раздвоенное навершие балканских и османских ятаганов так называемого «развитого типа»¹⁰.

О этимологии слова «шашка». В настоящее время сабли, не имеющие защиты руки и с раздвоенным навершием, известны под названием «шашка». С большой долей вероятности можно утверждать, что корень этого названия – «шаш» – русского северного происхождения (он встречается в словах, связанных с лесом, деревом, отрезком дерева, деревянным шаром) и, вероятно, был связан с рукояткой оружия, изначально изготавливавшейся из отрезка дерева. Впервые в приложении к оружию слово «шаш» фиксируется в русско-английском словаре, составленном Ричардом Джеймсом в 1618 г. в г. Архангельске¹¹. Профессор П.Я.Черных в своем «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» так анализирует слово «шашка», связывая его со словом «шаш» словаря Ричарда Джеймса: «О времени появления этого слова в русском языке трудно сказать что либо определенное. У Р. Джеймса (РАС, 1618–1619 гг.) имеется слово *shash* (шаш), но значение его не указано [хотя Джеймс, видимо, толковал его как “сабля”: предшествующие слова – *pishal* – “пишаль”, *sanaparal* – “ружье”, и тоже предшествующее *poias* – “пояс”]»¹². Здесь нужно пояснить, что по информации другого труда П.Я. Черных – «Историческая грамматика русского языка» – суффикс -к- в приложении к словам, обозначающим орудия действия, появляется в русском языке в «новое время», т. е. примерно с начала – середины XVII в. (виллица – вилка, лъжица – ложка, соха – сошка и т. д.)¹³. В словаре Р. Джеймса начала XVII в., этот суффикс к слову «шаш», известному ему от русскоязычного информатора, еще не прилагался. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что слово «шаш», изначально было однокоренным и таковым осталось и после присоединения суффикса -к-. Корневое слово «шаш» известно в русском языке, в тюркских же языках, с которыми некоторые версии пытаются связать происхождение слова «шашка», имеются только корневые слова «шиш» (турецкий) и «шеш» (татарский). По-видимому, в связи с распространенностью в черкесской среде татарского языка именно татарское корневое слово «шеш» (его основные значения – «острие, вертел, штык») и использовалось в двухкорневом словосочетании черкесского (кабардинского) языка – «*scheschchua*» (шешшуа), которое впервые в 1770-х гг. фиксируется проф. Гильденштедтом в значении «меч»¹⁴ (для сравнения, в этом же словаре Гильденштедта нож

в кабардинском языке имел иное написание, чем первая часть этого словосочетания, он записан как – «se»). Известно, что вторая часть этого словосочетания – «хуа» с кабардино-черкесского языка переводится как «сухожилие» (штык – сухожилие, т. е. возможное смысловое значение «scheschchua» – штык, поражающий сухожилие). Вероятно, это словосочетание было связано с исторически известным черкесским оружием, имевшим штыковой боевой конец. Позже, уже в XIX в., когда оружие со штыковым концом в черкесской среде стало анахронизмом, а к началу XIX в. ему на смену пришло оружие другой конструкции, то схожее по звучанию со старым словосочетанием «шешхуа» (шеш-хуа) новое словосочетание с другими корневыми словами «сешхоh» (се-шхоа) стало прилагаться к новому тогда для черкесов оружию пришедшему на смену сабле, а затем, уже в XIX в., оно после замещения в кабардино-черкесском языке слова, означавшего «нож», с «се» на «са» трансформировалось в более современное словосочетание «сашхуа» (са-шхуа), где «са» – нож (современный кабардинский и черкесский язык) или меч (адыгейский язык), вторая часть нового словосочетания «шхоа», «шхуа» имело значение – узда, а позже, примерно со второй половины XIX в., корневое слово «шхуа» получает еще одно значение – большой¹⁵. Другими словами, перевод словосочетания «сашхуа» (читается «сашхуа», а пишется «сэшхуэ») как «большой нож» этичен только для современного кабардино-черкесского языка и неприменим для кабардино-черкесского языка XVIII в., и следовательно, утверждение о том, что ранее известное слово русского языка «шашка» произошло от позже образовавшегося кабардино-черкесского словосочетания «сашхуа» (позже получили свои новые значения «нож», «большой» и его составные корневые слова) не имеет оснований. Подтверждается это и более поздней, чем на территории России, фиксацией в кабардино-черкесской среде оружия, имеющего все признаки оружия, известного как «шашка».

Наиболее обстоятельным источником XVIII в. упоминающим слово «шашка», т. е. слова с суффиксом -к-, является книга А. Ригельмана «История или повествование о донских казаках», законченная им в 1778 г.¹⁶ Ценна она тем, что в ней А. Ригельман не только упоминает шашку у казаков, но и приводит ее изображения¹⁷. На семи гравюрах, приложенных к тексту книги, изображены казаки, которые все имеют сабли без защиты руки и с раздвоенным навершием.

Автор признателен московским коллекционерам и исследователям Андрею Серегину и Дмитрию Захарову за предоставленные фотоматериалы и консультации, использованные при написании данной статьи.

¹ Повесть временных лет // Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. III. С. 238.

² Духовная грамота Ив. Ив. 1359 г. и духовная грамота Дм. Ив. 1378 г. // Там же. С. 238–239.

³ Никоновская летопись под 6952 г.

⁴ Изображения оружия, не имеющего защиты руки и без раздвоения наверху, единично известны на каменных изваяниях кочевников «домонгольского» периода, однако из-за значительного хронологического разрыва весьма сомнительно, что оружие без защиты руки, изображавшееся на русских монетах примерно с середины XV в., имело от оружия, изображавшегося на изваяниях, конструктивную преемственность.

⁵ До настоящего времени еще никто из специалистов в области оружейведения и нумизматики не обратил своего внимания на тот факт, что сабли, изображавшиеся на русских монетах «деньга», имели с XV в. особенную конструкцию, сходную с современной и более ранней казачьей шашкой. Не известно также научных версий, предполагавших, какая же категория воинов, вооруженных такими саблями, могла изображаться на монетах «деньга» с XV в.? Версия автора, впервые предположившего, что на монетах «деньга» с XV в. изображались рязанские казаки, а затем казаки московские и казаки городовой московской засечной черты, основана на том, что первое упоминание о рязанских казаках, вступивших в военно-союзническое взаимодействие с великим князем Василием II Темным, совпадает с началом традиции изображать на монетах его княжества воинов с саблями, не имевшей защиты руки. Дальнейшее увеличение частоты таких изображений на монетах фиксируется в пропорциональной связи с увеличением свидетельств о казаках, вступавших в союзническое военное взаимодействие с московскими великими князьями, и в связи с увеличением свидетельств о казаках, состоящих на их службе. Кроме этого, фактический материал, свидетельствующий, что во время правления Ивана Грозного практически на всех монетах «деньга» изображались воины с саблями без защиты руки, и исторические свидетельства о том, что другие категории русского конного войска этого периода имели на вооружении сабли и палаши, преимущественно изготовленные на манер европейских и восточных образцов с защитой руки перекрестием, позволяют укрепить версию о том, что на монетах изображались не воины поместной конницы и не конные стрельцы, а именно воины полевой легкой конницы – казаки. Подкрепляется этот вывод также тем, что воины с саблями без защиты руки изображались на многих монетах в специфической «степной» одежде, широко используемой казаками (накидка, напоминающая бурку, головной убор, по форме схожий с «черкасской» малороссийской овчинной шапкой, и иногда просматривающийся выступающий из-под этой шапки чуб, по форме напоминающий казачий «оселедец»). Изобразительные свидетельства того, что сабля без защиты руки и с раздвоенным наверху в XVIII в. изначально фиксируется именно в казачьей среде, в которой она и позже осталась традиционным видом оружия, также подкрепляют версию автора.

⁶ Упомянуется у Татищева под 1502 г., у него же упомянуто, что большая часть рязанских городских казаков оставалась на своих местах до 1702 г., после чего император Петр I переселил их на Дон // Губарев Г.В. Казачий словарь-справочник. Сан-Анселмо, Калифорния, США, 1970. Т. III. С. 48–49.

⁷ Следует отметить, что с начала XVI в. в связи с увеличением изготовления монет мелкого достоинства «деньга» технология изготовления монетных штампов изменилась, они стали изготавливаться не как раньше преимущественно резцом, а методом чеканки, что, вероятно, и повлияло на то, что на монетных изображениях перестали фиксироваться мелкие детали, такие, в частности, как раздвоение наверхия на саблях. Не исключено и то, что в XVI в. (например, вследствие изменчивости моды) могло реально уменьшиться количество раздвоенных наверхий на саблях без защиты руки, что, в свою очередь, могло повлиять на то, что такие сабли на монетах «деньга» стали изображаться без раздвоения наверхий, а мода на преимущественно раздвоенные наверхия стала возвращаться только к XVIII в.

⁸ Отсутствие фиксации у кавказских горских народов шашек на момент фиксации их в XVIII в. у донских казаков, об ошибке в трактовании В.К. Гардановым (сборник АБКНКА) и вслед за ним Э.Г. Аствацатурян («Оружие народов Кавказа») источника, якобы упоминавшего у черкесов шашку в 1625 г. (в оригинале текста итальянца Дживованни де Лукка и в его переводе на французский язык слово «шашка» отсутствует, а использовано слово «*смететте*», означающее «восточная сабля»), ошибке трактования Э.Г. Аствацатурян слова «сашка» (где «а» в слове письменного документа, прочитанном как «сашка», следует рассматривать как «о» с соединительной чертой) как «шашка», а не как «сошка» (небольшая пика-подпорка для ружья) в «Описании кабардинского народа» 1748 г., об отсутствии в погребениях, относимых к черкесам, сабель без защиты руки, а также о неэтичности датировать якобы первую черкесскую шашку 1713 г. по дате, стоящей на ее клинке (не исключена поздняя сборка шашки с применением более раннего сабельного клинка), впервые отмечалось в статье: Кузнецов А.Ю. «Правда о казачьей Дедовской шашке» // Газета «Терский Казак». Владикавказ, 2012. № 1. С. 6., а также в докладе: Кузнецов А.Ю. Новые факты о происхождении казачьей и черкесской шашки и их анализ // Материалы симпозиума, проводимого Музеем оружия. Запорожье, 2012. На правах рукописи.

⁹ Первое и единственно фиксируемое на XVIII в. оружие без защиты руки из черкесской (кабардинской) среды (гравюра, изображающая кабардинца, помещенная в опубликованной в 1790-х гг. академиком П.С. Палласом книге И.А. Гильденштедта), раструба ножен не имеет (рукоятка не утапливается), широкие прямые ножны не позволяют установить тип клинка (двухлезвенный он, однолезвенный, прямой, вогнутый или выгнутый?), подвешено оружие по-сабельному (головка рукоятки опущена вниз), верхняя часть рукоятки не совпадает с продолжением обуха, а смещена к центральной оси клинка, т. е. это оружие не имеет еще признаков шашки, уже известной на этот момент в казачьей среде (см. признаки шашки в примечании 17).

¹⁰ Другое оружие Д. Ефремова (о первом см. ссылку 17), изображенное на втором его известном портрете, датированном 1752 г., имеет раздвоенное наверхие значительных размеров, сопоставимое с раздвоенными наверхиями известных (по информации от Э.Г. Аствацатурян) с начала 1760-х гг. ятаганов «развитого типа».

¹¹ Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса. Л., 1959.

¹² Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999. Т. 2. С. 406.

¹³ Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1954. С. 320.

¹⁴ Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 369.

¹⁵ Шора Ногмов в своем словаре начала 1830-х гг. фиксировал переходное слово «сеш-хоһ» (читается сешхоа) – в значении сабля, шашка (для сравнения, там же он отмечал «шхоһ» – удила, «са» – нож, «ин» – большой). Как видим, во времена Ш. Ногмова в кабардинский язык на смену слову «се», ранее означавшему в нем (словарь Гильденштедта) – «нож», в этом же значении приходит слово «са» (в словаре Гильденштедта отмеченное как «sa») – «меч» на алтекесек-абазинском языке, видимо, из абазинского языка в кабардинский язык «са» и заимствовано, однако его значение при этом изменилось) // Ногма Ш.Б. Филологические труды. Нальчик, 1956. Т. 1. С. 198, 224, 197, 167.

¹⁶ Ригельман А.И. История или повествование о донских казаках. СПб., 1846.

¹⁷ Самое раннее известное автору изображение казачьей шашки относится к периоду 1749–1752 гг. (первый известный портрет Д. Ефремова), причем на этом изображении шашка фиксируется в развитом виде, т.е. с признаками, определяющими ее в XVIII в. – «сабельный клинок с рукояткой, утапливаемой в раструб ножен по головку, имеющую раздвоение».

И.К. Кузнецова, П.П. Лаврук (Санкт-Петербург)

ПОДЛИННЫЙ ВОИНСКИЙ УСТАВ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ПЕТРА I

Знаменитый в летописях

Почти 300 лет – от истоков Военной исторической библиотеки Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации – прародине Библиотеки Генерального и Главного штаба Русской армии (1811) и до современности – хранится в сокровищнице русской военной мысли рукописный Воинский устав Петра Великого¹. Это раритетное издание является исторической памятью о создателе русской регулярной армии.

Знаменитый в летописях русского права «Устав воинский» 1716 г. хранился до пожара (24 февраля 1900 г.) в особом ковчеге, прикрепленном к мраморной колонне, на которой возвышался бюст Петра I. Он размещался у входной двери библиотеки, справа. Был изготовлен из белого мрамора, исполнен известным итальянским художником Карло Альбачини (Albarchini)², работавшим в Петербурге при Петре I. Высота бюста 1 аршин 2 вершка. Общая высота бюста с колонною (темно-зеленого мрамора) без двух нижних ступеней составляла 2 аршина 14 вершков, соответствовавших росту Петра Великого. Черты лица преобразователя России запечатлены с гипсовой маски, снятой с почившего императора вскоре после его смерти.

Кроме того, в библиотеке Главного штаба в особых витринах хранились собственный молитвенник Петра Великого, воинские артикулы, собственноручно правленные императором, его личные письма, письма Екатерины I к генералу М.А. Матюшину во время войны с Персией в 1722–1725 гг., а также несколько подлинных грамот польского короля Сигизмунда-Августа, подлинные письма короля

Общий вид зала Военной исторической библиотеки Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

Фридриха Великого к фельдмаршалу Швергену в 1740 г., рукописный дневник Люблинского сейма 1569 г.

Устав, бюст и колонна сохранились после пожара в неприкосновенном виде. На фотографии, изображающей библиотеку до пожара, этот бюст и колонна видны в общих очертаниях.

Военно-правовой документ

Из «Устава Воинского» 1716 г.: *«...за благо избрали сию книгу Воинский Устав учинить, дабы всякий чин знал свою должность, и обязан был своим знанием, и неведением не отговаривался».*

«Устав воинский» – военно-правовой документ, закрепивший создание в России регулярной армии и определивший все стороны ее жизни и деятельности. Он закреплял результаты военных реформ Петра I в области организации, комплектования, обучения, воспитания войск, а также изменения в способах ведения боевых действий с учетом опыта Северной войны 1700–1721 гг.

Воинский устав Петра Великого утвержден 30 марта 1716 г.³ при Данциге и состоит из самого Устава (68 глав), в котором изложены законы военно-учредительные, и из следующих приложений:

- «Артикул воинский с кратким толкованием» (209 статей, военно-уголовный кодекс);
- «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» (3 части и 14 глав);
- «О эзерциции (или учении), о приготовлении к маршу, о званиях и о должности полковых чинов» (3 части).

Сам Устав состоит из трех частей. В первой части – «Устав воинский» – излагались положения об организации войск: полк состоял из 8 рот; 2–3 пехотных и кавалерийские полки объединялись в бригаду, несколько бригад в дивизию; армия включала несколько дивизий и насчитывала от 10 тыс. («малая») до 100 тыс. человек («великая»). Воинский устав предусматривал формирование легкого корпуса, а также корпуса резерва.

Специальные главы посвящены Генеральному (Полевому) штабу, квартирмейстерской службе, полевой службе, устройству лагеря, караула, проведению смотров, организации довольствия войск, полевых лазаретов, почты и др. В этой же части излагались права и обязанности высших военных чинов.

Вторая часть – «Артикул воинский» – содержала сведения о нормах государственного уголовного права, об устройстве военных судов и порядке рассмотрения в них дел, положения, касающиеся воинской дисциплины и внутренней службы. Устав вводил военную присягу и определял порядок ее принятия.

Третья часть – «Об эзерциции» – в основном являлась строевым уставом. В ней рассматривались вопросы одиночного обучения и воспитания главным образом солдат, в том числе действиям в бою, способам походных передвижений, определялись права и обязанности полковых чинов. Устав требовал завершать атаку решительным штыковым ударом. Особенно обращалось внимание на развитие инициативы у офицеров и солдат в бою, воспитания у них высоких патриотических чувств, воинской чести, храбрости.

Отметим, что положения Воинского устава без особых изменений действовали до конца XIX в.

По образцу западноевропейских кодексов

Считается, что первый вариант Устава был составлен на немецком языке, затем его перевели на русский, после чего проект подвергся исправлению кабинет-секретарем Макаровым⁴ и лично Петром I. Далее последовало утверждение сенатом.

Военный устав в Российской империи имел долгую жизнь. Ряд его положений актуален и сегодня. В этом – величие самого государя. Создавая регулярную армию по европейским образцам, Петр I естественно обратился к изучению западноевропейских военных кодексов, призвав к совместной работе всех выдающихся военных деятелей, его окружавших. Еще в 90-х гг. XVII в. генерал Адам Вейде⁵ послан был в Венгрию для изучения ее военной организации и, возвратясь оттуда, представил Петру I в 1698 г. Воинский устав: «... как содерживаться, такожды и статьи или артикулы, какое кому наказание за вины». Затем в этой работе принял участие Яков Брюс⁶, а в 1701 г. – надзиратель Андрей Винуис⁷, который по приказу Петра начал «в воинских правах трудиться». Около 1705 г. издано было «Уложение или право воинского поведения» для армии Шереметева⁸, действовавшей в Прибалтийском крае, а в 1706 г. – «*Артикул краткий, выбранный из древних христианских воинских прав, иже о богобоязни о наказании разных злодеев*» – для кавалерии, находившейся под командованием Меншикова⁹.

Впоследствии, до 1716 г., появились и другие артикулы воинские, корабельные и прочие, и только после всестороннего и глубокого изучения иностранных источников, после значительного числа проектов, над исправлением которых государь трудился в течение длительного времени, его военное законодательство вылилось в окончательную форму Воинского устава 1716 г. По мнению начальника Военно-юридической академии П.О. Бобровского¹⁰, только со времени появления Воинского устава следует считать учреждение регулярного войска в России свершившимся историческим фактом, потому что только с принятием к руководству этого устава войско получило единство, организацию и законы соответственно требованиям и условиям военного искусства тогдашнего времени. Воинский устав 1716 г. является одним из важнейших памятников нашего законодательства не только по значению своему в военной истории России, но главным образом потому, что он оказал несомненное влияние на развитие нашего уголовного права.

В Данциге 30 марта 1716 г. был утвержден Воинский устав в целом. Через несколько дней по утверждении (10 апреля 1716 г.), как упоминает в своем труде «Воинские артикулы Петра I» Т. Шорина, император писал Сенату: «Господа Сенат, посылаю Вам книгу “Воинский Устав”, который зачат в Петербурге и ныне совершен, который велите напечатать число немалое, а именно, чтобы не меньше

1000 книг. И понеже оный хотя основанием воинских людей, однако же касается и до всех правителей земских, как из оного усмотрите. Того дня когда напечатают, то разошлите пропорции во все корпуса войск наших, так же по губерниям и канцеляриям, дабы неведением никто не отговаривался»¹¹.

В Уставе были введены наказания за многие деяния, которые вообще не охватывались ранее действовавшим законодательством, резко ужесточена ответственность за преступления. Основным принципом системы наказания было устрашение потенциальных нарушителей примером, для чего была ожесточена ответственность за преступления. Наказания делились на пять групп:

1. обыкновенные телесные наказания (в частности, скованием в железо, хождением по деревянным кольям, битьем батогами);

2. жестокие телесные наказания (например, шпицрутенами, клеймением железом, обрезанием ушей, отсечением пальцев или руки, каторгой);

3. наказания смертные (расстрелом (аркебузированием), отсечением головы, виселицей, колесованием, четвертованием, сожжением, заливом горла металлом, повешением за ребро на крюк);

4. легкие наказания чести (понижение в должности, увольнение без жалования, высылка из государства);

5. тяжелые наказания чести (прибитие имени на виселице, приломление шпаги (шельмование), объявление вором (шельмом)).

Среди преступлений, требовавших смертной казни, фигурировали и такие, как чародейство (чернокнижие), богохульство, непристойное рассуждение о монархе, брань о генерале или фельдмаршале, блуд близких родственников, кража более двадцати рублей, порча прибитого указа, укрывательство.

Особой жестокостью отличается раздел о пытках: «... *будеже все преступники в равном явятся подозрени, и между оными отец с сыном или муж с женою найдется, тогда сына или жену наперед к пытке привезть*».

Тем не менее, Устав пытается ограничить пытки и учитывает, что под ними невинный человек может оклеветать себя или других. От пыток освобождены дворяне, чиновники, старики, дети, беременные женщины (за исключением государственных дел и убийств).

Устав представляет собой ряд заимствований. Главным источником Воинского артикула послужил Военный артикул Густава Адольфа в дополненной, так называемой новошведской редакции 1683 г.

сделанной при Карле XI. Составленный для войска, Военный артикул проводит и чисто военный взгляд на преступление.

Принципиальным моментом в принятии данного Устава было то, что он впервые в русском праве поставил на первое место не нравственное и религиозное содержание преступных действий, а противоречие воле государства.

Отметим, работа над Воинским уставом велась в течение 17 лет под непосредственным руководством Петра I, который собирал опыт других европейских государств, сам редактировал и обрабатывал огромный законодательный материал, составленный по разным источникам. Воинский устав отвечал потребностям организации дисциплины в новой армии, созданной Петром I. Прав был генерал от инфантерии Павел Осипович Бобровский, когда писал: *«Подлинный Устав Петра Великого есть самостоятельно разработанный и систематически расположенный кодекс военно-административных и военно-уголовных законов для русских войск по мере развития Северной войны. В Воинском Уставе Петра I имеются образцы постановлений Швеции, Саксонии, Дании, Голландии, Пруссии и других государств, но он так разработан, что трудно доискаться даже оригиналов, послуживших ему образцами»*¹².

Государь рассматривал Воинский устав краеугольным камнем для создания регулярной армии по европейским образцам, для чего велел разослать его не только во все корпусы войск, но и по губерниям и канцеляриям.

Заведующий библиотекой Генерального и Главного штаба А.С. Лацинский¹³ в своем труде «О Воинском Уставе Петра Великого», посвященном 100-летию библиотеки, охарактеризовал его как *«знаменательный в истории русского права законодательный памятник, послуживший основой русскому военно-уголовному кодексу и во многих отношениях имевший влияние на историю русского общеуголовного законодательства»*.

Воинский устав Петра Великого. 1719 г.¹⁴

При детальном изучении этого Воинского устава становится понятно, что он был самобытным военным кодексом, тесно связанным со всеми реформами Петра I по укреплению национального русского государства помещиков и купцов. Он отражал интересы государства, охраняя частную собственность граждан, поддерживал строгий порядок и непоколебимую дисциплину в войсках.

Петровский Устав в фондах Военной исторической библиотеки Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации является одним из раритетных изданий, и, соответственно, к нему почетное отношение. Он сыграл большую роль в истории русского уголовного законодательства. Для общеуголовных судов он был действующим законом для издания свода уголовных законов 1832 г. Послужил основой для дальнейшего развития русского уголовного права.

Полковник Кашерининов в конце XIX в. в своей научной работе «Петровский Устав» характеризовал его такими словами: *«Многое говорят эти желтые страницы, где широкие характеристики и мудрые указания сменяются мелкими подробностями службы, жесткие казни – внимательной заботой, где чувствуется стихийная воля Петра – служить родине и заставить всех от “генерал-фельд-маршала” (анишефа) до “полкового профоса” служить ей, не покладая рук... Умри, но служи! Слышится мне и восстает гигантский образ могучего, грозного Петра с его суровыми сподвижниками на страже доброго порядка»*¹⁵.

Автор научного труда Кашерининов весьма заботился о том, чтобы его сослуживцы были знакомы с петровским Уставом и его требованиями. С этой целью он в краткой форме изложил требования ряда глав Воинского устава. При этом позволил себе давать толкование его отдельных глав.

Отметим, что делом наибольшей важности в Уставе считается правильное обеспечение войск всяким продовольствием, на что особенно указывается главнокомандующим, для чего именуются комиссариат с комиссарами разных чинов, равно как и квартирмейстеры. Например, глава 53 гласит *«...пропитание как людям, так и скоту, наиглавнейшая дела суть. О чем мудрый и осмотрительный генерал всегда мыслить должен...»*. Скажем, что это петровское уставное требование весьма актуально и сегодня.

Государь в немалой степени заботился о питании своих генералов, бригадиров, полковых начальников, рот драгунских и пехотных. В главе 36 Воинского устава четко было определено *«...порции и рационы в чужой земле, а в своей только рационы давать надлежит по сему»*. Например, генерал-майору полагалось 60 порционов, а в своем Отечестве он получал 40 рационов, полевой аптекарь довольствовался 10 порциями и соответственно 6 рационами. Капитану пехотной роты положено было 15 порционов и 5 рационов, когда он

служил в родном Отечестве. Солдату-пехотинцу положено было выдавать 1 порцион, а полковому писарю 2 порциона и 2 рациона.

Один порцион (в день): хлеба – 2 фунта, мяса – 1 фунт, вина – 2 чарки, пита¹⁶ – 1 гарнец. На месяц: соли – 2 фунта, круп – 1½ гарнца¹⁷.

С большой полнотой характеризуется деятельность и личность генерал-фельдмаршала (главнокомандующего), причем Устав весьма серьезно и откровенно касается сребролюбия и лихоимства. Детально изложены в нем обязанности генералов, полковников. О капитане сказано следующее: *«Капитан есть у роты глава и имеет наиболее повелевати. В походе он на лошади, а в бою, в парате и в церемониальных походах обретається перед своєю ротою пешиим...»*. А прапорщику предписано: *«...подобает особо во все дни немощных посещать и смотреть, нет ли им в призирании какова недостатку...»*, *«...на карауле он всегда у своего знамени обретається»*.

Великий полководец Петр I много заботился о медицинской части и ее принадлежностях. Об этом говорится в главе 33 «Об аптеке. Полевых докторях. Аптекарях и лекарях и их должности». О полковом лекаре, кроме перечисленных всех его обязанностей к больным, сказано: *«Полковника, подполковника и майоров бороды их брить, все ротные фелшары ему послушны, и смотреть, чтобы они дела свои, что он им прикажет, исправляли со всяким прилежанием, и когда есть марш, тогда они находятся при аптеке полковой»*.

Не менее интересен и следующий параграф, где предусматривается и болезнь французская, и драки между офицерами: *«Докторы и лекари должны лечить всех в войске пребывающих, от высших даже и до нижних, без платежа, ибо они за это получают себе жалованье. Однакож с таких офицеров, которые наживают себе болезни французские, также и раны, которые они достают в драке от своего произволения, кроме службы Государя своего, и за то с них брать плату, смотря по случаю и рангу офицера»*.

Каждая глава Воинского устава – это самобытный свод воинского кодекса, в котором прописана вся армейская деятельность от командира до солдата. Воинский устав сыграл большую роль в истории русского уголовного законодательства, в обучении и воспитании офицеров и солдат России.

Весьма патриотично предпринятое Военной исторической библиотекой Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации краткое толкование раритетного издания Воинского устава из

своих фондов. Это издание (1719 г.) в настоящее время почти недоступно современному читателю и давно составляет библиографическую редкость.

Обратимся к наименованию глав Устава Петра Великого, которые ярко характеризуют задачи, цели, обязанности защитника земли русской:

«Глава 1. О волонтерах.

Глава 2. Что к артиллерии принадлежит офицеров и прочих вещей и порядков.

Глава 3. О инженерах.

Глава 4. О корпусе. Резервы.

Глава 5. О бригаде.

Глава 6. О корволанте.

Глава 7. О дивизии.

Глава 8. Об армии и о чинах Генерального штаба и что тому принадлежит.

Глава 9. О генералиссимусе.

Глава 10. О генерале фельдмаршале и о всяком аншефе.

Глава 11. О генерале фельдмаршале лейтенанте.

Глава 12. О генерале фельдцехмейстере.

Глава 13. О генерале от кавалерии.

Глава 14. О генерале от инфантерии.

Глава 15. О генерале крикс-комиссаре.

Глава 16. О генерале-лейтенанте.

Глава 17. О генерал-майоре.

Глава 18. О бригадире.

Глава 19. Об оберштер-крикс комиссаре.

Глава 20. О генерале квартирмейстере.

Глава 21. О генерале квартирмейстере. Лейтенанте.

Глава 22. Об обер квартирмейстере.

Глава 23. О генерале штабс-квартирмейстере.

Глава 24. О генерале аудиторе.

Глава 25. О генерале-аудиторе лейтенанте.

Глава 26. О генерале адъютанте.

Глава 27. Об обер комиссаре.

Глава 28. О крикс-цельмейстере.

Глава 29. Об обер полевом священнике.

Глава 30. Об обер инженере.

Глава 31. О капитане над вожами.

Глава 32. О генерале-вагенмейстере или обозном.

Глава 33. Об аптеке. Полевых докторах. Аптекарях и лекарях и их должности:

- о докторе,
- о полевом аптекаре,
- о штаб-лекаре,
- о полевых лекарях.

Глава 34. О полевом лазарете или госпитале.

Глава 35. О чине полевой почты.

Глава 36. О полевом почтмейстере.

Глава 37. О штабс-фуриере.

Глава 38. О писаре судебных дел.

Глава 39. О полевом корииере.

Глава 40. О гофштапе.

Глава 41. О генерале гевалдигере.

Глава 42. О чине и ранге фискальном и должности их при войсках и в крепостях:

- о рангах их,
- о должностях их.

Глава 43. О штап генерале профосе.

Глава 44. О смотре солдат и что при этом примечать надлежит.

Глава 45. О поставке на квартиры полка или роты и что при этом хранить надлежит.

Глава 46. О рефрешире (или о освещении людей) также и кантони-ре квартиры. Кто с полком или ротами вместе стоит и что при этом смотреть надлежит.

Глава 47. О винтере квартирах.

Глава 48. Что при походе и проходе жителей каждой земли примечать уметь.

Глава 49. Патент об опозданиях и начинающихся ссорах.

Глава 50. О военном совете и скорорешительном суде, который дальнейшего отлагательства не терпит и что при этом надобно примечать.

Глава 51. Об ординанцах что оное есть.

Глава 52. О Салвогвардиях и что при этом примечать.

Глава 53. О пропитании и маркетентерах.

Глава 54. О фуражировании что при этом примечать.

Глава 55. О походе войска.

Глава 56. О лагере войска, как кавалерию инфантерию, а также

артиллерию поставить.

Глава 57. О тревожных сборных и парадных местах и что при этом примечать:

– когда пожар учинится, тогда как (в лагере и гарнизоне) поступать;

– как гарнизону в городе (или крепости) при входе какого-то монарха поступать;

– о числе стрельбы из пушек для коронованных и владеющих князей, коронованной персоне.

Глава 58. О кордегвардиях и караульных домах, как их в бережении и чистоте содержать.

Глава 59. О караулах, как им ходить и сменяться, также что, как в поле, так и в гарнизоне при том внимать надлежит.

Глава 60. О ревелиях (или победных) итаптах.

Глава 61. Что же впрочем касается об офицерских караулах в том определяется посему.

Глава 62. О силе и должности караулов, как в городе, так и в лагере и что при том внимать надлежит каждому.

Глава 63. О караулах кавалерии, как их содержать в поле и крепостях (также об отводных караулах кавалерии и инфантерии) и о прочем что надлежит внимать.

Глава 64. О молитве, как и в которое время отправлять.

Глава 65. О рундах.

Глава 66. О патрулях и что при том чинить надлежит.

Глава 67. Об экзекуции (или вершении).

Глава 68. Порционы и рационы в чужой земле, а в своей только рационы давать надлежит по сему».

Объяснения слов, употребляемых в Воинском Уставе и Воинских артикулах

Артикул – статья.

Акция – дело, т. е. военные действия.

Баталия – сражение.

Без нужды – не ввиду требования закона.

Вельми – сильно, весьма.

Виктория – Победа.

Волею – с умыслом.

Властно – именно так.

Весьма – в артикулах употребляется в смысле «без пощады».

- Вышний – высший.
Генерал-гевальдигер – высший чин, следящий за порядком в армии.
Живот – жизнь.
Зело – очень.
Инде – где-либо.
Изрядно – хорошо, отлично.
Инфантерия – пехота.
Купно – совместно.
Мзда – взятка.
Мздоимство – взяточничество.
Неволею – не умышленно, без намерения.
Оказия – случай.
Обоз – лагерь.
Посулы – взятки.
Предпочтение – уважение.
Почетания – отдавание почестей.
Подлинно – в действительности.
Письма – документы.
Регимент – полк.
Розыск – расследование.
Челобитная – жалоба.
Штандарт – кавалерийское знамя.
Шельмование – лишение по суду всех прав.

На рис. 2–5 представлены фрагменты рукописного Воинского устава Петра Великого

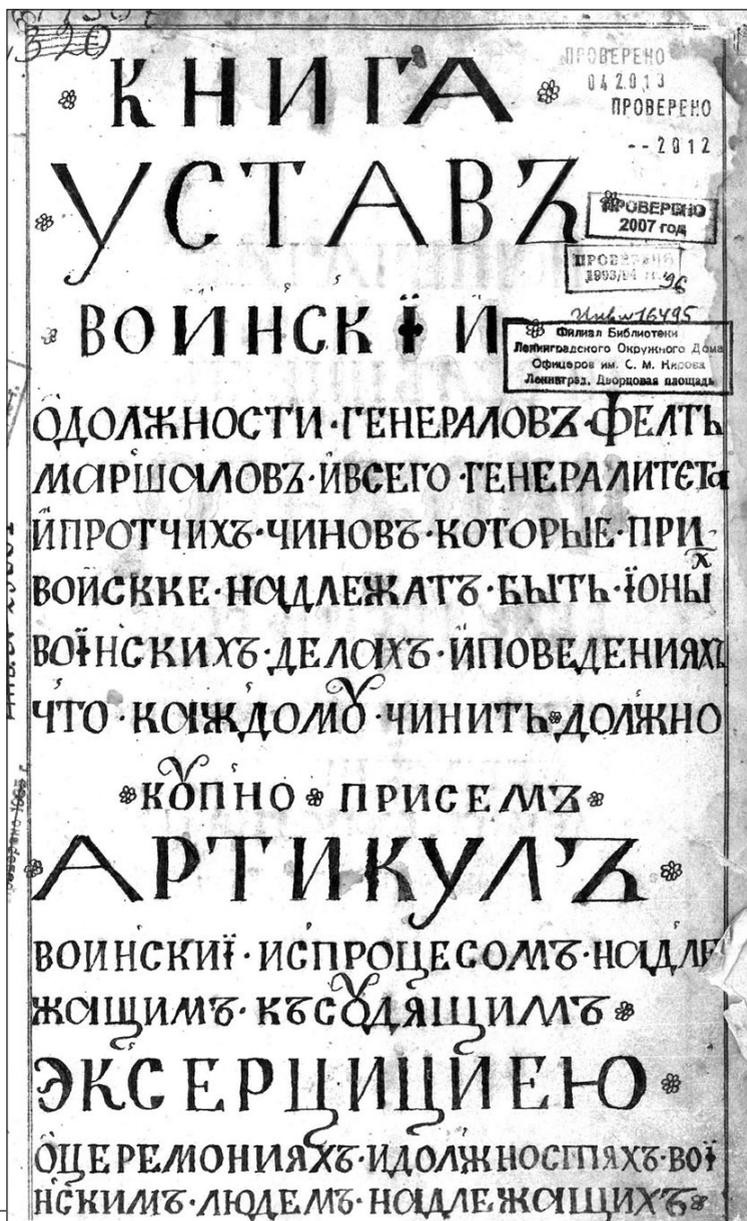

Рис. 2

ВОИНСКИИ

БОЖІЕЮ
 МІЛОСТІЮ
 МЫ ПЕПРЬ ПЕРВЫИ
 ЦАРЬ ИСАМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОСІСКИИ
 ИПРОТЧАЯ ИПРОТЧАЯ* ИПРОТЧАЯ

Исторіе всеиъ есть известно имъ образомъ
 отъца нашь блаженнаго Ивезно достоиннаго патр
 ттій 1647 году казавъ регулярное воинно уготовле
 длати нуставы воиннои издавъ околь Итано во
 инно втано добромъ порядкѣ урреждено было это
 славныя дела вполне показаны ижема итесе
 тольиое корольство завоевано было паче
 нупно икъшедеми воиня ведена была и пот
 томъ оно итпоило умножио прирадуще мн
 внаиудъ свѣтѣ козгта иижема оспавлено
 итано это последовало потпо итпоридъ сьрезу
 дными народы койсаварамъ это итпотивъ по
 стовати можъ или оттомъ свѣда лицѣ пачи
 есть [это зиниловъ прихитиритъ иирилинхъ похотъ умодивадъ старѣ
 ииетпоно погжа ииоторадо негдавно нашь ступи при
 аромѣ пачи иначала сѣя воинны причадтѣ пот
 томъ погжа воинно распорядимъ по нашь велии
 итпогредьси стомощидъ тышиниго ииини итпани

Рис. 3

• Р Е Е С Т Р Ъ •			
О РЪПИКУЛОВЪ ВОИНСКИХЪ И ПРОЦЕСОВЪ.			
Глава .. I .. я ..			
артинулы	листы	артинулы	листы
1. о рѣшениихъ изволовъ и указовъ	3	24. о рѣшениихъ воиновъ рундъ противъ вышнихъ	11
2. о поощреніи сарофѣевъ	4	25. о поощреніи равныхъ вышнихъ	12
3. о Христининыхъ имѣніихъ бояръ	5	26. о рѣшениихъ противъ сводурѣдичиновъ и троюмъ	13
4. о Христининыхъ имѣніихъ бояръ и вѣтвы	5	27. о несправедливости ирабѣтс	12
5. о слышавшихъ таинство Христини	5	28. о несправедливости ирабѣтс	13
6. о Христининыхъ имѣніихъ бояръ и вѣтвы	6	29. о несправедливости ирабѣтс	13
7. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ и вѣтвы	6	30. о доношеніи воиновъ	14
8. о наказаніи таинство и вѣтвы	6	31. о поощреніи	14
Глава .. 2 .. я ..			
9. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ и вѣтвы	6	32. о наказаніи съ оутроушнихъ	14
10. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ и вѣтвы	7	33. о записаніи имѣніи а вѣтвѣ по доводу имѣніи и вѣтвы	15
11. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ и вѣтвы	7	34. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ и вѣтвы	15
12. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ и вѣтвы	7	Глава .. 4 .. я ..	
13. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ и вѣтвы	7	36. что и вѣтвы имѣніихъ бояръ	16
14. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ и вѣтвы	7	37. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ	16
15. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ и вѣтвы	8	38. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ	17
16. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ и вѣтвы	8	39. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ	17
17. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ и вѣтвы	8	40. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ	18
Глава .. 3 .. я ..			
18. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ и вѣтвы	8	41. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ	18
19. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ и вѣтвы	9	42. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ	19
20. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ и вѣтвы	10	43. что и вѣтвы имѣніихъ бояръ	19
21. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ и вѣтвы	10	44. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ	19
22. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ и вѣтвы	10	45. что и вѣтвы имѣніихъ бояръ	20
23. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ и вѣтвы	11	46. что и вѣтвы имѣніихъ бояръ	20
		47. что и вѣтвы имѣніихъ бояръ	20
		48. что и вѣтвы имѣніихъ бояръ	20
		49. о вѣтвѣ имѣніихъ бояръ	21
Глава .. 5 .. я ..			
		50. что и вѣтвы имѣніихъ бояръ	21

Рис. 5

¹ Петр I Великий (1672–1725) – русский царь, первый российский император. Юность Петра I Алексеевича прошла между Преображенским, где он муштровал свой потешный полк, и немецкой слободой – пригородом Москвы. Довольно скоро царь преобразовал свое потешное войско в два полка, Преображенский и Семеновский, которым суждено было стать ядром будущей регулярной российской армии. В 1695–1696 гг. в ходе Азовских походов состоялось боевое крещение Петра I. Война с Турцией побудила начать строительство флота. После кончины Ивана V Петр I стал единовластным хозяином страны. Он создал мощную армию, позволившую ему значительно расширить границы своей империи. Петр I полностью перестроил и гражданские органы власти. В 1708 г. вся Россия была разделена на 8 губерний, во главе которых были поставлены назначаемые царем губернаторы. Петр I создал прокуратуру, которую возглавил генерал-прокурор. 24 января 1722 г. он утвердил «Табель о рангах» – документ, определявший порядок прохождения государственной службы. Установил обязательную службу дворян в гвардии. Почти одновременно с устройством регулярной армии Петром I было положено основание военным школам, подготавливающим офицеров. Довольствие и расквартирование войск возлагались на органы правительства, как в мирное, так и в военное время. В 1716 г. издается «Устав воинский», соединивший и дополнивший все указания, разбросанные в различных инструкциях. Этот устав точно определял состав роты, обязанности всех чинов полка. Большое внимание уделяется действиям штыком и правилам славы. Устав 1716 г. говорит только о пехоте. Петр I был в душе сторонником решительных действий, прожив свой век в постоянной и напряженной физической деятельности. Екатерина II верно определила его значение, сказав: «За что в России ни возьмись, все свое начало в Петре имеет».

² Карло Альбачини (1777–1858) – итальянский скульптор, реставратор. Занимался реставрацией античных памятников для известных коллекционеров. Обучал рубке мрамора пенсионеров европейских академий в своей мастерской. Работы Альбачини ценились очень высоко.

³ Экземпляр Воинского устава, утвержденного 30 марта 1716 г. Петром I, согласно предписанию начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерала армии Штеменко от 06.12.1948 г. передан в Военно-научную библиотеку (ВНБ) Генерального штаба ВС СССР, тем же предписанием в ВНБ передан Устав, печатанный вторым тиснением в 1755 и 1826 гг.

⁴ Алексей Васильевич Макаров (1674 или 1675–1750) – личный секретарь («кабинет-секретарь») Петра I. Выходец из посадской среды. Вел всю переписку царя, в том числе и секретную, имел влияние на государя, особенно в вопросах внутренней политики. В 1725 г. поддержал воцарение Екатерины I. При Петре II, в связи с ликвидацией кабинета (личной канцелярии царя), стал президентом камер-коллегии.

⁵ Адам Адамович Вейде (1667–1720) – сын немецкого офицера, один из жителей Немецкой слободы. Службу начал в потешных войсках, в чине майора Преображенского полка участвовал в Кожуховских маневрах (1694) и обоих Азовских походах (1695–1696). По окончании кампании Петр I поручил ему посетить Прибалтику, Пруссию, Австрию и Голландию, чтобы сообщить о прибытии русского Великого посольства, в составе которого был сам царь. Вейде посетил также Англию, где сообщил королю Вильгельму III о блистательной победе боярина А.С. Шеина над турками. После смерти Ф. Лефорта в марте 1699 г. принял в командование Лефортовский полк и пожалован в бригадир-генералы. При учреждении регулярной армии указом от 11 июня 1700 г.

Петр I «...указал ему быть в генералах и ведать выборный полк генерала адмирала Франца Яковлевича Лефорта». Вейде получил приказ сформировать «генеральство» (дивизию) из Генеральского Лефортовского полка, драгунского и восьми новонабранных пехотных полков. Командуя своей дивизией в битве при Нарве (1700), попал в плен к шведам и отвезен в Стокгольм, где пробыл до 1710 г., когда был обменян на шведского коменданта Риги генерала Нильса Стромберга. По возвращении в Россию в 1711 г. снова возглавил дивизию и участвовал в неудачном Прутском походе (1711). Позже действовал против шведов в Финляндии. 9 сентября 1714 г. награжден орденом Св. Андрея Первозванного. Известен по написанному им в 1698 г. «Воинскому уставу», который он посвятил Петру I (напечатан в 1841 г.).

⁶ Яков (Даниэль) Вилимович Брюс (1670–1735) – из древнего шотландского рода, давшего России несколько выдающихся военных деятелей. Вместе с братом Романом в 1683 г. вступил в ряды царских потешных. В конце 1697 г. последовал в Амстердам за Великим посольством и, благодаря общему с Петром I интересу к науке и своим обширным знаниям, стал неразлучным спутником царя в путешествиях за границей. Генерал-фельдмаршал.

⁷ Андрей Андреевич Виниус (1641–1717). Получил хорошее образование. Имя его впервые становится известным в 1664 г., когда он был взят в посольский приказ переводчиком голландского языка. Написал сочинение по географии, составил географический атлас и разработал проект галер флота. В 1674 г. Виниус пожалован в московские дворяне. В 1700 г. он был поставлен во главе артиллерии, со званием «надзирателя артиллерии». Его стараниями была заведена и построена на Пушечном Дворе «Московская пушкарская школа». Собранный им богатая, по тому времени, библиотека научных книг по приказанию царя была передана в заведенную тогда в Санкт-Петербурге публичную библиотеку (ныне библиотека Академии наук).

⁸ Борис Петрович Шереметев (1652–1719) – граф, российский военачальник. Выходец из старинного боярского рода. Ближайший сподвижник Петра I. С 1665 г. на службе при дворе. Был воеводой в Тамбове, сражался с крымскими татарами. С 1681 г. – боярин. Поддерживал Петра I в его борьбе против Софьи. Участвовал в Азовских походах 1695–1696 гг. В 1697–1699 гг. возглавлял важные дипломатические миссии в Речь Посполитую, Австрию и Италию. Один из выдающихся полководцев, командовавших российской армией в Северной войне 1700–1721 гг., Шереметев был одним из немногих придворных, кто пользовался уважением Петра I. В 1701 г. произведен в фельдмаршалы. В 1706 г. первым в России возведен в графское достоинство. В том же году жестоко подавил восстание в Астрахани. В Полтавском сражении 1709 г. командовал пехотой. Шереметев стал единственным членом следственной комиссии, который отказался подписать смертный приговор Алексею Петровичу. Бюст фельдмаршала Шереметева возвышается на парадной лестнице Побед в здании Главного штаба.

⁹ Александр Данилович Меншиков (1673–1729) – светлейший князь (1707), генералиссимус (1727), российский государственный деятель. Ближайший друг и сподвижник Петра I. Родился в семье придворного конюха, в детстве был взят в услужение Ф. Лефорту. В 1686 г. стал денщиком Петра I. Постоянно находился при молодом царе. В 1693 г. – бомбардир Преображенского полка. Участвовал в Азовских походах 1695–1696 гг., Великом посольстве 1697–1698 гг., Северной войне 1700–1721 гг. После смерти Лефорта в 1699 г. стал наиболее приближенным советником царя. В 1702 г. назначен комендантом Нотебурга, возведен в графское достоинство. В 1703 г. стал губернатором Ингерманландии, занимался строительством Петербурга и Кронштадта. В

1704 г. получил чин генерал-майора. В 1705–1706 гг. командовал российскими войсками, действовавшими в Литве и Белоруссии. В ходе Полтавского сражения командовал левым флангом российских войск, был произведен в фельдмаршалы. В 1709–1713 гг. командовал российскими войсками в Польше, Курляндии, Померании, Гольштейне. С 1714 г. управлял Прибалтикой, оставаясь санкт-петербургским генерал-губернатором. Открыто разворовывал казну и грабил государство, за что в 1714 г. находился под следствием. Чтобы избежать наказания, использовал жену царя Екатерину, которая влияла на Петра I, в собственных интересах. В 1825 г. после смерти Петра возвел ее на российский престол. Безраздельно правил Россией вплоть до смерти Екатерины I в 1727 г. Затем обручил малолетнего императора Петра II со своей дочерью Марией, однако в сентябре был свергнут группировкой князей Долгоруких и Голицыных. Все имущество Меншикова было конфисковано, а сам он вместе с семьей сослан в Березов (ныне Березово Тюменской области), где и умер.

¹⁰ Павел Осипович Бобровский (1832–1905) – генерал от инфантерии, сенатор. Образование получил в Полоцком кадетском корпусе, в Дворянском полку и в Николаевской академии Генерального штаба. Участвовал в компании 1853 г. на Дунайском театре. В 1860–1875 гг. служил на должностях Генерального штаба и в 1875 г., в чине генерал-майора, был назначен начальником Военно-юридической академии, во главе которой стоял до 1897 г., когда в чине уже генерала от инфантерии был назначен сенатором. Принимал деятельное участие в периодической, военной и исторической литературе и поместил ряд статей в «Военном сборнике» и «Русской старине». Автор ряда военно-географических обзоров, историй полков: лейб-гвардии Преображенского, лейб-гвардии Уланского Ее Величества и 13-го лейб-гренадерского Эриванского. Наиболее известный труд – «Происхождение артикула воинского и изображение процессов по уставу воинскому. 1716 г.».

¹¹ Т. Шорина. Воинские артикулы Петра I. М., 1940. С. 15.

¹² П. Бобровский. Военные законы Петра Великого в рукописных и перепечатанных изданиях. Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т.V. С. 77.

¹³ Александр Семенович Лацинский (1850–?). Родился в Тифлисе. Учился в 3-й Санкт-Петербургской гимназии. Продолжил обучение в Ярославской губернии. В это время он проживал в Спасо-Преображенском монастыре у своего дяди архиепископа Нила. Усердно занимался изучением иностранных языков. Сотрудничал в исторических изданиях «Военный сборник», «Русская старина». Профессионал-библиограф. В 1879–1880 гг. он подготовил к печати и прокорректировал систематический каталог библиотеки Главного штаба, в 1883 г. – справочную книгу по хронологии русской военной истории. Этот труд являлся первым опытом в русской и иностранной литературе, который давал полный хронологический обзор всех войн за многовековой период. С 1900 г. Лацинский был заведующим библиотекой Генерального и Главного штаба Русской армии.

¹⁴ Воинский Устав 1719 г. издания хранится в фондах Военной исторической библиотеки Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (инв. № 16495).

¹⁵ Подполковник Кашерининов. Петровский Устав. СПб., 1898. С. 1.

¹⁶ Пита – круглая, плоская пресная лепешка.

¹⁷ Фунт = 0,45 кг. Чарка = 0,01 ведра = 2 шкалика = 0,12 литра. Гарнец = 1,8 четверика = 3,28 литра.

Муса Рагим-оглы Кулиев (Нахичевань, Азербайджан)
ЛИЧНЫЙ АРХИВ К.Н. СМИРНОВА

ЛИЧНЫЙ архивный фонд известного русского востоковеда, кавказоведа, разведчика, полковника К.Н. Смирнова был приобретен государством 28 декабря 1960 г. у некоей Ирины Коломойцевой. Она не оставила подробных сведений о себе, поэтому мне не удалось разыскать ни саму ее, ни ее родственников. Фонд К.Н. Смирнова с тех пор хранится в Институте рукописей имени академика К. Кекелидзе (ныне Грузинский национальный центр рукописей) под номером 39, каталог № 59. Он насчитывает 156 единиц хранения.

Сначала, в 1962 г., с архивными материалами работала сотрудник института Нана Анчавели. Она составила каталог документов на грузинском языке.

Я, исследуя личный архив К.Н. Смирнова в 2005, 2006 и 2010 гг., убедился в том, что он уникален, богат и очень ценен. Но, к сожалению, несмотря на историческую и документальную

Рис. 1. К.Н. Смирнов

Рис. 2. К.Н. Смирнов в Эрзеруме (в первом ряду первый слева)

ценность, изучен он очень мало. Длительное время, более девяноста лет, архив оставался не востребованным. Тем не менее он не утратил своего значения.

Каталог (с некоторыми сокращениями) и фотографии публикуются впервые.

Дело № 1. Аттестат кадета VII класса Тифлисского кадетского корпуса К.Н. Смирнова. 30 августа 1895 г.

Дело № 2. Копия секретного письма временно управляющего Военным министерством по Главному штабу от 12 июля 1918 г. за № 2666. «3-го сего июля последовало Высочайшее соизволение сохранить за штабс-капитаном Смирновым права и преимущества действительной службы. Копия всеподданейшего доклада по Главному Штабу от 3-го июня за № 30/12 прилагается.

С подлинного верно:

Второй секретарь Российской Императорской Миссии А. Иванов».

Здесь же доклад по Главному Штабу Военного министерства, Азиатский отдел, 30 июня 1908 г. № 30/12, подписанный временно управляющим Военным министерством генерал-лейтенантом Поливановым и заверенный полковником Карликовым. В нем говорится о том, что по Высочайшему соизволению Его Императорского Величества штабс-капитан Смирнов был направлен в распоряжение

российского посла в Тегеране для исполнения обязанностей воспитателя наследника персидского престола, с зачислением в запас и с правом вернуться на службу, не теряя старшинства.

Дело № 3. Послужной список числящегося по гвардейской легкой артиллерии штабс-капитана Смирнова. Составлен 24 февраля 1915 г. В нем указаны награды Смирнова: ордена Святого Владимира 3-й и 4-й степени; Святой Анны 2-й степени; Святого Станислава 2-й и 3-й степени; персидский орден Льва и Солнца 2-й степени; медаль в память 300-летия Дома Романовых.

Дело № 4. Копия протокола, который написан 10 июня 1923 г. Особым отделом был произведен обыск на даче Маевского в Махинджаури. В результате К.Н. Смирнов был арестован.

Дело № 5. Справка № 47 от 10 сентября 1937 г. «Дана гражданину К. Смирнову в том, что он действительно освобожден из-под стражи».

Дело № 6. Выписка из приказа ИЯИМК № 52 от 4 мая 1937 г.

«§1. Упразднить деление Исторического Сектора Института на секции истории Народов Закавказья и истории Грузии, сократив число научных сотрудников сектора до 10 единиц.

§2. Освободить от работы в Институте следующих научных сотрудников сектора истории: товарища К.Н. Смирнова.

Директор ИЯИМК – профессор С.Н. Джанашиа».

Дело № 8. Справка военного трибунала Закавказского военного округа от 7 апреля 1959 г., №58, г. Тбилиси.

«Дело по обвинению Смирнова К.Н., арестованного 7 января 1938 года, пересмотрено военным трибуналом Закавказского военного округа 3 апреля 1959 г. Решение от 5 мая 1938 г. отменено и дело прекращено. Смирнов К.Н. посмертно реабилитирован.

Председатель Военного Трибунала Закавказского Военного Округа Толкачев. 16 августа 1960 г.».

Дело № 9. Пенсионное удостоверение и трудовая книжка К.Н. Смирнова.

Дело № 10. Материалы К.Н. Смирнова о поездке в Турцию в 1904 г., о работе на Кавказском фронте во время Первой мировой войны (1914–1917), записки 1934 г. – 35 с. и 14 фотографий малого формата.

Дело № 11. Записки К.Н. Смирнова. Персия, 1907 г. – 29 с.

Дело № 12. Записки К.Н. Смирнова. Персия, 1908 г. – 93 с., 2 фотографии.

- Дело № 13. Записки К.Н. Смирнова. Персия, 1909–1911 гг. – 136 с.
- Дело № 14. Записки К.Н. Смирнова. Персия. 1912 г. – 58 с.
- Дела № 15, 16. Записки К.Н. Смирнова (составлены из оставшихся черновиков рапортов, которые в предыдущие годы составили приложения к запискам). 1914 г. – по 23 с. в обоих.
- Дело № 17. Приложения к запискам К.Н. Смирнова за 1907–1908 гг. – 40 с.
- Дело № 18. Приложения к запискам воспитателя шаха за период 1907–1912 гг. – 17 с.
- Дело № 19. Приложения к запискам К.Н. Смирнова за 1909 г. – 74 с.
- Дело № 20. Приложения к запискам за 1910–1911 гг. – 60 с.
- Дело № 21. Дополнительные записки. 1912 г. – 26 с.
- Дело № 22. Заметки К.Н. Смирнова о своих записях; он закончил их 20 декабря 1924 г.
- Дело № 23. Газетные вырезки, относящиеся к перевороту 1909 г. – 20 с.
- Дело № 24. Копия с рапорта валиахда на имя российского императора, сделанная поверенным в делах в Персии от 9 июля 1909 г. – 8 с.
- Дело № 25. Краткая записка об управлении курдами и о нуждах русских курдов. 31 декабря 1914 г. – 6 с.
- Дело № 26. Мохамед Тевфик. Бои на Северном Кавказе. 1927 г. – 56 с.
- Дело № 27. Разведка Кавказского фронта в период 1878–1918 гг. 1937 г. – 86 с.
- Дело № 28. Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края. 1934 г. – 146 с.
- Дело № 29. Населенные пункты Нахичеванского края. Дополнение к работам К.Н. Смирнова по истории Нахичеванского края.
- Дело № 30. Заметки Смирнова, которые касаются материалов по истории Нахичеванского края.
- Дело № 31. Соглашение между Смирновым и директором института истории Азербайджана Гасановым, касающееся исторических материалов Нахичеванского края. 14 сентября 1937 г.
- Дело № 32. Запись Мамедова, которая касается работы Смирнова по поводу его работ по истории Нахичеванского края. 1937 г.
- Дело № 33. Рецензия Пахомова на работу по истории Нахичеванского края. 25 ноября 1937 г.
- Дело № 34. Институт Азербайджана посылает Смирнову редакци-

рованную работу по истории Нахичеванского края и рецензию Пахомова. 7 декабря 1937 г.

Дело № 35. Выписка из заседания ИЯКМК, на котором рассмотрена работа К.Н. Смирнова «Письменные документы Нахичевани XVII–XIX вв.».

Дело № 36. Сборник переписки эриванских ханов. Выпущен в 1936 г. – 268 с.

Дело № 37. Переписка эриванских ханов с соседними государствами XVIII в. (рукопись) – 73 с.

Дело № 38. Сборник переписки эриванских ханов с соседями в конце XVIII в. Перевод и комментарий К.Н. Смирнова. Тбилиси, 1937. – 116 с.

Дело № 39. Персидско-русский словарь. Составлен Смирновым для изучения писем эриванских ханов. Рукопись – 48 с.

Дело № 40. К. Смирнов. Иранские ханства Южного Кавказа по документам XVI–XIX вв. 22 сентября 1937 г. – 3 с.

Дело № 41. Иранские ханства Южного Кавказа по документам XVI–XIX вв. – 13 с.

Дело № 42. Исторические материалы – 173 с.

Дело № 43. Исторические материалы – 56 с.

Дело № 44. Коллекция документов по восточным языкам на Кавказе. Коллекция музея Грузии – 11 с.

Дело № 45. «Эгмиадзино-ереванская серия документов» – 5 с.

Дело № 46. Архив Кенгерлинских – 7 с.

Дело № 47. Содержание персидских исторических документов XVI и XIX вв. Составлено Смирновым – 19 с.

Дело № 48. Персидские документы, переписанные Смирновым – 19 с.

Дело № 49. Синхронная схема с хиджрой – 5 с.

Дело № 50. Краткая биография. Сведения о Цицианове из книги А.В. Висковитова «П.Ц.» – 1 с.

Дело № 51. Записная книга Смирнова – 8 с.

Дело № 52. Письмо К.Н. Смирнова жене Ксении Карловне 19 декабря 1914 г. – 3 с.

Дело № 53. Письмо К.Н. Смирнова жене 25 декабря 1914 г. – 1 с.

Дело № 54. Фрагмент письма К.Н. Смирнова жене. Декабрь 1914 г. – 1 с.

Дело № 55. Письмо К.Н. Смирнова жене, касающееся отношений между армянами и турецкими курдами. Декабрь 1914 г. – 1 с.

- Дело № 56. Письмо К.Н. Смирнова жене. 2 января 1915 г. – 1 с.
- Дело № 57. Письмо К.Н. Смирнова жене про генерала Шамшаддинова. 8 января 1915 г. – 2 с.
- Дело № 58. Письмо К.Н. Смирнова жене, касающееся ситуации в Дядине. 15 января 1915 г. – 1 с.
- Дело № 59. Письмо К.Н. Смирнова жене, касающееся ситуации в Игдыре. 27 октября 1915 г. – 2 с.
- Дело № 60. Письмо К.Н. Смирнова жене, касающееся ситуации в Баязиде. 5 октября 1915 г. – 4 с.
- Дело № 61. Письмо К.Н. Смирнова жене, касающееся задержания каравана, ушедшего из Вана. 19 октября 1915 г. – 2 с.
- Дело № 62. Письмо К.Н. Смирнова жене, касающееся личной жизни на Кавказе. Ноябрь–декабрь 1915 г. – 2с.
- Дело № 63. Письмо К.Н. Смирнова жене. Написано в сражении около Рабат-Керима 1 января 1916 г. – 4 с.
- Дело № 64. Письмо К.Н. Смирнова жене, личного характера. 25 апреля 1916 г. – 2 с.
- Дело № 65. Письмо К.Н. Смирнова жене, личного характера. 26–28 апреля 1916 г. – 2 с.
- Дело № 66. Письмо К.Н. Смирнова жене. 1 мая 1916 г. – 2 с.
- Дело № 67. Письмо К.Н. Смирнова жене, касающееся русской дипломатической миссии, и о некоторых английских чиновниках. Май 1916 г. – 2 с.
- Дело № 68. Письмо К.Н. Смирнова жене, личного характера. 5 августа 1916 г. – 2 с.
- Дело № 69. Письмо К.Н. Смирнова жене, личного характера. 10 августа 1916 г. – 2 с.
- Дело № 70. Письмо К.Н. Смирнова жене; он описывает корпус кавалеристов, который составил Аве. 11 августа 1916 г. – 2 с.
- Дело № 71. Письмо К.Н. Смирнова жене, личного характера 16 августа 1916 г. – 2 с.
- Дело № 72. Письмо К.Н. Смирнова жене. Он просит, чтобы передали Салару Фатиху Гиорту, что он прибыл в штаб Баратова 28 августа 1916 г.
- Дело № 73. Письмо К.Н. Смирнова жене, личного характера. 1916 г. – 1 с.
- Дело № 74. Письмо К.Н. Смирнова жене, в которой речь идет о Дараб Мирзе с Баратовым и Смирновым. 1916 г. – 4 с.
- Дело № 75. Письмо К.Н. Смирнова жене из Баку. 18 мая 1917 г. – 1 с.

Дело № 76. Письмо К.Н. Смирнова жене. Он рассказывает о походе на Турецкое побережье. 1 августа 1917 г. – 1 с.

Дело № 77. Письма с войны 1914–1918 гг. Турецкий и Персидский фронт – 7 с.

Дело № 78. Письма к Смирнову от разных личностей. Письмо от Гартвича, где он описывает свои мнения о людях Персидского двора. 2 августа 1909 г. – 5 с.

Дело № 79. Письмо Смирнову от дворцового министра. 5 апреля 1912 г. – 1 с.

Дело № 80. Письмо Минорского Смирнову по издательским делам.

Дело № 81. Письмо Пахомова Смирнову. Он сообщает, что получил работы Смирнова (материалы по истории Нахичеванского края). 25 декабря 1936 г.

Дело № 82. Поездка в Трапезунд через Батуми – 1 с.

Дело № 83. Письмо Смирнову от жены (личного характера) – 2 с.

Дело № 84. Письмо Смирнову от жены (личного характера) – 2 с.

Дела № 85–97. Открытки и письма к Ксении от матери.

Дело № 98. Письмо к Ксении от ее отца Карла Кестера.

Дело № 99. Письмо к Ксении от ее сестры – 2 с.

Дело № 100. Письмо от дяди Лизе и Марусе – 2 с.

Дело № 101. Письма от родственников к Ксении – 1 с.

Дело № 102. Письмо от врача Жлото к Ксении – 1 с.

Дела № 103–104. Письмо от врача Жлото к Ксении – 2 с.

Дело № 105. Письмо от Киви Авалова Смирнову и Ксении – 2 с.

Дела № 106–111. Письма Луизы Гольдберга к Ксении на французском языке – 8 с.

Дело № 112. Письмо Потухова Смирнову и Ксении – 1 с.

Дело № 113. Поздравления для Смирнова и К. Кестера – 1 с.

Дело № 114. Письмо Елизавете Ктноблау от Мании – 1 с.

Дело № 115. Фотоснимки Смирнова. Петербург, 1903 г. – 5 единиц.

Дело № 116. Фото Смирнова в Тегеране в своем кабинете, 1910 г. – 1 единица.

Дело № 117. Фото Смирнова – 2 единицы.

Дело № 118. Фото генерала Юденича и Смирнова в Баязиде, 1915 г. – 3 единицы.

Дело № 119. Фото генерала Баратова в Тегеране, 1916 г. – 1 единица.

- Дело № 120. Фото Саблина в Тегеране (фото) – 1 единица.
Дело № 121. Фото Смирнова с Назимом Хелбенем, 1914 г. – 1 единица.
Дело № 122. Фото Владимира Маевского, 1902 г. – 1 единица.
Дело № 123. А.Л. Комаров. Петербург, 1903 г. – 1 единица.
Дело № 124. Князь Вадбольский и Смирнов в Тегеране – 1 единица.
Дело № 125. Генерал-майор Алиашраф Шамшаддинов, 1914 г. – 1 единица.
Дело № 126. Фото русского генерала Бичерохова, из газеты.
Дело № 127. Военная гимназия в Эрзеруме, фото, 1904 г. – 1 единица.
Дело № 128. Русская миссия в Тегеране, фото, 1907 г. – 1 единица.
Дело № 129. Летняя резиденция в Зергенде – 1 единица.
Дело № 130. В Газвине, 1915–1916 гг. – 1 единица.
Дело № 131. Смирнов и Ксения, 1914 г. – 1 единица.
Дело № 132. Фотография К.Н. Смирнова – 1 единица.
Дела № 133–134. Разные фотографии.
Дело № 135. Разные статьи Д. Гузанлы с персидско-русской войны 1827–1828 гг. – 39 с.
Дело № 136. Записка Хайруллы Тахватуллина, 25 февраля 1904 г.
Дело № 137. Свидетельство о рождении и крещении Ксении.
Дело № 138. Астрологические журналы.
Дело № 139. Послужной список бывшего начальника военного телеграфа Севастополя полковника Коломайцева – 6 с.
Дело № 140. Телеграмма Арбатова к Смирнову, 1917 г.
Дело № 141. Записки различных лиц.
Дело № 142. Вырезка из журнала о постановлении советской власти в Баку, газета «Bakı Yollarında», 1935 г.
Дело № 143. Дневник Ксении Смирновой 1938 г. – 104 с.
Дело № 144. Грамота, утвержденная шахом – 2 с.
Дело № 145. Персидские исторические документы (фотокопии) – 8 с.
Дело № 146. Синхронные схемы Хиджры – 22 с.
Дело № 147. Синхронные схемы Хиджры – 35 с.
Дело № 148. Карта военных действий в Закавказском крае с 1809 по 1817 г. – 1 единица.

Дело № 149. Список изданий штаба Кавказского военного округа, касающихся Турции и Персии, с 1880 до 1910 г. – 3 с.

Дело № 150. Список родословного дерева курдов джелалинского племени в Макинском ханстве – 1 с.

Дело № 151. О получении аванса по работе о курдах – 1 с.

Дело № 152. Работа военного востоковеда – 1 с.

Дело № 153. Завещание Ксении – 1 с.

Дело № 154. Визитная карточка К.Н. Смирнова – 1 с.

Дело № 155. Материалы по истории Нахичеванского края – 118 с.

Дело № 156. Просветительные мероприятия Персии – 21 с.

А. Н. Кулинский (Санкт-Петербург)

ОРУЖИЕ ИЗ КОЛЛЕКЦИЙ РОМАНОВЫХ: НОВЫЕ ДАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВНАЯ МАССА ОРУЖИЯ, принадлежавшего представителям семейства Романовых, поступила в Артиллерийский исторический музей (в настоящее время Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, ВИМАИВиВС) в 1920-х – начале 1930-х гг. из дворцовых коллекций.

Это огнестрельное боевое, охотничье и спортивное оружие, а также холодное оружие, являвшееся неотъемлемым элементом определенной формы одежды. Сюда же относятся и подарочные экземпляры, которые после акта дарения становились частью личных оружейных собраний членов царствующей династии и в дальнейшем лишь украшали интерьеры романовских дворцов и особняков.

В декабре 2012 г., в преддверии 400-летия восстановления российской государственности и начала правления династии Романовых, вышла книга автора настоящей статьи «Оружейные реликвии Дома Романовых»¹, в которую были включены все выявленные на тот момент в фондах музея русские и иностранные оружейные памятники, принадлежавшие членам семьи Романовых.

За три года, прошедшие с момента выхода первого издания этой книги, в фондах ВИМАИВиВС удалось выявить и точно атрибутировать еще более 25 единиц оружия, принадлежавшего Романовым, в том числе детское оружие, русские и иностранные экспериментальные и серийные образцы боевых и охотничьих винтовок, прусскую саблю великого князя Михаила Николаевича, золотое оружие Александра II.

Относительно наградного оружия Александра II необходимо дать следующие пояснения. Формально император в списках кавалеров золотого оружия не значится. И все же...

Д. А. Милютин вспоминал о том, как в ноябре 1877 г. после взятия Плевны Александр II обратился к нему со следующими словами: «А считает ли военный министр, что и я заслужил Георгиевский темляк?». Восхищенные благодушием государя, все мы, окружавшие его, прокричали ему с неподдельным одушевлением “ура”». По воспоминаниям очевидцев, Александр II тогда же обратился к своему сыну Сергею Александровичу со словами: «Я думаю, я могу себе надеть георгиевский темляк». Сергей Александрович писал позднее по этому поводу: «Душка Папа! “Боже мой, еще бы!” – только я мог ответить»².

И 28 ноября 1877 г. Александр II «возложил» на свою саблю Георгиевский темляк по случаю победы под Плевной, фактически сам себя наградил золотым оружием. В императорской квартире не имелось золотой сабли, поэтому император продолжал носить темляк на обычном оружии. Начальнику Гвардейского отряда Почетного конвоя императора полковнику фон Эндену как раз прислали из Петербурга золотую саблю, которую он предложил от имени офицеров отряда поднести императору, что и было сделано 2 декабря³.

Таким образом, Александр II, формально не значащийся в списках кавалеров золотого оружия, фактически эту награду имел и, разумеется, заказал несколько экземпляров для ношения с различными мундирами. В собрании Центрального военно-морского музея хранится морская офицерская сабля обр. 1855 г., а в Государственном историческом музее в Москве – пехотная офицерская сабля обр. 1865 г., которая была при императоре в день покушения на него 1 марта 1881 г.

Любопытно, что эти две сабли, а также выявленная в коллекции ВИМАИВиВС кавалерийская офицерская сабля обр. 1827 г. имеют знак ордена Св. Георгия на эфесе, полагавшийся для оружия, которое носилось взамен золотого оружия с драгоценными камнями. Между тем, император «получил» награду без драгоценных камней.

Кстати, георгиевский орденский знак был и на рукояти золотой шашки, поднесенной императору через год после «самонаграждения», 1 декабря 1878 г. офицерами Собственного его императорского величества Конвоя.

Ниже приведены описания вновь выявленных оружейных памятников, а также, в ряде случаев, необходимые биографические и исторические комментарии к ним.

11 предметов из числа вновь выявленных романовских персонифицировать пока не удалось: на них нет никаких надписей или мо-

нограмм и в документах нет на это никаких указаний. В то же время высокое качество выделки (в ряде случаев), а также источник поступления в музей (из Александровского дворца) не оставляют никаких сомнений в том, что эти 11 предметов принадлежали членам семьи Романовых. Возможно, в будущем поиск в архивах позволит уточнить эти данные.

Прусская сабля и кавказская винтовка, принадлежавшие великому князю Михаилу Николаевичу, уже были опубликованы и даже экспонировались на выставке «Русское мемориальное оружие XIX – начала XX в.»⁴, поэтому в настоящей статье не рассматриваются.

Оружие Александра II

Винтовка русская казнозарядная экспериментальная сист. В. Тарнопольского, 1865–1866 гг.

Ствол стальной цилиндрической нарезной, с четырьмя нарезами, соединен с ложей тремя стальными ложевыми кольцами. На переднем ложевом кольце слева выбиты: номер 12169 и лук со стрелой (клеймо Ижевского оружейного завода). На среднем ложевом кольце имеется антабка для ремня; слева на нем выбито клеймо Тульского оружейного завода в виде молоточка и буквы ПО. На заднем ложевом кольце выбито клеймо: лук со стрелой (Ижевский оружейный завод). Наконечник цевья латунный, на нем выбито контрольное

клеймо Тульского оружейного завода в виде молоточка и неразборчивые буквы. Прицельные приспособления состоят из гессенского прицела и мушки. Сверху на прицеле выбиты: лук со стрелой (клеймо Ижевского оружейного завода) и буквы MD (?).

Затвор изготовлен в виде массивного блока, поворачивающегося на шарнире в вертикальной плоскости. В затвор вмонтирован ударник, в задний конец которого ударяет курок при нажатии на спусковой крючок.

На замочной доске выбито клеймо Сестрорецкого оружейного завода: С.О.З. 1865. ..А. На змейке выбиты: клеймо Тульского оружейного завода в виде молоточка и буквы *S ПГ*. Спусковая скоба латунная, ее основание стальное. На основании выбиты: клеймо Тульского оружейного завода в виде молоточка, буквы *ФС*, неразборчивые буквы. Перед спусковым крючком вмонтирован крючок фиксатора затвора.

На латунном затыльнике приклада сверху выбито клеймо: двуглавый орел, буквы *ПК*, лук со стрелой (клеймо Ижевского оружейного завода). Справа на прикладе в задней части выдавлен номер *АМ 1356* в овале. Слева на прикладе укреплена металлическая пластинка с гравированной надписью: *Винтовка русская системы В. Тарнопольского, опытный образец 1856 года. Из оружейной коллекции Александра II*; рядом желтой краской нанесен номер Александровского дворца-музея *А.Д.М. 25772*. Общая длина 1355 мм, длина ствола 866 мм, калибр 15,24 мм (6 линий).

Нет шомпола, ложа сломана у затвора, имеются небольшие отколы дерева, переднее и среднее ложевые кольца не закреплены, сломан фиксатор затвора.

Инв. № 5/10. Кн. № 2335. Ст. муз. № 1356; АДМ 25772.

Винтовка поступила в музей из Александровского дворца в начале 1930-х гг.

Образец датирован 1856 годом явно ошибочно. На замочной доске указан год ее изготовления – 1865. Соответственно, эта экспериментальная винтовка сист. Тарнопольского не могла быть собрана ранее 1865 г.

Тарнопольский Виталий (?–?) – дворянин польско-литовского происхождения. Оружейник-изобретатель. Во второй половине 1860-х гг. разработал конструкцию казнозарядной винтовки, которая была переделана предположительно на Сестрорецком оружейном заводе из пехотной винтовки обр. 1856 г. с использованием деталей

от других аналогичных винтовок, изготовленных в Ижевске и Туле. Винтовка была предназначена для стрельбы унитарным патроном калибра 6 линий (15,24 мм). Предположительно, после испытаний или пробной демонстрационной стрельбы винтовка была подарена изобретателем Александру II.

Какие-либо биографические данные о В. Тарнопольском выявить пока не удалось. Возможно, он был оружейным мастером в одном из полков или инженером на одном из оружейных заводов. В биографических изданиях, посвященных истории русской охоты, В. Тарнопольский не упоминается.

В 1890–1900-х гг. на российском оружейном рынке был хорошо известен московский оружейный магазин Антона Витальевича Тарнопольского (1864–?), располагавшийся на Мясницкой улице. Скорее всего, это сын В. Тарнопольского – фамилия довольно редкая, поэтому простое совпадение отчества А.В. Тарнопольского с первой буквой имени изобретателя винтовки представляется маловероятным.

Сын явно унаследовал от отца интерес к оружейному делу.

По данным В.Е. Маркевича, приведенным в книге «Охотничье и спортивное стрелковое оружие», А.В. Тарнопольский «первоначально сам выпускал недорогие ружья, затем развил оружейную торговлю, заказывал хорошие заграничные ружья и выпускал со своим клеймом. Организовал акционерное общество. Хороший охотник, стендовик».

Тарнопольский предлагал охотникам широкий ассортимент охотничьих ружей, револьверов, боеприпасов, а также различные оружейные принадлежности и аксессуары. Магазины Тарнопольского существовали также в Харькове и Нижнем Новгороде. Он имел звание поставщика Императорского общества охоты, Южно-Русского общества охоты и Донского общества охоты. С 1898 г. был членом Московского общества охоты. Выпустил две книги об охотничьем оружии под псевдонимом «Гражданский инженер».

Но в историю А.В. Тарнопольский вошел в первую очередь как основатель курорта. В 1904 г. по предложению министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова он выкупил землю в прибрежной полосе, где построил фешенебельный ультрасовременный для того времени курорт «Кавказская Ривьера», торжественное открытие которого состоялось 14 июня 1909 г. Именно с этой даты идет отсчет истории города Сочи как курорта⁵.

Штуцер французский капсюльный экспериментальный сист. Моршюэна, 1859 (?) г.

Ствол стальной восьмигранный нарезной, с пятью нарезами, скреплен с деревянной ложей хвостовым винтом и двумя стальными ложевыми кольцами, зафиксированными стальными пружинными защелками. Прицельные приспособления состоят из рамочного прицела и мушки. На правой боковой грани в дульной части ствола имеется прилив для крепления штыка-тесака. На верхней грани ствола выгравирована надпись: SYSTEME MORCHOIN, Bte, RUE Ste ANNE, 9. A PARIS. На заднем ложевом кольце и в задней части приклада снизу укреплены подвижные антабки для ремня.

Замок капсюльный. Курок с предохранительным взводом. Спица курка обработана насечкой «в сеточку». На замочной доске имеется клеймо: надпись THOMAS A PARIS в овале. На спусковой скобе выгравированы изображение двуглавого орла и надпись: A SA MAJESTE L'EMPEREUR ALEXANDRE 2 (Его величеству императору Александру 2).

Приклад без «щеки», со стальным затыльником. На прикладе справа наклеена частично сохранившаяся бумажная бирка музея

**Надпись на спусковой скобе
штуцера сист. Моршюэна**

курсов «Выстрел» со следами учетной записи (в частности, угадывается датировка штуцера 1859 годом).

Общая длина 1180 мм, длина ствола 789 мм, калибр 14 мм.

Инв. № 04/248. Кн. № 21395. По реестру документов № 669.

Нет шомпола, незначительные следы коррозии, небольшие забоины на дереве.

Штуцер поступил в музей с курсов «Выстрел» в 1939 г.

Тома Жозеф-Мартен (Thomas Joseph-Martin) – французский оружейник и владелец фабрики, работавшей в Париже в 1850 – начале 1870-х гг. Имел звание оружейника короля Швеции и Норвегии. На выставке 1855 г. получил медаль 1 класса. Участвовал в выставках в Лондоне в 1862 г. и в Париже в 1867 г. В апреле 1856 и в сентябре 1858 г. запатентовал две системы казнозарядных винтовок. Изготавливал оружие для Национальной гвардии, а также для свободного рынка. Оружейная фабрика Тома выпускала не только огнестрельное оружие, но также луки, арбалеты и некоторые другие виды оружия⁶.

Фамилия изобретателя «Morchoin», указанная на стволе, не встречается ни в одном из оружейных справочников. Какие-либо сведения о нем выявить не удалось.

Винтовка датская пехотная сист. «Ремингтон» обр. 1867 г. американского производства, вторая половина 1860-х гг.

Ствол цилиндрический нарезной (5 нарезов), скреплен с ложей винтом ствольной коробки и тремя стальными ложевыми кольцами. На переднем ложевом кольце слева, на среднем и заднем ложевых кольцах справа выбито датское приемное клеймо в виде короны. Прицельные приспособления состоят из рамочного прицела с дистанциями до 1300 метров и мушки. На основании прицела слева выбиты цифры 1 2 3 4. На стволе в дульной части справа имеется продольный прилив для крепления штыка-тесака. Наконечник цевья стальной. Снизу под стволом имеется стальной шомпол. На средней антабке и на прикладе снизу укреплены подвижные антабки для ремня.

Затвор крановый, с поворотом на шпильке в вертикальной плоскости назад вниз и обратно. Курок срединный, в спущенном положении подпирает затвор, не давая ему открыться. Верхняя часть затвора и спица курка обработаны насечкой «в сеточку». Слева на цевье, шейке приклада, казенной части ствола, затворе, курке и ствольной коробке выбито датское приемное клеймо в виде короны. Слева на казенной части ствола выбит номер: 40000. На хвостовике ствольной коробки выбита надпись: REMINGTON'S ILION N.Y. U.S.A. PAT. MAY 3d NOV. 15th 1864 APRIL 17th 1860.

Деревянная ложа состоит из приклада и цевья. На прикладе с правой стороны прикреплена металлическая пластина с выгравированной надписью: *Винтовка американская системы Ремингтон, образца 1864 года, калибра 11,43 мм. Из коллекции оружия Александра II.* Образец и калибр винтовки в этой надписи указаны некорректно. Фактически винтовка была предназначена для стрельбы патроном 11,7 x 51R (так называемый «датский Ремингтон»), примерно соответствовавшим американскому патрону калибра .45-70. На прикладе с левой стороны в задней части желтой краской нанесен номер Александровского дворца-музея 25785; в верхней части выдавлен номер в овале: АМ 248. Снизу на прикладе выдавлен номер: 40000.

Общая длина 1280 мм, длина ствола 904 мм, калибр 11,7 мм.

Потертости и потемнения на металле, небольшие забоины и царапины на дереве.

Инв. № 06/135. Кн. № 2609. Ст. муз. № А.Д.М. 25785; АМ 248.

Винтовка поступила в музей из Александровского дворца в начале 1930-х гг.

Винтовка относится к наиболее известной и самой массовой (более 1 000 000 единиц) разновидности длинноствольного оружия сист. «Ремингтон», выпускавшейся с 1867 по 1902 г. со стволами длиной 30–39 дюймов (винтовки) и 19–22 дюйма (карабины) под различные патроны. Винтовки или карабины сист. «Ремингтон» были приняты на вооружение в США, а также в Дании в 1867 г., в Швеции в 1868 г., в Испании в 1869 г., в Египте в 1870 г., в Аргентине в 1879 г., в Нидерландах, Китае, Австро-Венгрии, Швейцарии, Мексике и ряде других стран.

Датские пехотные винтовки обр. 1867 г. производились в 1867–1870 гг. в США (40 540 единиц; по другим данным 40 000 винтовок и 1800 карабинов), а затем в 1870–1888 гг. на оружейной фабрике в Копенгагене.

Ремингтон Элифалет (Remington Eliphalet) (1793–1861) – американский предприниматель и конструктор огнестрельного оружия, основатель старейшей оружейной фирмы США «Remington Arms», основанной 1825 г. в Иллионе, штат Нью-Йорк.

Сын оружейного мастера Элифалет Ремингтон II, основатель компании «Ремингтон Армз Компани», Ремингтон-младший сделал свой первый кремневый замок в отцовской мастерской в 1816 г. В 1844 г. к компании присоединился племянник Фило Ремингтон, а за ним последовали Сэмюэл и Элифалет III, сын основателя. Название компании было изменено на «Э. Ремингтон и сыновья». В 1888 г. права собственности перешли к Гартли и Грэму, и компания получила название «Ремингтон Армз Компани». В 1902 г. произошло слияние с компанией «Юнион Картридж Компани». В настоящее время штаб-квартира фирмы расположена в г. Бриджпорт, штат Коннектикут, а компания входит в группу «Дюпон».

В начале своей карьеры Ремингтон был известен, в основном, благодаря своему армейскому револьверу образца 1863 г. под патрон с дымным порохом. В том же году Ремингтон запустил в производство казнозарядную винтовку с крановым затвором. Она была изготовлена по патентам, принадлежащим Леонарду М. Гейджеру и Джозефу Райдеру. Правительство США подписало с Ремингтоном контракт на изготовление 14 999 карабинов с крановым затвором калибра .56-50 кольцевого воспламенения. Винтовка этого типа продавалась в различных странах⁷.

Винтовка казнозарядная экспериментальная сист. С. Крнка под русский патрон калибра 4,2 линии, 1874 г.

Ствол цилиндрический нарезной, скреплен с ложей хвостовым винтом и двумя стальными ложевыми кольцами. На переднем ложевом кольце и перед спусковой скобой укреплены подвижные антабки для ремня. В дульной части ствола справа имеется прямоугольный штыковой целик. Прицельные приспособления состоят из рамочного прицела и мушки. Слева на основании прицела выбиты цифры 2 3 4 5. Сверху на рамке прицела нанесены цифры от 6 до 14. Снизу под стволом имеется стальной шомпол. Наконечник цевья стальной. В казенной части ствола перед прицелом сверху выбито: 1873, изображение стрелы (клеймо Сестрорецкого оружейного завода), неразборчивые цифры. На хвостовике ствола выбито: PATENT KRNKA.

Затвор усовершенствован по сравнению с образцом 1869 г. Его крышка откидывается на шарнире с латунной пружиной влево при полном взведении курка, который для этого имеет справа специальную рукоять яйцевидной формы с круговой насечкой; при этом выбрасывается и стреляная гильза.

Сверху на патроннике и крышке затвора выбито: PATENT KRNKA. Сверху на шарнире выбита цифра 2. В передней части основания спусковой скобы выбито: Т.А.

Затыльник приклада стальной. На прикладе с правой стороны укреплен металлическая пластина с гравированной надписью: *Винтовка русская системы Крнка II-го образца 1870 года. Из коллекции оружия Александра II.* На этой же стороне приклада вверху в задней части выдавлен номер в овале: АМ 1160. На прикладе с левой стороны в задней части желтой краской нанесен номер Александровского дворца-музея: А.Д.М. 25768.

Общая длина 1255 мм, длина ствола 855 мм, калибр 10,67 мм (4,2 линии).

Незначительные потертости на металле, забоины на ложе, ложевые кольца не закреплены.

Инв. № 5/106. Кн. № 2253. Ст. муз. № 1160; АДМ 25768.

Винтовка поступила в музей из Александровского дворца в начале 1930-х гг.

Образец датирован 1870 годом ошибочно. На самом деле эта экспериментальная винтовка под русский патрон датируется 1874 годом, что косвенно подтверждается и годом изготовления ствола рядом с клеймом Сестрорецкого завода – 1873.

Крнка Сильвестр (Krnka Sylvestr) (1825–1903) – австро-венгерский изобретатель, конструктор оружия. Чех по происхождению.

С 1838 г. жил в Вене, учился у известного оружейника М. Новотного. В 1848–1851 гг. служил оружейным мастером на оружейном складе Национальной гвардии в южночешском г. Вольне, с 1853 г. – оружейным мастером в 10-м уланском полку австро-венгерской армии. С 1849 г. занимался изобретательской деятельностью в области стрелкового оружия и боеприпасов, начав с разработки казнозарядной винтовки под бумажный патрон. В 1854 г. сконструировал винтовку под патрон Лefоше и специальную пулю для пробивания кирас, в 1855 г. – скорострельный штуцер под патрон центрального воспламенения. Во второй половине 1850–1860-х гг. в своих разработках учитывал опыт применения стрелкового оружия в Крымской войне. В 1867 г. получил патент № 36679/497 на казнозарядную винтовку, которая не прошла конкурс в Австро-Венгрии, но система была принята на вооружение в России для переделки дульнозарядных винтовок. Переделка осуществлялась на трех государственных оружейных заводах: Тульском, Сестрорецком и Ижевском, а также на частных предприятиях в Киеве, Либаве, Петербурге.

С. Крнка

К. Крнка

Винтовки сист. Крнка были приняты на вооружение также в Болгарии, Черногории, Румынии. Успешное внедрение конструкции позволило оружейнику основать в

1871 г. в Праге собственную мастерскую. В иностранной оружейведческой литературе встречаются упоминания о том, что в 1874 г. Крнка запатентовал «автоматическую винтовку» (Handmaschinengewehr), в 1875 г. – «малокалиберную казнозарядную винтовку». В двухтомной монографии чешского историка-оружиеведа Ярослава Лугса винтовки 1874 г. с усовершенствованными затворами названы «Schnellader», что вполне корректно, на наш взгляд, передает сущность предложенных конструктором усовершенствований, направленных на ускорение процесса перезарядки и, следовательно, повышение скорости стрельбы.

В России С. Крнка был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени и шейной золотой медалью «За усердие» на ленте ордена Св. Станислава⁸.

Крнка Карел (Krnka Karel) (1858–1926) – сын Сильвестра Крнка, конструктор оружия. Учился в Вене, Петербурге и Праге. В 1876 г. возглавил оружейную фабрику «Th. Sederl» в Вене. В 1882 г. был произведен в офицеры. В 1883 г. сконструировал магазинную винтовку, ставшую основой для известной магазинной винтовки «Krnka & Sederl» 1885 г. В 1887 г. совместно с отцом получил немецкий патент на переделочную магазинную винтовку, в 1888 и 1890 гг. – еще два американских патента. В 1890–1901 гг. единолично получил 9 американских патентов на магазинное и автоматическое оружие. Автор труда «Винтовка будущего» (Das Zukunftsgewehr, seine Wirkung – seine Folgen. Populäre technische Studie), изданного в Праге в 1884 г. В 1889–1891 гг. работал инженером в Бирмингеме, в 1891–1898 гг. руководил патентным бюро в Праге. В 1898–1909 гг. генеральный директор патронной фабрики «Georg Roth», в 1909–1922 гг. руководил конструкторским бюро в Хиртенберге. В 1923–1926 гг. конструктор оружейного завода «Ceska zbrojovka»⁹.

Винтовка казнозарядная экспериментальная сист. С. Крнка под русский патрон калибра 4,2 линии, 1874 г.

Ствол цилиндрический нарезной, скреплен с ложей хвостовым винтом и двумя стальными ложевыми кольцами. На переднем ложевом кольце и перед спусковой скобой укреплены подвижные антабки для ремня. На ложевых кольцах справа выбито изображение стрелы (клеймо Сестрорецкого оружейного завода). В дульной части ствола справа имеется прямоугольный штыковой целик. Прицельные приспособления состоят из рамочного прицела

и мушки. Слева на основании прицела выбиты цифры 2 3 4 5. Сверху на рамке прицела нанесены цифры от 6 до 15. Справа на основании прицела выбито клеймо: буквы АБ под короной. Снизу под стволом имеется стальной шомпол. Наконечник цевья стальной. В казенной части ствола перед прицелом сверху выбито: БИРМИНГАМСКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ. Слева под прицелом на стволе выбиты цифры 64, неразборчивые английские контрольные клейма: скрещенные скипетры с буквами между ними (дважды), буквы В под короной.

Затвор усовершенствован по сравнению с образцом 1869 г. Его крышка откидывается на шарнире с латунной пружинной влево при полном взведении движением вниз-вперед расположенного справа на замочной доске длинного изогнутого курка; при этом выбрасывается и стреляная гильза.

Нижний конец и массивный широкий молоточек курка обработаны насечкой «в сеточку». На крышке затвора и курке выбито: PATENT KRNKA. Сверху на патроннике выбито: TH. SEDERL. На замочной доске выбито: L.G. 874. На основании спусковой скобы выбиты: изображение стрелы (клеймо Сестрорецкого оружейного завода), буква А.

Загыльник приклада стальной; на нем выбита цифра 3, на верхней части – буквы ИА. На прикладе с правой стороны укреплен металлическая пластина с гравированной надписью: *Винтовка русская системы Крнка, III-го образца 1870 года. Из коллекции оружия Александра II.* На этой же стороне приклада сверху в задней части выдавлен номер в овале: АМ 1159. На прикладе с левой стороны в

задней части желтой краской нанесен номер Александровского дворца-музея: А.Д.М. 25770.

Общая длина 1267 мм, длина ствола 822 мм, калибр 10,67 мм (4,2 линии).

Инв. № 5/108. Кн. № 2294. Ст. муз. № 1159; АДМ 25770.

Винтовка поступила в музей из Александровского дворца в начале 1930-х гг.

Образец датирован 1870 годом ошибочно. На самом деле эта экспериментальная винтовка под русский патрон датируется 1874 годом, что подтверждается и годом изготовления замочной доски – 1874.

Седерль Томас (Sederl Thomas) – австрийский конструктор-оружейник, руководитель довольно известной частной оружейной фабрики в Вене, работавшей в 1850–1880-х гг. В 1870 – 1880-х гг. получил несколько патентов на револьверы, казнозарядные винтовки и пистолеты. Фабрика Т. Седерля занималась также выполнением заказов на переделку американских винтовок сист. Пибоди для армий балканских государств. На этой фабрике в 1870-х гг. были изготовлены и некоторые экземпляры винтовок С. Крнка с усовершенствованными затворами¹⁰.

Винтовка турецкая казнозарядная сист. Пибоди–Мартини американского производства, 1870-е гг.

Ствол круглый, винчен в ствольную коробку, скреплен с ложей двумя стальными ложевыми кольцами. На ложевых кольцах справа выбиты: звезда с полумесяцем, буква L. В казенной части ствола слева выбито: BBBS, звезда с полумесяцем. Прицельные приспособления состоят из рамочного прицела и мушки. Наконечник цевья стальной. На переднем ложевом кольце и на прикладе снизу расположены антабки. Дополнительная антабка находится в передней части спусковой скобы. Под стволом имеется стальной шомпол. На цевье перед спусковой скобой выдавлено круглое клеймо.

Затвор качающийся, приводимый в действие нижним рычагом, обеспечивающим опускание-подъем (открытие-закрытие) затвора,

взвод ударника, экстракцию и выброс гильзы из винтовки. Спусковой крючок имеет продольные насечки для повышения чувствительности пальца. После выстрела гильза выбрасывается вправо-вверх-назад при опускании нижнего рычага. Для определения состояния ударно-спускового механизма с правой стороны ствольной коробки находится каплевидный указатель взведения, легко нащупываемый пальцами, что весьма удобно при стрельбе в условиях плохой видимости. На указателе выбита буква D. На ствольной коробке выбиты надписи и клейма: слева – PEABODY & MARTINI PATENTS MAN'F'D BY PROVIDENCE TOOL CO. PROV. R. I. U. S. A., изображение звезды с полумесяцем над буквой B; справа – изображение тугры султана Абдул-Хамида II и номер арабскими цифрами ١٨٤١٧٢ (184172). На основании нижнего рычага выбито клеймо: изображение звезды с полумесяцем над буквой B.

Приклад вставлен передним концом в специальный глухой вырез ствольной коробки и притянут к ней мощным центральным винтом со стороны затыльника приклада. Отверстие, через которое проходит стяжной винт, закрыто массивным стальным затыльником, закрепленным двумя винтами. Поверхность затыльника обработана крупной насечкой «в сеточку». Сверху на затыльнике приклада выбита буква L под звездой с полумесяцем. Справа на прикладе укреплен металлическая табличка с гравированной надписью: *Взята у турок в войну 1877–78 гг. Из коллекции Александра II*; на этой же стороне приклада в верхней задней части выдавлен номер в овале: AM 2217. Слева на прикладе в задней части желтой краской нанесен номер Александровского дворца-музея: А.Д.М. 25780.

Для стрельбы из винтовки использовались патроны калибра .45 с латунной цельнотянутой гильзой бутылочной формы.

Общая длина 1245 мм, длина ствола до ствольной коробки 826 мм, калибр 11,43 мм (.45).

Инв. № 06/432. Кн. № 2374. Ст. муз. № 2217; АДМ 25780.

Винтовка поступила в музей из Александровского дворца в начале 1930-х гг.

Образец этой казнозарядной винтовки был разработан в первой половине 1860-х гг. американским конструктором Генри Пибоди и усовершенствован в 1868 г. швейцарцем Фридрихом фон Мартини.

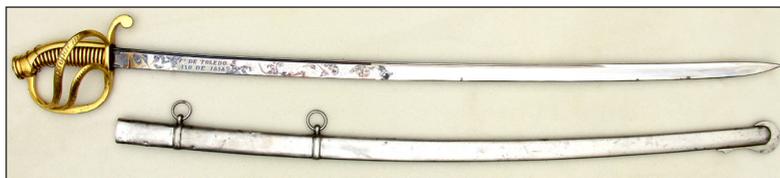
Винтовка сист. Пибоди–Мартини являлась наиболее совершенной и самой массовой казнозарядной винтовкой из тех, что использовались турецкой армией в войне с Россией в 1877–1878 гг. Турецкое

правительство заказало в США 600 000 таких винтовок и 40 млн патронов к ним. К началу войны в турецкой армии имелось 334 000 винтовок сист. Пибоди–Мартини, что составляло 48 процентов всех казнозарядных винтовок турецкой армии. В основном эти винтовки состояли на вооружении войск, сражавшихся на Балканах.

Помимо военного применения винтовка сист. Пибоди–Мартини нашла применение в качестве крупнокалиберного штуцера при охоте на самых крупных и опасных представителей африканской и индийской фауны. В России трофейные винтовки сист. Пибоди–Мартини были популярны у сибирских охотников, добывавших медведей, лосей и оленей.

В 1869 г. шотландец Александр Генри модернизировал винтовку Пибоди–Мартини, разработав к ней новый ствол с семью нарезами. После длительных испытаний новая винтовка в 1871 г. была принята на вооружение английской армии под названием «Martini-Henry Infantry Rifle» – пехотная винтовка Мартини-Генри. Позднее винтовка сист. Мартини–Генри была принята на вооружение в Турции, Румынии, Египте и некоторых других странах¹¹.

Сабля кавалерийская офицерская обр. 1827 г., золотое оружие

Клинок незначительной кривизны, однолезвийный, с узким доликом вдоль обуха. В верхней части с обеих сторон украшен травлением и воронением (растительный орнамент). На правой стороне клинка нанесена надпись: Fa DE TOLEDO. AÑO DE 1858.

Эфес латунный, состоит из рукояти и гарды, образованной тремя дужками – передней и двумя боковыми. Рукоять с поперечными желобками и планкой на спинке. По желобкам пропущена витая латунная проволока. На боковых дужках вырезана надпись «За храбрость». На головке эфеса сверху укреплена миниатюрная копия ордена Св. Георгия. На крестовине снизу выбито клеймо: Е. БИТНЕРЪ.

Ножны не от этой сабли, стальные, с двумя гайками с кольцами и башмаком.

Общая длина 1023 мм, длина клинка 893 мм, ширина клинка 26 мм.

Инв. № 114/395. Кн. № 11147.

В ведомости № 1 на поступление оружия в 1925 г. из Отделения военного имущества Ленинградского хранилища Государственного музейного фонда под номером 207 значится «палаш Александра II с надписью Толедо 1858»; там же указан номер Отделения военного имущества – 793.

Вышеописанная сабля в настоящее время является единственным экземпляром русского холодного оружия в фондах музея с клинком толедского изготовления, датированным 1858 г. Учитывая незначительную кривизну клинка, саблю наверняка в 1925 г. ошибочно назвали палашом: неправильные названия типов оружия нередко встречаются в описях 1920-х гг. Кроме того, в научно-инвентарной карточке есть пометка о том, что сабля «Поступила из музейного фонда № 7...» – это как раз первая цифра указанного выше номера Отделения военного имущества Ленинградского хранилища Государственного музейного фонда.

Оружие Александра III

Винтовка русская шестилинейная обр. 1856 г. облегченная

Ствол цилиндрический нарезной, с четырьмя нарезами, скреплен с деревянной ложей хвостовым винтом и тремя стальными ложевыми кольцами. Наконечник ложи латунный. Прицельные приспособления состоят из так называемого гессенского прицела и мушки. На среднем ложевом кольце и перед латунной спусковой скобой укреплены подвижные антабки для ремня.

Замок капсюльный. Курок без предварительного взвода, спица курка обработана насечкой «в сеточку».

Приклад без «щеки», с латунным затыльником. С правой стороны на прикладе в задней части выбит номер АМ 4685 в овале; с левой стороны желтой краской нанесен учетный номер Александровского дворца-музея: АДМ 25776.

Общая длина 1192 мм, длина ствола 795 мм, калибр 15,24 мм (6 линий).

Инв. № 3/126. Кн. № 1928. Ст. муз. № 4685.

Нет шомпола, небольшие забоины на дереве, потертости, среднее и заднее ложевые кольца не закреплены.

Согласно карандашным пометкам, имеющимся в учетной документации, винтовка принадлежала Николаю II. Видимо, к моменту передачи оружия из Александровского дворца винтовка хранилась среди предметов, принадлежавших последнему российскому императору.

Безусловно, винтовка была изготовлена частным мастером по специальному заказу, в облегченном варианте. Об этом говорит отсутствие заводских клейм, укороченный ствол, высокое качество проработки деталей, в частности, полированное стальное основание спусковой скобы.

Датировать время изготовления этой облегченной винтовки, предназначенной не для взрослого мужчины, а скорее для 15–17-летнего юноши, можно концом 1850 – началом 1860-х гг. Т. е. изначально винтовка никак не могла принадлежать Николаю II, родившемуся в 1868 г., и, скорее всего, была изготовлена для его отца, великого князя Александра Александровича, а уже впоследствии перешла к Николаю II.

Винтовка поступила в музей из Александровского дворца в начале 1930-х гг.

Ружье русское капсюльное пехотное обр. 1854 г.

Ствол цилиндрический нарезной, с четырьмя нарезами, скреплен с деревянной ложей тремя латунными ложевыми кольцами, зафиксированными стальными пружинными защелками. В дульной части ствола снизу имеется прямоугольный штыковой целик. На переднем и заднем ложевом кольцах слева выбито контрольное клеймо Сестрорецкого оружейного завода: стрела и буква М. Прицельные приспособления состоят из неподвижного целика на хвостовике ствола, Г-образного откидного прицела и мушки. Короткая стойка откид-

**Вензель великого князя
Александра Александровича на
прикладе русского капсюльного
пехотного ружья обр. 1854 г.**

С правой стороны на прикладе в задней части укреплен накладной вензель в виде буквы А и великокняжеская корона; вверху у затыльника на той же стороне выбит номер АМ 1257 в овале.

Общая длина 1475 мм, длина ствола 1083 мм, калибр $\approx 17,5$ мм (7,1 линии).

Небольшие забоины на ложе, потертости на металле.

Инв. № 3/127. Кн. № 1929. Ст. муз. № 1257.

Ружье поступило в музей в конце 1920 – начале 1930-х гг. с одной из дворцовых коллекций.

Ружье было изготовлено во второй половине 1860-х гг. для великого князя Александра Александровича, впоследствии императора Александра III.

Фамилия мастера «F. Marx», указанная на замочной доске, не встречается ни в одном из оружейных справочников. Какие-либо сведения о нем выявить не удалось.

ного прицела рассчитана на три дистанции, длинная – на шесть дистанций, обозначенных цифрами 5 6 7 8 9 10. На среднем ложевом кольце и перед латунной спусковой скобой укреплены подвижные антабки для ремня. Под стволом в ложе стальной шомпол с утолщенной головкой, имеющей латунный поясик и углубление для головной части пули.

Замок капсюльный. Курок без предварительного взвода, спица курка обработана насечкой «в сеточку». На замочной доске готическим шрифтом выгравирована фамилия мастера-сборщика F. MARX.

Приклад с небольшой «щечкой» слева и латунным затыльником.

**Винтовка бельгийская казнозарядная переделочная сист.
Альбини–Терссена под русский 6-линейный патрон, 1868–1869 гг.**

Ствол цилиндрический нарезной, скреплен с ложей хвостовым винтом и тремя стальными ложевыми кольцами; на кольцах выбиты неразборчивые клейма. На переднем ложевом кольце и перед спусковой скобой укреплены подвижные антабки для ремня. Прицельные приспособления состоят из гессенского прицела и мушки. Сверху на прицеле выбита буква М. Под стволом имеется стальной шомпол. Наконечник цевья латунный.

Затвор для заряжания откидывается на шарнире вверх и вперед после оттягивания назад небольшого подпружиненного поворотного рычага, расположенного справа на затворе. По средней линии затвора под наклоном ввинчена трубка с ударником, в задний конец которого ударяет курок после нажатия на спусковой крючок. Курок с предохранительным взводом. Спица курка обработана насечкой «в сеточку». На замочной доске выбито клеймо: P. J. MALHERBE & Cie. A LIEGE. Спусковая скоба латунная, задняя часть ее основания стальная.

На прикладе слева в задней части желтой краской нанесен номер Александровского дворца-музея: А.Д.М. 25786. На прикладе справа в задней верхней части выдавлен номер в овале: АМ 4568. Затыльник приклада латунный.

Общая длина 1350 мм, длина ствола 867 мм, калибр 15,24 мм (6 линий).

Небольшие потертости металла, забоины и царапины на дереве, в прицеле нет штифта.

Инв. № 06/214. Кн. № 2668. Ст. муз. № 4568; А.Д.М. 25786.

Согласно данным, имеющимся в учетной документации, винтовка хранилась в коллекции Александра III. Не исключено, что изначально она принадлежала его отцу Александру II.

Винтовка поступила в музей из Александровского дворца в начале 1930-х гг.

Чтобы понять, почему эта винтовка названа и датирована именно таким образом, необходимо чуть подробнее рассказать о бель-

гийских казнозарядных винтовках второй половины 1860-х гг. и их конструкторах, тем более, что состоявшая на вооружении в русском флоте с 1868 г. винтовка «образца лейтенанта Баранова» также была основана на конструкции Альбини.

Альбини Августо (Albini Augusto) (1830–1909) – итальянский граф, морской офицер, с 1881 г. контр-адмирал, сенатор. В августе 1866 – феврале 1867 г. совместно с английским изобретателем Фрэнсисом Брэндлином

А. Альбини

получил в Англии три патента (№ 2243/66, 2652/66 и 460/67) на казнозарядную винтовку с затвором, откидывающимся вверх-вперед. Она была принята на вооружение в Бельгии как пехотная винтовка обр. 1867 г. сист. Альбини–Брэндлина. При этом надо отметить, что инженер-механик из Бирмингема Фрэнсис Аугустус Брэндлин (Francis Augustus Braendlin) получил британский патент № 2147/63 на казнозарядную винтовку еще раньше, в 1863 г., затем совместно с работавшим в Лондоне американцем из Нью-Йорка Уильямом Монтгомери Стормом (William Montgomery Storm, обычно встречаются написания W. Mont Storm или W. Mount Storm) получил патент № 708/65 в 1865 г. И если уж быть совсем точными, в патентах Брэндлина 1863 и 1865 гг. была использована идея из еще более раннего патента У. Монт Сторма, полученного в 1856 г.

Терссен Эдмон Жозеф Бернар (Terssen Edmond Joseph Bernard) (1814–1896) – конструктор-оружейник, подполковник артиллерии бельгийской армии, директор Государственной оружейной фабрики в Льеже. Автор многих публикаций по оружейным вопросам. В 1867 г. внес некоторые изменения в конструкцию Альбини, и в Бельгии практически одновременно с винтовкой сист. Альбини–Брэндлины были приняты на вооружение переделочные винтовки сист. Альбини–Терссена двух разновидностей: а) пехотная винтовка обр. 1777/1868 гг., переделывавшаяся из французских кремневых ружей обр. 1777 г.; б) короткая винтовка обр. 1848/1868 гг., переделывавшаяся из французских карабинов сист. Тувенена обр. 1848 г.

Описанная выше винтовка из романовской коллекции сочетает в себе элементы обеих разновидностей сист. Альбини–Терссена (материал ложевых колец, расположение антабок). Безусловно, она была изготовлена под русский патрон по специальному заказу и предназначалась для отправки в Россию в качестве подарка одному из членов царской семьи.

Малерб Пьер-Жозеф (Malherbe Pierre-Joseph) – бельгийский оружейник, владелец одной из ведущих частных оружейных фабрик, работавшей в Льеже в 1820–1860-х гг. Предприятие П.-Ж. Малерба выпускало огнестрельное и холодное оружие, а также различные оружейные принадлежности. В 1822 г. Малерб выкупил оружейную фабрику у Жана Жака Гузена (Gosuin), с этого и началась его самостоятельная деятельность. В 1825 г. запатентовал охотничье ружье с так называемым закрытым курком. В 1830 г. совместно с А. Франкоттом, Максом Лезуаном и Пирло выполнял заказ на поставку 4500 ружей для английской армии. С 1850-х гг. имел представительство в Лондоне¹².

Оружие Николая II

Шпага прусская кирасирская офицерская обр. 1880 г., периода 1900 – начала 1910-х гг.

Клинок прямой однолезвийный, с двумя долами. Боевой конец двулезвийный. Острие расположено на средней линии. В верхней части клинок с обеих сторон украшен травлением. С правой стороны нанесена надпись готическим шрифтом: «Kür. Reg. Kaiser Nicolaus I v. Rußland (Brdbg.) № 6» (Кирасирский полк императора России Николая I (Бранденбургский) № 6). С левой стороны изображена сцена сражения. На обухе травлением нанесено клеймо фирмы: WEYERSBERG & Co. SOLINGEN.

Эфес состоит из рукояти и латунной гарды. Рукоять покрыта кожей, имеет поперечные желобки, по которым обмотана тремя рядами

(витой и два одинарных) латунной проволоки. Внизу на рукояти латунная втулка, под которой укреплена кожаная петля для указательного пальца. Вверху на рукояти фигурная латунная втулка с овальной выпуклой головкой сверху. Гарда образована передней дужкой, расширяющейся внизу в узкую овальную чашку со слегка загнутым вниз концом, и тремя боковыми дужками с внешней стороны. При шпаге имеется кожаный темляк.

Ножны стальные черенные, с одной гайкой с кольцом и с башмаком.

Общая длина 987 мм, длина клинка 840 мм, ширина клинка 24 мм. Инв. № 0110/378. Кн. № 33009.

Шпага заинвентаризирована в 1966 г. по акту № 5 от 16 апреля 1966 г.

Kürassier Regiment Kaiser Nicolaus I von Rußland (Branderburgische) № 6 – Бранденбургский кирасирский Императора России Николая I полк № 6 – старейший кирасирский полк германской армии, основанный в 1691 г.

На протяжении многих десятилетий шефами полка были представители Дома Романовых: император Николай I в 1817–1855 гг.; императрица Александра Федоровна в 1856–1860 гг.; император Александр II в 1863–1881 гг.; великий князь Павел Александрович в 1888–1902 гг. (состоял в списках); император Николай II с 1902 г.

Шпага, датируемая периодом 1900 – начала 1910-х гг. по черным ножнам без скобы на гайке, предположительно принадлежала Николаю II.

Сабля прусская кавалерийская офицерская конца 1890 – начала 1900-х гг.

Клинок изготовлен из дамасской стали, незначительной кривизны, без долов, с утолщенным обухом и елманью. Боевой конец

клинка двулезвийный. На обухе клинка травлением нанесено клеймо: UNIFORM & MILITAIR EFFECTEN-FABRIK DARMSTADT.

Эфес состоит из рукояти и латунной гарды. Рукоять покрыта шероховатой кожей и обмотана по желобкам тремя рядами витой стальной проволоки. Спинку рукояти покрывает латунная орнаментированная планка с небольшими расширениями в верхней части, переходящая в головку, выполненную в виде львиной головы с красными стеклянными вставками в глазах. Внизу на рукояти орнаментированная латунная втулка. Гарда образована «блехеровской» защитной дужкой, внешняя поверхность которой в верхней расширенной части украшена дубовыми листьями. Дужка соединена с крестовиной, от которой отходят два закругленных щитика. На правом щитике изображены скрещенные сабли и две лавровые ветви; на левом щитике – геральдический гладкий щит со шлемом. Снизу на крестовине выбито клеймо: GESCHÜTZTES MUSTER.

Ножны стальные, с двумя латунными гайками с кольцами и с башмаком.

Общая длина 989 мм, длина клинка 840 мм, ширина клинка 26 мм.

Инв. № 0115/459. Кн. № 12227.

Сабля поступила в музей в начале 1930-х гг. из Александровского дворца. Согласно данным учетных документов, сабля находилась в гардеробе Николая II.

Оружие великого герцога Г. Мекленбург-Стрелицкого

Мекленбург-Стрелицкий Георг Август Эрнест Адольф Карл Людвиг (30 декабря 1823 / 11 января 1824 – 8/20 июня 1876) – великий герцог, второй сын великого герцога Георга-Фридриха Мекленбург-Стрелицкого (1779–1860) и Марии, урожденной принцессы Гессен-Кассельской, двоюродный брат императрицы Александры Федоровны.

Учился в гимназии в Дрездене и Боннском университете. Служил в прусской артиллерии в чине капитана. В июле 1850 г. приехал в Россию, 1 августа был произведен в генерал-майоры русской службы. В 1851 г. назначен членом Артиллерийского отделения Военно-ученого комитета. В апреле 1854 г. произведен в генерал-лейтенанты. В мае 1855 г. назначен председателем Комитета об улучшении штуцеров и ружей, в августе 1856 г. – инс-

пектором стрелковых батальонов. В июле 1858 – августе 1859 г. состоял в отпуске. В марте 1860 г. после упразднения Комитета об улучшении штуцеров и ружей возглавил Оружейную комиссию при Артиллерийском комитете. В апреле 1860 г. был пожалован в свиту, в апреле 1861 г. произведен в генералы от артиллерии. С января 1868 г. почетный член Технического комитета Главного артиллерийского управления и председательствующий в Оружейной комиссии Технического комитета. С 1870 г. почетный член Михайловской артиллерийской академии.

С 1 августа 1850 г. состоял шефом конно-артиллерийской № 23 (с 1856 г. № 1) батареи.

Имел российские ордена: Св. Андрея Первозванного, Св.

Александра Невского, Белого орла, Св. Анны 1 степени (все даны 30.07.1850), алмазные знаки к ордену Св. Андрея Первозванного (03.02.1851), Св. Владимира 2 степени (26.08.1856), Св. Владимира 1 степени (27.03.1866).

Был женат на великой княгине Екатерине Михайловне (1827–1894), дочери великого князя Михаила Павловича. Имел в браке троих детей, доживших до взрослых лет: Елену (1857–1936), Георгия (1859–1909) и Михаила.

За годы его руководства Оружейной комиссией, позднее преобразованной в оружейное отделение Артиллерийского комитета, была проделана большая работа по изучению и испытанию множества систем оружия. В результате на вооружение русской армии поступил ряд новых образцов казнозарядных винтовок: систем Терри–Нормана, Карле, Крка и, наконец, Бердана.

**Великий герцог
Г. Мекленбург-Стрелицкий**

Георг Мекленбургский прекрасно разбирался в оружии, был активным сторонником уменьшения калибра стрелкового оружия и внедрения металлического патрона. Он не только руководил, но и непосредственно участвовал в создании нового оружия, в частности, шестилинейной винтовки обр. 1856 г., которая поступила на вооружение стрелковых батальонов, а в 1858 г. была принята на вооружение всей пехоты¹³.

Винтовка капсюльная стрелковая обр. 1856 г.

Ствол стальной круглый, в казенной части граненый, скреплен с

ложей хвостовым винтом и тремя стальными ложевыми кольцами. Канал ствола имеет 4 прямоугольных нареза. На среднем ложевом кольце и перед спусковой скобой укреплены подвижные антабки. Наконечник цевья стальной. Сверху на стволе перед прицелом золотом инкрустирована монограмма – буква Г, стилизованная под готическое начертание, под великокняжеской короной. Снизу под стволом имеется стальной шомпол. На казенной части ствола с правой стороны припаян подстержник с брандтрубкой. В месте перехода ствола в хвостовик выбито клеймо в виде молоточка.

Прицельные приспособления состоят из гессенского прицела с подъемной прицельной планкой и железной мушки на верхней части ствола у дульного среза. Прицел рассчитан на дистанции стрельбы до 1200 шагов.

Замок капсюльный. На замочной доске, врезанной в шейку ложи, выбиты клейма: заводское – Т.О.З. 1859; приемное – ИН. Основание спусковой скобы (личинка) стальное, спусковая скоба латунная.

Ложа ореховая, с длинным цевьем и прямой шейкой приклада. На переднем и среднем ложевых кольцах клейма: ПВБ, изображение молоточка, ТП. На заднем ложевом кольце клейма: АФК, изображение молоточка, ТП.

Винтовка хранится в специальном изогнутом ящике, изнутри проложенном ватой и обтянутом материей. На крышке ящика имеется накладная латунная фигурная пластина, на которой выгравирована готическая буква G. Кроме винтовки, в ящике имеется неполный комплект принадлежностей: трехгранный штык, пулелейка и три инструмента для разборки и чистки.

Общая длина винтовки 1350 мм, длина ствола 940 мм, калибр 15,24 мм, размеры ящика 1535 x 185 мм.

Небольшие забоины на ложе винтовки, ящик поцарапан, утрачен один латунный винт пластины на крышке ящика, в ящике 7 пустых гнезд различной формы.

Инв № 3/435. Кн. № 19705. По реестру док-тов 478.

Винтовка поступила в музей из Центрального бутафорского склада по акту от 20.10.38 г.

Оружие из гардероба и личных коллекций Романовых, точная принадлежность которого не установлена

Ружье кремневое пехотное обр. 1808 г., изготовленное в масштабе $\approx 4/5$

Ствол стальной круглый, в казенной части граненый, гладкостенный, скреплен с ложей хвостовым винтом и тремя латунными ло-

жевыми кольцами. Прицельные приспособления состоят только из мушки на переднем ложевом кольце. Снизу на стволе в дульной части припаян прямоугольный штыковой целик. Под стволом имеется стальной шомпол.

Замок кремневый батарейного типа. Поверхность замочной доски и латунной змейки гладкая.

Ложа деревянная, затыльник приклада латунный. Приклад со «щечкой» на левой стороне. Справа на прикладе в верхней части у затыльника выдавлен номер в овале АМ 1753.

Общая длина 1243 мм, длина ствола 870 мм, калибр 14,8 мм.

Инв. № 1/505. Кн. № 467. Ст. муз. № АИМ 1753.

**Ружье кремневое пехотное обр. 1808 г., изготовленное
в масштабе $\approx 4/5$**

Ствол стальной круглый, в казенной части граненый, гладкостенный, скреплен с ложей хвостовым винтом и тремя латунными ложевыми кольцами. Прицельные приспособления состоят из целика и мушки на переднем ложевом кольце. Снизу на стволе в дульной части припаян прямоугольный штыковой целик. Под стволом имеется стальной шомпол. На среднем ложевом кольце, перед спусковой скобой и снизу на прикладе укреплены подвижные антабки.

**Клеймо М. Грунтова на замочной доске
детского кремневого пехотного ружья
обр. 1808 г.**

Курок кремневого замка батарейного типа утрачен. На замочной доске выгравирована надпись: *М. Грунтовъ*. Змейка латунная, на двух винтах.

Ложа деревянная, затыльник приклада латунный. Приклад со «щечкой» на левой стороне. Справа на прикладе в верхней части у затыльника выдавлен номер в овале АМ 1751.

Общая длина 1227 мм, длина ствола 870 мм, калибр 15,6 мм.

Инв. № 1/557. Кн. № 455. Ст. муз. АИМ 1751.

Грунтов Матвей (Grundhof) – оружейный мастер л.-гв. Преображенского полка в 1-й четверти XIX в. Охотничьи ружья его работы имеются в фондах ВИМАИВиВС, Государственного Эрмитажа, Удмуртского республиканского краеведческого музея. В Пермском областном краеведческом музее хранится дуэльный пистолет работы М. Грунтова. В Чехии в замке Орлик хранится охотничье ружье работы М. Грунтова, подаренное Александром I австрийскому фельдмаршалу К. Шварценбергу.

Какие-либо биографические сведения о М. Грунтове к настоящему времени не выявлены. Удалось установить только, что в Петербурге жил его сын, надворный советник Грунтов Александр Матвеевич (?–1869), похороненный вместе с супругой в Петербурге, в Новодевичьем монастыре¹⁴.

**Ружье кремневое пехотное обр. 1808 г., английского (?)
производства, изготовленное в масштабе $\approx 3/5$**

Ствол стальной круглый, в казенной части граненый, гладкостенный, скреплен с ложей хвостовым винтом и тремя латунными лужевыми кольцами. Прицельные приспособления состоят только из мушки на переднем ложевом кольце. Снизу на стволе в дульной части припаян прямоугольный штыковой целик. Под стволом имеется стальной шомпол.

Замок кремневый батарейного типа. На замочной доске в верхней части выбито клеймо в виде короны, в которую вписана буква I между двумя точками. Змейка латунная, на двух винтах.

Ложа деревянная, затыльник приклада латунный. На левой стороне приклада имеется выемка. Справа на прикладе в верхней части у затыльника выдавлен номер в овале АМ 1744.

Общая длина 970 мм, длина ствола 663 мм, калибр 14,8 мм.

Инв. № 1/703. Кн. № 372. Ст. муз. № АИМ 1744.

По крайней мере, два из описанных выше трех уменьшенных кремневых ружей обр. 1808 г. поступили в музей в декабре 1925 г. из Отделения военного имущества Ленинградского хранилища Государственного музейного фонда. В ведомости № 4 под номерами 93 и 94 (номера Отделения военного имущества соответственно 792 и 793) они значатся как ружья кадетские великих князей.

**Винтовка русская
пехотная сист.**

С. Крка обр. 1869 г.

Ствол стальной цилиндрический нарез-

**Затвор русской пехотной винтовки сист.
С. Крка обр. 1869 г.**

ной, скреплен с ложей хвостовым винтом и тремя стальными ложевыми кольцами. На среднем ложевом кольце и перед спусковой скобой укреплены подвижные антабки для ремня. На переднем и среднем ложевых кольцах слева выбита буква Ф и стрела (клеймо Сестрорецкого оружейного завода). На заднем ложевом кольце слева выбито: лук со стрелой (клеймо Ижевского оружейного завода), номер 36117, буквы ЄД. Прицельные приспособления состоят из гессенского прицела и мушки. Слева и справа на основании прицела выбита буква К. Сверху на прицеле выбита буква К и изображение стрелы (клеймо Сестрорецкого оружейного завода). Снизу под стволом имеется стальной шомпол. Наконечник цевья латунный, на нем выбита буква С и стрела (клеймо Сестрорецкого оружейного завода). В казенной части ствола между прицелом и затвором слева выбит номер 0215, он же выбит справа на патроннике, на внутренней поверхности крышки затвора и на шляпке винта латунного хвостовика.

Крышка затвора для заряжания или извлечения стреляной гильзы откидывается на шарнире влево после взведения курка, спица которого обработана крупной насечкой «в сеточку». Сверху на крышке затвора выбито: Л. НОБЕЛЬ С.П.Б. Слева на шарнире выбиты буквы КП. На основании спусковой скобы дважды, а также на змейке выбиты буква С и стрела (клеймо Сестрорецкого оружейного завода). На замочной доске выбито клеймо Сестрорецкого оружейного завода: С.О.З. 1865, в задней части доски – буквы ИК.

Затыльник приклада латунный. Сверху на затыльнике приклада выбиты: изображение двуглавого орла со щитком на груди, в который вписан вензель А 2; номер 0215 (цифра 5 перевернута на 180°), буква С. На прикладе с правой стороны вверху в задней части выдавлен номер в овале АМ 1157, на этой же стороне выбито круглое клеймо Сестрорецкого оружейного завода с читаемой датой 1865. На прикладе с левой стороны в задней части желтой краской нанесен номер Александровского дворца-музея: А.Д.М. 25784.

Общая длина 1347 мм, длина ствола 910 мм, калибр 15,24 мм (6 линий).

Инв. № 5/79. Кн. № 2272. Ст. муз. № 1157; А.Д.М. 25784.

Винтовка поступила в музей из Александровского дворца в начале 1930-х гг. (Приложение к акту АИМ от 5.04.1957 г.).

Нобель Людвиг Эммануилович (1831–1888) – шведский и российский инженер, изобретатель, предприниматель и меценат, старший брат и деловой партнер знаменитого учредителя Нобелевской премии Альфреда Нобеля. Сын основателя петербургской династии Нобелей, Эммануила Нобеля (1801–1872) и Каролины-Андриетты, урожденной Альсель. С 1850 г. работал в фирме отца «Э. Нобель и сыновья», выполнявшей большие военные заказы по производству стрелкового оружия и пушек для русской армии. В 1863 г. представил Оружейной комиссии военного ведомства собственную конструкцию скорострельного автоматического оружия под названием «мультипликатор», которое давало «возможность в течение 10 секунд выпускать до 104 пуль по известному направлению».

В 1862 г. основал в Петербурге собственный механический завод «Людвиг Нобель» (в настоящее время «Русский дизель»), производивший винтовки, стрелковые щиты, снаряды, мины, гильзы, оружейные лафеты. В частности, завод Нобеля участвовал в выполнении заказов на переделку 6-линейных дульнозарядных винтовок на казнозарядные по системе С. Крнка.

На заводе Нобеля было изготовлено специальное оборудование для Ижевского завода, в 1870-е гг. начавшего производство винтовок системы Х. Бердана. Лучшие инженеры, механики и мастера были отправлены на работу в Ижевск, где стали руководителями основных подразделений. В 1875 г. Л. Нобель «за содействие и особые труды по устройству в Ижевском Оружейном заводе технической части» был награжден орденом Св. Анны 2 степени.

С середины 1870-х гг. Л. Нобель в основном занимался нефтяной промышленностью, создал собственный флот речных и морских танкеров. В 1879 г. первым в России начал выпуск колес с резиновыми шинами. В 1898 г. купил лицензию на двигатель внутреннего сгорания Р. Дизеля и в 1899 г. первым в России начал производство дизельных двигателей.

Л.Э. Нобель традиционно поддерживал русскую культуру, в 1866 г. стал одним из учредителей Русского технического общества, на протяжении многих лет жертвовал большие средства на научные исследования. В 1876 г. выступил с инициативой ввода в России системы метрических мер и весов, официально введенной лишь в 1899 г.¹⁵.

**Винтовка русская пехотная сист. Х. Бердана обр. 1870 г.
английского производства**

Ствол стальной цилиндрический нарезной, скреплен с ореховой ложей двумя ложевыми кольцами. На переднем ложевом кольце и в передней части спусковой скобы имеются антабки для ремня. Прицельные приспособления состоят из мушки и рамочного прицела. Сверху на казенной части ствола перед прицелом выбита надпись: BIRMINGHAM 1872. Слева на основании прицела выбиты цифры 2 3 4 5. Сверху на рамке прицела нанесены цифры от 6 до 15. В дульной части ствола справа имеется прямоугольный штыковой целик.

Затвор продольно-скользящий, с поворотом при запирании. На затворе имеется клеймо: S.S. Ствольная коробка сложной формы, граненая сверху, с окном справа, прямоугольным вырезом сверху и хвостовиком. В нижней части ствольной коробки смонтирован спусковой механизм с затворной задержкой.

Ложа в средней части и шейка приклада обработаны крупной насечкой «в сеточку». На прикладе справа в задней части выбито в овале: АМ 991. Затыльник приклада и наконечник цевья стальные.

Ствольная коробка, затвор, спусковая скоба, ложевые кольца, затыльник приклада украшены тонкой гравировкой в типично английском стиле (мелкий растительный орнамент).

Общая длина 1350 мм, длина ствола 830 мм, калибр 10,67 мм (4,2 линии).

Незначительные потертости, небольшие забоины на ложе, передняя антабка погнута.

Инв. № 5/148. Кн. № 2354. Ст. муз. № 991.

Винтовка поступила в музей в конце 1920 – начале 1930-х гг. с одной из дворцовых коллекций.

Карабин русский кавалерийский сист. Х. Бердана обр. 1870 г.

Ствол стальной цилиндрической нарезной, скреплен с ореховой ложей хвостовым винтом и двумя стальными ложевыми кольцами. На переднем ложевом кольце слева, а на заднем ложевом кольце справа выбито клеймо в виде стрелы (Сестрорецкий оружейный завод). Прицельные приспособления состоят из мушки и рамочного прицела. Справа на основании прицела выбиты цифры 3 4 5. Наконечник цевья стальной. Под цевьем имеется стальной шомпол. На правой наклонной грани патронника выбито клеймо: изображение двуглавого орла, буквы ОМ, изображение стрелы (Сестрорецкий оружейный завод). Это же клеймо выбито в передней части основания спусковой скобы, сверху на затыльнике приклада, дважды на затворе.

Ствольная коробка сложной формы, граненая сверху, с окном справа, прямоугольным вырезом сверху и хвостовиком. В нижней части ствольной коробки смонтирован спусковой механизм с затворной задержкой.

Затвор продольно-скользящий, с поворотом при запирании.

Между ложевыми кольцами и в прикладе имеются прорезы для ремня, обрамленные металлическими «глазками». На прикладе справа укреплена металлическая табличка с выгравированной надписью: *Русский карабин сист. Бердана, обр. 1874 г.* (датировка образца ошибочна), на этой же стороне в задней части выбито в овале: АМ 1127. Слева в задней части приклада желтой краской нанесен номер Александровского дворца-музея: А.Д.М. 25765. Затыльник приклада стальной.

Общая длина 976 мм, длина ствола 473 мм, калибр 10,67 мм (4,2 линии).

В патроннике справа просверлено отверстие, небольшие забоины и царапины на ложе.

Инв. № 5/241. Кн. № 2207. Ст. муз. № 1127; 79; АДМ 25765.

Карабин поступил в музей из Александровского дворца в начале 1930-х гг.

Карабин русский кавалерийский сист. Х. Бердана обр. 1870 г.

Ствол стальной цилиндрической нарезной, скреплен с ореховой ложей хвостовым винтом и двумя стальными ложевыми кольцами. На переднем ложевом кольце слева, а на заднем ложевом кольце справа выбито клеймо в виде стрелы (Сестрорецкий оружейный завод). В казенной части ствола надписи и клейма: сверху – СЕСТРОРЕЦКІЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ, изображение двуглавого орла, буквы ПК;

слева – цифры 54, буква П в кружке, неразборчивая буква под короной. Прицельные приспособления состоят из мушки и рамочного прицела. Справа на основании прицела выбиты цифры 3 4 5, слева на основании выбиты буквы ЛБ. Наконечник цевья стальной. Под цевьем имеется стальной шомпол. На патроннике выбиты клейма: на правой вертикальной грани – буквы АБ под короной; на правой наклонной грани – 1873, изображение стрелы (Сестрорецкий оружейный завод); сверху – изображение двуглавого орла и буквы ПК.

Ствольная коробка сложной формы, граненая сверху, с окном справа, прямоугольным вырезом сверху и хвостовиком. В нижней части ствольной коробки смонтирован спусковой механизм с затворной задержкой.

Затвор продольно-скользящий, с поворотом при запирании. На затворе выбиты клейма и цифры: буквы АИ, ПК, ОН, дважды – номер 134364.

Между ложевыми кольцами и в прикладе имеются прорезы для ремня, обрамленные металлическими «глазками». На прикладе справа в задней части выдавлены: в овале АМ 1128; в круге – изображение стрелы (Сестрорецкий оружейный завод), двуглавого орла, буквы ПК, 1874. Затыльник приклада стальной.

Общая длина 976 мм, длина ствола 473 мм, калибр 10,67 мм (4,2 линии).

В патроннике слева просверлено отверстие, небольшие забоины и царапины на ложе.

Инв. № 5/244. Кн. № 2204. Ст. муз. № 1128; 115.

Карабин поступил в музей из Александровского дворца в начале 1930-х гг.

Винтовка русская детская пехотная сист. Х. Бердана обр. 1870 г., изготовленная в масштабе $\approx 2/3$

Ствол стальной цилиндрический нарезной. Справа в дульной части имеется прямоугольный штыковой целик. Прицельные приспособления состоят из мушки и рамочного прицела. Сверху на казенной части ствола выбита надпись: № 9. ИМПЕРАТОРСКИЙ ТУЛЬСКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВ. 1878 г. Слева на стойке прицела выбиты цифры 2 3 4 5. Сверху на рамке прицела нанесены цифры от 6 до 15.

Ствольная коробка сложной формы, граненая сверху, с окном справа, прямоугольным вырезом сверху и хвостовиком. В нижней

части ствольной коробки смонтирован спусковой механизм с затворной задержкой.

Затвор продольно-скользящий, с поворотом при запирации. Сверху на затворе и на его торце выбито: 9.

Ствол скреплен с ореховой ложей двумя ложевыми кольцами. На переднем ложевом кольце и в передней части спусковой скобы имеются антабки для ремня. На прикладе справа в задней части выбито в овале: АМ 993. Затыльник приклада и наконечник цевья стальные.

Общая длина 1014 мм, длина ствола 622 мм, калибр 8 мм.

Состояние: нет шомпола, мушки и хомутика прицела, ствол просверлен в казенной части, боек сточен, имеются небольшие забоины на ложе.

Инв. № 5/259. Кн. № 19839. Старый муз. № 993. По реестру док. 486.

Винтовка предположительно поступила в музей в конце 1920 – начале 1930-х гг. с одной из дворцовых коллекций, затем повторно заинвентаризирована в 1938 г.

Винтовка была изготовлена под уменьшенный винтовочный патрон для одного из великих князей Романовых, мальчика примерно 10–12-летнего возраста¹⁶.

Винтовка русская детская драгунская сист. Х. Бердана обр. 1870 г., изготовленная в масштабе $\approx 2/3$

Ствол стальной цилиндрический нарезной. Прицельные приспособления состоят из мушки и рамочного прицела. Сверху на казенной части ствола выбита надпись: ИМПЕРАТОРСКИЙ ТУЛЬСКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВ. 1883 г. Слева на основании прицела выбиты цифры 2 3 4 5. Сверху на рамке прицела нанесены цифры от 6 до 14.

Ствольная коробка сложной формы, граненая сверху, с окном справа, прямоугольным вырезом сверху и хвостовиком. В нижней

части ствольной коробки смонтирован спусковой механизм с затворной задержкой.

Затвор продольно-скользящий, с поворотом при запирации.

Ствол скреплен с ореховой ложей двумя ложевыми кольцами. Между ложевыми кольцами и в прикладе имеются прорезы для ремня. На прикладе справа в задней части выбито в овале: АМ 1048. Затыльник приклада и наконечник цевья стальные.

Винтовка укомплектована штыком, инв. № 122/231. Клинок штыка четырехгранный. Острие клинка срезано в виде отвертки. Трубка с мульком, двухколенчатой прорезью, идущей сверху налево, и хомутиком.

Винтовка помещается в ящике-футляре из карельской березы. Углы ящика усилены латунными уголками. Ящик внутри обтянут синим сукном и снабжен гнездами для винтовки, штыка и принадлежностей (не сохранились).

Общая длина винтовки 925 мм, длина ствола 537 мм, калибр 8 мм. Общая длина штыка 434 мм, длина клинка 380 мм, длина трубки 57 мм, внутренний диаметр трубки на переднем срезе 12,8 мм. Размеры ящика: 1040 x 198 x 88 мм.

Состояние: нет шомпола, принадлежностей в ящике, бархат в ящике потерт.

Инв. № 5/124. Кн. № 14617. Старый муз. № 1048. По реестру док. 11/5.

Винтовка была изготовлена под специальный уменьшенный винтовочный патрон для одного из великих князей Романовых, мальчика примерно 10–12-летнего возраста.

Винтовка поступила в музей в конце 1920 – начале 1930-х гг. с одной из дворцовых коллекций.

Винтовка американская магазинная сист. «Винчестер» обр. 1866 г., третья модификация

Ствол стальной цилиндрический нарезной, соединен с цевьем и магазином тремя стальными ложевыми кольцами. На среднем ложе-

вом кольце и снизу на прикладе имеются подвижные антабки для ремня. Прицельные приспособления состоят из рамочного прицела и мушки. В казенной части на стволе сверху выбиты надписи: WINCHESTER'S REPEATING-ARMS.-NEWHAVEN. СТ. KING'S-IMPROVEMENT-PATENTED-MARCH 25. 1866. OCTOBER. 16. 1860.

Под стволом находится стальной трубчатый магазин со спиральной пружиной внутри емкостью 13–15 патронов. На $\frac{3}{4}$ длины магазин закрыт деревянным цевьем. Заряжание осуществляется через закрытое подпружиненной стальной крышкой окно на правой стороне ствольной коробки.

Ствольная коробка бронзовая, снизу на ее хвостовике выбиты номер 94226 и буквы K S.

Затвор продольно-скользящий, приводится в действие движением вниз-вперед нижнего рычага, являющегося одновременно и спусковой скобой. При движении рычага вниз-вперед затвор отходит назад, взводится курок и поднимается подаватель с патроном; при движении рычага назад в исходное положение патрон подается в патронник, а подаватель опускается вниз за следующим патроном. Рычаг фиксируется в исходном положении поворотным штифтом.

На прикладе справа в задней части выбито в овале: AM 305. Слева на прикладе неразборчивые следы нанесенного желтой краской номера Александровского дворца-музея. В этом же месте вырезана фигурная рамка с буквами *GKP*. Затыльник приклада латунный. В затыльнике имеется отверстие со сдвижной крышкой, открывающее доступ в хранилище, в котором находится стальной шомпол, состоящий из четырех соединяющихся винтовой резьбой частей.

Общая длина 1175 мм, длина ствола 686 мм, калибр 11,25 мм (.44).

Ударно-спусковой механизм неисправен, нет подпружиненной крышки окна для заряжания, забоины и царапины на ложе.

Инв. № 06/101. Кн. № 2455. Ст. муз. № 305.

Винтовка поступила в музей из Александровского дворца в начале 1930-х гг.

Винтовки сист. «Винчестер» обр. 1866 г. выпускались с 1866 по 1898 г. Всего было изготовлено 170 101 единица в трех модификациях, которые по американской классификации обозначались как: а) Carbine (карабин) с длиной ствола 20 дюймов или 508 мм; б) Rifle (винтовка) с длиной ствола 24 дюйма или 610 мм; в) Musket («муш-

кет», также фактически являющийся винтовкой, с длиной ствола 27 дюймов или 686 мм. Третья модификация (Musket) была самой массовой, с серийными номерами от 25 000 до 149 000.

Винтовки сист. «Винчестер» во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состояли на вооружении турецкой армии (39 000 шт.); ими была вооружена кавалерия и часть башибузуков¹⁷.

Винтовка американская магазинная сист. «Винчестер» обр. 1866 г., третья модификация

Ствол стальной цилиндрической нарезной, соединен с цевьем и магазином тремя стальными ложевыми кольцами. На среднем ложевом кольце и снизу на прикладе имеются подвижные антабки для ремня. Прицельные приспособления состоят из рамочного прицела и мушки. В казенной части на стволе сверху выбиты надписи: WINCHESTER'S REPEATING-ARMS.-NEWHAVEN. CT. KING'S-IMPROVEMENT-PATENTED-MARCH 25. 1866. OCTOBER. 16. 1860.

Под стволом находится стальной трубчатый магазин со спиральной пружиной внутри емкостью 13–15 патронов. На $\frac{3}{4}$ длины магазин закрыт деревянным цевьем. Заряжание осуществляется через закрытое подпружиненной стальной крышкой окно на правой стороне ствольной коробки.

Ствольная коробка бронзовая, снизу на ее хвостовике выбиты номер 105185 и буквы F S.

Затвор продольно-скользящий, приводится в действие движением вниз-вперед нижнего рычага, являющегося одновременно и спусковой скобой. При движении рычага вниз-вперед затвор отходит назад, взводится курок и поднимается подаватель с патроном; при движении рычага назад в исходное положение патрон подается в патронник, а подаватель опускается вниз за следующим патроном. Рычаг фиксируется в исходном положении поворотным штифтом.

На прикладе справа в задней части выбито в овале: АМ 306. Слева на прикладе желтой краской нанесен номер Александровского дворца-музея А.Д.М. 25757. В этом же месте вырезана фигурная рамка с буквами ГКР. Затыльник приклада латунный. В затыльнике имеется отверстие со сдвижной крышкой, открывающее доступ в хранилище, в котором находится стальной шомпол, состоящий из четырех соединяющихся винтовой резьбой частей.

Общая длина 1175 мм, длина ствола 686 мм, калибр 11,25 мм (.44).

Нет заглушки и пружины магазина, на ложе царапины и забоины, сдвигание крышки в затыльнике приклада требует значительного физического усилия.

Инв. № 06/102. Кн. № 2456. Ст. муз. № 306; А.Д.М. 25757.

Винтовка поступила в музей из Александровского дворца в начале 1930-х гг.

¹Кулинский А.Н. Оружейные реликвии Дома Романовых. СПб., Атлант, 2012.

²Милютин Д.А. Дневник // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 282; Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. М., 2007. С. 157.

³Мацкевич Н. Гвардейский отряд Почетного конвоя его величества в Турецкую войну 1877–1878 г.». Варшава, 1880. С. 4–8, 212–213, 259, 269–270; Дуров В. А. Русское наградное оружие. М., 2010. С. 181.

⁴Кулинский А.Н. Прусская сабля и кавказская винтовка великого князя Михаила Николаевича // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. 10. СПб., 2015. С. 420–433.

⁵Прейскурант специального оружейного магазина А. В. Тарнопольского в Москве. М., 1900; Шокарев Ю.В. Русское охотничье оружие. Мастера и фирмы. М., 2005. С. 232; Маслов Ю. J.P. Sauer & Sohn Suhl: Модель II и компилятивные аналоги на русском рынке // Мастер-ружье. 2014. № 5. С. 26–35; Маркевич В.Е. Охотничье и спортивное стрелковое оружие. СПб., 1995. С. 366.

⁶Buigné J.-J., Jarlier P. Le «Qui est qui» de l'arme en France de 1350 à 1970. Paris, 2001. P. 380

⁷Walter J. Rifles of the world. USA, 1993. P. 218; Walter J. The Greenhill Dictionary of Guns and Gunmakers. Stackpole Books, Mechanicsburg, USA, 2001. P. 425–432; Flayderman's guide to antique American firearms... and their values. 3rd Edition. USA, 1977. P. 156–157; Marcot R. The history Remington firearms. New York, 2010. P. 50.

⁸Сильвестр Крнка // Оружие. 2013. № 3; Penecke A. Das beste Rückladungsgewehr System K. Geschichte und Beschreibung dieser Erfindung nebst einem Anhang: K.s eingeklemmte Metallpatrone. 1869; Schmidt R. Die Handfeuerwaffen, ihre Entstehung und techn.-hist. Entwicklung bis zur Gegenwart. Wien, 1875. S. 100. T. 45. Figur 298.

⁹Gardner R. E. Small arms makers. A directory of fabricators of firearms, edged weapons, crossbows and polearms. New York, 1963. P. 278; Lugs J. Hanfeuerwaffen. T. 1. S. 84–85. T. 2. Bild 299.

¹⁰Der Neue Stöckel. Band II. Schwabisch Hall, 1979, S. 1149; Lugs J. Hanfeuerwaffen. T. 1. S. 84–85. T. 2. Bild 298.

¹¹Flayderman's guide to antique American firearms... and their values. 5th Edition. USA, 1990. P. 563.

¹²Walter J. Dictionary of Guns and Gunmakers. London, 2001. P. 25, 84–85, 323, 504, 514.

¹³Маковская Л. К. Генерал от артиллерии русской армии Его Великогерцогское Высочество герцог Георг Август Эрнест Адольф Карл Людвиг Мекленбург-Стрелицкий (30 декабря 1823 / 11 января 1824 – 8/20 июня 1876 года) // Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома. Сборник трудов международной научной конференции 16–18 октября 2001 г. СПб., 2005. С. 98–105.

¹⁴Шокарев Ю.В. Русское охотничье оружие. Мастера и фирмы. М., 2005. С. 169.

¹⁵Янгфельдт Б. Шведские пути в Санкт-Петербург. СПб., 2003.

¹⁶Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 9. Д. 36. Л. 136.

¹⁷Flayderman's guide to antique American firearms... and their values. 5th Edition. USA, 1990. P. 268–269.

О.А. Курбатов (Москва)

ЯСАКИ – БОЕВЫЕ ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ КЛИЧИ ЦАРСКОГО ВОЙСКА XV–XVII ВЕКОВ¹

БОЕВЫЕ КЛИЧИ и подаваемые голосом условные сигналы являются важной частью любой воинской культуры. В то же время этот раздел «обрядов войны» довольно трудно изучать систематически, поскольку сведения о боевых кличах, а тем более об условных сигналах попадают в источники редко, порой случайно. Занимаясь исследованием различных военно-исторических сюжетов XVI–XVII вв. по документам РГАДА и другим источникам, мне удалось собрать некоторый объем сведений в отношении боевых кличей царского войска – так называемых «ясаков». Частично свои наблюдения я уже высказывал в печатном виде – в своей книге «Военная история Смутного времени начала XVII века» (М., 2013) и нескольких статьях¹. Этот, пусть весьма еще скромный, материал позволяет не только расширить известный по источникам перечень боевых кличей, но и высказать ряд наблюдений относительно их бытования.

Понятие ясак в русском военном деле. Начнем с того, что «ясак» в военной традиции Московской Руси – понятие весьма широкое, выходящее за рамки чисто голосовых условных сигналов. Согласно словарю Фасмера, кроме более известного перевода как «дань» (с татарского языка), слово *jasak* в чагатайском (староузбекском) языке имеет значение «уложение, постановление», а в турецком – даже «запрет»². В этой связи можно вспомнить «ясак» – условный сигнал – знаменем, который с высокой башни подавался татарами во время осады Иваном Грозным Казани в 1552 г.³ Таким образом, можно констатировать, что понятие «ясак» относилось к

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-01-00464 «Обряд войны: воинские традиции и обычаи в Московской Руси XV–XVII вв.»

системе условных сигналов вообще. И все же в русском военном деле чаще всего «ясаки» – это звуковые сигналы, что диктовалось чисто военной необходимостью. В боях XV–XVI вв., представлявших собой стремительные конные схватки, звуковые сигналы были гораздо эффективнее любых визуальных условных знаков.

Однако и в данной области можно выделить два типа ясаков: ясаки как воинские кличи, которые издавались самими ратными людьми, и ясаки как особого рода сигналы, которые подавались посредством музыкальных инструментов. Некоторые данные об управлении боем с помощью «музыкальных» сигналов приводит в конце XVI столетия Джайльс Флетчер: «Большие дворяне, или старшие всадники, привязывают к своим седлам по небольшому медному барабану, в который они бьют, отдавая приказание или устремляясь на неприятеля. Кроме того, у них есть барабаны большого размера, которые возят на доске, положенной на четырех лошадях. Этих лошадей связывают цепями, и к каждому барабану приставляется по восьми барабанщиков. Есть у них также трубы, которые издают дикие звуки, совершенно различные от наших труб. Когда они начинают дело или наступают на неприятеля, то вскрикивают при этом все за один раз так громко, как только могут, что вместе со звуком труб и барабанов производит дикий, страшный шум»⁴. Из этого описания – похоже, со слов какого-либо стороннего очевидца сражения – можно сделать выводы о наличии в походном войске целого спектра музыкальных инструментов, которые целиком или частично («небольшой медный барабан», или тулумбас) используются для подачи условных сигналов.

Важные наблюдения в этом плане позволяет сделать «ропись ясакам Государева полка» (1655), сохранившаяся в делах Разряда. Наиболее интересны первые пункты данного перечня: «1-й ясак, как учнут бить по большому набату тихим обычаем, то поход наш государской. 2-й ясак, как учнут бить по большому набату скорым обычаем беспрестанно, и то всполох [...] 3-й ясак, как учнут трубить в сурну, и то посылка; а головы б без сотен тотчас были к нашему государскому шатру для сказки, где быть посылке. 4-й ясак, как учнут трубить в две трубы, да бить по литаврам маханье, да по двоим накрам, и то изволит государь на смотр, или в город, или в поля для какого дела идти; а головам, услыша сей ясак, тотчас быть очередным 4-м человекам с сотнями к нашему государеву шатру»⁵. Еще два сигнала служили для извещения о победе, полученного в царской

ставке. Здесь мы уже не видим ни одного ясака, который использовался бы как сигнал или команда непосредственно в ходе сражения. Наиболее вероятным объяснением будет то, что к середине XVII в. военачальники крупных воинских соединений, достигающих численности 5000–10 000 и более человек, перестали видеть практический смысл в подобных сигналах, и область их применения сузилась до передачи элементарных команд для сотенных голов в походе (но вне боя). В полках «нового строя», полевых приказах стрельцов и даже в конных сотнях для подачи сигналов стали уже применяться инструменты европейского (или польского) происхождения: барабаны и поперечные флейты («сипоши», «шеломаи») в пехоте, трубы и литавры в кавалерии, в том числе в сотнях дворянской конницы⁶. Таким образом, можно заключить, что «музыкальные» боевые сигналы появились в древности для подачи элементарных команд на поле сражения (например, сигнал начала атаки), и, похоже, само понятие «ясака» для их обозначения – это уже более позднее явление.

Наконец, остается еще одно значение «ясака» – боевой условный клич, о чем и пойдет речь в дальнейшем.

Происхождение ясаков и их развитие в XIII–XVI вв. С ясаками или боевыми кличами монголо-татар русские ратники познакомились уже в XIII столетии, причем освоили эту систему сигналов на практике, действуя как составная часть ханского войска. Краткое, но недвусмысленное сообщение об этом содержит каирская летопись эмира Рукнеддина Бейбарса (начала XIV в.), между прочими известиями о событиях в Золотой Орде. В битве на Куканлыкке (Кагамлыкке) (1299–1300) между татарами Ногая и хана Тохты (Токты) сторонники Ногая потерпели поражение. Эмир поместил в своей хронике историю гибели престарелого Ногая, которого убил «русский из войска Токты», за что был сам предан казни. «Что же касается сыновей Ногая и тех, которые уцелели из войска их, то они скрылись под прикрытием ночи и тайком пробрались через массы войск Токты, откликаясь их лозунгом, чтобы они их приняли за своих. Лозунг же их, как рассказывал один из очевидцев сражения, был “Итиль– Яик”. Спаслись они в эту самую ночь, ночью же двинулись в путь и вернулись восвояси»⁷. Несомненно, что русских, входивших в состав ханской рати, татары должны были посвятить во все подробности своих тактических приемов, чтобы эффективно взаимодействовать на поле боя – в том числе и познакомить с практикой применения упомянутых «лозунгов», или ясаков.

Первое упоминание о существовании развитой системы ясаков уже в русском – конкретнее, в московском – войске относится к 1501 г. По сообщению псковского летописца, когда московские полки, не известив псковичей, ушли в поход на ливонцев, они перед самым выступлением «изъясачились» – то есть, условились о боевых сигналах⁸. Из рассказа неясно, сообщили ли великокняжеские ратники свои ясаки псковичам, или, напротив, скрыли их, – но в любом случае этот момент выглядит как очень важный для совместных действий двух самостоятельных ратей. Это известие предполагает наличие различных вариантов ясаков, возможно, особых для каждого из отрядов московской рати.

Источники содержат немного примеров ясаков для раннего периода. Самый первый из них – боевой клич «Москва» объединенного великокняжеского войска в походе на Новгород 1471 г., конкретнее, в Шелонской битве: «Якоже уставлен беаше глаголатися ясак полков князя великого: “Москва”»⁹. Второй эпизод отстоит от первого более чем на столетие: Р. Гейденштейн, описывая переправу польской армии короля Стефана Батория через Западную Двину в 1579 г., упоминает о конных «караулах» или разъездах из царского войска. Они, «по обычаю своему разъезжая для возбуждения в наших страха, выкликали – каждое по имени – войска разных народов, бывших под властию Московского царя, Рязанцев, Астраханцев и других племен»¹⁰. Нетрудно заметить типологическое сходство русских ясаков с «лозунгом Итиль – Яик» ордынцев хана Тохты: во всех случаях в качестве сигнала были выбраны географические понятия. И выбор этот не выглядит случайным: для татар и их союзников упоминание Итиля (Волги) и Яика (Урала) указывало на могущество хана Тохты и обширность территории Золотой Орды. Для великокняжеского войска на Шелони клич «Москва!» служил символом единства русских земель в их походе против новгородских «изменников»; напротив, возгласы «Рязань» или «Астрахань» эпохи Ливонской войны указывали на обширность владений русского царя, а также, возможно, и его внушительный титул («царь Астраханский... великий князь Рязанский...») и т. п.).

Царев ясак как основной боевой клич царского войска до конца XVII века. Вместе с тем, со временами первых русских царей следует связать появление единого, основного ясака русского войска XVII в.: «Царев-царев!». На данный момент автором выявлено всего семь упоминаний об этом ясаке (за 1655–1668 гг.), но в большинстве

случаев он выглядит как обычный воинский клич, принятый всеми ратными людьми царского войска. Эпизоды эти относятся к периоду русско-польской войны 1654–1667 гг. и дальнейшей борьбы за Украину. Тогда велись непрерывные боевые действия, подробности которых отражены в огромном количестве приказных отписок, нарративе и других видах источников – в связи с чем и сведения о боевых кличах действующих сторон стали чаще попадать на страницы документов. Перечислю эти эпизоды.

1. 17 апреля 1655 г. в Севске московские стрельцы приказа «головы и салдатцкого строю полковника» А. Матвеева попытались «учинить выемку» незаконного вина у брянских детей боярских, что привело к жестокой драке. По словам подполковника этого приказа Андрея Винууса, «Сего же де числа учинился подле его двора крик, и кричали ясаком: “Царев-царев!”», и он де, услышав крик, вышел из своего двора на улицу»¹¹, застав уже конец конфликта. Трудно понять, какая из сторон с помощью ясака звала к себе на помощь – скорее, все же стрельцы, которые получили отпор и внезапно оказались в меньшинстве.

2. В начале 1659 г. (до 21 января) во время разведывательного рейда на территорию Полоцкого повета, охваченную мятежом казаков Нечая и литовской шляхты, разъезд царских «присяжных» полоцких казаков въехал в середину деревни Солонец под видом поляков, а затем крикнул ясаком «Царев-государев!». Услышав этот яsak, двое шляхтичей-«изменников» бросились бежать и были пойманы¹².

3. В ночь на 26 марта 1660 г. ратные люди армии кн. И.А. Хованского предприняли первый штурм литовской крепости Ляховичи. По сведениям новогрудского шляхтича Маскевича, они незаметно подошли к стенам и взобрались на них, водрузив даже знамена. Однако затем в условиях ночного боя русские ратники и «присяжные» шляхтичи стали перекрикиваться ясаком «Царев город!», видимо, чтобы опознать своих. По утверждению Маскевича, именно этот клич поднял на ноги всех многочисленных защитников Ляховичей, которые гурьбой бросились на стены и сумели выбить царское войско из крепости¹³.

4. В Литве, в конце 1665 г., через пару недель после разорительного рейда одного из царских отрядов от Смоленска, «земянин» Мстиславского повета И.М. Судиловский пожаловался на своих соседей, С. Людоговского с сыновьями, С. Судиловского и ряд иных. Под покровом темноты, в ночь на 28 ноября (н. ст.), они «з бронми

разными, до бою войне належачую стрелбою огнистою, бердышами, рогатынами» напали на его хутор на кричевском тракте и ограбили его. При этом, пользуясь тревожным ожиданием новых набегов от украинских казаков и царских ратников, они «галасы учинивши мовою московскою “руби, руби, царев, царев”. Хозяин спросонок решил, «же неприятел московски “шышы” чатою напали» и бежал в лес, и только потом по голосам догадался, кто его разоряет¹⁴.

5. Подобным же образом в том же Мстиславском повете, по заявлению урядника А. Василевского, управляющего имением оршанского ловчего Я. Величка, произошло разбойное нападение на их хороневскую маетность ((в ночь на 14 января 1666 г. (н. ст.)). Владелец соседнего имения пан Я. Пожарицкий послал для грабежа более 60 человек «слуг дворных, бояр и подданных своих с розным оружием, до бою належачим [...] под претекстем московским» – то есть, под видом нападения «московитского» разъезда. Обитатели маетности пришли в ужас, «бо розумели, же московский люд напал, же волали “Царов, царов”» – то есть, кричали обычным ясаком русских ратников¹⁵.

6. Через год, на праздник Рождества Пресвятой Богородицы (8 сентября 1667 г.) случились гуляния у Зачатьевского монастыря в Москве, которые сопровождались кулачным боем. Стрельцы, наблюдавшие за порядком, схватили и привели в приказ жильца Савина Иванова сына Буркова за участие в этом кулачном бою, что, судя по всему, для членов Государева двора было строжайше запрещено: «Приведен от праздника от Зачетейского монастыря, что за Пречистенскими вороты, с кулашного бою жилец Савин Иванов сын Бурков в том, что он бился кулачки и кричал ясаком: “Царев-царев! Зубов-Зубов!”» Поскольку подобный «привод» оказался уже вторым на счету Буркова, царь «указал ему учинить наказанье, бить батоги и написать по городу по Коломне, где служат родичи ево» – иными словами, разжаловать в городские дети боярские по Коломне¹⁶.

7. Еще через год, 10 октября 1668 г., произошло неудачное столкновение отряда кн. А.Г. Ромодановского с крымско-татарским войском при с. Грайворон на Украине. Татары напали на русских при выходе из села, на переправе, взяли в плен воеводу с его свитой и ударили на рейтар, из которых и состоял данный отряд. По рассказу протопопа Симеона, спасенного рейтарами, они побросали лошадей и пешими сбежались на болото за селом, применив обычную степную тактику ухода от погони. Там оба полка – С. Зубова и Ф. Зыкова – до

вечера отражали атаки противника, а ночью двинулись болотом же через лес обратно, в сторону лагеря армии боярина кн. А.Г. Ромодановского. По словам протопопа, «И дождався ночи, пошли болотом оборонною рукою. А татары с обеих сторон идучи, кричат: “Галла! Галла!”», а наши себе кричат: “Царев! Царев!”¹⁷», и через несколько часов добрались до обоза главных сил¹⁸.

Обобщив перечисленные эпизоды, можно сделать ряд интересных выводов и наблюдений. В частности, мы видим, что ясак всегда произносится дважды («царев-царев»). Кроме того, существовало несколько «вариаций на тему» этого ясака: «царев-государев», «царев город». Данным ясаком пользуются не только русские ратники, но и белорусские казаки и шляхтичи, присягнувшие царю, и даже украинские казаки Северной земли (именно они обычно грабили Мстиславский уезд в 1665–1666 гг.). Наконец, его могли кричать вместе с особенным ясаком отдельной воинской части: «Царев-царев, Зубов-Зубов» («Зубов-Зубов» – в 1667 г. боевой клич московского стрелецкого приказа головы Ивана Зубова). Ну и еще раз отметим, что в большинстве случаев противник русских прекрасно знает их основной боевой клич, а порой даже имитирует его («царов-царов»).

Ясаки Смутного времени. Широкое распространение ясака «Царев-царев» в 1655–1668 гг. позволяет достаточно уверенно предположить, что он же был обычным боевым кличем царской армии и в начале XVI в. В свете этого становится более понятным одно из затруднений, которое испытывали русские ратники в эпоху Смуты, когда им приходилось выбирать между двумя, а то и большим числом «истинных государей».

Возможно, в связи с этим уже в битве при Добрыничах, в январе 1605 г., русские всадники царя Бориса предпочли кричать не «Царев-царев», а «полевое слово» служилых немцев своего войска – «Hilf Gott!»¹⁹. Когда под Кромами служилые люди подняли мятеж против царя Федора Годунова (7 мая 1605 г.), они стали восклицать «Да здравствует царь Дмитрий!». Метаясь по лагерю, заговорщики собирались с возгласами «Да хранит Бог Дмитрия!», а их противники: «Да хранит Бог нашего Федора Борисовича!», или же просто: «Федор!» и «Дмитрий!»²⁰. Имя другого царя становилось таким образом «воровским ясаком», боевым кличем противника в гражданской войне.

В этом плане ясаки оказались гораздо эффективнее других опознавательных, условных знаков гражданской войны. Можно вспом-

нить в этой связи, как Лжедмитрий I накануне битвы при Добрыничах (1605) приказал своим всадникам из числа «москвитян» надеть поверх доспехов белые рубахи, для отличия от бойцов Годунова²¹. Однако больше о существовании подобных индивидуальных знаков различия войск сторон мы сведений не имеем – видно, ясак все же оказался гораздо более эффективным и, главное, доступным для любого отряда способом опознавания «своей-чужой».

Ясак чудотворца Сергия (Сергиев ясак). Особым образом эта проблема была решена при обороне Троице-Сергиева монастыря (1608–1610). Готовясь к решающей вылазке на лагерь «тушинцев», защитники условились взять за ясак «Сергиево имя» – называть себя по принадлежности к святому покровителю монастыря (ноябрь 1608 г.)²². Вылазка оказалась успешной, и тактический пароль для ночного боя превратился в религиозный символ борьбы со лже-царями, которых церковные власти приравнивали к антихристам. После знаменитой обороны Троицы даже простые путники, назвавшие себя «Сергиевыми», пропускались по дорогам разбойными шайками невозбранно²³. А на второй день решающей московской битвы с гетманом Ходкевичем (1612) клич «Сергиев-Сергиев!» стал сигналом для общей атаки войск Первого и Второго ополчений – и дворянских сотен, и казачьих станиц – бывших «тушинцев», некогда осаждавших Троицу²⁴.

Надо сказать, что данный ясак – в отличие от обычных воинских кличей – попал на страницы наиболее знаменитых и популярных сочинений о Смутном времени. Он упоминается и в «Новом летописце», и в «Сказании» Авраамия Палицына, и в «Чудесах преподобного Сергия» троицкого монаха Симона (Азарьина). Последнее сочинение было даже напечатано крупным тиражом в 1647 г. В итоге, в случае с Сергиевым ясаком мы наблюдаем уже явление Нового времени, когда хрестоматийные примеры Божьей помощи недавнего прошлого могут обрести второе дыхание, возродиться по благочестивому замыслу царя-книжника (в данном случае, Алексея Михайловича).

В сентябре 1658 г. Тишайший получил удручающие известия об измене полковника Белорусского казацкого полка Ивана Нечая и восстании «присяжной» шляхты в Литве. Первый воевода, назначенный для борьбы с повстанцами с «легким» войском, кн. Г.А. Козловский, отбывал в Белоруссию в дни ежегодного царского богомолья в Троице-Сергиев монастырь ко дню памяти преподобного (25 сентября).

Судя по всему, в самый момент отправки на эту службу царь велел князю взять в качестве ясака легендарный клич «Сергиев-Сергиев»; чуть позже «большой» воевода кн. И.И. Лобанов-Ростовский получил такое же наставление. И первые же победы нового похода Алексей Михайлович без сомнения отнес Сергиеву заступлению: «А Нечая... Сергей Чудотворец дважды побил», – написал он кн. Ю.А. Долго-рукову, после чего 30 января 1659 г. вновь «ходил молиться в Троице в Сергиев монастырь»²⁵.

С этих пор Сергиев ясак, по-видимому, вернулся в ряд обычных боевых кличей царского войска. Следующий раз (после 1659 г.) о нем упоминает П. Гордон как об обычном пароле московских стрельцов в крепости Чигирин, во время ее эпической обороны 1678 г.: «Указав полковникам посты, откуда им следует наблюдать за выступлением своих офицеров и солдат, и дав обычный пароль “Сергий”, когда все было готово, по бою барабанов со всех сторон я подал сигнал идти вперед»²⁶. В оригинале дневника (на старонгл.) написано «Serge», что может передавать ясак и в традиционной форме притяжательно-го прилагательного (чей? – Сергиев). По мнению Седова, бытование этого пароля в Чигирине могло быть связано с чудесным явлением преподобного Сергия одному из стрельцов во время предыдущей осады крепости турками (1677). Но нельзя исключать и обратной причинно-следственной связи, когда Сергиев ясак, повторяемый каждый день в качестве пароля, и послужил причиной молитвенного обращения стрельца именно к этому русскому святому.

Последним случаем применения знаменитого воинского клича стало стрелецкое восстание 1698 г. Из следственного дела известно, что кто-то из стрельцов пытался кричать Сергиевым ясаком, что было также расценено петровскими сподвижниками как преступление²⁷.

При всем своеобразии, феномен Сергиева ясака прекрасно укладывается в логику развития боевых кличей русской армии: от функции отличия «своих» в гражданской войне к оваянному славы сигналу, который был способен воодушевить русских ратников в опасные и ответственные моменты военных действий.

Ясаки отдельных воинских подразделений. Помимо ясаков «Царев» и «Сергиев», русское войско XVII в. продолжало использовать и другие условные кличи. В частности, отдельные ясаки могло получить каждое подразделение какой-либо отдельной действующей армии. К сожалению, сохранилась лишь одна полная роспись

полковых ясаков – перечень ясаков московских стрелецких приказов (с 1680 г. – полков). Она была составлена царем Алексеем Михайловичем в конце 1660-х гг. и дошла до нас в нескольких списках: среди бумаг приказа Тайных дел²⁸ и в записной книжке одного из служилых иноземцев русской армии начала XVIII в. Интересно, что происхождение этих сигналов у разных приказов особое: если большинство получило клич по имени одной из охотничьих птиц царя, любителя соколиной охоты («Мурат-Мурат», «Бирюк-Бирюк», «Полетай-Полетай» или просто «сокол-сокол»), то другие – по имени своего головы («Зубов-Зубов», «Коптев-Коптев»).

В данном случае ясаки выступают в качестве особого отличия привилегированных московских стрельцов, наряду с установленным раз и навсегда цветом служилых кафтанов. Фиксация ясаков на бумаге и долгое бытование полковых кличей без изменений были, по всей видимости, вызваны уже не боевой необходимостью, а требованиями несения регулярной караульной службы и другими задачами, которые выполнялись стрельцами в Москве. По идее известного исследователя «непременного войска» XVII в. Р. Паласиос-Фернандеса, они могли служить отличием стрелецких приказов во время ночной караульной службы – когда не видно цвета кафтанов и лиц караульщиков.

Кроме того, есть уникальное свидетельство и о существовании постоянных, фиксированных ясаков в отдельном войске – полку Новгородского разряда (кн. И.А. Хованского), который состоял из десятка конных сотен и целого ряда полков «нового строя» (гусарского, рейтарских, солдатских). Летом 1664 г. горсть городовых стрельцов сорвала ночной штурм литовцами крепости Невль, закричав у них в тылу «розных полков ясаками» армии князя И.А. Хованского²⁹. Литовцы были вынуждены бросить «примет» – лодки с зажигательным материалом для атаки деревянного городка, вернуться к своему обозу и занять оборону. В этом случае мы видим, как по мере долгого употребления ясак, становясь известным противнику, мог превратиться в грозное предупреждение об атаке уже знакомого ему войска и стать даже средством морального давления на врага.

Правовые вопросы бытования ясаков. Долгое существование ясаков, их важность для ратного дела привели к формированию особых традиций их бытования, в частности, наказания за их неправильное применение. Один из первых известных случаев произошел в походе 1654 г. Во время похода под Смоленск Сторожевого полка

русского войска, 9 июня, к воеводе боярину кн. М.М. Темкину-Ростовскому были приведены два послужильца – холопы рейтар И. Порецкого и Д. Уварова. Их вина заключалась в том, что они устроили ложный всполох – «кричали ясаком, что государеву казну грабят». Был еще один фигурант разбирательства – холоп полковника рейтарского строя В. Кречетникова Корнила Евлампиев («который ясакам кричал»), но тот сумел оправдаться: «Ясаком де он не кричивал, а услышал де, что говорит детина, что казну грабят государеву. И он де было того человека, поймав, повел к боярину и воеводе ко князю Михаилу Михайловичю Темкину Ростовскому, и того де человека у него атнели стрелцы». В итоге боярин вынес довольно суровый приговор: «Иванову человеку Порецкого было наказанье за то, что кликал ясаком, было 40 ударов, Дмитриеву человеку Ульянина было наказанье на козле, бит кнутом, было 35 ударов»³⁰. Из следствия можно выяснить, во-первых, что крик о грабеже государевой казны (видимо, походной казны Сторожевого полка) являлся «ясаком» – впрочем, вполне возможно, что ответчики действительно кричали неким условным криком на такой случай. Во-вторых, сам приговор звучал как «наказанье за то, что кликал ясаком», т. е., не просто за ложную тревогу, а именно за употребление воинского ясачного крика не к месту, со злым умыслом.

В этой связи можно вспомнить и о суровом наказании жильца Савина Буркова, кричавшего стрелецким ясаком Зубова приказу на кулачном бою у Зачатьевского монастыря (в 1667 г.). Хотя формально он был наказан за вторичное участие в кулачном бою, из подробностей доклада о его приводе в Стрелецкий приказ можно заключить, что употребление им ясака на кулачном бою выглядело, в понимании стрельцов и чиновников, важнымотягчающим обстоятельством.

Наконец, попытка кричать Сергиевым ясаком во время стрелецкого мятежа 1698 г. явно расценивалась властями как серьезное преступление.

Таким образом, из материалов нескольких дел мы можем установить, что неправомерное употребление ясачного крика в самых разных обстоятельствах: в походе, в мирное время на праздничных гуляниях или во время выступления служилых людей – являлось довольно тяжелым проступком, который влек за собой суровое наказание.

Заключение. Рассмотренные здесь эпизоды употребления ясаков, несомненно, будут и дальше дополняться новыми примерами,

но и на данном этапе исследования можно сделать определенные выводы. В русской военной практике ясак как воинский сигнал – это гораздо более широкое понятие, чем боевой клич. Помимо того, термин использовался для обозначения визуальных условных знаков («ясачное знамя») и сигналов, подаваемых музыкальными инструментами и даже орудиями³¹. По внешней форме и манере употребления ясак (как условный клич) заимствован из тактических приемов золотоордынского войска, причем знакомство с ним на практике произошло не позднее 1300 г. Первые ясаки выбирались из географических понятий, связанных с территорией Русского государства. К периоду Смутного времени общевоинским воинским кличем стал «Царев-царев!», и в целом ясаки стали создаваться по его образцу: обязательным считалось двойное повторение слова и, как и в случае с Сергиевым ясаком, клич как бы отвечал на вопрос: «Ты чей?» (т. е. произносился в форме притяжательного прилагательного). В Смутное время политическая ситуация привела к появлению новых общевоинских ясаков – с уточнением имени царя («Дмитрий!», согласно И. Массе), а затем, начиная с защитников Троице-Сергиева монастыря – «Сергиев!». Кроме того, существовал целый спектр полковых ясаков и условных сигналов тревоги, которые также назывались ясаками. Вполне логично, что за злоупотребление этими воинскими кличами полагалось суровое наказание как в военное, так и в мирное время. Главным же выводом настоящего исследования является то, что ясачные кличи – это важная часть воинской культуры Русского государства. Изучение этой темы расширяет наши представления как о ратной практике великокняжеского и царского войска, так и о самосознании русских людей – от царей и бояр до рядовых стрельцов или послужилцев.

¹ Курбатов О. А. Ратное дело при царе Алексее Михайловиче в свете православной традиции // Церковь в истории России / Отв. ред. В. М. Лавров. М., 2009. Сб. 8. С. 22– 38; Дневник 1677–1678 / Патрик Гордон; пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова; отв. ред. М. Р. Рыженков. М., 2005 (прим. № 216).

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Изд. 2-е. М., 1987. Т. 4 (Т – Ящур). С. 564.

³ «И еще к тому тогда иную хитрость изобреде царь казанский против нас [...] Ибо уложил он таковой совет со своими, с тем войском, их же оставил вне града на лесех, и положил с ними таковое знамение, а по их языку [ясак]: егда изнесут на высокую вежу або иногда на град на высочайшее месце хоругов их зело великую бусарманскую и начнут ею махати, тогда, глаголю, [понеже далося нам знати] ударят со всех стран с

лесов зело грозно и прутко во устроению полков бусурманы на полки християнские. А от града во все врата вытекали в тот же час на наши шанцы и так зело жестоце и храбре насакали, яко и вере не подобно» (Андрей Курбский. История о делах великого князя Московского / Изд. подгот. К.Ю. Ерусалимский. Пер. А.А. Алексеева. Отв. ред. Ю.Д. Рыков. М., 2015. С. 30).

⁴ Флетчер, Дж. О государстве Русском или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским). СПб., 1906. С. 68, 69.

⁵ Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2 (1635–1659). С. 422, 423.

⁶ «И над всякою сотнею учинены головы сотенные из столбников и из дворян, а у них поручики и знаменщики ис тех же чинов, меньших чинов люди. А хоругви у них большие, камчатые и тафтяные, не таковы как рейтарские; трубачи и литаврщики их же голов дворовые люди» (Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. СПб., 1884. С. 147).

⁷ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, Т. I. Извлечения из сочинений арабских / Ред. и пер. В. Тизенгаузена. СПб., 1884. С. 114.

⁸ Псковские летописи / Ред. А. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 86.

⁹ Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. М., 2004. Т. XLIII. С. 196.

¹⁰ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне. (1578–1582) / Пер. с лат. И.И. Виноградова. СПб., 1889. С. 77.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 589. Л. 17 (приказный шатер окольничего и дворецкого и воеводы В. В. Бутурлина).

¹² Витебская старина / Сост. А. Сапунов. Витебск, 1888. Т. 4. Отд. 2. С. 103, 104.

¹³ Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczow (wiek XVII). Wrocław, 1961. S. 297.

¹⁴ Акты Виленской Комиссии для разбора древних актов. Вильна, 1909. Т. 34. Акты, относящиеся ко времени войны за Малороссию. С. 407, 408.

¹⁵ Акты Виленской Комиссии... Т. 34. С. 421.

¹⁶ РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. № 620. Л. 15, 15 об.

¹⁷ При публикации документа издатели напечатали не «Царев-царев», а «Церковь-церковь», что вполне объяснимо: оба слова (и «царь», и «церковь») писались под титулом, и различить «царев» и «церковь» на письме очень сложно.

¹⁸ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1872. Т. 7. С. 95.

¹⁹ Буссов К. Московская хроника 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 102, 227; Бер М. Летопись Московская с 1584 года по 1612 // Сказание современников о Дмитрии самозванце. СПб., 1859. Ч. 1. С. 40.

²⁰ По свидетельству Исаака Массы (О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса. Петр Петрей. М., 1997. С. 86, 87).

²¹ Паерле Г. Описание путешествия Ганса Георга Паерле... // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1859. Т. 2. С. 164.

²² Палицын А. Сказание Авраамия Палицына // Под ред. Л.В. Черепнина. М.; Л., 1955. С. 152.

²³ Наседка И. Житие и подвиги преподобного отца нашего архимандрита Дионисия. [б. м.], [б. г.]. С. 11; Скворцов Д. И. Дионисий Зобнинский, архимандрит Троицкого Сергиева монастыря (ныне Лавры). Тверь, 1890. С. 65.

²⁴ Азарьин С. Книга о чудесах преподобного Сергия. СПб., 1888. С. 38, 39.

²⁵ Курбатов О. А. «Не надейтесь на кесари, на сыны человеческия, в них же несть спасения» (Пс. 145): «Наука побеждать» Царя Алексея Михайловича // www.sedmitza.ru (публикация на сайте «Седмица» 1 февраля 2004 г.).

²⁶ Гордон П. Дневник 1677–1678 / Патрик Гордон; пер.. ст., примеч. Д.Г. Федосова; отв. ред. М. Р. Рыженков. М., 2005. С. 216, 217 (примеч. № 216).

²⁷ Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969.

²⁸ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 338.

²⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 271.

³⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 589. Л. 710, 710 об.

³¹ «5-й ясак, стрелят возле нашего государева шатра трижды из пищали – то, за милостью Божиею и Пречистой Богородицы, победа на поляков» (Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2 (1635–1659). С. 422, 423).

Е.А. Курлаев (Екатеринбург)

ВОЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО И РЕМОНТ ОРУЖИЯ В ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

ВСЕГО за несколько десятилетий XVII в. русские землепроходцы преодолели тысячекилометровый путь от Уральского хребта до Тихого океана, присоединив к Московскому государству огромную территорию – Сибирь. В неминуемых стычках с аборигенами служилые люди использовали «огненный бой» – ружья и небольшие пушки. В снабжении Сибири оружием участвовали казна и частные подрядчики. Вооружение поступало непосредственно со служилыми людьми или присылалось большими партиями. В документах упоминаются отдельные факты таких поставок. Так, в 1642 г. стрелец М. Вискунов привез в Тобольск 252 московских мушкета и 198 самопалов, изготовленных в Казани¹. В декабре 1696 г. стряпчий конюх В.Т. Шишилов подрядился сделать для Сибирского приказа в течение года 1500 пищалей с гранеными стволами. Уже весной 1697 г. были изготовлены первые 300 ружей, из которых 100 штук немедленно отправили в Иркутск. В это же время на истенских и угодских заводах Меллера отлили для Сибири 2000 однофунтовых и двухфунтовых ядер². Имеются и другие упоминания об изготовлении военной амуниции для Сибирского приказа без указания конечного пункта доставки.

Из-за удаленности уральских и сибирских острогов от ремесленных центров остро стояла проблема ремонта привезенного «с Руси» оружия. Государственные органы изыскивали всевозможные пути восстановления ружей. Для этого квалифицированных кузнецов-оружейников посылали «на житье» в Сибирь, их отыскивали среди гулящих людей и ссыльных. Один из первых центров по ремонту оружия появился в Томске. В 1636 г. из 120 сломанных пищалей там

восстановили 73 действующих. Сюда присылали испорченное оружие даже из Тобольска³. С 1653 г. в документах упоминается поверстаный в бронные мастера ссыльный П.А. Дорогобужский, проживавший в Красноярске, а с 1670-х гг. – профессиональные бронные мастера К. Моисеев и Б. Микифоров⁴. Предположительно в 1670 г. в Верхотурье существовала мастерская по ремонту оружия, поскольку в это время сюда из Ирбитской слободы посылали детали оружейного производства: мушкетные замки, полицы и ружейные ложи⁵.

С 1670-х гг. предпринимались административные меры по централизованному ремонту оружия в наиболее разросшихся сибирских городах и по организации обучения молодых ремесленников. В Сибирь посылали оружейных мастеров, которые не только занимались ремонтом оружия, но и обучали мастерству местных ремесленников, казачьих и стрелецких детей. Ученикам назначалось питание, а тем, кто выучится, определялось жалование по 2 копейки в день. После завершения обучения мастеров-наставников отсылали на прежнее место жительства, а новоиспеченные ремесленники должны были ремонтировать оружие в сибирских гарнизонах⁶. В одну из таких командировок в 1697 г. из Оружейной палаты были посланы станочный, замочный и ствольный оружейные мастера. Некоторое время они ремонтировали пищали в Тобольске, после чего их отправили в глубь Сибири – в Иркутский, Удинский, Селенгинский, Нерчинский и Якутский остроги. В конце концов, их срочно вернули в Москву, для выполнения крупного военного заказа⁷.

Несмотря на все усилия правительства, проблему качественного вооружения многочисленных сибирских гарнизонов за счет отправки оружия и оружейных мастеров полностью решить не удалось. В небольших отдаленных острогах ружья не ремонтировали десятилетиями. Согласно городovým спискам Сургута, сломанные мушкеты валялись в казенном амбаре и в 1654 и в 1697 г.

Дороговизна доставки оружия и проблемы его ремонта подтолкнули московские власти к созданию оружейного производства в Сибири уже в первые десятилетия XVII в., с момента открытия железной руды в окрестностях Томска и на р. Нице в Туринском уезде. В случае успеха в выплавке железа томским воеводам предписывалось немедленно начать безостановочное производство пищалей различных калибров и ядер к ним. Железодельный завод в Томске проработал недолго, примерно с 1624 по 1625 г., и был закрыт из-за убыточности. Однако за этот период из полученного железа было

сделано какое-то количество пищалей. В описании Томского острога 1626 г. упоминается «пищаль железная, что делана в Томском городе в новом железе»⁸. В 1630 г. на заводе на р. Нице из первого железа изготовили 20 «затинных» пищалей, которые испытали в присутствии воевод⁹. Позже этот железоделательный завод, названный Г.Ф. Миллером «Ницинским», а по первоисточникам известный как «Невьянское рудное железное дело», производил до 1670-х гг. кричное железо, топоры, корабельные скобы¹⁰.

Еще одним стимулом к развитию военной отрасли и переоснащению русских войск стало появление у аборигенов огнестрельного оружия. К концу XVII в. в Сибири наметились качественные изменения в решении проблемы ремонта и производства оружия. В документах этого периода нередко упоминаются о наличии в сибирских городах оружейных, бронных и колоколотейных мастеров.

В 1696 г. в Москве стало известно о наличии на Урале гигантских запасов железной руды. После ее тщательного испытания и экономических подсчетов последовал знаменитый указ Петра I от 10 июня 1697 г. об основании металлургических заводов на Урале. В частности, в указе была обозначена главная цель строительства: «...на тех заводах лить пушки и гранаты, и всякое ружье для обороны Сибирского царства от всяких иноземцев и для привозу того ружья к Москве и в иные понизовые и верховые города»¹¹. По расчетам правительства изобилие уральских ресурсов позволяло одновременно вооружать сибирские гарнизоны и обеспечивать военной амуницией Москву и другие города. Новые заводы должны были изготавливать металл и весь ассортимент вооружений того времени: пушки, боеприпасы, огнестрельное и холодное оружие. Создание центра военного производства за Уралом было продиктовано объективными причинами, возникшими при обеспечении оружием Сибири в XVII в.

Об уральских металлургических заводах в период Северной войны написано немало работ, менее известно о производстве огнестрельного и холодного оружия в крае. Отметим несколько работ, прямо или косвенно затрагивающих данную тему¹². Указ о производстве оружия в Сибири появился 19 января 1700 г. Для его практической реализации у суздальских помещиков Казимировых были взяты крестьяне, являвшиеся и оружейными мастерами, во главе с Никифором Пиленком. По договору, заключенному 27 декабря 1700 г., им указывалось ехать в Сибирь для изготовления фузейных и мушкетных стволов. Первоначально оружейное производство предполагалось

лось разместить у Каменского железоделательного завода, построив для этого специальную оружейную слободу с кузницами, угольными сараями и жилыми избами для семей мастеров. В двух больших избах-цехах планировалось изготавливать до 5–6 тыс. фузей и мушкетов в год, но из-за нехватки рабочей силы воевода перенес строительство в Тобольск.

Вторично возведение оружейного завода началось только через год, весной–летом 1701 г., сразу в двух местах. В самом Тобольске строился «деловой двор», а в 10 верстах от города на р. Аремзянке под надзором воеводы пашенные крестьяне возводили плотину и два амбара с механизмами, предназначенными сверлить и «оттачивать» стволы. Н. Пиленок вместе с другими мастерами прибыл в Тобольск весной 1701 г., где следовало возводить жилье и кузницы. Завод должен был начать работать уже летом–осенью 1701 г. «до заморозов», но фактически большая часть 1701 г. ушла на организационные хлопоты. 8 марта 1702 г. вместе с пушками Каменского завода в Москву прислали первую продукцию из Тобольска – 6 фузей и 6 мушкетов¹³. Произошло историческое событие, не отмеченное исследователями: в 1702 г. в Тобольске заработал первый в России специализированный государственный оружейный завод, созданный по типу централизованной мануфактуры с использованием энергии воды. В Туле аналогичный завод начали строить в 1712 г., в Сестрорецке – в 1721 г. Первый в России частный вододействующий завод по изготовлению оружейных стволов поставил в Москве на р. Яузе в 1648 г. голландец Индрик Акин.

В первые годы работы завода начиналось производство нескольких моделей фузей и мушкетов и другой военной амуниции. Базовой моделью стала немецкая фузеза образца 1701 г., на что в 1703 г. последовал царский указ: «делать по образцу немецкой фузеи, что послана из Сибирского приказа в Тобольск»¹⁴. В столицу Сибири вместе с новыми образцами оружия переносились и новые для края технологии и организационные принципы мануфактурного предприятия, освоенные в центральных районах России.

Сам факт использования энергии воды в оружейном деле являлся для России техническим новшеством. В 1712 г. в Туле на р. Упе началось строительство аналогичного оружейного завода. Основные операции, где использовалась гидроэнергия – сверление и обработка стволов, заточка лезвий. Приспособления, сделанные солдатом Я. Батищевым, повысили производительность труда по сравнению

с ручной выделкой до 8 раз. Аналогичные приспособления действовали в окрестностях Тобольска за десятилетие до строительства завода в Туле.

В Тобольске создавалась централизованная мануфактура с пооперационным разделением труда. Один производственный центр находился у вододействующих механизмов на р. Аремзянке. С начала строительства прибывшим мастерам указывалось селиться здесь: «а у той мельницы велели им Микишке с товарищи, где жить построить избы и кузницы...». К 1703 г. одной оружейной мельницы уже было недостаточно, поэтому Н. Пиленку для ствольного дела отдали «другую нижнюю мельницу». Имелся также указ строить для индивидуальных оружейных мастеров, не входящих в структуру Н. Пиленка, «другой такой же завод»¹⁵. Таким образом, на р. Аремзянке строили три оружейных мельницы, две из которых входили в казенную мануфактуру.

Другой производственный центр – «деловой двор» – предназначался для доводки деталей и сборки оружия. Он располагался в верхней части города: его цехи и жилые избы мастеров предписывалось размещать вплотную к городской каменной стене. Закрытый характер заводского хозяйства формировал условия жизни и работы мастеровых. Тобольским воеводам указывалось огородить «деловой двор» каменной стеной, приставить надзирателя для предотвращения краж оружия, принуждать работников к хорошей работе и не выпускать их в рабочие дни, «кроме воскресных, великих праздничных и государевых ангельских дней»¹⁶. Прецедент с бегством в Москве обученного оружейному делу Д. Ососкова послужил появлению царского наказа воеводам: «мастеровых, работных и ссыльных никого из Тобольска, с заводов и из слобод в Москву и в другие русские города не отпускать... чтобы оружейное и на заводах железное дело от побегов не встало»¹⁷.

Острую нужду в квалифицированных работниках решали за счет набора мастеров в старых ремесленных центрах, обучения местных кузнецов, их детей и детей ссыльных. Тобольским воеводам предписывалось особо обратить внимание на подготовку квалифицированной рабочей силы и набирать для обучения местных кузнецов, их детей «и всяких гулящих праздным людей, которые ни у какова дела бродят по улицам хлеба просят...». В 1701 г. в Тобольск отправили серпуховитина, укладного мастера Я. Беляева и 4 станочных мастеров. В 1703 г. 7 тулян, ствольных заварщиков, 1 замочника и 2 ста-

ночников. В этом же году для Сибирского приказа в Саксонии были наняты замочный, проволочный и шпажный мастера¹⁸.

Прибыв из Москвы, оружейные мастера должны были работать по специальности, но первоочередной задачей для них становилась обучение оружейному делу местных ремесленников. 26 июня 1703 г. прибывшим в Тобольск мастерам велели дать в обучение: ствольным заварщикам во главе с Е. Ивановым – 99 тобольских, тюменских, тарских и слободских кузнецов; станочному мастеру В. Иванову (Медведевых) – 33 тобольских и тюменских столяра, замочному мастеру Т. Форенкову – 22 человека для обучения замочному делу¹⁹. В 1721 г. на Тобольском оружейном заводе числится уже 100 оружейных, замочных, палашных, станочных и проволочных мастеров, а Н.И. Пиленок выступает в ранге надсмотрщика оружейного двора.

Отправку готового оружия тормозило замочное производство. Первоначально «шкоцкие» замки тысячами поставляли из Москвы. В июне 1703 г. 10 000 «амстердамских шкотских» фузейных замков для Сибирского приказа обязался изготовить из уральского железа «замочный уговорщик» М. Марысайлов. В процессе изготовления замков проявились недостатки уральского металла: «... сибирская сталь в пружины класть в замки не годится, для того, что плоха»²⁰. Поэтому для выполнения подряда М. Марысайлов вынужден был приобретать сталь на рынке. Организация обучения замочному мастерству решила проблему частично: вновь набранные ученики сумели освоить только простые операции, в частности, отделку замков, но еще не умели ковать замочные пружины.

Все оружие, за исключением отдельных случаев, доставляли в Москву для оснащения войск, действовавших против шведов. А.А. Виниус требовал делать по 100 фузей в неделю или по 5–6 тыс. в год. В 1705 г. изготовили 1650 фузей, из них для охраны соляных промыслов у оз. Ямыш оставили 283, а в Москву отправили 1367, но по пути их вследствие башкирского восстания забрали в Казани. В 1706 г. в Москву отправили 1286 фузей, из них в Казани осталось 286. Весной 1707 г. в Москву отправили 449 фузей «с замками в ложах со всем прибором за орлом дела тобольских ружейных мастеров»²¹. Таким образом, подавляющая часть оружия отправлялась в Москву для обеспечения армии, участвующей в Северной войне. Судя по этим данным, до 1707 г. производительность завода не превышала 1650 ружей в год.

Для сравнения. Основным центром отечественных поставок холдного и огнестрельного оружия считалась Тула. В памяти из Ору-

жейной Палаты указывалось, что с 1695 г. тульские казенные кузнецы изготовляли по 2000 фузей в год²². Во время Северной войны большое количество оружия закупали за границей, главным образом, в Голландии («амстердамского дела»). По некоторым оценкам, в период с 1701 по 1710 г. иностранными купцами в Россию было ввезено около 115 тыс. фузей и фузейных стволов, что примерно наполовину удовлетворяло потребности армии в огнестрельном оружии. Во втором десятилетии XVIII в. надобность в импорте оружия, в первую очередь огнестрельного, отпала, так как заработали отечественные оружейные заводы²³. В 1715 г. после завершения строительства на Тульском оружейном заводе предполагалось производить до 15 000 фузей, 500 пар пистолетов, 500 палашных клинков в год.

Пока нет никаких данных о поставках в сибирские гарнизоны и в другие места, кроме Москвы, за исключением двух случаев отправки военной продукции в Приуралье и Сибирь. В 1705 г. началось восстание местных народов, охватившее территорию Казанского уезда и угрожавшее западной части Тобольского уезда. В 1706 г. для защиты Кунгура и восполнения нехватки мушкетов и фузей из Тобольска отправили 300 старых отремонтированных ружей. Новые фузеи, отправленные в Москву, по пути в спешном порядке раздавали в Казани рекрутам для обороны уездных городов. В 1715 г. была организована военная экспедиция в верховья Иртыша для поиска золотых россыпей под руководством подполковника И.Д. Бухгольца в составе почти 3000 человек. Поход, сражения с джунгарами, строительство крепости у оз. Ямыш продолжались до 1720 г. В перечне огнестрельного и холодного оружия упомянуты по 2000 фузей и палашей «московской присылки», а также 495 фузей «нового дела» и 385 фузей «старого дела», изготовленных в Тобольске²⁴.

Помимо производства огнестрельного оружия на Тобольском оружейном заводе началось изготовление холодного оружия. В 1702 г. вышел царский указ об изготовлении в Тобольске тесаков, палашей, шпаг и пальм. 12 ноября 1702 г. в Тобольск из приказа Артиллерии отправились мастера оружейного дела Андрей Калтыкеев и его двоюродный племянник Михаил Гаврилов. Об А. Калтыкееве известно, что он числился в приказе булатным мастером и «булатному мастерству навычен»²⁵. Первый крупный заказ в 1000 тесаков, 1000 шпаг и 1000 палашей (без багинетов) «против немецкого образца, чтоб гнулись» поступил им 26 января 1703 г. В день каждый мастер мог изготовить в среднем по 2 тесака. В феврале заказ увеличили,

указав изготовить 2–3 тыс. палым «А в скрепе потолще и шире, а лезвие подоле из самого доброго железа и укладу»²⁶. К июлю 1704 г. А. Калтыкеев сделал 500 тесаков, лезвия палым и 3 палаша с ножами. Их отослали в Санкт-Петербург, а затем в войска под Нарву. Однако указом от 12 марта 1705 г. производство холодного оружия было прекращено, а мастера А. Калтыкеева с товарищами и учеником вернули в Москву²⁷. Позже, по всей видимости, производство клинков было продолжено, так как в 1721 г. в заводском штате упомянуты имена 10 палашных мастеров. В 1715 г. упоминается и производство при оружейном дворе копий для рогатин кузнецом А. Понамаревым²⁸. Оружейный завод в Тобольске проработал почти весь XVIII в. Указом 25 июня 1782 г. он был передан из артиллерийского управления в ведение комиссариата, а через некоторое время казенный оружейный двор прекратил свое существование²⁹.

28 июля 1702 г. для осмотра новых заводов на Урал и в Сибирь отправился глава Сибирского приказа думный дьяк А.А. Виниус. 14 октября 1702 г., находясь в Ялutorовской слободе, он приказал капитану Ф.А. Матигорову начать поиски селитренной земли в ближайших от слободы курганах. Через месяц Ф.А. Матигоров объявил в Тобольске селитренную землю и предложил построить селитренный завод у Ялutorовской слободы³⁰. 25 марта 1703 г. из Москвы в Тобольск послали селитренного мастера Лазаря Ермолаева с 4 учениками для поисков и оценки запасов сырья. Еще одним богатым селитрой местом оказались развалины бывшей ставки Кучума – Искера («Старой Сибири»). С находкой промышленных запасов селитры началось строительство пороховой мануфактуры. По указу тобольских воевод селитренные заводы возникли «на Старой Сибири» и в Ялutorовской слободе, где варку селитры начали присланные из Москвы мастера-черкасы: Ф. Степанов и Ф. Щербин с учениками. Неподалеку от Тобольска на р. Подувалке (современное название р. Сузгунка. – *Е.К.*) поставили пороховую мельницу, а в самом городе построили зелейный (пороховой) двор. Из Москвы прислали зелейных мастеров Д. Лукьянова и А. Сергеева, а для обучения набрали местных жителей³¹.

В последние годы удалось обнаружить документы, указывающие, что старейшим центром производства военной продукции в восточных регионах России была Казань³². Известно, что в 1652–1665 гг. в Казани действовал медеплавильный завод, где выплавляли около 350 пудов в год³³. В 1697 г. выплавка меди в Казанском уезде вновь

возобновилась. На заводе работал пушечный литейный мастер Андреас Нейдгардт и его сын, рудознатец и литейный мастер Лаврентий. Казанская медь шла не только на изготовление медной монеты, но и на пушки. В фондах ВИМАИВиВС хранится несколько артиллерийских орудий, изготовленных в Казани. Это – стволы полупудовой гаубицы и трехфунтовой пушки, отлитой в 1711 г.³⁴ Удалось установить, что литье пушек не было единичным событием, а в Казани находился артиллерийский двор с многочисленным штатом мастеров. В 1721 г. в списке работников двора упомянуты имена девяти «казанской артиллерии медной руды плавильщиков» и «обрубешной» мастер И. Федоров³⁵. Однако в отечественной литературе среди известных и малоизвестных центров изготовления бронзовых пушек Казань не упоминается. Отмечены только пушечные дворы в Москве, Новгороде, Пскове, малые пушечные дворы в Туле, Кашире, Вологде, Устюге, Тобольске³⁶.

Не упоминается Казань и среди основных центров производства огнестрельного, холодного оружия и пороха. В то же время, среди работников артиллерийского двора есть «казанские артиллерии оружейной палаты» целовальник Иван Матфеев, «зеленых выходов» целовальник Петр Алферов, участвовавшие в приемке готовой продукции, а также кузнецы, слесари, представители других производственных профессий, характерных для крупной, специализированной оружейной мануфактуры. По всей видимости, военное производство в Казани было значительным и имело давние традиции. В частности, сделанные в казанской оружейной палате ружья поставляли в Сибирь еще в XVII в. Так, в 1642 г. вышеупомянутый стрелец М. Вискунов привез в Тобольск «казанского дела 198 самопалов новых».

В Казани изготавливали и порох. По мнению крупного специалиста по производству пороха генерала В.С. Михайлова, Казанский пороховой завод был основан в 1782 г. До постройки Казанского завода восточные регионы России снабжались порохом из петербургских заводов. Ввиду этого в 1782 г. признано было необходимым «к удовольствию Симбирского департамента порохом завести в Казани завод». Первоначально производительность завода была около 10 000 пудов в год³⁷. По нашему мнению, производство пороха в Казани было с XVII в. В 1673 г. казанский воевода князь А.А. Голицын приказал в Казанском уезде искать и копать старые городища на селитренное варенье, и «делана была селитра и порох многое число». О продолжении производства пороха говорится и в наказе казанскому

воеводе князю Петру Лукичу в конце XVII в.: «В Казани велеть селитру варить и зелье делать, и в иных местах селитры приискивать и заводить селитренное и зелейное дело большими заводами, и порох делать пушечный и ручной самой добрый»³⁸. В 1717 г., по данным из Рудной канцелярии, в г. Сергиеве на р. Сок действовал серный завод, откуда сера для производства пороха поставлялась в Казань в Артиллерию³⁹.

Несмотря на все усилия правительства, проблему качественного вооружения многочисленных сибирских гарнизонов за счет посылки оружия и оружейных мастеров в течение XVII в. полностью решить не удалось. Вместе с тем, в Казани в этот период возник и действовал многопрофильный центр военного производства. Он включал развитую инфраструктуру по добыче медной руды, завод по выплавке меди, артиллерийский двор с литейными ямами и оборудованием для медно-пушечного литья, оружейную палату с производственными мастерскими и разветвленное пороховое производство. В начале XVIII в. оружейное и пороховое производство организовали в Тобольске. Задуманный для снабжения сибирских гарнизонов оружейный завод с началом Северной войны переключился на поставки оружия в Москву. Комплекс причин не позволил достигнуть запланированной годовой производительности в 5000–6000 фузей и внести сколько-нибудь существенный вклад в победу в Северной войне. В то же время, это предприятие вместе с первыми уральскими железодельными заводами положило начало формированию облика Урала как одного из крупнейших металлургических и военно-промышленных центров страны.

¹ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее СПб ИИ РАН) Ф. 28. Оп. 1. Д. 328. Л. 1.

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 366. Л. 5–6.

³ Там же. Д. 6. Л. 613.

⁴ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. IV. М., 1959. С. 148–149.

⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 1729. Л. 3–4.

⁶ ДАИ. Т. VII. СПб., 1859. С. 134–136.

⁷ РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 49. Л. 112–113.

⁸ Там же. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 433.

⁹ Там же. Ф. 214. Оп. 2. Д. 457. Л. 40.

¹⁰ Более подробно о первом государственном железодельном заводе см.: Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики. М.: «Древлехранилище», 2005. С. 58–79.

- ¹¹ Полное издание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Т. 3. СПб., 1830. № 1588.
- ¹² Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 70–72. Копылов Д.И. Прибыльский Ю.П. Тобольск. Свердловск, 1975. С. 32–35; Курлаев Е.А. Создание военного производства для обеспечения колонизации Урала и Сибири (конец XVII – первая четверть XVIII вв.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 119–128.
- ¹³ РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 48. Л. 305 об.
- ¹⁴ Там же. Д. 49. Л. 37 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 180–181, 186.
- ¹⁶ Там же. Л. 173 об.–174.
- ¹⁷ Там же. Д. 50. Л. 54 об.–55.
- ¹⁸ Там же. Д. 49. Л. 68–70 об.
- ¹⁹ Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 788. Л. 24 об.–25.
- ²⁰ Там же. Д. 829. Л. 1–9.
- ²¹ Там же. Д. 1076. Л. 12.; Д. 1111. Л. 12–12 об. Этот факт опровергает утверждение, что обязательное клеймение ружей на казенных заводах двуглавым орлом началось по указу Сената только в 1726 г. См.: Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие Русской армии конца XIV–XVIII веков. М., 1992. С. 9, 18.
- ²² РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 48. Л. 166 об.
- ²³ Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996. С. 223–224.
- ²⁴ Доклады и приговоры в правительствующем Сенате в царствование Петра Велико-го. Т. V. Кн. 2. № 1007.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 48. Л. 292. Специализация А. Калтыкеева и его работа со слитками булатной стали возвращают нас к истории открытия и использования булата. Булатная сталь (булат) – литая углеродистая сталь со своеобразной структурой и узорчатой поверхностью, обладающая высокой твердостью и упругостью. Считается, что секрет изготовления булатной стали, утерянный в средние века, раскрыл в XIX в. П.П. Аносов. Упоминание А. Калтыкеева как булатного мастера приводит нас к мысли, что мастерство работы с булатом (возможно, и его изготовление) существовало в России всего за столетие до работ П.П. Аносова. Очевидно, булат и уклад исчезли как технологические атрибуты ремесленного мастерства, уступив место западноевропейским промышленным технологиям производства стали.
- ²⁶ Там же. Д. 49. Л. 37 об.
- ²⁷ Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 828. Л. 1–3; Ф. 151. Оп. 1. Д. 49. Л. 61 об.
- ²⁸ Архивы Урала. 2001. № 1 (6). С. 12.
- ²⁹ Копылов Д.И. Прибыльский Ю.П. Указ. соч. С. 35.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 49. Л. 131, 272–272 об. По моему мнению, массовые раскопки курганов у Ялуторовской слободы для селитренного завода послужили открытию драгоценных археологических находок и началу формирования знаменитой Сибирской коллекции Петра I.
- ³¹ Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 788. Л. 18 об.–19.
- ³² Курлаев Е.А. Казань как центр металлургического и военного производства в XVII – первой четверти XVIII в. // Российский научный журнал. 2015. № 2 (45). С. 11–16.
- ³³ ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825 Т. 3. 1689–1699. № 1579. С. 291.

³⁴ Вышенков В.П., Маковская Л.К., Сидоренко Е.Г. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961. С. 103, 111.

³⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1092. Л. 499–506, 510, 530.

³⁶ Вышенков В.П., Маковская Л.К., Сидоренко Е.Г. Указ. соч. С. 24.

³⁷ Очерки по истории военной промышленности // Генерал В.С. Михайлов (1875–1929): Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М., 2007. С. 211–212.

³⁸ ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. 3. 1689–1699. № 1579. С. 293.

³⁹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 609. Л. 13 об.

А.Ю. Курочкин (Москва)

РУЧНЫЕ (МАЛЫЕ) КОПЬЯ В ОРУЖЕЙНОЙ ТРАДИЦИИ ИНДИИ *

СЛОЖИВШЕЕСЯ ОТНОШЕНИЕ к оружию Индии как к некой экзотике породило предвзятый подход, при котором внимание исследователей, в первую очередь, привлекают необычные формы и виды оружия. Весьма симптоматично при этом, что до настоящего момента за бортом исследований остался целый вид индийского оружия, имеющий достаточно утилитарную конструкцию, разнообразные формы, свидетельствующие об эмпирическом пути развития, и соответствующие аналоги в оружейных традициях других восточных культур.

В данной статье речь пойдет о так называемых в японской и китайской традициях «ручных копьях» – коротких копьях, удерживаемых преимущественно одной рукой и не являющихся при этом метательным оружием. На известном материале культур Японии и Китая вначале определим основные признаки и формы, а затем выделим аналогичный вид оружия в индийском комплексе вооружений.

В сокровищнице старой японской столицы Нара содержатся драгоценности японских императоров, начиная с VIII в. Среди них описаны копия с короткой, обмотанной шнуром рукоятью¹. Клинки таких копий имели форму как обоюдоострого наконечника копья, так и характерную для односторонних ножей-танто². Описана также «прямоугольная» форма, характерная для ранних прямых мечей. Длина клинка таких копий составляла около 30 см³, а общая дли-

* Автор выражает искреннюю благодарность Д.А.Шереметьеву, научному сотруднику высшей категории, хранителю Оружейной кладовой Российского этнографического музея за помощь в написании данной статьи.

на – от 1 до 1,5 м⁴. Следует пояснить, что в разные исторические периоды под термином «ручное копьё» подразумевались различные предметы длиной от 50 до 180 см.⁵ Также в зависимости от формы наконечника обозначались отдельные разновидности ручных копий: те-яри, те-хоко (те-боко) – с прямыми наконечниками; и ко-нагината – с изогнутым наконечником. По крайней мере в средневековых японских источниках эти термины употреблялись в равной степени в описаниях одного и того же вида оружия⁶.

Китайские предметы похожей конструкции имеют историческое название также «ручное копьё» – 手槍 – Shǒuqiāng⁷. Описание такого предмета содержится в иллюстрированном сборнике официальных предписаний династии Цин по изготовлению церемониальных предметов, включая уставное оружие, – «Хуанчаолици туши» (1759). Несмотря на визуальную схожесть, ручные копья отличимы от дротиков – для обозначения последних использовался иероглиф 鏢 – Biāo⁸. Описание ручного копья в «Хуанчаолици туши»: «Шоуцян достигает длины 3 чи 4 цуней 2 фэней, клинок длиной 5 цуней 7 фэней, древко длиной 2 чи 9 цуней, в обхвате 1 цунь 7 фэней»⁹.

То есть, общая длина предмета составляла чуть больше одного метра, а длина клинка 17 см.

В собрании Дворцового музея в Запретном городе представлен образец малого копья, также названного «ручным копьём». Длина предмета 81 см. Копьё имеет плоский наконечник длиной 14 см и деревянные ножны.

Известны также сохранившиеся образцы, представляющее собой ручное копьё длиной от 50 до 150 см, с характерным для китайской традиции «скрипкообразным» копейным клинком. Наличие навершия рукояти в виде чуй 錘 chuí¹⁰ – элемента конструкции в виде куба со срезанными вершинами, который является характерным исключительно для оформления оружия, и использование этого же элемента у основания клинка свидетельствует о назначении рассматриваемых предметов именно как оружия (рис. 1). Иногда такие предметы снабжались дополнительным клинком серпообразной формы у основания наконечника.

Примеры японских тэ-боко показывают, что данная конструкция представляла собой монтированные на небольшом древке клинки

Рис. 1

ножа (танто), меча (наконечника в форме нижней части клинка одного из видов меча) и обоюдоострого наконечника копья. В случае китайских аналогов имела место, по сути, миниатюризация обычного копья и, что характерно, при этом сохранялись даже пропорции, как это видно на примере «скрипкообразного» наконечника. Также важно упомянуть, что существовала тенденция добавления или усиления рубящей (рубяще-режущей) функции этого оружия (придание клинку изогнутой формы, как в случае японской ко-нагинаты, или снабжение дополнительными клинками, как в случае китайских предметов). Анализируя указанные выше сведения, можно заключить, что этот вид оружия чисто формально может быть очерчен следующим образом: 1) от обычных копий отличается меньшим размером древка, приспособленным для использования одной рукой; 2) от длиннокликового оружия отличается наличием такого древка; 3) от других видов оружия, имеющих такое древко – ярко выраженной колющей (основной) и дополнительной (вторичной) рубяще-режущей функциями.

Рассматривая функционал этого оружия, следует обратить внимание на явную попытку вынести, приблизить кинжал, нож или острие другой формы к противнику, сокращая дистанцию, но не приближаясь к нему на опасное расстояние, при этом сохраняя мобильность и небольшие размеры оружия. То есть, совместить достоинства копья, но без его габаритов, с достоинствами кинжала или ножа, но без необходимости сближения с противником.

Таким образом, можно обозначить следующие конструктивные особенности, позволяющие определить данный вид оружия: 1) монтирование на короткое древко однолезвийного или двулезвийного клинка; 2) уменьшение по размеру аналогичных по конструкции (форме наконечника) обычных копий. Применительно к индийскому оружию последний пункт требует некоторых разъяснений.

Индийские копья имели следующие основные виды наконечников (в порядке убывания по распространенности): 1) двулезвийные прямые (листообразные, треугольные и пр.); 2) с двойным изгибом; 3) длинные конусообразные граненые наконечники (часто цельнометаллических копий); 4) серповидные; 5) многочисленные нетипичные формы (с двумя и более остриями, волнистые, с ножевидным наконечником и др.).

Относительно первых двух позиций следует отметить, что и те, и другие виды можно выделить в условный класс «кинжалообразных»

наконечников, так как подавляющее большинство примеров демонстрирует свою идентичность клинкам разнообразных индийских кинжалов.

Относительно копий с серповидными наконечниками следует добавить, что в индийской воинской традиции ими не только кололи, но и рубили. Серпообразно изогнутые клинки даже дополнялись загнутым усиленным пробивающим наконечником¹¹.

Располагая указанными выше критериями, предпримем попытку выделить в индийском комплексе вооружений соответствующие предметы и описать их основные виды и формы на доступном материале музейных и частных коллекций. Итак, к ручным копьям можно отнести оружие, представляющее собой уменьшенную копию обычного копья или вынесенный на древке клинок кинжала, ножа или другой типичной для короткоклинкового оружия Индии формы, с общей длиной до одного с небольшим метра, и предназначенное для нанесения преимущественно колющих ударов или иных действий, продиктованных конструкцией клинка-наконечника, удерживаемое при этом в одной руке. Системообразующим признаком является наличие явно выраженного по отношению к размеру клинка древка. Другими словами, такое оружие может быть характеризовано как короткодревковое клинковое колющее, колюще-рубящее или рубяще-режущее холодное оружие¹² с клинками традиционной формы, монтированными как продолжение древка в продольной оси (в противоположность обуховому оружию).

Попытка классифицировать индийские ручные копья неминуемо приведет к их классификации по виду клинков-наконечников, как и в случае исторически сложившейся классификации японских ручных копий. На примере известных образцов можно выделить следующие основные виды: 1) с клинками ножеобразного вида (нож-карда); 2) с кинжальными клинками (кинжал-джамдхар, прямой, изогнутый или дважды изогнутый кинжальный клинок); 3) с удлиненным конусообразным, граненым наконечником и явно выраженным древком (как правило, цельнометаллические предметы, повторяющие форму соответствующих обычных копий) (рис. 2).

Учитывая, что рассматриваемые предметы относятся к культурным и этнографическим феноменам и в статье ставится цель исследовать и определить их именно в таком контексте, будет некорректным подходить к такой классификации с точки зрения строго оружейно-криминологической. На примере японских ручных копий

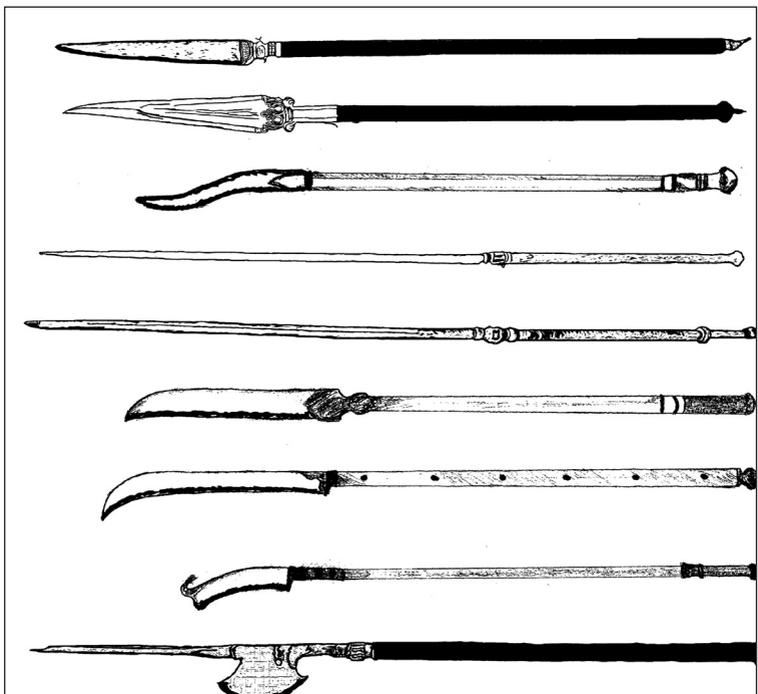

Рис. 2

видно, что в качестве наконечника- «острия», вынесенного на древко, использовались основные известные в этой оружейной традиции клинки ножа, меча, копья и алебарды. Индийская же культура, являясь сплавом или даже конгломератом не только культур, но и времен, располагала гораздо большим выбором среди видов и форм клинков. В частности, нельзя не заметить явное тяготение, особенно в южноиндийском оружии, к клинкам серповидной формы. Это можно проиллюстрировать на примере многочисленных форм южноиндийского оружия раннего и позднего индийского средневековья с обратным изгибом клинка¹³. Очевидно, что такая форма клинка, которая в ряде случаев доходила до формы полуокружности, является максимально удобной в случае отрубания головы жертвенного животного, в условиях, когда животное стоит неподвижно и удар наносится вертикально сверху. В индийском архаичном сознании, сформированном индийским эпосом, было глубоко укоренено отождествление жертвенного обряда с битвой, и даже обозначение обряда и исполь-

зующегося в нем инструмента этимологически соотносилось с понятиями битвы и оружия соответственно¹⁴. Естественно, что оружию, использовавшемуся в таких ритуалах, уделялось особое внимание и отводилась особая роль. В такой ситуации подобия внутренних смыслов, связанных с аналогичными по назначению предметами, неизбежен и перенос их внешних атрибутов. Этим, не в последнюю очередь, может объясняться наличие многочисленных серповидных форм клинкового оружия Индии и использование такого вида клинков именно для рубящих, «жертвенных» ударов.

Именно в силу культурного контекста, несмотря на устоявшиеся к настоящему времени взгляды и используемую терминологию, к рассматриваемому типу предметов, исходя из общих конструктивных и функциональных особенностей, в индийских реалиях возможно отнести (или, по крайней мере, принять во внимание взаимосвязанность их конструкции) следующие разновидности: с массивными клинками ножевого, кинжалообразного или серповидного типа с выраженной рубящей функцией (иногда даже с утратой острия и, как следствие, колющей функции), но сохранившие указанный выше системообразующий признак – явно выраженное по отношению к размеру клинка древко (в противоположность удлиненной или двухручной рукояти) и продольно смонтированный клинок.

Известны единичные экземпляры, снабженные дополнительным железком топора у основания длинного граненого или плоского клинка копья. Конструкция и оформление подобных предметов идентичны ручным копьям без такого дополнения. В этом случае отчетливо проявляется тенденция соединить естественную для копья колющую функцию с рубящей. Схожие намерения, как указывалось выше, имели место и в случае китайских ручных копий, которые также снабжались дополнительными клинками. Такую же идею пытались реализовать и с другой стороны: обычным топорам придавался небольшой копьеобразный наконечник¹⁵.

Интересно проследить тенденции, сопровождавшие попытки сместить более удобную колющую с более привычной в индийской традиции рубящей функцией. Удивительно, но индийская оружейная мысль не пошла по пути создания полноценной алебарды¹⁶. В случае полноразмерных копий необходимый функционал достигался за счет изгибания клинка копья вплоть до серповидной формы и даже, как указывалось выше, использования загнутого усиленного острия в качестве пробойника. В ручных копьях эта же цель достигалась как за

счет изогнутых, так и за счет прямых ножевидных клинков, которые, в таком случае, по причине укороченного древка, приобретали более массивные формы для сохранения энергии удара. Одна из таких разновидностей оружия хорошо изучена и описана в литературе как нож-топор бхудж (bhuj). Название данного предмета обычно возводят к названию города Бхуджа, округ Кач в провинции Гуджарат, где, как сообщается, данный предмет имел особое распространение. Но гораздо более оправданным представляется обратить внимание на известное в североиндийских языках слово «бхудж», имеющее замечательные, в случае их применения по отношению к рассматриваемым предметам, значения: плечо (и как часть руки от плеча до локтя, так и рычаг как плечо силы); помощник (как инструмент, в значении помощи при совершении действия)¹⁷. Как указывается в последних исследованиях, названия индийского оружия часто были сопряжены, в том числе, со способами и целями их использования¹⁸.

К сожалению, так же мало известны, как и сами ручные копья, исторические примеры их использования и применения. Разновидность ручного копья, в котором в качестве наконечника применяется конструктивно целый кинжал-джамдхар, как это бывало в случае наконечников стрел, стилизованных под этот знаковый предмет, могла использоваться в церемониальных целях. Известны изображения, где подобный предмет торжественно несется во главе процессии. Возможно, что в данном частном случае (монтажирования кинжала-джамдхара на древке целиком), на первое место выходила церемониальная роль данного предмета. Г.Н. Пант, описывая предмет, подпадающий под указанные критерии ручного копья, и определяя его как топор «кхагда», указывал, что это оружие использовалось как «домашнее», а не для поля боя¹⁹. В целом, это, кажется, было распространенным мнением или заблуждением среди исследователей, пытающихся понять, каким образом применялись ручные копья. Исследователи японских оружейных традиций также выдвигают предположения, что ручные копья использовались в помещениях и замкнутых пространствах²⁰.

Изображение настенной росписи дворца в г. Кота (Раджастан) демонстрирует ручное копье характерного вида с ножевидным наконечником и, предположительно, еще одно с копейным (кинжальным) наконечником. Известно раджастанское название предмета с ножевидным наконечником: «дасте-драс» (daste-dras)²¹. Слово «daste» по своим значениям идентично указанному выше слову «бхудж»: рука,

рукоять, древко, помощник²². Разумно предположить, что подобное название намекало и на функционал предмета, что, как указывалось выше, характерно для индийской оружейной традиции. По сути, ручные копыя и являлись своеобразным «продолжением» руки.

Возможно, самое раннее упоминание в индийских реалиях и о таком оружии, и о его использовании относится к иллюстрации из «Бабур-наме» 1590–1593 гг.²³, где один из центральных персонажей миниатюры, в окружении своих товарищей, сражающихся полноразмерными копыями длиной свыше двух метров с одной или двумя рукоятками посередине, сражается характерным для данного исследования предметом, длиной, ненамного превышающей один метр, удерживаемым за выраженную рукоять у основания древка. В левой руке у него щит, и другое оружие, сабля или ножны на поясе отсутствуют (рис. 3).

Возвращаясь к функционалу рассматриваемых предметов, нужно обратить внимание, что ручное копые в значительной степени отлича-

Рис. 3

ется от похожих на него других видов индийского оружия: дротиков (сулиц) и коротких копий для парирования, описанных в литературе как «саинти». И первые, и вторые из указанных предметов имеют сходные с ручными копьями массогабаритные характеристики. Внешними же отличительными признаками являются следующие. Дротики имели зауженный, граненый наконечник (реже плоский), облегчающий проникновение в тело, богато декорировались, часто носились в ножнах, имели характерный баланс и ярко выраженную хвостовую часть. Копья для парирования имели широкий наконечник и ярко выраженную рукоять посередине древка, очень часто снабженную защитной дужкой. При этом наконечник копья для парирования не нес главной функциональной нагрузки – он мог и отсутствовать. Главное же назначение ручного копья – быстрый и незаметный первый удар, в атаке или защите. Для такой возможности оружие должно позволять наносить преимущественно колющий или короткий рубящий (рубяще-режущий) удар²⁴ со средней дистанции, не требующей сближения, которое необходимо в случае короткоклинкового оружия, и не являться при этом габаритным длиннодревковым оружием для атаки с дальней дистанции. То есть, действие должно производиться с дистанции разговора, естественной дистанции между двумя людьми. В то же время габариты этого оружия, не уступающие по размерам длине сабель или мечей, позволяли использовать его наравне с обычным длинноклинковым оружием. Незначительные модификации этого предмета вооружения, а именно изменение формы и массы клинка, позволяли добавлять или увеличивать рубяще-режущие свойства или даже делать их основными, как в случае серпообразных клинков.

Естественно, определяя рассматриваемый вид оружия как «ручное копьё», приходится идти на определенные допущения и обобщения. Даже незначительное утяжеление клинка выдвигает на первый план рубящую функцию оружия, а дальнейшее увеличение клинка и нарушение его «копейных» пропорций по отношению к размеру древка делает предмет ближе к топорам или тесакам. Если при этом еще добавляется ярко выраженная рукоять с защитной гардой, то определение «ручное копьё» станет полностью неуместным. Но, тем не менее, изначальные общие черты и функционал у таких предметов могут быть прослежены.

¹ Bottomley I. Arms and Armor of the Samurai: The History of Weaponry in Ancient Japan. Crescent Books, 1996. P. 15.

² NonnaJunji (Kunzan). Nihon Koto Shi (History of Koto). Token Bijutsu. The Journal of

Japanese Fine Art Swords. No. 547. 2002.

³ Bottomley I. Op. cit. P. 43.

⁴ Friday Karl F. Samurai, Warfare and the State in Early Medieval Japan. Psychology Press, 2004. P. 88.

⁵ Mol S. Classical Weaponry of Japan. Special Weapons and Tactics of the Martial Arts. KodanshaInternational, 2003. P. 206.

⁶ Friday Karl F. Op. cit. P. 88.

⁷ Учитывая точность китайского языка, если бы речь шла об использовании предмета двумя руками, то название выглядело бы как шуаншоуцян 雙手槍 (парноручное копье) (информация предоставлена С.В. Барчевским).

⁸ Барчевский С.В., Глоссарий по историческому холодному оружию Китая // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 года. Ч. I. СПб: ВИМАИВиВС, 2014. С. 116.

⁹ Перевод С.В. Барчевского.

¹⁰ Барчевский С.В. Указ. соч. С. 126.

¹¹ Pant G.N. Studies in Indian Weapons and Warfare. New Delhi, 1970. P. 184.

¹² Терминология в соответствии с ГОСТ Р 51215-98. Оружие холодное. Термины и определения, Государственный стандарт от 01 июля 1999 года.

¹³ Rawson P.S. The Indian Sword. Copenhagen, 1967. P. 68.

¹⁴ Васильков Я.В. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». СПб., 2010. С. 270–287.

¹⁵ Egerton, Lord of Tatton, Indian and Oriental Arms and Armour. London, 1896. P. 115.

¹⁶ Интересно обратить внимание, что в случае китайских предметов усиление их рубящей функции или оснащение дополнительными «рубящими» клинками приведет к воссозданию уменьшенного подобия одного из многочисленных видов полноразмерных китайских алебард. Понятно, что в таком случае термин «малая алебарда» или «ручная алебарда» будет более уместен. Аналогично в японской традиции – существование полноразмерной алебарды-нагинаты позволяло ее меньший аналог обозначать термином «ко-нагината» – малая нагината.

¹⁷ A Dictionary of the Panjābī language, Lodiana. American Presbyterian mission. Printed at the Mission Press, 1854. P. 359; Bahri Hardev. Advanced learner's Hindi English Dictionary. Vol. 2. Rajpal & Sons, 2006. P. 1262.

¹⁸ Курочкин А.Ю. Виды холодного оружия в традиционной воинской подготовке в Индии в 1500–1800 годах // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции. 13–15 мая 2015 года. СПб., 2015. Ч II. С. 496–511.

¹⁹ Pant G.N. Op. cit. P. 189.

²⁰ Cunningham, Don. Taiho-Jutsu: Law and Order in the Age of the Samurai. Tuttle publishing, 2004. P. 90.

²¹ Sumahendra Chandramani Singh. Udaipur Museum. Department of Art, Literature & Culture, Government of Rajasthan. Delhi, 2008. P. 24.

²² Shakespeare J. A Dictionary: Hindustani and English and English and Hindustani. Pelham Richardson, 1849. P. 2311–2315.

²³ Mīrzā Abd al-Ra'īm Khān, Vāqī'āt-i-Bāburī. Manuscript. British Library. Or. 3714. Library number: 61.1.

²⁴ Об этом же говорят исследователи японских оружейных традиций (Bottomley I. Arms and Armor of the Samurai: The History of Weaponry in Ancient Japan. Crescent Books, 1996. P. 43).

С.С. Лебедева (Санкт-Петербург)

СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В XIX ВЕКЕ

ОДНИМ из ведущих направлений государственной политики России в XIX в. выступало обеспечение обороноспособности страны за счет развития социально-образовательной сферы. В связи с этим уделялось большое внимание образованию и профессиональному росту военнослужащих, начиная с солдат. Однако руководство государства не могло ограничиться только сферой образования, связанного с подготовкой к военной службе. Императрица Мария Федоровна выступает с инициативой создания Комитета 22 мая 1820 года, в задачи которого входит учредить училище для солдатских дочерей лейб-гвардии и гвардейского экипажа.

Комитетом, созданным под руководством императрицы Марии Федоровны, с опорой на представителей военного ведомства, были подготовлены все необходимые документы, разработан устав училища, правила приема, расписание учебных предметов и т. д. В первый год в училище было принято 28 девочек от 8 до 14 лет, дочерей матросов экипажа, парусной службы, отделения плотников, рядовых и т. д. Среди учебных предметов были следующие: Закон Божий, чтение, письмо, выучивание наизусть, рукоделие. Первым учителем этого училища был известный литератор, надворный советник Николай Иванович Греч, который к этому времени имел опыт обучения солдат по ланкастерской системе. Полного интерната для всех учениц в училище не было, и многие из них вынуждены были ночевать в домашних условиях.

Система обучения предусматривала педагогические обоснованные меры поощрения за успешную успеваемость, благочестие и добродетель¹.

В 1823 г. ставится вопрос об учреждении еще второго училища «на Конюшенной улице для солдатских дочерей лейб-гвардии: Преображенского I полка, Гвардейской артиллеристской бригады, Гвардейского экипажа с инвалидами, при них находящихся, к которым по достаточному месту можно присовокупить еще Морские команды в казармах, по Галерной улице расположенных»².

С начала 40-х гг. XIX в. Военное министерство начинает уделять повышенное внимание проблемам образования детей тех социальных слоев, которые могут в дальнейшем иметь отношение к армейской службе. Рекомендуется в сельских приходских школах не взимать плату «с солдатских детей, живущих с матерями», а также с детей крестьян, поступивших на военную службу. Создаются условия для освобождения от оплаты «по бедности» для детей, которые поступают учиться на короткое время, до определения их в другое учебное заведение, в основном в кантонистские школы. При этом учитывается, что обучение названных групп детей зависит от воли родителей, а начальство лишь может содействовать получению этими детьми образования³. Поднимается вопрос об обучении детей государственных крестьян, которые в будущем могут стать вольнонаемными и занимать различные должности, в том числе и фельдшеров в армейских частях.

В 1844 г. актуализируется вопрос о школах военных кантонистов гвардейского корпуса. Отделением военно-учебного стола № 2 разрабатывается «Положение о школах военных кантонистов гвардейского корпуса». В структуру этого положения входило следующее: I. Цель и состав школ, § 1–14. II. Управление школами, § 15–17 (заведование школами и основные обязанности членов), § 18–34. III. Образование кантонистов (предметы изучения в школе), § 35–57, занятия в лагере, § 58–64. Испытание кантонистов и выход из школ, § 65–74. IV. Содержание школ, § 75–86. V. Отчетность, § 87–99⁴.

Не останавливаясь на всех разделах данного положения, обращаем внимание на содержание образования, которое представлено следующими предметами: 1 класс – Закон Божий, чистописание, грамматика, арифметика, ружейные и сабельные (для кавалеристов) приемы и маршировка, воинский устав, правила гарнизонной и форпостной службы, фехтование и гимнастика.

Данное содержание образования всего курса реализуется на протяжении обучения в трех классах: а) подготовительный, б) младший, в) старший. При этом в первом классе учащиеся осваивают азбуку

и молитвы, в младшем – краткий катехизис, чтение, чистописание, четыре правила арифметики, воинский устав. В старшем классе изучают Литургию и Евангелие, священную историю, арифметику, чистописание, грамматику, правила сборки и разборки ружья, военные артикулы и правила, которыми солдаты должны руководствоваться на службе и вне оной, правила гарнизонной и фортпостной службы, фехтование и гимнастику.

В артиллерийских и саперных школах обучающиеся должны были освоить должность минера и сапера, начальные понятия геометрии и разбивки полевых укреплений.

Одновременно с обучением учитываются возможности и склонности будущих воинов. И в соответствии с их способностями выделяются те учащиеся, которые будут дополнительно обучаться музыке, пению для фронтовых оркестров, а также фельдшерскому делу, для чего воспитанники посылаются под наблюдение полковых штабс-лекарей. Учащиеся, предназначенные для мастеровых работ, обучаются ремеслам под руководством полевых портных и сапожников.

При этом обязательными занятиями для всех воспитанников являются строевое обучение, гимнастика с подвижными играми, плавание (в летнее время), хоровое пение, «танцевание и фехтование для двух старших классов». Занятия по особому назначению или собственному выбору учащихся – это пение в церковном хоре, музыка, ручной труд⁵.

Таким образом складывалась достаточно целенаправленная для того времени система подготовки будущих военнослужащих.

По инициативе Главного артиллерийского управления создавались воспитательные учреждения для детей артиллерийских офицеров, например, Михайловское, преобразованное из приюта, учрежденно-го офицерами гвардейской артиллерии для подготовки детей 6–9 лет к поступлению в низшие классы казенных военных и гражданских заведений⁶.

Исторический очерк военно-учебных заведений, подготовленный в 1880 г., свидетельствовал о том, что к этому времени их состав включал в себя следующее: 1) Пажеский Его Императорского Величества корпус, с общими и специальными классами; 2) приготовительные классы Пажеского корпуса; 3) Финляндский кадетский корпус, с общими и специальными классами; 4) три военных пехотных училища; 5) Николаевское кавалерийское училище; 6) приготовительный

его пансион; 7) двенадцать военных гимназий, преобразованных из бывших кадетских корпусов; 8) четыре военных гимназии, образованных из военных прогимназий и содержащихся по сокращенному штату; 9) две военные гимназии, учрежденные исключительно для приходящих учеников; 10) восемь военных прогимназий; 11) учительская семинария военного ведомства и 12) педагогические курсы при 2-й Петербургской военной гимназии. Сверх того, в ведении Главного управления военно-учебных заведений по части учебной состояло тогда шестнадцать юнкерских училищ, со штатным комплектом в 4500 юнкеров⁷.

В 1882 г. состоялось кардинальное преобразование военно-учебных заведений, которое в первую очередь затрагивало следующие вопросы: усиление мер для правильной постановки в заведениях дела физического и нравственного воспитания, новый порядок сумм на столовое довольствие воспитанников. Состоялось переименование военных гимназий в кадетские корпуса, утверждение Донского кадетского корпуса, переименование в военные школы двух военных прогимназий и постепенное закрытие остальных.

Большое внимание было уделено открытию новых кадетских корпусов и изменению учебных программ для военно-учебных заведений.

Требования времени и научно-технического прогресса заставило внести изменения в организацию Главного управления военно-учебными заведениями, что отразилось на издаваемых ими инструкциях. Был создан новый устав о ссудо-сберегательных кассах, о пенсиях и единовременных пособиях. Учреждена библиотека Главного управления военно-учебных заведений. Созданы условия для работы Педагогического музея этих учреждений и продолжения издания «Педагогического сборника», а также исторических очерков отдельных военно-учебных заведений. Утверждена смета расходов на военно-учебные заведения⁸.

Отмечая деятельность Военного министерства по развитию военно-учебных заведений, следует обратить внимание не только на практические результаты, свидетельствующие о качестве работы в них, но и на повышенное внимание к развитию научно-педагогической мысли, стремление поставить систему обучения на уровень современных научно-теоретических достижений. С этой целью военным министром генерал-адъютантом графом Милютиным предпринимаются инициативы по направлению в научные командиров-

ки ведущих специалистов военно-учебного ведомства для изучения западноевропейского опыта подготовки военных кадров. Одним из таких ученых был П.Ф. Лесгафт, доктор медицины. Он посетил двадцать шесть городов, имеющих передовой для того времени опыт физического развития молодого поколения и конкретно опыт проведения гимнастических упражнений⁹. Изучив деятельность педагогов физического воспитания, П.Ф. Лесгафт создал свою оригинальную систему, высоко оцененную как министром, так и специалистами-практиками и педагогами разных видов учебных заведений.

В 1875–1876 гг. Лесгафт еще до поездки за границу начал изучать результаты организованных им занятий по гимнастике учеников второй Петербургской военной гимназии. Уезжая в командировку, он предупредил представителей военно-учебного ведомства, что при изучении зарубежного опыта он в обязательном порядке будет учитывать те результаты, которые получил в этом учебном заведении.

После возвращения из Европы Лесгафт опубликовал две работы: «Об отношении анатомии к физическому воспитанию», «Приготовление учителей гимнастики в государствах Западной Европы». Он продолжал проводить исследования физического воспитания учащихся Петербургских военных гимназий. Их результаты использованы в широкой научной и практической деятельности не только военно-учебных заведениях, но и учреждений Министерства просвещения.

Главное управление военно-учебными заведениями широко пользовалось результатами научных достижений в разных областях. Оно обратилось к начальнику Императорской военно-медицинской академии с просьбой составления ее профессорами руководства для наставников и врачей. Эта инструкция включала в себя следующие отделы: 1) наблюдение за здоровьем воспитанников вообще, 2) пользование больных воспитанников и надзор за лазаретом, 3) участие врачей в обсуждении учебно-воспитательных вопросов в местных педагогических комитетах, 4) пользование служащих и их семейств. При этом каждый лазарет должен был состоять из изолированных отделений: для незаразных и заразных больных; разработаны подробные правила для предупреждения и ограничения развития инфекционных болезней¹⁰.

Целью деятельности кадетских корпусов являлось «доставлять малолетним предназначенным к военной службе в офицерском звании и преимущественно сыновьям заслуженных офицеров общее образование и соответствующее их предназначению воспитание».

Указывалось, что воспитание в кадетских корпусах, живо проникнутое духом христианского вероучения и строго согласованное с общими началами русского государственного устройства, имеет главной целью приготовление воспитывающихся юношей к будущей службе Государю и Отечеству с детского возраста, выработку в кадетах тех верных понятий и стремлений, кои служат прочной основой искренней преданности Престолу, сознательного повиновения власти и закону и чувств чести, добра и правды¹¹.

В действующих инструкциях были изложены правила относительно распределения времени учебных занятий, физических упражнений, прогулок и отдыха воспитанников, постоянного над ними надзора, устройства помещений с их обстановкой, одежды и продовольствия кадет, поддержания опрятности и вообще гигиенических и санитарных норм. Указывалось, что совокупные усилия всех преподавателей и воспитателей должны быть направлены к тому, чтобы поддерживать в каждом из порученных им кадет здоровье, силу и бодрость тела и духа, строгую дисциплину ума и воли, любознательность и склонность к умственному труду.

Перед наставниками стояла задача выработки характера каждого из воспитанников, развития трудолюбия, исполнительности и заботливости о самообразовании, тщательного ограждения от посторонних вредных влияний. Уделялось внимание поддержанию школьной дисциплины, принятой системы наград и наказаний, установления доброго товарищества и развития в юношах необходимой для жизни нравственной устойчивости.

Совершенствование деятельности военно-учебных заведений предполагало современную для того времени подготовку кадров, стимулирование их профессиональной деятельности и обеспечение личностно-профессионального роста. Военное министерство поддерживало инициативы ученых, способствующие решению данных задач, связанных с профессиональным ростом кадров.

Так, например, при Второй Петербургской военной гимназии еще до реформы 1881 г. были организованы по инициативе П.Ф. Лесгафта двухгодичные учебно-гимнастические курсы для специалистов военно-учебных заведений. В 1885–1886 гг. П.Ф. Лесгафт принимал активное участие в проведении шестимесячных курсов «фехтовально-гимнастического кадра» для офицеров и врачей русской армии (войск гвардии и Петербургского военного округа). Программа читаемого им курса лекций называлась «теоретический и практический

курс гимнастики для военных», где он изложил свои педагогические позиции на воспитание юношества¹²

Многие из подающих надежды специалистов артиллерийского ведомства, в прошлом выпускники военно-учебных заведений, посылались в заграничные командировки, связанные с изучением новой техники для пороховых и патронных предприятий¹³.

Военное министерство внимательно следило за поощрением всех видов служащих в военно-учебных заведениях. Приведем некоторые примеры, показывающие динамику награждений. Инспектор классов, окончивший Полоцкий кадетский корпус, получил в 1835 г. орден Св. Владимира 4-й степени, в 1837 – Св. Анны 3-й степени, в 1841 г. – монаршее благоволение. Полковой командир, генерал-майор в 1812 г. – золотую шпагу с надписью «За храбрость», в 1815 – награжден годовым жалованием, в 1816 – орденом «За заслуги», в 1823 – единовременным пособием в 1500 р., в 1830 – годовым жалованием, в 1832 – орденом Св. Анны 3-й степени, в 1834 – единовременным пособием в 3000 руб. и знаком отличия за беспорочную службу за 20 лет, в 1835 – получил аренду 1000 р. в год, в 1836 – орден Св. Георгия 3-й степени, в 1838 – аренда добавлена на 500 р., в 1839 – знак беспорочной службы за 30 лет, в 1840 – орден Св. Станислава 1-й степени, в 1842 – орден Св. Анны 1-й степени, в 1843 – при увольнении в отпуск за границу по болезни получил единовременное пособие – 800 червонцев. Учитель третьей роты: в 1835 г. – знак отличия за 15 лет службы и единовременное пособие – 900 р., в 1838 – орден Св. Анны 3-й степени и знак беспорочной службы за 20 лет, в 1840 – чин полковника, в 1843 – знак отличия, орден Св. Владимира 4-й степени, в 1846 – орден Св. Анны 2-й степени. Штабс-лекарь: в 1840 г. – единовременное пособие – 85 р., в 1841 – чин штабс-капитана, в 1842 – единовременное пособие – 195 р., в 1845 г. – полный оклад¹⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что внимание руководителей Военного министерства и конкретно военно-учебных заведений распространялось на широкий круг специалистов, находящихся под их начальством и представляло достаточно объективную и завершенную систему профессионального образования в условиях социального поощрения и социальной защиты.

¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 35. Л. 6.

² Там же. Л. 35–36.

³ Там же. Ф. 383. Оп. 20. Д. 26810–26816.

⁴ Там же. Ф. 1341. Оп. 56. Д. 45.

⁵ Там же. Л. 7–9.

⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. ½. Д. 154.

⁷ Исторический очерк военно-учебных заведений. Ч. III. 1881–1891. СПб., 1892. С. 2.

⁸ Там же. С. 42–44.

⁹ Лесгафт П.Ф. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. Гос. изд-во «Физ-ра и спорт». М., 1951. С. 16–18.

¹⁰ Приказы по военно-учебным заведениям, 1882 г., № 12 и 1884 г., № 10 и 65.

¹¹ 3-е Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. Т. VI. СПб., 1888. № 3517.

¹² Лесгафт П.Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 17.

¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 25. Оп. 102. Д. 127. Л. 295.

¹⁴ Там же. Ф. 52. Оп. 110/30а. Д. 1. Л. 9–10.

А.А. Леонов (Санкт-Петербург)

НАРУКАВНЫЕ ЗНАКИ МАТРОСОВ И МЛАДШИХ УНТЕР-ОФИЦЕРОВ ВОЕННО-МОРСКИХ СИЛ ГДР, ПРОШЕДШИХ СПЕЦИАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ В 1956–1990 ГОДАХ

ГЕРМАНСКАЯ Демократическая Республика (ГДР) – государство, существовавшее в 1949–1990 гг. в Центральной Европе. Государство было образовано на территории Советской зоны оккупации Германии, образованной в 1945 г., и состоявшей из пяти земель: Мекленбург-Передняя Померания, Бранденбург, Саксония, Саксония-Анхальт, Тюрингия. Страна была частью возглавляемого СССР социалистического лагеря, став форпостом в противостоянии с капиталистической Европой. В 1955 г. ГДР стала участницей Организации Варшавского договора. В Конституции ГДР было понятие «социалистической немецкой нации», что должно было подчеркнуть коренное отличие от «капиталистической нации» Федеративной Республики Германии и довоенного Третьего Рейха. В начале 1950-х гг. оба немецких государства соблюдали, хотя бы формально, послевоенные положения о демилитаризации Германии и не создавали вооруженных сил как таковых. В 1948 г. в Советской зоне оккупации была создана Народная полиция (*нем.* Volkspolizei), изначально для охраны правопорядка, но которая со временем все больше напоминала армейские формирования. В 1952 г. она была переименована в Казарменную народную полицию (*нем.* KaserniertenVolkspolizei). Так как ГДР с севера омывалась водами Балтийского моря и имела довольно протяженную береговую линию, то в составе Народной полиции имелись морские подразделения, именуемые Морская полиция (*нем.* Seepolizei), а впоследствии в составе Казарменной народной полиции такие подразделения носили название Морской народной полиции (*нем.* Volkspolizei-See). Существовала также Погра-

ничная полиция (*нем.* Grenzpolizei), на которую возлагались задачи охраны границ государства, в составе которой были также морские подразделения, называвшиеся Морская пограничная полиция (*нем.* Grenzpolizei-See). Все эти подразделения очень мало напоминали собой типичные полицейские формирования со свойственными им функциями борьбы с преступностью и поддержания общественного порядка. По сути это были армейские структуры, в составе которых были «аэроклубы», «морские спортивные клубы» и прочие подобные учреждения, которые на самом деле являлись военными аэродромами, военно-морскими базами и полигонами, где граждане ГДР проходили военную подготовку и по сути дела несли армейскую службу. В этих подразделениях была настоящая армейская структура, дисциплина, а также униформа и знаки различия, которые заслуживают отдельного исследования и описания.

В 1956 г. в ФРГ были созданы полноценные вооруженные силы, названные Бундесвером. В ответ на этот шаг в ГДР создается Национальная народная армия (*нем.* Nationale Volksarmee), состоящая из трех родов войск: сухопутные войска (*нем.* Landstreitkräfte), Военно-воздушные силы (*нем.* Luftstreitkräfte) и Военно-морские силы (*нем.* Seestreitkräfte). При создании вооруженных сил встал вопрос об униформе и знаках различия для военнослужащих. Так как Бундесвер был создан под влиянием американских военных и фасон форменной одежды для него во многом имел американское влияние, то создатели военного костюма для армии ГДР решили пойти по другому пути, нежели заимствование покроя формы у «старшего брата», в данном случае у Советской армии. Следует отметить, что форма одежды всех видов Народной полиции испытала на себе определенное советское влияние, но в случае с Национальной народной армией и в частности с Военно-морскими силами было принято решение вернуться к «национальному», «прусскому» стилю военной формы. Как ни странно, «пруссский» стиль был заимствован у Вермахта (*нем.* Wehrmacht) – вооруженных сил нацистской Германии, а для военных моряков форма была заимствована у Кригсмарине (*нем.* Kriegsmarine), так назывался Военно-морской флот Германии в 1935–1945 гг. Естественно, все знаки различия были денацифицированы, убрана вся имперская и нацистская символика – имперские цвета кокард, орлы и свастика. А вот покрой формы и некоторая символика, не носящая на себе признаков нацистской идеологии, были оставлены.

Эта тенденция коснулась и нарукавных знаков матросов и младших унтер-офицеров, имеющих звание маат и обермаат, прошедших специальную подготовку (*нем.* Abzeichen für Sonderausbildung für Matrosen und Maate), введенных в Военно-морских силах ГДР в 1956 г. Знак такого специалиста представлял собой нашивку в форме круга диаметром 70 мм, в центре которой находилась эмблема специальности, вышитая машинным способом красной нитью из искусственного шелка, на некоторых эмблемах присутствовали элементы, вышитые нитками другого цвета. Для белой матросской рубахи, которая носилась в период с 1 мая по 30 сентября, знак изготавливался из белой диагоналевой хлопчатобумажной ткани, на которой вышивалась эмблема специальности. С изнаночной стороны в большинстве случаев знак обклеивался белой хлопчатобумажной тканью типа бязи (иногда той же диагоналевой тканью, из которой изготавливалась и лицевая сторона), а по краю был обшит белой хлопчатобумажной тесьмой шириной 10 мм. Тесьма складывалась пополам, 5 мм накладывались с внешней стороны, 5 мм загибались на изнаночную сторону, и пришивалась по краю машинной строчкой. Знак для матросской рубахи синего цвета, которая носилась весь остальной период года, изготавливался из тонкого сукна темно-синего цвета, на котором вышивалась эмблема специальности, с изнаночной стороны он обклеивался черной хлопчатобумажной тканью типа бязи. Носились знаки на левом рукаве форменной матросской рубахи белого или синего цвета и на левом рукаве бушлата. Пришивались они по центру рукава на расстоянии 2 см под нарукавным знаком определенной службы флота либо под знаками, определяющими звание военнослужащего: оберматрос, штабсматрос, маат, обермаат. В редких случаях, когда моряк обладал двумя специальностями, носились два знака, которые располагались один под другим. Например: электромеханик и телеграфист. В 1956 г. были введены 13 знаков специальностей.

Штурманский специалист (*нем.* Navigation). Эмблема состоит из изображения двух перекрещенных под углом 80 градусов адмиралтейских якорей высотой 53 мм каждый. Якоря перекрещиваются серединами веретен, правая лапа якоря, находящегося сверху, перекрывает собой левую лапу якоря, находящегося снизу.

Сигнальщик (*нем.* Signal). Эмблема состоит из изображения двух перекрещенных под углом 65 градусов сигнальных флагов. Флаги перекрещиваются серединами древков. Каждый флаг состоит из

древка с круглым навершием длиной 45 мм и полотнища размером 15 x 10 мм. В центре каждого полотнища находится прямоугольник, вышитый нитками белого цвета размером 7 x 4 мм.

Радист (*нем.* Funk). Эмблема представляет собой изображение молнии (электрического разряда), состоящее из трех линий длиной по 30 мм каждая, расположенных под углом 45 градусов друг к другу. Линия, направленная вниз, заканчивается изображением острия стрелы.

Телеграфист (*нем.* Fernmelde). Эмблема состоит из двух перекрещенных под углом 90 градусов изображений молний (электрических разрядов) длиной по 50 мм. Молнии перекрещиваются центрами длины. Каждая молния состоит из 9 колен различной длины: 5, 10 и 15 мм. Последнее колено, направленное вниз, заканчивается изображением острия стрелы.

Локаторщик (*нем.* Ortung). Эмблема состоит из стилизованного изображения морских волн, делящих круглую нашивку пополам по горизонтали. В верхней части находится изображение стрелы длиной 30 мм, направленной острием вверх. В нижней части находятся изображения трех молний (электрических разрядов), состоящих из трех колен, общей длиной по 30 мм каждая, направленных остриями стрел вниз.

Электромеханик (*нем.* Elektro-Technik). Эмблема состоит из изображения шестерни, расположенной в полупрофиль и имеющей поэтому форму овала размером 40 мм наибольшей высоты и 20 мм наибольшей ширины. Шестерня разделена внутри на шесть секторов. Из центра шестерни вправо и влево отходят изображения молний (электрических разрядов) – четыре вправо и четыре влево. Молнии состоят из трех колен, общей длиной 20 мм каждая. Острия молний направлены: два вправо и вверх, два вправо и вниз, два влево и вверх, два влево и вниз.

Артиллерист (*нем.* Artillerie). Эмблема представляет собой изображение артиллерийского снаряда высотой 30 мм. В нижней части снаряда просматривается ведущий пояс, обозначенный линией. В головной части снаряда находится стилизованное изображение пламени, состоящее из пяти языков, максимальной высотой 15 мм. Справа и слева от тела снаряда отходят два стилизованных изображения птичьих крыльев, состоящих из одиннадцати перьев каждое, максимальной длиной 15 мм.

Минер (*нем.* Sperr). Эмблема представляет собой изображение морской якорной мины конструкции конца XIX в., расположенной

вертикально высотой 50 мм. Боевая часть мины изображена в виде трапеции, расположенной расширяющейся частью вверх. Верх трапеции имеет полукруглую форму. На верхней части находятся схематические изображения трех контактных взрывателей. Вниз от боевой части отходят три линии, изображающие тросы, ведущие к якорю. Якорь изображен в виде круга диаметром 7 мм.

Торпедист (*нем.* Torpedo). Эмблема представляет собой изображение торпеды, расположенной горизонтально, длиной 45 мм. В носовой части торпеды находится схематически изображенный контактный взрыватель. В хвостовой части – стабилизатор.

Моторист (*нем.* Motoren-Technik). Эмблема представляет собой изображение корабельного винта с тремя лопастями максимальной высотой 35 мм и максимальной шириной 35 мм. В центре винта изображение насадки на вал в виде круга диаметром 10 мм, к которому примыкают лопасти.

Водолаз (*нем.* Taucher). Эмблема представляет собой изображение водолазного шлема от так называемого «трехболтового» тяжелого снаряжения. Высота шлема 45 мм, ширина 30 мм. Шлем изображен в полупрофиль. На лицевой части, на левом боку и на верхней части шлема находятся смотровые окна-иллюминаторы, которые вышиты нитью темно-синего цвета. Верхнее и боковое окна разделены на четыре сегмента. В месте соединения головной части шлема с воротником имеются четыре полоски, вышитые нитью темно-синего цвета. От затылочной части шлема отходит воздушный шланг, который идет по направлению вниз вдоль задней части, а затем загибается под углом 90 градусов под воротник. Длина шланга 50 мм.

Сапер (*нем.* Pionier). Эмблема представляет собой изображение вертикально расположенного разводного ключа французского типа высотой 40 мм. Ключ состоит из двух губок для захвата гайки, штанги и рукоятки, которая обозначена горизонтально расположенной полоской.

Водитель автомобиля (*нем.* Kraftfahrer). Эмблема представляет собой изображение автомобильного колеса, расположенного в полупрофиль, имеющего форму овала максимальной высотой 30 мм и максимальной шириной 20 мм. В центре колеса находится вышитый овал высотой 12 мм и шириной 7 мм, изображающий диск ступицы. Из центра этого овала в правую сторону отходит стилизованное изображение птичьего крыла, состоящее из шести перьев.

3 ноября 1960 г. Военно-морские силы ГДР получили почетное наименование Фольксмарине – Народный военно-морской флот (*нем.* – Volksmarine) в честь Народной морской дивизии (*нем.* Volksmarinedivision) – революционного боевого отряда моряков Императорского флота. Это почетное наименование напоминало о революционных традициях воинов Военно-морского флота ГДР. 2 августа 1917 г. революционные матросы кайзеровского флота отказались нести службу и по примеру русских революционеров потребовали немедленного заключения мира. Годом позже, в ноябре 1918 г., революционные матросы под руководством Генриха Дорренбаха и Пауля Викцорека сформировали в Берлине Народную морскую дивизию. Эта дивизия сражалась на стороне революционных рабочих и солдат против сил реакции и контрреволюции. Вместе с Рудольфом Эгельхофером один из революционных матросов был главным командующим Красной армии Баварской Советской республики. Следование этим традициям посчитали долгом воинов Народного Военно-морского флота. Изменения коснулись и знаков различия военных моряков. Была введена ленточка на бескозырку матросов и старшин с надписью «Volksmarine», на кокарде появились изображения циркуля и молота, изменения коснулись и некоторых других элементов форменной одежды. В том числе новыми Правилами ношения форменной одежды DV 10/5, вступившими в силу с 1 декабря 1960 г., вводились новые нарукавные знаки для матросов и младших унтер-офицеров, прошедших специальную подготовку, в количестве восьми штук. Знак специальности «локаторщик» отменялся, вместо него были введены два новых знака специальностей «гидроакустик» и «радиометрист». Таким образом, количество знаков достигло двадцати. Эти знаки просуществовали без изменения до ликвидации Военно-морского флота ГДР в 1990 г.

Штурманский электрик (*нем.* Elektro-Nautik). Эмблема представляет собой изображение штурвала диаметром 25 мм. Внутри штурвал разделен на шесть секторов тремя спицами, которые заканчиваются с внешней стороны обода изображением рукояток. В центре штурвала спицы сходятся к насадке на вал, изображенной в виде круга диаметром 5 мм. Из центра каждого сектора с внешней стороны обода штурвала между рукояток отходят шесть изображений молний (электрических разрядов), состоящих из трех колен, длиной 12 мм каждая. Острия стрел молний направлены в сторону краев круглой нашивки, которая представляет собой знак в целом.

Радиометрист (*нем.* Funkmeß). Эмблема представляет собой стилизованное изображение морских волн, которое делит круглую нашивку пополам по горизонтали, но при этом не доходит до ее краев по 10 мм с каждой стороны. В нижней части нашивки находится изображение головной части стрелы длиной 20 мм, острие стрелы направлено вниз. В верхней части нашивки изображена хвостовая часть стрелы (изображение волн делит стрелу пополам) длиной 20 мм. Хвост стрелы имеет остrokонечную форму и направлен вверх. От основания широкой части хвоста стрелы с правой и с левой стороны отходят по два изображения: прямой стрелы длиной 18 мм и над ней изображение молнии (электрического разряда), состоящее из трех колен, длиной 18 мм. Острия стрелы и молнии направлены с одной стороны вправо и вверх, с другой стороны влево и вверх.

Гидроакустик (*нем.* Hydroakustik). Эмблема представляет собой точную копию эмблемы специальности «радиометрист», только перевернутую на 180 градусов. Таким образом, головная часть стрелы получается направленной острием вверх, а хвостовая часть – вниз. А изображения стрел и молний, отходящих от основания широкой части хвоста стрелы, соответственно, с одной стороны вправо и вниз, а с другой – влево и вниз.

Дальномерщик (*нем.* Entfernungs-Meß). Эмблема представляет собой стилизованное изображение дальномера – оптического прибора, с помощью которого измеряют дистанцию до определенного объекта (цели). Изображение состоит из правильного треугольника с длиной стороны 30 мм с усеченной вершиной, на которой горизонтально располагается оптическая труба длиной 37 мм, изображенная в виде полосы с наконечниками в форме квадратов со стороной 5 мм.

Турбинист (*нем.* Turbine). Эмблема представляет собой изображение шестерни диаметром 40 мм. По внешней стороне обода шестерни расположены зубцы в количестве восемнадцати штук. Внутри шестерни находится латинская буква «Т» высотой 25 мм и длиной верхней части 20 мм.

Артиллерийский электрик (*нем.* Artillerie-Elektriker). Эмблема представляет собой изображение артиллерийского снаряда с пламенем, выходящим из головной части, которое полностью идентично изображению такого снаряда на эмблеме специальности «артиллерист». Справа и слева от центральной части снаряда отходят два изображения молний (электрических разрядов) длиной 20 мм каж-

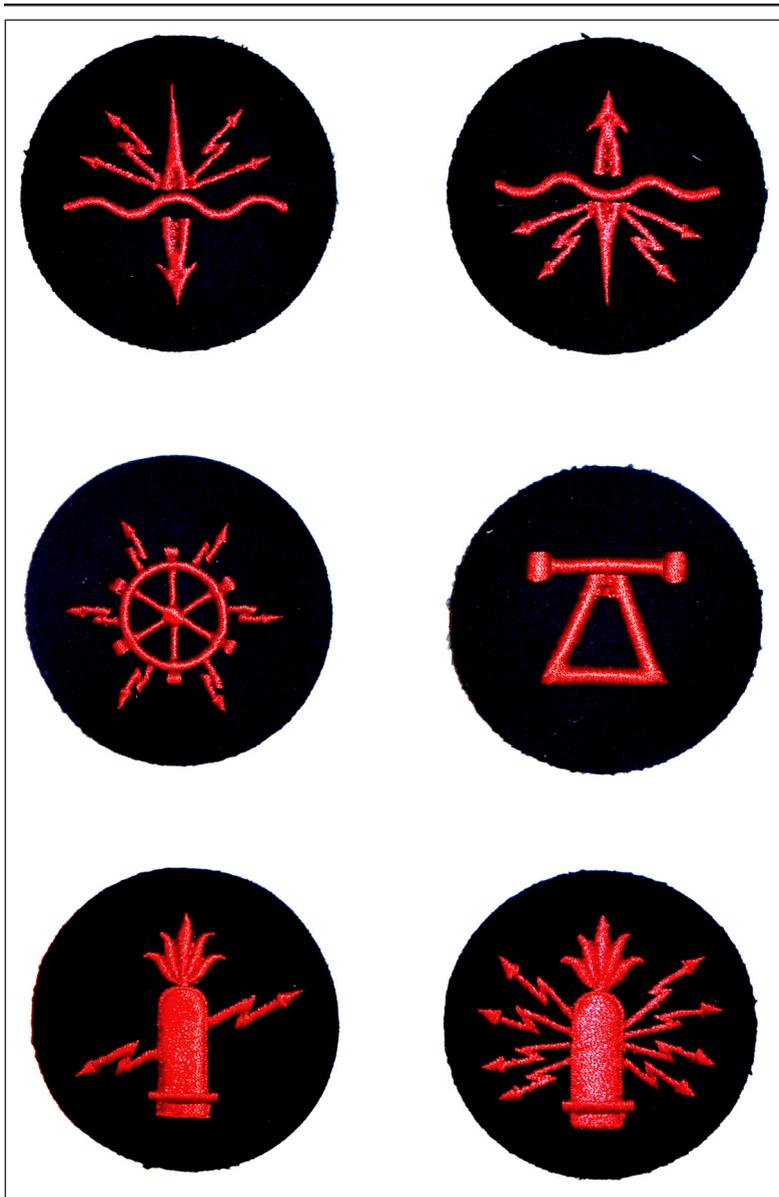
дая, состоящие из трех колен. Острые молнии, находящейся справа, направлено вправо и вверх, находящейся слева – влево и вниз.

Оружейный мастер (*нем.* Waffenleit). Эмблема представляет собой изображение все того же артиллерийского снаряда, который представлен на эмблемах специальностей «артиллерист» и «артиллерийский электрик». Справа и слева от центра снаряда отходят по четыре с каждой стороны изображения молний (электрических разрядов) длиной 20 мм каждая, состоящие из трех колен. Молнии, находящиеся справа, направлены остриями: две верхние – вправо и вверх, две нижние: вправо и вниз. Находящиеся слева две верхние – влево и вверх, две нижние: влево и вниз.

Химическая служба (*нем.* Chemischer Dienst). Эмблема представляет собой изображение наполовину заполненной реторты (химического сосуда с вытянутым узким горлом) высотой 30 мм. С левой стороны возле горла реторты находится знак радиационной опасности, состоящий из круга диаметром 3 мм, к которому примыкают три сектора окружности высотой 7 мм и максимальной шириной 10 мм каждый.

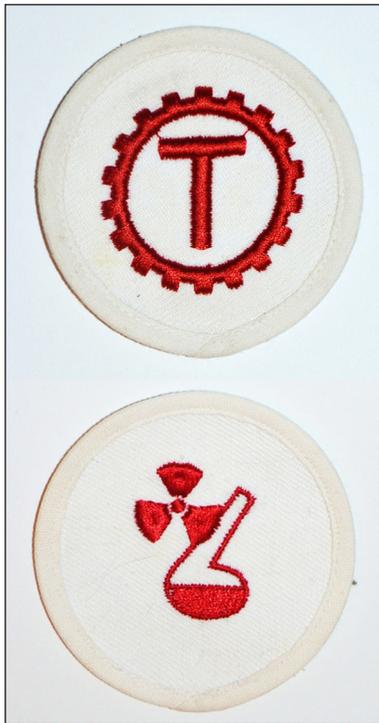
Интересен тот факт, что точно такой же дизайн эмблем специальностей «электромеханик», «артиллерист», «моторист», «водолаз», «дальномерщик» использовался в аналогичных нарукавных знаках Кригсмарине. Дизайн эмблем специальностей «штурманский специалист», «сигнальщик», «радист», «телеграфист» применялся в нарукавных знаках, обозначавших службы флота Третьего Рейха. А эмблема специалиста-минера применялась и на тех и на других знаках.

3 октября 1990 г. ГДР стала частью ФРГ. Соединения вооруженных сил ГДР, включая Фольксмарине, перешли под начало специально созданного командования «Бундесвер-Ост» во главе с присланными западногерманскими командующими. Сразу после этого началась планомерная ликвидация материальной и кадровой базы Фольксмарине. Подавляющее большинство кораблей в 1991–1996 гг. было продано либо в вооруженные силы других стран, либо просто на слом. Большинство офицеров и кадровых унтер-офицеров уволено со службы. За годы своего существования Военно-морские силы ГДР ни разу не принимали участия в боевых действиях. В настоящее время о былом существовании самой страны и ее вооруженных сил могут напомнить только экспозиции музеев, памятники и воспоминания ветеранов военной службы. Большинству предметов форменной одежды и знаков отличия не повезло так же, как и самой стране.

Склады были ликвидированы, форма частично уничтожена, частично использовалась как рабочая одежда, отдавалась в организацию «Красный Крест», отправлялась в качестве гуманитарной помощи в страны Третьего мира, продавалась всем желающим, в «секонд-хенды» и т. д. Знаком различия повезло еще меньше. Какую-то их часть до сих пор можно встретить в различных антикварных магазинах по всему миру, какие-то образцы стали большой редкостью и, по всей вероятности, уже не существуют. Наше исследование, посвященное нарукавным знакам матросов и младших унтер-офицеров ВМС ГДР, прошедших специальную подготовку, проведено впервые в таком объеме на русском языке. При исследовании использованы материалы из коллекции автора.

Автор надеется, что работа будет интересна и полезна историкам, музейным работникам, кинематографистам и всем, кто интересуется историей военного костюма XX века.

Литература

1. Klaus-UlrichKeubke, Manfred Kunz. Militärische uniformen in der DDR 1949–1990». Verlag E.S. Mittler&Sohn GmbH, Hamburg–Berlin–Bonn, 2006.
- 2.Klaus Feder, Jürgen Wagner, Ralf Swoboda. Militärische abzeichen der Deutschen Demokratischen Republik. Berlin, 1988.
3. Arsenal. № 7. С. 87–95. Militärverlag der DDR, 1988.
- 4.<http://www.historays.ru/index/gdr/0-177>
- 5.<http://geo.historic.ru/enc/item/f00/s00/m000008/>
- 6.<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/411946>

Е.А. Ленкова (Волгоград)

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КОМАНДОВАНИЯ 11-й АРМИИ ПО ЗАЩИТЕ г. ЧЕРНЫЙ ЯР (АПРЕЛЬ–ОКТЯБРЬ 1919 ГОДА)

В НАЧАЛЕ XX в. для тактики ведения войны большинства стран приоритетным являлась разработка наступательных операций, не исключением была и Российская империя. С началом Гражданской войны Советское правительство под руководством В.И. Ленина на практике проводило гибкую военную стратегию, предусматривавшую прежде всего наступление, но допускавшую оборону, а при необходимости и отход.¹ Оборона – это вид боя, имеющий цель сорвать или отразить наступление превосходящих сил противника и нанести ему значительные потери, удержать важные районы и тем самым создать благоприятные условия для перехода в решительное наступление. Оборона может подготавливаться заблаговременно или организовываться в ходе боя, при отсутствии непосредственного соприкосновения с противником и в условиях соприкосновения с ним. Такое определение понятия «оборона» дается в большинстве учебников по военному делу за последние десятилетия.

Укрепление обороны города складывалось из нескольких этапов: 1) организация разведки; 2) введение военного положения; 3) объявление о мобилизации; 4) строительство оборонительных укреплений; 5) проведение мероприятий по эвакуации населения (при необходимости). Принципы ведения обороны, разработанные еще в дореволюционной России, с успехом применялись военными специалистами во время Гражданской войны. Одним из ярких моментов в ее истории была оборона Астрахани, значительное место в которой занимала оборона Черного Яра в 1919 г. В сознании историков советского периода сложилось мнение, что она была организована стихийно и большой вклад в ее организацию внесла общественность.

Однако данный факт опровергается некоторыми историческими источниками, ранее не вводимыми в научный оборот.

Черноярский уезд находился на северо-западе от Астрахани и имел очень важное значение как для Красной, так и для деникинской армий, являясь своеобразными «воротами в Астрахань». Исключительно степной ландшафт местности позволял быстро преодолевать значительные расстояния как кавалерийским частям, так и пехоте. В северной части Черноярского уезда, начиная от Сарепты до города Черного Яра, – степь, совершенно лишенная лесной растительности, местами, как, например, у сел Солодников и Вязовки, прорезанная глубокими балками. В 273 км от Астрахани, на правом крутом берегу Волги, имеющем черный цвет, находился центр Черноярского уезда – Черный Яр (рис. 1). Город первоначально был основан как

Рис 1. Центральная площадь г. Черный Яр Царицынской губернии, осень 1919 г.

крепость для охраны волжских судовых караванов от нападений кочевников. С конца XVIII в. он был уездным городом Астраханской губернии, позднее был упразднен и статус города-крепости. Несмотря на свое расположение на берегу Волги, Черный Яр никогда не имел торгово-промышленного значения. Главные занятия жителей — хлебопашество, скотоводство и рыболовство. Торговля незначительна, базары ничтожны.²

В 1918 г. экономическая политика большевиков вызвала неоднозначную реакцию со стороны зажиточного крестьянского населения Черноярского уезда. На основе анализа исторических источников историк В. Медведев в своей статье приводит следующие факты: «Население приволжских сел – Светлого Яра, Ушаковки, Райгорода, Дубового Оврага, Цацы, Солодников, Каменного Яра – потребовало от Черноярского уездного исполкома и штаба 10-й армии прекращения гражданской войны и отказалось от всеобщей мобилизации в Красную армию. В ряде сел вспыхнули восстания под лозунгом: “Бей комиссаров! Долой красную армию!”. В ответ штаб формирования, уездное и волостные ВЧК выслали в села карательные отряды Булаткина, Кальнова, Пашутина, Ленинский полк, и после ареста руководителей сельяне сложили оружие. Зачинщики были вывезены в Сарепту и расстреляны [...] Штаб 10-й армии, Черноярская и Сарептская ВЧК за несколько месяцев 1918 г. расстреляли свыше 3–5 тысяч человек, как военнопленных белых частей, так и крестьян, лиц, обвиненных в шпионаже, священников, высших офицеров, полицейских и т. д.».³

Результатом такой политики стала крайняя непопулярность большевистской партии среди населения уезда. Подобная ситуация ставила под удар южный фронт Красной армии, в условиях наступательных операций Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), и требовала принятия решительных мер. В журнале заседания Черноярского комитета партии коммунистов-большевиков от 16 февраля 1919 г. сообщалось: «Организованных партийных работников в г. Черный Яр – 72 человека, сочувствующих – 45 человек. В уезде имеется активных работников – 10 человек. В это время в Черноярском уезде числилось жителей мужчин – 76 278, женщин – 74 380».⁴ В связи с тем, что процент партийных работников в уезде был очень низок, Царицынский губревком проводил политику укрепления своих позиций в уезде. Уже 4 июня 1919 г. из Черного Яра в Царицынский губревком была отправлена телеграмма: «Ввиду явного контрреволюционного настроения населения Черного Яра и окрестных сел, также совершенного отсутствия заградительных сил со стороны степи, где возможно наступление кадетских банд, является необходимость создания мощного аппарата лиц временного военно-революционного комитета для борьбы с контрреволюционными настроениями населения, срочного проведения мобилизации по оборонительным точкам».⁵

В конце мая 1919 г. все волостные военные комиссариаты Черноярского уезда получили распоряжение от Черноярского увоенкомата эвакуироваться в Черный Яр всем советским учреждениям, военным комиссариатам волостей вместе с отрядами. Для защиты города в апреле 1919 г. была организована Правобережная ударная группа 11-й армии (после переименована в Царицынскую ударную группу). Инициатива создания такой организации принадлежала уездному комитету РКП(б). Правобережная группа состояла из следующих воинских подразделений:

«1. Местная караульная рота Черноярского гарнизона.

2. Рота советских служащих или “Коммунистическая рота”. Это воинское подразделение возникло на месте из добровольцев города и эвакуированных партийных, комсомольских работников и актива бедноты, а в дальнейшем превратилась в Коммунистический батальон.

3. Комендантская команда и отдельный кав. взвод.

4. 9 рота 301 полка 34 дивизии. Эта группа входила как отдельное воинское соединение в состав 11-й армии Южного фронта». ⁶ В начале июня 1919 г. на заседании президиума Черноярского уездного исполнительного комитета совета рабочих и крестьянских и красноармейских депутатов были приняты следующие решения: 1. Объявить военное положение в пределах Черного Яра с запрещением въезда и выезда без ведома военных властей в отношении военных лиц. 2. Объявить по Черному Яру мобилизацию всего мужского населения в возрасте от 16 до 50 лет, не исключая служащих всех учреждений. Кроме этого был издан приказ о том, что в 6 часов 8 июня вся полнота власти передана уездному исполкому и его исполнительному органу президиуму.

После взятия Царицына Кавказской армией П.Н. Врангеля командование ВСЮР придавало большое значение взятию Астрахани. В беседе с корреспондентом «Неделимой России» в июле 1919 г. генерал П.Н. Врангель сказал: «Я считаю, что взятие Астрахани крайне важно, так как только с ее падением будет обеспечено владение Нижней Волгой и осуществление продвижения нашей флотилии из Каспийского моря к Царицыну. В настоящей обстановке для нас необходимо иметь речной флот для борьбы с флотилией красных и обеспечение правого фланга армии. Учитывая значение Астрахани, часть сил Кавказской армии направлены правым берегом Волги на Черный Яр». ⁷ С этого времени в направлении Черного Яра ежеднев-

но совершали боевые вылеты самолеты 47-й английской эскадрильи ВСЮР и бомбили город.

Командование ВСЮР рассчитывало наступлением на Черный Яр и по левому берегу Волги отвлечь часть сил 11-й армии, а совместными действиями частей Уральской армии и войск генерала Д.П. Драценко разбить основные силы 11-й армии в районе Астрахани. Именно поэтому часть Кавказской армии была выделена по обоим берегам Волги с целью содействия войскам генерала И.Г. Эрдели, командующего войсками Северного Кавказа. 3-я Кубанская дивизия под командованием генерал-майора П.П. Мамонова и его казачьи бригады, переправившись на левый берег Волги и продвигаясь на юго-восток, встретились с отдельными разъездами Уральской армии, тогда входившей в состав Русской армии адмирала Колчака.

3-я Кубанская казачья дивизия заняла с. Владимировка и Ахтуба. 11-я армия ввиду малочисленности 4 июня 1919 г. была расформирована, армейские дивизии до 14 августа находились в оперативном подчинении 10-й армии и никаких значительных операций не проводили. Однако заболоченная огромная пойма устья Волги и оборонявшие Астрахань большевистские войска не позволили частям Кавказ-

Рис 2. Сотрудники Черноярского уездного военного комиссариата, под руководством которого отряды г.Черный Яр два месяца отражали атаки частей Кавказской армии в 1919 г. Сидит слева второй – Н.А. Нестеровский

ской армии подойти к самому городу и надежно, прочно установить связь и соединение с войсками Уральской армии, пытавшейся захватить Астрахань и, в свою очередь, слиться с войсками Северного Кавказа генерала Д.П. Драценко.

Рис 3. Удостоверение Н.А.Нестеровского – военного руководителя Черноярского уездного военкомата Царицынской губернии 1919 г.

Группой по обороне Черного Яра командовал Н.А. Нестеровский (рис. 2). Никифор Аврамович был участником Первой мировой войны; награжденный многочисленными наградами, он встретил революцию в звании полковника. С марта 1917 г. он продолжил свою военную карьеру в рядах Красной армии. 18 июня 1919 г. военспец Н.А. Нестеровский был назначен начальником Черноярского уездного военного комиссариата, где также было большое количество офицеров императорской армии (рис. 3). В краткой сводке о деятельности военкомата в период наступления частей Кавказской армии содержится следующая информация: «Военкомат, ведая обороной города, решил мобилизовать всех сотрудников советских учреждений. Чтобы облегчить оборону города, было приступлено военкоматом к сооружению оборонительных построек, для чего были мобилизованы рабочие дружины. Большая часть работ была произведена советскими служащими, городское население пассивно отнеслось к нашим заботам об удержании города в наших руках. За короткое время вокруг города быстро строились окопы и проволочные заграждения, концы которых должны были упираться в Волгу... Приняты были меры к сохранению ценностей»⁸. По заключению Н.А. Нестеровского, Черный Яр был выделен в общей обороне как важный стратегический пункт. Вся последующая организация обороны проводилась под его личным руководством.⁹

Таким образом, Черноярский уездный военный комиссариат, несмотря на пассивность местных жителей и постоянные налеты авиации противника, сумел осуществить несколько из наиболее важных этапов в организации обороны города: 1) введение военного положения; 2) объявление о мобилизации; 3) строительство оборонительных укреплений.

На вооружении черныярцев было несколько устаревших винтовок системы «Гра», шесть полевых трехдюймовых орудий и два самолета. В недостатке были патроны и снаряды. С Волги город защищала баржа с четырьмя шестидюймовыми орудиями и вооруженный буксирный пароход. Ситуация с вооружением армии еще более осложнилась после того как Кавказская армия заняла Царицын. Кроме этого, черныярский гарнизон испытывал серьезные материальные трудности. В журнале заседания президиума Черноярского уездного исполнительного комитета Царицынской губернии от 16 июля 1919 г. содержится следующая информация: «Принимая во внимание настоящий момент, когда наш губернский центр Царицын находится в руках кадетских банд и нет никакой возможности получить от него необходимые денежные средства на содержание Красной армии, брать эти средства из отделов исполкома»¹⁰.

Развивая наступление на фронте Солодники – Каменный Яр, Кавказская армия под командованием П.Н. Врангеля захватила до 5000 пленных и подошла к Черному Яру. Первая атака позиций Красной армии частями Кавказской армии в районе Черного Яра произошла 27 июля с воздуха, когда 3 самолета бомбили город и уничтожили на земле оба самолета черныярцев. В этот же день в 10 верстах от Черного Яра расположились части генерала В.З. Савельева – это Астраханская конная дивизия, вновь сформированные стрелковые полки 2-й Кубанской и Горской дивизий. В этот же день они предприняли попытку захвата города. «27 июля наш конный эскадрон слишком быстро отходил к городу под натиском противника, что чуть не позволил ворваться в город противнику... Через 2 часа противник возобновил атаку с южной и западной стороны, но подоспел резерв, и грузовик с пулеметом обратил противника в бегство».¹¹

28 июля дважды конница генерала В.З. Савельева пыталась завладеть городом, но безуспешно. «Замыслы противника были обнаружены с наблюдательных пунктов, и нашим артиллерийским огнем были рассеяны кавалерийские колонны, расположенные вокруг города»¹². Эти данные свидетельствуют еще об одном важном пун-

кте в организации обороны – наличии разведки и наблюдательных пунктов у осажденных черноморцев. В ходе боев был тяжело ранен генерал В.З. Савельев, об этом свидетельствуют мемуары П.Н. Врангеля: «В ряде упорных боев наши части понесли тяжелые потери. Особенно тяжела была потеря тяжело раненного ружейной пулей в голову начальника Астраханской дивизии генерала Савельева. Блестящий кавалерийский начальник, прекрасно разбирающийся в обстановке, храбрый и решительный, он весьма удачно в течение двух месяцев действовал со своей дивизией, обеспечивая тыл армии с юга»¹³.

Важным этапом при организации обороны города являлась своевременно и правильно проведенная эвакуация мирного населения. За весь период борьбы за Черный Яр уездным исполкомом было проведено две эвакуации из города: 1) с 28 июля по 8 августа 1919 г., когда были эвакуированы служащие и их семьи за 30 верст вниз по Волге. Все эвакуированные и те, кто собирался эвакуироваться, получали денежные пособия¹⁴; 2) с 21 сентября до последних чисел октября 1919 г. были эвакуированы все учреждения с делами, имуществом, служащими и семьями.

Эвакуированные жители Черного Яра были отправлены в г. Енотаевск. «Все ответственные работники и советские служащие, способные носить оружие, были оставлены для защиты Черного Яра».¹⁵

Во время самых ожесточенных боев за Черный Яр в октябре 1919 г., когда возникла угроза сдачи города, для предотвращения дезертирства из армии президиум Царицынского губревкома отправил в Черноморский уездный военный комиссариат следующее постановление с пометкой «секретно»: «полное снятие с фронта части служащих может, с одной стороны, ослабить оборонительную способность города, с другой, что самое главное, внести панику в ряды остальных войск, что при положении на вашем участке безусловно может кончиться катастрофой».¹⁶

В августе 1919 г. войска генерала А.И. Деникина предприняли решительное наступление на Астрахань с востока (войска Уральской армии генерала В.С. Толстова), севера (3-я Кубанская дивизия – генерала П.П. Мамонова), северо-запада (Астраханская дивизия генерала В.З. Савельева) и юга (отряд генерала Д.П. Драценко). В течение нескольких дней на окраинах Черного Яра шли ожесточенные бои. «Пехотная цепь противника подошла на 400 шагов к нашим проволочным заграждениям. Перевес сил оказался у Черноморского

гарнизона, под г. Черный Яр части Красной армии перешли в наступление»¹⁷.

Красная армия, усиленная конными корпусами С.М. Буденного, Б.М. Думенко и Д.П. Жлобы, начала отдельные контратаки на 2-й Кубанский корпус у Черного Яра.¹⁸ 14 августа для удержания Астраханского района обороны на базе Астраханской группы войск была вновь сформирована 11-я армия. 1-я Астраханская отдельная кавалерийская дивизия генерала Савельева в середине августа 1919 г. действовала против Царицынской ударной группы 11-й армии. «Расположение частей, входящих в состав Царицынской ударной группы: штабы 2 бригады 34 дивизии – Вязовка, 2 бригады 50 дивизии – Солонники, 7 кавдивизия – Солонники и Московская кавдивизия – Солонники, 3 бригада 34 дивизии – Черный Яр».¹⁹

На протяжении месяца весь уезд стал ареной ожесточенных боев. Села Ушаковка, Солонники, Каменный Яр, Старица, Вязовка, Соленое Займище и другие переходили из рук в руки. Черноярский военный комиссариат проделал большую работу по организации обороны города. Для защиты с воздуха в Черный Яр были направлены из Астрахани летчики Д. Щекин и А. Коротков. Экипажи судов Волжско-Каспийской военной флотилии, взаимодействуя с наземными войсками, огнем своих батарей не раз решали исход боя. 27 августа командование Кавказской армии перебросило на Черноярское направление 3-ю Кубанскую дивизию, объединив командование всеми войсками на этом направлении в руках начальника последней генерала Н.Г. Бабиева. «Ему ставилось задачей разбить противника и в дальнейшем овладеть Черным Яром, чтобы раз навсегда покончить с Черноярской группой красных»²⁰.

В начале сентября 1919 г. на фронте Царицынской (правобережной) ударной группы развернулись ожесточенные бои со значительными потерями с обеих сторон. В это время в Астрахань приезжал командующий Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе. Он ознакомился с положением дел в 11-й армии и побывал вместе с командованием на Черноярском участке фронта. В результате из Астрахани было отправлено подкрепление.

11-я армия должна была очистить левый берег Волги от деникинцев, закрепиться в районе Черного Яра и готовиться к боям за освобождение Царицына. В ночь на 13 сентября частями Кавказской армии штурмом было взято с. Соленое Займище и захвачено в плен 500 человек, 5 пулеметов, 2 парохода, обозы, кухни и прочее.

«Штурм Черного Яра красными был отбит: они успели подвезти подкрепление из Астрахани – курсантов и коммунистов, оказавших упорное сопротивление»²¹.

В конце сентября положение черноморской группы войск осложнилось. Потеряв надежду на взятие Черного Яра в открытом бою, деникинцы с 21 сентября организовали блокаду города. Все правобережные и левобережные села были заняты белыми, Черный Яр оказался полностью отрезанным от всех баз снабжения. Связь с осажденными осуществлялась с реки только в ночное время. С 25 сентября по 30 октября в районе Черного Яра Верхне-Астраханский отряд судов Волжской военной флотилии и сухопутные части, окруженные с трех сторон противником и прижатые к Волге, вели упорные бои. Крайне малочисленный черноморский гарнизон (около 400 человек) превратил город в крепость, опоясав его окопами и проволочными заграждениями. Было построено 5 заградительных линий вокруг города на расстоянии до 1 км из окопов и колючей проволоки, преодолеть которые штурмом за весь период боевых действий противник не смог. «В ночь на 27 сентября 1919 г. под проволочными заграждениями задерживается несколько человек неприятельских саперов с пироксилиновыми шашками, из показаний выяснилось, что к рассвету предполагается наступление... Перед рассветом начинается сильная канонада из 10–12 орудий. С передовой линии получают сведения, что около проволочного заграждения – то на одном фланге, то на другом – задерживаются люди с телегами, нагруженными плетнями, которые были приготовлены к накладыванию их на проволоку, и с баграми – для ее оттягивания»²². Белые применяли вооруженные катера и авиацию. Встречается в источниках описание казусных ситуаций, происходящих во время попыток врангелевцев прорвать оборону города: «Белые в темную ночь пустили 3 воза сена вместо танков и броневикулов, с целью навести панику, но бойцы только обрадовались доставке фуража».²³

Оборона советскими войсками Черного Яра проводилась под руководством С.М. Кирова, который был членом Реввоенсовета XI армии. Блестящим организатором и командиром проявил себя военрук Н.А. Нестеровский. По его указанию, отражая одну из атак, красноармейцы выкатили за проволочные ограждения броневику и под прикрытием его огня бросились в контратаку, захватили более трехсот пленных. После приезда С.М. Кирова в сентябре 1919 г. в Черный Яр были отправлены 37-я и 38-я кубанские кавалерийские полки 11-й армии.²⁴

30 октября 1919 г. после длительного боя части 11-й армии, овладев с. Соленое Займище, ликвидировали блокаду Черного Яра. 31 октября произошло заключительное сражение близ Черного Яра у с. Зубовки. Части 7-й кавалерийской дивизии и воины черноморского гарнизона в упорном бою разбили численно превосходящие силы противника, захватили большие трофеи. 29 декабря 1919 г., выполняя приказ Реввоенсовета, группа войск под командованием Н.А. Нестеровского начала наступление на Царицын и 4 января 1920 г. в районе Сарепты соединилась с частями 10-й армии. Приказом по войскам Реввоенсовет 11-й армии наградил почетными красными знаменами Черноморский военный комиссариат и караульную роту Черноморского военного комиссариата.

Успешно организованная оборона Черного Яра – это заслуга военных специалистов, офицеров русской армии, находившихся на руководящих должностях в Черноморском уездном военном комиссариате в 1919 г. Скоординированные действия черноморского гарнизона и кораблей Волжской военной флотилии позволили противостоять превосходящим по численности и вооружению частям Кавказской армии и удержать город. Однако, окончательно снять осаду смогли только после того как из Астрахани были отправлены части 11-й армии.

¹ Большая советская энциклопедия. Стратегия военная // www.dic.academic.ru // (дата обращения, 6.07.2015)

² Большая советская энциклопедия. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона // www.dic.academic.ru // (дата обращения, 6.07.2015)

³ В. Медведев. Самоубийство нации: Гражданская война на территории Черноморского и Царицынского уездов Поволжья. ИА «Белые войны», 18.12.2006 г.

⁴ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-342. Документы Царицынского губернского революционного комитета (губревком). Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 24.

⁶ Воспоминания к 40-летию Великого Октября, В. Хахалев, 1957 г. // Музей-заповедник «Сталинградская битва» (МЗСБ). НВФ 833. П.168. Л. 70.

⁷ Агеева Т.Г. Кавказская армия П.Н. Врангеля в Царицыне. Волгоград, 2009. С. 95.

⁸ Краткая сводка о деятельности Черноморского губвоенкомата за 1919 г. // МЗСБ. НВФ 18762 (3). П. 14 ц. д., Л. 14.

⁹ Воспоминания к 40-летию Великого Октября, В.Хахалев, 1957 г. // МЗСБ. НВФ 833. П. 168. Л. 7.

¹⁰ ГАВО. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 40. Л. 26.

¹¹ Там же. Л. 36 об.

¹² Там же.

¹³ П.Н. Врангель. Воспоминания. В 2 ч. 1916–1920. С. 93.

¹⁴ ГАВО. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 40. Л. 43.

¹⁵ Там же. Л. 84.

¹⁶ Там же. Л. 15.

¹⁷ МЗСБ. НВФ 18762(3). П. 14 ц. д. Л. 1–2.

¹⁸ Клавинг В.Г. Гражданская война в России: Белые армии. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003.

¹⁹ Сообщение командования 34-й стрелковой дивизии 11-й армии коменданту Черного Яра, 11 сентября 1919 г. // МЗСБ. нег. 1395.

²⁰ П.Н. Врангель. Воспоминания. С. 93.

²¹ Агеева Т.Г. Кавказская армия П.Н. Врангеля в Царицыне. С. 102.

²² Воспоминания В.Г. Хахалева – организатора советов в Черноярском уезде в 1917–1921 гг. // МЗСБ. НВФ 833. П. 168. Л. 1.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

О.С. Лихачева (Барнаул)

ПЛАСТИНА С КАВАЛЬКАДОЙ ВСАДНИКОВ ИЗ СИБИРСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ПЕТРА I КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ВООРУЖЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА*

ПРИВЛЕЧЕНИЕ изобразительных источников при изучении вооружения и военного дела древних культур является важным методическим аспектом. Это обусловлено тем, что они содержат сведения об изделиях, которые не дошли до нас либо в силу плохой сохранности, либо из-за особенностей погребального обряда. По ним также можно получить дополнительные сведения о конструкции различных видов вооружения, способах и месте их ношения и тактических приемах использования. Из некоторых можно почерпнуть данные о родах войск, применявшихся в то время. В раннем железном веке у племен степного пояса Евразии изображения воинов и их снаряжения встречаются на памятниках монументального искусства, предметах торевтики, текстиле, иногда они представлены в мелкой пластике. В рамках данной работы нами анализируется золотое изделие из Сибирской коллекции Петра I с изображенной на нем кавалькадой всадников. К сожалению, его точное происхождение не известно. Но стоит отметить, что некоторые исследователи связывают происхождение этой коллекции в целом с Верхним Приобьем, Кулундой и Рудным Алтаем¹.

Рассматриваемый предмет изготовлен из золота и представляет собой пронизь прямоугольную в продольном и поперечном сечении. Его параметры: высота – 5,6 см, ширина граней – 3,6 и 3,2 см.

¹Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

С.И. Руденко отмечает, что изначально это была пластина, которую свернули и спаяли по краю, а затем использовали для насаживания на древко². М.В. Горелик определяет это изделие как навершие³. Последнее утверждение весьма спорно, на наш взгляд. Отверстие данного предмета сквозное, грани же параллельны и не сужаются в верхней части. Следовательно, совершенно не обязательно, что он что-либо увенчивал. Поскольку назначение изделия остается спорным, то в дальнейшем мы будем именовать его вслед за С.И. Руденко «пластина», так как это понятие отражает его первоначальную форму.

Верхний и нижний края пластины обрамляют по три выпуклых валика⁴, между которыми располагается сама сцена, включающая семь конных фигур, движущихся справа налево, если рассматривать пластину в развернутом виде (рис. 1.-1). У воина, изображенного во

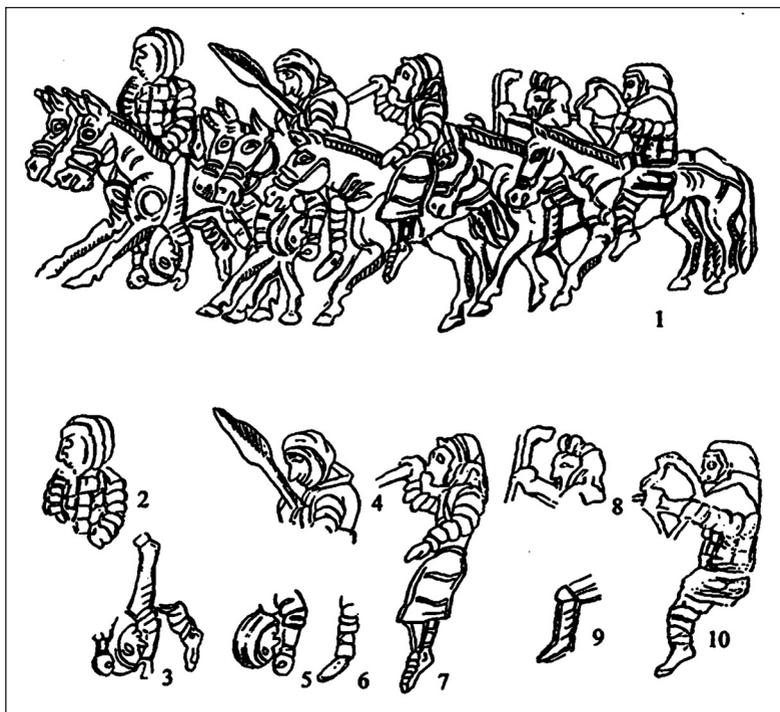

Рис. 1. Изображение с золотой пластины из Сибирской коллекции Петра I. 1 – композиция полностью; 2–10 – прорисовка отдельных воинов [по: Горелик, 1982; 1987].

главе кавалькады, виден только торс, поскольку его перекрывает лошадь, седок которой показан головой вниз. За ними скачут еще три всадника. Наиболее детально проработана фигура на первом плане: левая рука опущена вниз (держит повод?), в правой, находящейся в замахе, видимо, какое-то оружие, по мнению С.И. Руденко, меч⁵. Всадник, находящийся на среднем плане, изображен головой вниз. У третьего воина видно только плечо и голову, в руках он держит копье. Замыкают кавалькаду еще две фигуры. Всадник на первом плане натягивает тетиву лука для выстрела, находящийся за ним держит в вытянутой руке какое-то древковое оружие, которое С.И. Руденко определяет как топор⁶. На всех фигурах хорошо читается защитное вооружение: панцири, шлемы, наручи, поножи. Лошади с подстриженными гривами, на их уздах показаны псалии, нащечные, суголовные, наносные, налобные и подбородочные ремни. Седла, по всей вероятности, мягкие, без высоких луков. Прослеживаются подхвостные и накружные ремни. Перед головой первого всадника, за головами копейщика и лучника находятся сквозные отверстия, предназначенные, по всей вероятности, для крепления.

С.И. Руденко, трактуя сюжет в целом, предположил, что на пластине изображена сцена возвращения воинов из похода, которые везут «трупы убитых их товарищей или вождей»⁷. На наш взгляд, более логично трактовать эту композицию как фрагмент боя. На это указывает, в первую очередь, то, что лук и предполагаемые топор и меч показаны в боевом положении; на всех воинах доспех; кони, судя по широко расставленным ногам, пущены галопом. Что же касается всадников, изображенных головой вниз, то позы их больше похожи на произвольное падение с коня, чем на заранее подготовленную перевозку тел в таком положении.

Перейдем к более подробному анализу вооружения, представленного на данном изображении. Наиболее полно реконструируется доспех. Всего нами было выделено три комплекта защиты корпуса, конечностей и головы.

Первый комплект, наиболее хорошо читающийся, представлен на четвертом слева всаднике, находящемся в центре всей композиции (рис. 1.-7). Панцирь состоит из нагрудника, наспинника и юбки, доходящей до колен. При такой длине наиболее оптимальным покроем будет «халат», когда панцирь скроен из одной части и имеет два разреза: сплошной спереди и от крестца до края подола сзади⁸. К сожалению, бронирование нагрудника и наспинника не прослеживается,

но, скорее всего, оно аналогично тому, что изображено на первом всаднике. На корпусе его располагаются крупные прямоугольные пластины, которые составляют три вертикальных и три горизонтальных ряда (рис. 1.-2). Среди вещественных находок наиболее близкими им являются крупные железные пластины IV в. до н. э. из Чирик-Рабата⁹ (рис. 2.-3). Последние относятся к чешуйчатому способу бронирования, при котором они нашивались на мягкую основу.

Дополнительным элементом панциря является стоячий воротник. Данная деталь находит аналогии по целому ряду изобразительных

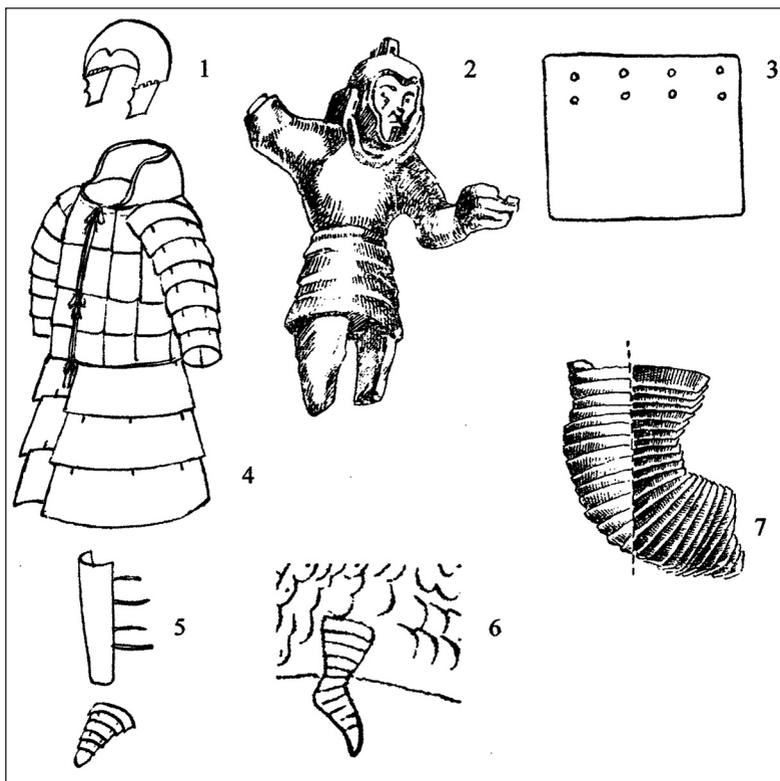

Рис. 2. Реконструкция первого комплекта защитного вооружения и аналогии к нему. 1 – шлем; 2 – фигурка воина из Таласской долины; 3 – панцирная пластина из Чирик-Рабата; 4 – панцирь; 5 – поножи; 6 – фрагмент граффити из Дура-Европос; 7 – наруч из Таксилы [по: Горелик, 1982; 1987; Хазанов, 2008].

источников IV–I вв. до н. э. Это бронзовая фигурка IV–III вв. до н. э. из Таласской долины (рис. 2.-2), глиняная статуэтка того же времени из Китая, скульптура I в. до н. э. из Халчаяна (рис. 3.-4), а также Орлатские пластины II–I вв. до н. э.¹⁰ Стоит отметить, что у более ранних панцирей такого типа воротник представлял собой цельную прямоугольную пластину, как, например, у изделия из Чирик-Рабата¹¹. Начиная же с I в. до н. э., он становится наборным¹².

Подол «халата», изображенный на данном изделии, разделен на три крупных горизонтальных полосы. М.В. Горелик считает, что таким образом передана ламинарная структура бронирования¹³. Такое же оформление нижней части панциря известно на упомянутых выше фигурке из Таласской долины (рис. 2.-2) и глиняной статуэтке из Китая¹⁴. Стоит отметить, что на данных изображениях верхние пластины перекрывают нижние, поэтому нами при реконструкции используется такой же способ их соединения.

У рассматриваемого всадника на руках показаны горизонтальные полосы, которые, скорее всего, отображают так называемый «браслетный» набор. На настоящий момент известно два вида такого способа бронирования: с неполными «браслетами», закрывающими только внешнюю часть руки, встреченными в материалах IV в. до н. э. Черик-Рабата, и с замкнутыми, охватывающими руку полностью. Последние известны по находке из Таксилы, а также по скульптуре Халчаяна и относятся к I в. до н. э. (рис. 2.-7; 3.-4)¹⁵. На рассматриваемой пластине показан второй способ защиты, поскольку полосы показаны и с внутренней, и с внешней стороны руки. Всего изображено семь полос, идущих от плеча до кисти. Такие пластины могли крепиться как с нижним, так и с верхним перекрыванием, о чем свидетельствуют указанные выше изобразительные и вещественные источники (рис. 2.-7; 3.-4). Нами при реконструкции использовался второй способ.

Видимая часть ноги также имеет защиту. Внешняя часть от колена до стопы закрыта сплошной трапецевидной пластиной, частично охватывающей голень и прикрепленной двумя ремешками (рис. 2.-5). К сожалению, пока точных аналогий такому элементу брони не известно. М.В. Горелик считает, что такой же цели служили деревянные пластины из I Туэктинского кургана¹⁶. В то же время, форма этих изделий не вполне соответствует приведенной на изображении. На наш взгляд, прототипом подобных пластин могли служить греческие кнемиды, которые применялись скифами Северного

Рис. 3. Реконструкция второго комплекта защитного вооружения и аналогии к нему. 1 – шлем; 2 – фигурка воина из могильника Бугры; 3 – панцирь; 4–5 – изображения панцирей, скульптура Халчаяна; 6 – нож; 7 – фрагмент граффити из Дура-Европос [по: Горелик, 1982; Хазанов, 2008; Чугунов, 2014]

Причерноморья в IV–III вв. до н. э. и впоследствии, уже в преобразованном виде, попавшие к населению рассматриваемого региона¹⁷. Внешняя часть стопы закрыта неполными «браслетами», включающими шесть сегментов (рис. 2.-5). Аналогичный способ защиты изображен на монете кушанского царя Васудевы¹⁸. Схожее бронирование, но с замкнутым ламинарным набором, фиксируется на граффити из Дура-Европос (рис. 2.-6)¹⁹.

Наиболее сложно реконструируются боевые оголовья, весьма условно изображенные на пластине. Наиболее ярким их признаком является то, что они достаточно плотно прилегают к голове и имеют

нащечники. По всей вероятности, на основании этого некоторые исследователи склонны считать, что на изображении представлены мягкие войлочные шапочки, аналогичные найденной в Третьем Пазырыкском кургане, войлочные подшлемники или кожаные башлыки²⁰. Нам более вероятным кажется, что это шлемы, схожие с изделиями так называемого «кубанского» типа. У воина, по которому реконструируется нами первый комплект защитного вооружения, можно отметить фигурный вырез на внешнем крае нащечника. Боевое оголовье со схожим признаком есть на фигурке воина из Таласской долины (рис. 2.-2). Отличие заключается в наличии гребня у сакского образца.

Второй комплект реконструируется нами по лучнику (рис. 1.-10). По составу он аналогичен первому. Панцирь также имеет покрыв «халат» и чешуйчатое бронирование корпуса. Отличие заключается в подоле, который не ламинарный, как было рассмотрено выше, а, как и корпус, защищен крупными прямоугольными пластинами. На боку фигурки, который частично перекрыт рукой, удерживающей лук, читается два горизонтальных и четыре вертикальных ряда пластин. «Юбка» имеет длину чуть выше середины бедра и, по всей вероятности, три горизонтальных ряда пластин, количество же вертикальных рядов практически неразлично. Панцирь также снабжен стоячим воротником. На руках прослеживается ламинарная защита, но сегментов шесть, и они доходят только до локтя (рис. 1.-10). Доспех, имеющий аналогичный покрыв, с чешуйчатой структурой бронирования, стоячим воротником и «браслетным» набором на руках, известен по Халчаянским скульптурам (рис. 3.-4-5). Отличие заключается лишь в том, что у кушанского панциря воротник наборный, а рука закрыта от плеча до кисти.

Защита ног лучника более совершенная, чем у центральной фигуры. Она представлена ламинарной структурой бронирования, такой же, как на руках. На самом изображении сегментов только четыре. Учитывая, что при таком количестве они должны были быть достаточно широкими и мешали бы движению, особенно в области коленного сустава, то можно предположить большее их количество. В пользу этого говорит нога, изображенная на этой же пластине и относящаяся, по всей вероятности, к копейщику, на которой «браслетов» шесть (рис. 1.-6). Еще более частый набор представлен на граффити из Дура-Европос (рис. 3.-7)²¹.

Шлем в данном случае не имеет фигурных вырезов на нащечнике. У него хорошо выражены надбровные вырезы, образующие треуголь-

ный выступ, и, вероятно, есть небольшой гребень. Наиболее близкая аналогия боевым оголовьям с такими признаками наблюдается в памятник IV–III вв. до н. э. Бугры, локализуемся в Лесостепном Алтае и относящиеся к каменской культуре. На четырех деревянных фигурках воинов изображены шлемы со схожими признаками (рис. 3.-2)²². Стоит также отметить и вещественную находку шлема такого типа, но без гребня. Это изделие из раннесарматского могильника 2-й половины V–IV вв. до н. э. Филипповка-I²³.

Третий комплект является, к сожалению, «составным». Панцирь воссоздается по всаднику, находящемуся во главе кавалькады, нижняя часть которого не видна (рис. 1.-2). А защита ног – по отдельному изображению ноги, относящейся, видимо, к воину с «топором» (рис. 1.-9). У последнего, напротив, не видна защита корпуса. Нагрудник панциря включает четыре горизонтальных и три вертикальных ряда пластин. На руках браслетный набор, включающий семь сегментов, закрывающих руку от плеча до кисти. Отличительной особенностью данного изделия от двух описанных ранее является отсутствие воротника. Изображение такого панциря известно по монете Азеса I, относящейся к I в. до н. э. (рис. 4.-4)²⁴. Последнее позволяет предположить, что панцирь имел покроем «халат», с подолом, как у лучника, который на самом изображении закрыт.

Интересна защита ноги, состоящая из трех элементов. Участок от бедра до колена закрыт широкой прямоугольной пластиной, закрепленной ремешками. На колене читается наколенник, спереди повторяющий форму сустава, а к тыльной части ноги резко сужающийся, и, по всей вероятности, также имеющий ремешок для крепления. Оставшийся участок до стопы защищен браслетным набором, состоящим из четырех сегментов (рис. 4.-5). К сожалению, набедренной пластине и наколеннику пока не известно точных аналогий. Ламинарный же набор, закрывающий только часть ноги ниже колена, встречается на фигурке воина кушанского времени из Шахр-и Бахлола (рис. 4.-6)²⁵.

Шлем на первой фигурке не имеет треугольного выступа на лбу. Нашечник также не читается. На тулье имеется поперечный валик, назначение которого трактовать сложно (рис. 1.-2). Наиболее вероятной аналогией ему является, на наш взгляд, изображение шлема с ахеменидской печати (рис. 4.-2)²⁶. Последний также не имеет выраженных надбровных вырезков, образующих выступ на лбу. Нашечники у него неширокие, подтреугольной формы и являются как бы продолжением нижней части тульи.

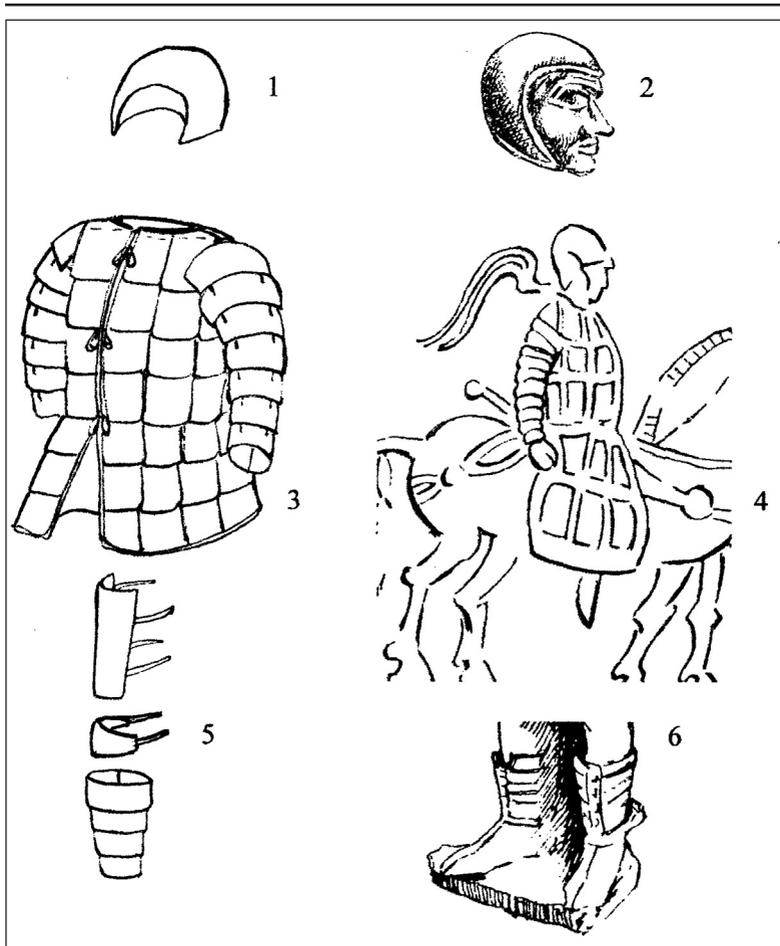

Рис. 4. Реконструкция третьего комплекта защитного вооружения и аналогии к нему. 1 – шлем; 2 – ахеменидская печать; 3 – панцирь; 4 – монета Азеса I; 5 – поножи; 6 – фрагмент статуэтки из Шахр-и Бахлора [по: Горелик, 1982; 1987].

Таким образом, проведенный анализ защитного вооружения, изображенного на пластине, позволил выделить три разновидности панцирей. Все они имеют покроем «халат» и чешуйчатую структуру бронирования верхней части. Различаются видом подола, который мог быть ламинарным либо чешуйчатым. Также у двух изделий есть высокий стоячий вороник, а у одного он отсутствует. Защита ног

представлена тоже тремя вариантами. В их основе лежит два вида брони – сплошные пластины и «браслетные» наборы, которые комбинируются и составляют разные комплекты. Руки закрыты ламинарной броней, состоящей из замкнутых «браслетов». Разница заключается только в длине таких «рукавов»: от плеча до кисти или от плеча до локтя. Реконструированные шлемы представлены тремя вариантами. Они различаются по оформлению нащечников: широкие с ровным внешним краем, широкие с фигурным оформлением внешнего края и узкие подтреугольные. Кроме того мог иметься или отсутствовать гребень, а также треугольный выступ на лбу. Данный круг аналогий указывает на то, что защитное вооружение, приведенное на пластине, формировалось под значительным влиянием среднеазиатских, прежде всего сакских, военных традиций.

Рассмотрим наступательное вооружение, представленное на данной пластине. В целом, на ней изображено оружие для ведения боя на ближней, средней и дальней дистанции.

Находящийся в центре композиции воин замахивается правой рукой, в которой держит какое-то оружие. К сожалению, изделие прослеживается только от кисти вниз, где представляет собой достаточно короткий узкий прямоугольник. Собственно же боевая его часть не отражена. Некоторые исследователи склонны видеть в нем меч²⁷. Данная версия кажется весьма сомнительной. Если подразумевается, что видно боевую часть, то она слишком короткая для всаднического меча. Нелогичным при таком раскладе кажется и захват изделия – клинком вниз. В том случае, если автор имел в виду, что это часть рукояти, то тогда странным кажется отсутствие навершия и перекрестия. На наш взгляд, рассматриваемый персонаж удерживает какое-то древковое оружие (чекан?). Этому соответствует и способ нанесения удара, и захват, при котором нижняя часть древка видна ниже кисти примерно на треть. Также древковым изделием вооружен, видимо, и предпоследний всадник. Он держит его в вытянутой руке, примерно за середину рукояти, но боек обращен ударной частью почему-то в сторону самого всадника. С.И. Руденко определяет это изделие как топор²⁸. Хотя это может быть и чекан как более характерный для юга Западной Сибири вид оружия²⁹. К сожалению, из-за плохой передачи этих изделий и потому спорности их видовой принадлежности найти им более или менее близкие аналогии среди вещественных материалов не представляется возможным.

Оружие среднего боя представлено на пластине копьем. Его держит третий слева всадник. Оно имеет достаточно массивный наконечник листовидной формы. Изделия схожих форм известны по материалам храма Окса в Бактрии и датируются концом IV–III вв. до н. э.³⁰

Наиболее реалистично проработано оружие дальнего боя, представленное луком. Его в боевой позиции держит последний в кавалькаде всадник. Лук небольшого размера, имеет угловатый переход от рукояти к плечам. Плечи прямые, рога отогнуты вперед. Верхняя часть его несколько больше нижней. Очевидно, что в данном случае изображен лук так называемого «скифского» типа. Очень хорошо показан способ стрельбы: воин держит его в вытянутой левой руке за рукоять. Тетиву он натягивает правой рукой, отводя ее к груди. У самой стрелы виден только наконечник, показанный весьма схематично. Изображения луков аналогичного типа известны с территории Лесостепного Алтая. Это бронзовая модель поясной гарнитуры из могильника Староалейка-2 (м. 35) и золотая фигурка конного лучника, также входящая в Сибирскую коллекцию³¹.

Отдельно остановимся на вопросах датировки и культурной принадлежности данного изделия. М.В. Горелик относит его к IV–III вв. до н. э.³² В то же время, некоторые представленные на пластине реалии позволяют несколько уточнить эту дату. Так, панцири покроя «халат», бронированные крупными чешуйчатými пластинами, судя по вещественным и изобразительным источникам, применялись в IV–I вв. до н. э.³³ Стоячие воротники, представляющие собой цельную конструкцию, бытовали лишь в IV–III вв. до н. э., а с I в. до н. э. на смену им пришли наборные изделия, состоящие из узких горизонтальных пластин³⁴. Ламинарная защита рук, состоящая из сомкнутых «браслетов», появляется в V в. до н. э. и используется потом до первой половины III в. н. э.³⁵ К I в. до н. э. относится появление аналогичного способа бронирования ног³⁶. Наиболее длительную историю имеют боевые оголовья с тульей типа «каска», восходящие к так называемым «кубанским» шлемам. Самые ранние бронзовые образцы классического облика датируются XI–X вв. до н. э.³⁷ Первые железные шлемы фиксируются со второй половины V в. до н. э. и впоследствии применяются до I в. до н. э.³⁸ Важным датирующим показателем является наличие на изображении лука так называемого «скифского» типа, который активно применялся населением юга Западной Сибири лишь до II в. до н. э., а затем был вытеснен более мощным «хунским» луком³⁹. Таким

образом, наиболее вероятно, что все указанные реалии могли бытовать одновременно в III–II вв. до н. э.

Еще более сложным является вопрос культурной принадлежности пластины. Если ее происхождение связано, как говорилось выше, с Верхним Приобьем, Кулундой и Рудным Алтаем⁴⁰, то, скорее всего, она происходит из материалов каменной культуры. На это указывает в первую очередь то, что наиболее близкая аналогия представленному на изображении доспеху происходит из памятника данной культуры Бугры⁴¹. Немаловажным является и то, что комплекс вооружения данных племен являлся наиболее развитым в рассматриваемом регионе. Уже с VI в. до н. э. в состав войска племен каменной культуры входили средневооруженные всадники, количество которых со временем увеличивалось⁴². Формирование же ее комплекса вооружения происходило при значительном влиянии военной традиции племен Средней Азии, что было обусловлено занимаемым ею ареалом.

Проанализированное изображение, в целом, дает обширную информацию по вооружению населения юга Западной Сибири в раннем железном веке. В первую очередь, оно очень детально позволяет воссоздать доспех, информация по которому из вещественных источников достаточно ограничена. Реконструируется покрой панцирей, способ бронирования, тип шлемов, особенности защиты рук и ног. Рассмотренные аналогии позволили установить, что формирование защитного вооружения такого типа связано со среднеазиатской военной традицией. Высокая информативность данного изделия позволила также создать графические реконструкции воинов, демонстрирующие различные варианты наборов защитного и наступательного вооружения (рис. 5–7).

Отдельного внимания заслуживает информация по военному делу, которую дает рассмотренное изображение. Так, оно является ярким подтверждением того, что в состав войска входили средневооруженные всадники. Представленное же оружие – лук, копьё, чекан (?) – говорит, что в тактике присутствовал бой на дальней, средней и ближней дистанции. На наш взгляд, все полученные данные могут быть использованы при изучении военного дела каменной культуры, с материалами которой, скорее всего, связано происхождение этого изделия. По изображенному предметному комплексу оно может датироваться III–II вв. до н. э.

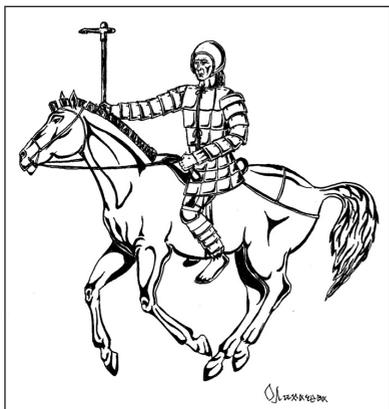
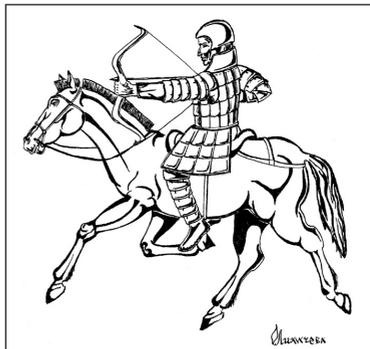
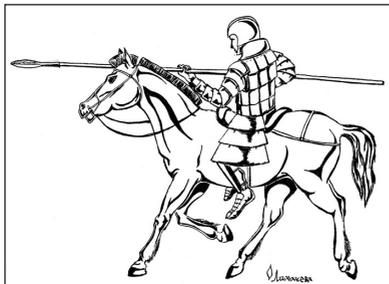

Рис. 5. Реконструкция конного воина III–II вв. до н. э. по золотой пластине. Комплект защитного вооружения № 1.

Рис. 6. Реконструкция конного воина III–II вв. до н. э. по золотой пластине. Комплект защитного вооружения № 2.

Рис. 7. Реконструкция конного воина III–II вв. до н. э. по золотой пластине. Комплект защитного вооружения № 3.

¹ Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. – II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008. С. 11.

² Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ ДЗ-9. М.; Л., 1962. С. 50–51.

³ Горелик М.В. Кушанский доспех // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 87, 89; Он же. Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 114–115; Он же. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). СПб., 2003. С. 99.

⁴ Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. С. 50–51.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. до н. э. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. С. 55.

⁹ Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. Рис. 82.-а; Горелик М.В. Оружие древнего Востока. Табл. LIII.-21а.

¹⁰ Горелик М.В. Кушанский доспех. Рис. 1.-а; Он же. Сакский доспех. Рис. 2.-2. Рис. 3.-6; Никаноров В.П., Худяков Ю.С. Изображения воинов из Орлагского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999. Рис. 3–5.

- ¹¹Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Рис. 82.-б.
- ¹²Горелик М.В. Кушанский доспех. С. 89; Никаноров В.П., Худяков Ю.С. Изображение воинов из Орлатского могильника. Рис. 3–5.
- ¹³Горелик М.В. Кушанский доспех. С. 89.
- ¹⁴Горелик М.В. Сакский доспех. Рис. 2.-2, 3.-6.
- ¹⁵Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Рис. 82.-б.
- ¹⁶Горелик М.В. Сакский доспех. С. 114. Рис. 2.-3.
- ¹⁷Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М., 1964. С. 76.
- ¹⁸Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Рис. 82.-ж.
- ¹⁹Хазанов А.М. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. СПб., 2008. Рис. 33.-4.
- ²⁰Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. С. 113–114; Он же. Сибирская коллекция Петра I. С. 50–51; Горелик М.В. Сакский доспех. С. 123; Бейсенов А.З., Джумабетова Г.А. Бляшка с мифологическим сюжетом из Центрального Казахстана // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4/1. С. 44.
- ²¹Хазанов А.М. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. Рис. 33.-4.
- ²²Чугунов К.В. Захоронения «золотых людей» в традиции кочевников Евразии (новые материалы и некоторые аспекты исследования) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. Астана, 2014. Ил. 1.-1–3.
- ²³Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка-1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М., 2013. С. 21, 128; Яблонский Л.Т., Рукавишников И. В. Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповского-1 могильника) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 16.
- ²⁴Горелик М.В. Кушанский доспех. Табл. 2.-б.
- ²⁵Там же. Табл. 4.-г.
- ²⁶Горелик М.В. Сакский доспех. Рис. 6.-9.
- ²⁷Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. С. 50–51.
- ²⁸Там же.
- ²⁹Лихачева О.С. Комплексы вооружения и развитие тактики боя у населения Лесостепного Алтая во второй половине I тыс. до н. э. // КСИА. М., 2013. Вып. 231. С. 57–59.
- ³⁰Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. С. 10. Табл. 35.
- ³¹Завитухина М.П. Золотая фигурка конного лучника V–IV вв. до н. э. – художественное произведение круга Сибирской коллекции Петра I // СГЭ. Л., 1990. Вып. LIV. Рис. 1; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. Рис. 9.-4.
- ³²Горелик М.В. Сакский доспех. С. 114.
- ³³Горелик М.В. Кушанский доспех. Табл. 1.-а, 2.-б.
- ³⁴Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Рис. 82.-б; Горелик М.В. Кушанский доспех. Табл. 1.-а; Он же. Сакский доспех. С. 114. Рис. 2.-2. Рис. 3.-6; Никаноров В.П., Худяков Ю.С. Изображения воинов из Орлатского могильника. Рис. 3–5.
- ³⁵Горелик М.В. Кушанский доспех. Табл. 1.-а, в. Табл. 3.-а. Табл. 10.-к; Хазанов А.М.

Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. Рис. 33.-4.

³⁶Горелик М.В. Кушанский доспех. Табл. 4.-г.

³⁷Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1988. Рис. 66; Горелик М.В. Оружие древнего Востока. Табл. LXII.-49.

³⁸Никаноров В.П., Худяков Ю.С. Изображения воинов из Орлатского могильника. Рис. 3-5; Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. С. 21, 128; Яблонский Л.Т., Рукавишникова И. В. Вооружение раннесарматского воина. С. 16.

³⁹Лихачева О.С. Комплексы вооружения и развитие тактики боя у населения Лесостепного Алтая... С. 52.

⁴⁰Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья... С. 11.

⁴¹Чугунов К.В. Захоронения «золотых людей» в традиции номадов Евразии. Ил. 1.-1-3.

⁴²Лихачева О.С. Комплексы вооружения и развитие тактики боя у населения Лесостепного Алтая... С.53, 58-59.

А.Н. Лобин (Санкт-Петербург)

**МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК О БИТВЕ
ПОД ОРШЕЙ 1514 г.
(К ВОПРОСУ ОБ УНИКАЛЬНОСТИ СВЕДЕНИЙ
РАННЕГО СПИСКА ХОЛМОГОРСКОЙ
ЛЕТОПИСИ)¹**

О БИТВЕ ПОД ОРШЕЙ сохранилось достаточно большое количество нарратива². Русские летописи XVI в. составляют весомую его часть. В то же время они содержат крайне скудную информацию о самом сражении, так как упоминают о нем лаконично и мимолетно. Официальное летописание представлено Уваровской (свод 1518 г.), Софийской II, Иосафовской, Воскресенской, Никоновской, Львовской летописями (своды 1520–1533 гг.). В них содержатся рассказы о событиях, предшествующих битве (измена М. Глинского, посылка корпуса И.А. Челяднина), и о ходе самого сражения, причем ряд деталей находит подтверждение в других источниках, как то: наличие в войске противника «жолныров с пищальми», гибель князя Ивана Темки-Ростовского в передовом полку.

Среди памятников периферийного летописания следует отметить новгородские летописи, восходящие к своду 1539 г., а также псковские летописи. Псковский летописный свод 1547 г., переработанный игуменом Псково-Печерского монастыря Корнилием, включает в себя описания тех событий, которые обошло вниманием московское летописание. Нельзя не отметить и летописную статью за 7023 (1514) г., содержащую повествование «об Оршанском побоище», созвучное со «Словом о полку Игореве» и «Задонщиной».

Для изучения военных кампаний Василия III особую ценность имеет Устюжский летописный свод, составленный около 1516 г. Историки не раз замечали, что некоторые рассказы, например, о взятии Смоленска и Оршанской битве, а также о походе псковского наместника Сабурова были записаны, скорее всего, со слов очевидцев.

В современной белорусской историографии содержится гиперкритическое отношение к сведениям русского нарратива. Так, исследовательница из Гродно Альбина Семянчук безапелляционно заявляет, что «польские хроники и так называемые белорусско-литовские летописи... дают больше информации, также их определяет большая объективность, чем летописи, которые происходили из Великого Княжества Московского»³. Здесь мы видим априорный подход, когда ничем не подкрепленное утверждение доводится до уровня констатации факта. С источниковедческой точки зрения нет никаких весомых аргументов для декларирования «большой степени объективности» польско-литовского нарратива и субъективности русских летописей, т. е. отдавать предпочтение одному нарративному источнику и игнорировать другой.

Белорусский историк А.В. Казаков отмечает, что в описании сражения под Оршей для московских и региональных летописей характерна черта – «стремление оправдать поражение московских полков», «оправдать разгром», поэтому доверия к ним нет⁴. Между тем, автор не видит разницы между оправданием поражения и объяснением причин поражения. В летописных текстах **главная** причина поражения – грехи перед Богом («грех ради наших», «по грехам нашим»). В остальном при описании обстоятельств разгрома летописец стремится объяснить своими словами, почему так произошло. Перед нами, конечно же, субъективный взгляд на обстоятельства жестокого поражения, но отметить его по причине «оправдания поражения» является слишком сильным упрощением.

В попытках разобраться с достоверностью сведений русских летописей А.В. Казаков делает весьма странные выводы, которые не могут не вызывать недоумение. Так, историк понимает слова летописи «а сила ненарядна была» как сетование летописца на отсутствие у русского войска артиллерии⁵. Хотя термин «наряд» в источниках XVI–XVII вв. имел несколько значений, в том числе в военном деле: «порядок», «боевая готовность», «снаряжение», «комплект», «артиллерия»⁶. Если не вырывать цитату из контекста, то получается, что во фразе «а сила ненарядна была, а иние в отъезде были (выделено мной. – А. Л.)» скорее говорится о некомплекте войска (так как часть воинов была в разъездах), а не об отсутствии артиллерии.

Также странным звучит тезис белорусского исследователя о том, что «москвичи (так в тексте. – А. Л.) прекрасно знали о приближении противника и имели достаточно времени, чтобы, отступив за Днепр,

приготовиться к битве»⁷. К сожалению А.В. Казаков не уточняет, каким образом и какими средствами удалось бы воеводам всего за неделю (с момента выдвижения армии К. Острожского из лагеря под Борисовым) собрать разбросанные на сотни километров «загоны» воедино. Кроме того, автор впадает в противоречие с источниками польско-литовского происхождения, согласно которым раскиданные на больших расстояниях крупные отряды «московитов» были поэтапно разбиты в конце августа – начале сентября передовыми частями В. Полубенского, И. Пилецкого, И. Сапеги⁸. Следовательно, еще за несколько дней до Оршанской битвы русское войско еще не было собрано⁹. Об этом и говорит летописец.

Значительно расширить наши представления о сражении пяти-сотлетней давности нам поможет уникальный рассказ одного из двух сохранившихся списков Холмогорской летописи, ранее не привлекавший внимания историков военного дела. До 1948 г. Холмогорская летопись вообще не упоминалась в литературе, только в 1977 г. она была опубликована по Погодинскому списку № 1405 (2-й половины XVII в.). Но в этом списке статья о битве под Оршей отсутствовала. Второй список (бумага датируется по филиграням 1580–1590-ми гг., т. е. он является более ранним) был обнаружен сравнительно недавно – его научное описание было осуществлено только в 1985 г. А.В. Лаврентьевым¹⁰. Он сохранился в составе собрания Чертковых в отделе письменных источников Государственного исторического музея¹¹.

Оба списка Холмогорской летописи, и Погодинский, и Чертковский, оканчиваются статьей за 1559 г., где сообщается о приезде из Москвы «писать Двину» Василия Михайловича Гагина. По словам А.В. Лаврентьева, этим и можно «предположительно объяснить сам факт появления летописания на Двине»¹².

Чем же ценно для нас сообщение о битве под Оршей раннего списка Холмогорской летописи? Дело в том, что он содержит рассказ, отсутствующий в других летописях, нет его также и в Погодинском списке. Как установил А.В. Лаврентьев, ряд известий Холмогорской летописи «мог быть заимствован из устной традиции»¹³.

Описание боя занимает всего лишь лист с оборотом (Л. 318–318 об.), однако оно содержит немаловажные детали для реконструкции сражения. Несмотря на то, что в тексте встречаются ошибки в именах (например, Иван Андреевич Челяднин назван Васильем Андреевичем, в Смоленске после отъезда Василия III был оставлен

якобы Данила Щеня вместо Василия Шуйского), уникальность рассказа раннего списка Холмогорской летописи стоит наравне с известием Устюжской летописи (Архангелогородского летописца).

Изложение обстоятельств битвы в некоторых деталях пересекается с рассказом С. Герберштейна. Так, по словам летописца, после взятия Смоленска Василий III направил к Орше своих воевод: «И пришедше в Литовские украины, и стаха под Оршею у реки». О «стоянии» недалеко от крепости писал С. Герберштейн, рассказ которого отразил влияние литовского источника. По его словам, когда К.И. Острожский «подошел к Борисфену близ Орши (Orsa), города, отстоящего от Смоленска на двадцать четыре немецких мили, то там уже стояло войско московита...»¹⁴.

В Холмогорской летописи говорится: «И множество войска литовского перевезеся за реку за Оршу против воевод великого князя. В то же время Литовский гетман болшей князь Константин Острожский, литовский воевода, **объеде воевод великого князя лесы об ону страну Орши реки со многими воеводы ляцкими** (выделено мной. – А. Л.)»¹⁵.

В историографии на сегодняшний момент существует несколько версий локализации битвы. Историки до сих пор спорят, где произошло сражение: на левом или правом берегу Крапивны? Автор этой статьи придерживается первой версии, обосновав ее в своей книге. В то же время в последних публикациях белорусских исследователей отстаивается вторая версия, которая локализует место сражения между Крапивной и Дубровной¹⁶. Так, историк А.В. Казаков предлагает собственную попытку реконструкции места сражения. По его мнению, все те версии, которые локализуют место сражения между Оршей и Крапивной, «имеют довольно существенные недостатки, которые делают каждую из этих версий довольно сомнительной», тогда как его реконструкция «согласуется или, как минимум, не противоречит тем сообщениям источников, которые заслуживают доверия»¹⁷. Белорусский краевед Ю. Копчик также считает, что сражение произошло на правом берегу Крапивны¹⁸. Мы, в свою очередь, никак не можем согласиться с подобной трактовкой, основанной в большей степени на логических построениях, чем на источниковой базе.

Рассказ Холмогорской летописи записан, скорее всего, со слов участника сражения, который явно не мог оценивать в полной мере обстановку на поле боя и для которого было ясно только одно: Ост-

рожский ударил в тыл русских со стороны леса. Обратим также внимание на то, с какой стороны был удар засады: «от лесу Смоленска и наеха со зади на воевод великого князя», т. е. из лесного массива, который находился в той стороне, где и город Смоленск (т. е. с восточного направления). Кроме того, летописный рассказ, как и известие С. Герберштейна, совершенно определенно локализует место сражения под Оршей.

Большинство источников, современных событию (т. е. 1514–1515 гг.) также локализируют битву именно «у Орши». Если в эпистолярном комплексе «Acta Tomisiana» о месте сражения говорится неопределенно – «на берегах Борисфена» или «у Борисфена», – то в орденских документах вполне четко читается «у Орши на Днепре». Надо отметить, что орденская разведка внимательно следила за развитием ситуации на русско-литовском фронте и получала *secretum littera* (секретные послания) от своих осведомителей (обозначенные в документах как «*exploratores*», «*unstschaffter*» и «*vorspeer*») как из России, так и из Литвы. 16 сентября 1514 г., т. е. через неделю после сражения, в одном из сообщений говорилось: «*konincklike magestat folk hebbenn eyne slachtynge geholdenn by Orsa an der Nepe*» («Воинство Его Королевского Величества дало сражение у Орши на [Д]неп[р]е»¹⁹).

Текст секретаря королевы Боны Сфорца Станислава Гурского, который использует А.В. Казаков в своей реконструкции²⁰, на самом деле не подтверждает построения историка. Гурский прямо не упоминал об Орше, однако в описании разгрома и отступления «москвитов» отметил один географический ориентир: «*Sed etiam in flumine Kopriwna limoso ac riparum prruptarum in quatuor milliariis a loco pugne tantus in illia fuga Moscorum numerus una cum equis submersus est, ut fluminis cursus cadaveribus submersorum impeditus restagnaret; unde nostril, urgente siti, aquam sanguinolentam galeis haurientes potare coacti fuerint*» («Даже в болотистом русле Крапивны и на ее обрывистых берегах в четырех милях от места битвы лежало большое количество москвитов вместе с лошадьми, так что течение было запружено наваленной кучей трупов, и наши, сжигаемые жаждой, зачерпывали шлемами и пили кровавую воду»). Частица «даже» (*etiam*), употребляемая для смыслового выделения слов, используется здесь не случайно – автор хотел подчеркнуть, что даже в таком удаленном от битвы месте, как русло Крапивны, в четырех милях от сражения, находили трупы. «Москвиты» после разгрома, естест-

венно, под напором противника инстинктивно спасались по направлению на восток, к своим крепостям («побегоша к Смоленску»²¹), но никак не на запад. Неудачно отступить к обрывистым берегам по направлению к своим основным силам можно было бы только в том случае, если бы Крапивна находилась к востоку от построек, за спиной у русских войск.

В имперских источниках также фигурирует сражение «у Орши» («*bey Orsa*»)²², что, несомненно, локализует произошедшее событие вблизи крепости. Затрагивая известия имперские, следует особо отметить известие С. Герберштейна. А.В. Казаков относится к нему скептически, поскольку, по словам историка, «рассказ (о битве. – *А.Л.*) попал к С. Герберштейну уже в мифологизированном виде»²³. Причины, по которым А.В. Казаков отбрасывает свидетельство имперского дипломата, непонятны.

Между тем С. Герберштейн это сражение явно интересовало: он упоминает о нем не один раз, ему было знакомо даже место побоища. Вот что он пишет: «Между Оршей и Дубровно произошла упомянутая выше битва. **Минуло немного лет, а там выросли такие высокие деревья, что трудно поверить, что здесь могло найтись место для такого количества народа и войска** (выделено мной. – *А.Л.*)». Т. е. сопровождавшие дипломата по пути в Смоленск литовцы ему явно показывали место сражения, рассказывали, пусть и в «мифологизированном виде», об «избиении московитов». Поэтому неудивительно, что в другом месте Герберштейн с такими подробностями сообщает обстоятельства, предшествовавшие сражению: «Константин, наведя (плавучий) мост (покрытый камышовыми плетенками), переправил пехоту через Борисфен **возле города Орши**; конница же переправилась **по узкому броду под самой крепостью Оршей** (выделено мной. – *А.Л.*)»²⁴.

Герберштейн передает детальные подробности, почерпнутые, очевидно, от литовского источника: мост, наведенный саперами Я. Башты²⁵, был действительно наплавной, по нему перешла пехота недалеко от города, а по узкому броду, находящемуся под самыми стенами Орши, переправилась конница (см. например, ксилографию А. Критского 1515 г.²⁶). Следовательно, польско-литовские войска переправились на поле между Оршей и р. Крапивной. Они никак не могли оказаться на правом берегу Крапивны – для этого им надо было на глазах русских боевых порядков пройти несколько миль по пересеченному рельефу и еще раз переправиться через реку с крутыми склонами.

Русский нарратив, так же как и европейский, традиционно говорит о битве «под Оршею»: «Бысть побоище великое под Оршею», «послал... ко граду Оршу... и тамо ся учинил бой». В разрядах говорится, что «под Оршею воевод побили»²⁷. В родословцах и актовых документах XVI в. фразы «убит под Оршей», «убили на нашей службе под Оршею», «бой был государевым людем под Оршею» встречаются нередко²⁸. Ни в одном источнике не фигурирует крепость Дубровна или какой-либо другой географический ориентир, расположенный на значительном расстоянии от Орши.

Среди русских источников особо следует выделить Типографскую летопись, содержащую сведения об ориентире: «побиша Литва под Оршею, за пять верст (выделено мной. – *А.Л.*), великого князя воевод и многих поимаша воевод, князя Михаила Голицу с товарищи»²⁹. 5 верст (если брать 700-саженную версту XVI в.) – это около 7,5 км от крепости, что в очередной раз указывает на границы оршанского поля. Сведения Типографской летописи также противоречат реконструкции А. Казакова и Ю. Копцика.

Известие Холмогорской летописи, в свою очередь, также локализует место битвы у Орши, т. е. на левом берегу Крапивны. Таким образом, место сражения по источникам локализуется совершенно определенно, вполне возможно даже в пределах видимости с городских стен Оршанского замка.

В Холмогорской летописи говорится о переправе под Оршей и спланированной засаде (русские полки стояли спиной в сторону Смоленска): «В то же время князь Констянтин Острожский **заеха от лесу Смоленьска и наеха со зади на воевод великого князя** и повеле в трубы трубити многи и во накры бити, изрядив многи полки и **ударися со зади на воевод великого князя**». Ни в одной летописи нет такого рассказа о тактическом приеме противника, обеспечившем ему победу. Короткие фразы московских летописей («с королевыми же воеводами многие желныры с пищальми, а место пришло тесно, и биша из лесов великого князя людей»³⁰) как бы намекали на действия литовцев из засады, но прямо об этом не говорили. Холмогорская летопись, как и Устюжская летопись, очевидно, отразила какие-то воспоминания участников сражения. В то же время известие Устюжской летописи связывает причину поражения не с действием засады, а с внутренним конфликтом – местничеством двух воевод, И.А. Челяднина и М.И. Булгакова, не желавших помогать друг другу в жестокой битве с литовцами.

Соотнесем рассказ Холмогорской летописи со свидетельством С. Герберштейна: «Литовцы, умышленно отступив к тому месту, где у них были спрятаны пушки, направили их против заседавших московитов и **поразили задние их ряды, выстроенные в резерве**, но слишком скученные, привели их в замешательство и рассеяли»³¹. Как видим, и русский, и имперский источники не противоречат, а дополняют друг друга.

Интересно также заметить, что Холмогорская летопись прямо пишет об испуге Василия III, узнавшего о поражении своих воевод (в московских летописях этот эпизод замалчивается): «Князь же великий, слышав сие, убоясь и стави во Смоленце воевод своих князя Данила Щеня и иных воевод блюсти град. А сам князь великий поиде к Москве». В то же время, нельзя не отметить, что рассказ Холмогорской летописи о походе в Литву («Того же лета послал князь великий воевод своих на Литовскую землю. Воеводы же шед в Литовскую землю и воеваша и поплениша многие места, грады и волости по самую Вилню и посторонь Вилни и за Вилню. И возвратишася со многим пленом поздорову»), по-видимому, ошибочно отнесен к 1514/1515, а не к 1516–1518 гг.³².

Таким образом, ранний список Холмогорской летописи содержит интересные и уникальные сюжеты об Оршанской битве, отсутствующие в других памятниках русского летописания.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 15-21-01003 а(м).

² Подробнее обзор см.: Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514. К 500-летию сражения. СПб., 2011.

³ Семянчук А. Бітва пад Оршай як «фігура памяці» // ARCHE. 2013. № 2 (119). С. 151.

⁴ Казаков А. Сообщения русских летописей об Оршанской битве 1514 г. // Traptautinė mokslinė konferencija «1514 m. Oršos mūšis: karinė pergale ir jos ženklai», Vilnius, 2014 m. rugsėjo 26–27 d. Pranešimų tezės. Vilnius, 2014. P. 116. В другой работе, посвященной историографии Оршанской битвы, А. Казаков, критикуя мои построения, в качестве замечания пишет: «Например, исследователь даже не задается вопросом, не является ли утверждение летописцев об отсутствии части московских воинов на момент битвы или о якобы неожиданный для московского командования приход Острожского под Оршу обычным стремлением оправдать разгром?» (Казаков. Гістарыяграфія Аршанскай бітвы 1514 г.: дасягненні і праблемы // Беларускі Гістарычны Агляд. Т. 22. Сш. 1–2 (42–43). Снежань 2015. С. 26).

⁵ Казаков А.В. Сообщения русских летописей об Оршанской битве 1514 г. С. 116–118.

⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1983. Вып. 10 (Н – наятыся). С. 227–230.

- ⁷ Казаков А. Сообщения русских летописей об Оршанской битве 1514 г. С. 116.
- ⁸ Лобин А.Н. Битва под Оршей. С. 142.
- ⁹ Критика работ А.В. Казакова и наш ответ на его рецензии в дальнейшем будут опубликованы в отдельной статье.
- ¹⁰ Лаврентьев А.В. Ранний список Холмогорской летописи из собрания А.И. Мусина-Пушкина // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 39. С. 323–334.
- ¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 173.
- ¹² Лаврентьев А.В. Ранний список Холмогорской летописи из собрания А. И. Мусина-Пушкина. С. 329.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 70.
- ¹⁵ Лаврентьев А.В. Ранний список Холмогорской летописи из собрания А. И. Мусина-Пушкина. С. 333.
- ¹⁶ Казакоў А. Дзе адбылася Аршанская бітва 1514 г.? // Герольд-Litherland, Nr 20. 2014. С. 4–29; Копцік Ю. Карціна «Бітва пад Воршай» як крыніца да праблемы лакалізацыі Аршанскай бітвы // Там же. С. 30–39.
- ¹⁷ Казакоў А. Дзе адбылася Аршанская бітва 1514 г.? С. 29.
- ¹⁸ Копцік Ю. Карціна «Бітва пад Воршай» як крыніца да праблемы лакалізацыі Аршанскай бітвы. С. 30–39.
- ¹⁹ GStAPK. XX HA Hist. StA Königsberg, OBA. 20215. Fol. 1–4.
- ²⁰ Казакоў А. Дзе адбылася Аршанская бітва 1514 г.? С. 11.
- ²¹ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 260.
- ²² См. напр: *Fontes Rerum Austriacarum. Österreichische Geschichts-Quellen.* Band I. Wein, 1855. S. 113.
- ²³ Казакоў А. Дзе адбылася Аршанская бітва 1514 г.? С. 12.
- ²⁴ Герберштейн С. Записки о Московии, М., 1988. С. 70.
- ²⁵ Kaminski A.J. Dwa świadectwa rycerskich zaslug mieszczanina zywieckiego Jana Baszty // Gronie. 1938. № 8. S. 194–196.
- ²⁶ Ad inclutum Sigismundum primum kegem Poloniae etc. nomine reginae Sarbare, post partam de Moscis victoriam epistola Andreae Kritii [1515].
- ²⁷ Отрывок русской летописи // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ), СПб., 1853. Т. 6. С. 280; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I. С. 142.
- ²⁸ Синодик Успенского собора: Древняя Российская Вивлиофика / Изд. Н.Новиковым. М., 1788. Т. VI. С. 463–464; Белокуров С.А. Краткая выписка о бывших между Польшею и Россией переписках, войнах и перемириях 1462–1565 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1902. Кн. 4. Смес. С. 10. № 2; Савелов Л.М. Материалы для истории рода дворян Савеловых (потомство новгородских бояр Савелковых). М., 1894. Т. I. С. 10.
- ²⁹ Типографская летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. 24. С. 217.
- ³⁰ Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 258; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. Ч. I. С. 22.
- ³¹ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 70.
- ³² 1518, август–сентябрь. Посылка в Крым... // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 95. СПб., 1895. С. 535. № 31.

Н.В. Ломакин (Санкт-Петербург)

ОРУЖИЕ СИСТЕМЫ ГАРТУНГА В КОЛЛЕКЦИИ ВИМАИВВС

В ИСТОРИИ развития армейского ручного огнестрельного оружия сороковые годы XIX в. характеризуются двумя основополагающими моментами: во-первых, сменой способа воспламенения заряда, когда старый добрый кремень наконец уступил место капсюлю, к тому времени прочно прописавшемуся в охотничьих и произвольных образцах, и, во-вторых, все более расширяющимся применением нарезных стволов, причем заряжание новых штуцеров и нарезных ружей в скорости, как правило, не уступало гладкоствольному оружию. Естественно, русское военное руководство, начиная с императора, постоянно следило за нововведениями в оружейном деле, стремясь не отстать от «вероятных друзей». Так, в 1840 г. император Николай Павлович, приняв во внимание результаты предшествующих трехлетних испытаний, приказал заказать в Бельгии в городе Литтихе (Льеж) у фабриканта Малерба штуцера по образцу, сходному с английским и впоследствии получившему наименование «Штуцер для стрелковых батальонов (Литтихский) обр. 1843 г.».¹ Как и английский, он был сделан по системе, предложенной генерал-майором армии Брауншвейга Бернером – два глубоких нареза в стволе в сочетании со сферической пулей с круговым желобком по форме нарезов давали возможность не забивать пулю в нарезы, а просто прогонять ее по ним, что давало скорострельность, почти сравнимую со скорострельностью гладкоствольных ружей.² Всего было закуплено 5000 штуцеров для вооружения лейб-гвардии Финского стрелкового батальона и для вновь формируемых стрелковых батальонов.³ В 1845 г. учитель цельной стрельбы при Гвардейском корпусе Гартунг предлагает свой штуцер, также с двумя нарезами, переделанный из драгунского ружья; после всесторонних испытаний, в том числе в постоянно воюющих частях Кавказского корпуса, продолжавшихся также долгие три года, это оружие признается почти равноценным

литтихскому штуцеру по боевым качествам при цене выделки в три раза меньшей и принимается на вооружение в 1848 г.⁴

В предлагаемой вниманию читателей статье представлен обзор десяти выявленных образцов системы Гартунга, в настоящий момент находящихся в хранилище 1 Отечественного оружейного фонда Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге.

1. Штуцер сист. Гартунга обр. 1848 г. капсюльный (ударный), переделочный, первый вариант.

Рис. 1. Штуцер сист. Гартунга обр. 1848 г. капсюльный (ударный), переделочный, первый вариант. Общий вид. ВИМАИВиВС, № 100Ф 3/355

Рис. 2. Штуцер сист. Гартунга обр. 1848 г. капсюльный (ударный), переделочный, первый вариант. Средняя часть. ВИМАИВиВС, № 100Ф 3/355

Рис. 3. Штуцер сист. Гартунга. Дульный срез

Рис. 4. Штуцер сист. Гартунга обр. 1848 г. капсюльный (ударный), переделочный, первый вариант. Прицел, щиток опущен. ВИМАИВиВС, № 100Ф 3/355

Рис. 5. Штуцер сист. Гартунга обр. 1848 г. капсюльный (ударный), переделочный, первый вариант. Прицел, щиток поднят. ВИМАИВиВС, № 100Ф 3/355

Данный образец переделывался из кремневого драгунского ружья обр. 1839 г. Переделка заключалась в следующем: в стволе нарезались 2 прямоугольных в плане нареза, имеющих по длине ствола 1,25 оборота⁵, вместо полукруглой мушки устанавливалась треугольная, на верхней образующей ствола изготавливался паз для основания прицела. Прицел открытого типа, состоит из основания, в верхней части которого выполнен целик с прорезью; в передней части прицела шарнирно укреплен поднимающийся при необходимости вверх щиток, в верхней части скругленный, с прорезью на верхнем торце и тремя полукруглыми отверстиями с прорезями. У прорезей щитка обозначена дистанция в шагах (сверху вниз) – «600», «500», «400» и «300». Штуцер № 100Ф 3/352 отличается прицелом, рассчитанным на дальность до 1000 шагов – полукруглых отверстий с прорезями здесь семь и добавляются надписи «700», «800», «900» и «1000». Замок переделывался из кремневого путем сваривания с правой стороны ствола подстержника довольно значительных размеров с формой, близкой к овалу, подстержник закрывал собой место, где ранее было затравочное отверстие; в замочной доске делался овальный вырез, усиленный железной пластиной, огниво с подогнивной пружиной, естественно, снималось. Новый курок для капсюля изгиба не имеет. Участок ложи между замочной доской и хвостовиком казенного винта усилен латунной пластиной, укрепленной двумя шурупами. Как нетрудно заметить, этот способ переделки отличается от образца 1844 г., где подстержник сваривался в правую верхнюю грань казенной части ствола. Судя по клеймам, штуцера переделывались на Сестрорецком оружейном заводе в 1849 г. из драгунских ружей работы Ижевского оружейного завода 1842–1823 гг. На подстержнике и затыльнике приклада у двух штуцеров (№ 100Ф

Рис. 6. Штуцер сист. Гартунга обр. 1848 г. капсюльный (ударный), переделочный, первый вариант. Прицел с высоким щитком. ВИМАИВиВС, № 100Ф 3/352

№ 100Ф 3/352 отличается от образца 1844 г., где подстержник сваривался в правую верхнюю грань казенной части ствола. Судя по клеймам, штуцера переделывались на Сестрорецком оружейном заводе в 1849 г. из драгунских ружей работы Ижевского оружейного завода 1842–1823 гг. На подстержнике и затыльнике приклада у двух штуцеров (№ 100Ф

3/353 и 3/355) выбиты заводские номера (641 и 224 соответственно) которые не согласуются с номерами, выбитыми на казенной части ствола (если они имеются). Удалось произвести неполную разборку штуцеров № 100Ф 3/197, 3/353 и 3/355, при этом на нижней образующей ствола, хвостовике казенного винта и замочной доске вышеуказанные номера продублированы, кроме того на ствольном желобе ложки в двух случаях выявлены надписи: на 3/107 чернилами «Егорова»; на 3/355 карандашом продублирован заводской номер и начертано «Матвея Игнатъева». Все штуцера имеют оксидировку, правда, сильно потертую: ствол и подстержник оксидированы в коричневый цвет, курок и замочная доска – в черный цвет. Наличие оксидировки данных штуцеров подтверждает сведения о том, что требование императора Николая I о необходимости отделки такого рода были выполнены (хотя и в усеченном виде – на замену прибора на железный оксидированный так и не сподобились)⁶. У трех штуцеров данного варианта шомпола не сохранились, один штуцер (№ 100Ф 3/355) явно не со своим шомполом и только один (№ 100Ф 3/352) имеет шомпол, более или менее подходящий под описание, размещенное у В.Г. Федорова⁷ – железный шомпол с латунной головкой, с полусферическим углублением в торце, к тому же оксидированный в цвет, аналогичный стволу. Основные размеры штуцеров приведены в таблице.

Таблица 1.

Основные размеры штуцера сист. Гартунга обр. 1848 г. капсюльного (ударного), переделочного, первый вариант

№ п.п.	№ 100Ф	Калибр, мм	Ширина нарезов, мм	Глубина нарезов, мм	Расстояние от дульного среза ствола до основания прицела, мм	Длина ствола, мм	Общая длина, мм
1.	3/197	17,6	7	0,8	845	940	1335
2.	3/352	17,8	7,4	0,3	840	936	1336
3.	3/353	18,1	7,6	0,6	843	938	1338
4.	3/355	17,8	8,8	0,5	845	938	1330
5.	3/358	18	6,9	0,3	841	937	1333

2. Штуцер сист. Гартунга обр. 1848 г. капсюльный (ударный), переделочный, второй вариант.

В процессе подбора образцов для написания данной статьи было выявлено 4 образца, которые обладали рядом признаков, относящих их к системе Гартунга (два нареза в стволе, характерная треугольная мушка на трех экземплярах, прицел, если сохранился). В то же самое время они получены переделкой из гладкоствольных драгунских ружей образца 1847 г. изначально капсюльных (ударных) – в стволе формировались нарезы, ставился прицел, но система воспламенения заряда не менялась: подстержник оставался между верхней и правой гранью, курок соответственно сохранял свой изгиб. У Федорова про эти ружья не говорится ничего. Из них особо надо выделить экземпляр с № 100Ф 3/356, поскольку на нем на казенной части ствола вырезано «СОЗ» и «№ 2». На остальных частях оружия клейма Сестрорецкого оружейного завода и дата «1850». Сохранившийся характерный прямоугольный ярлык на прикладе справа прямо указывает на предмет, поступивший в Артиллерийский исторический музей до 1882 г. Согласно ярлыку, штуцер поступил в АИМ в 1873 г. из Ижевского оружейного завода⁸. Вполне возможно, что этот предмет был прислан на Урал как образцовый, по которому следовало заниматься переделкой в штуцера Гартунга гладкоствольных драгунских ружей обр. 1847 г. К сожалению, ни прицела, ни шомпола у данного оружия не сохранилось. Штуцера № 100Ф 3/176 и 3/354 также без шомполов, но с прицелами и несут на себе все «родовые» черты конструкции Гартунга; изготовлены они в 1851 и 1850 гг. соответственно тем же Сестрорецким оружейным заводом, причем 3/176 в свое время, видимо, использовался как учебное пособие в Михайловском артиллерийском училище Санкт-Петербурга, о чем говорят выбитые на прикладе буквы «М.А.У», ствол этого штуцера оксидирован в коричневый цвет, откидной щиток прицела – в черный цвет; аналогично защитное покрытие на тех же деталях имеет и другой штуцер. Интересен и четвертый представитель данной группы с № 100Ф 3/96, изготовленный сестрорецкими оружейниками: у него нетипичная полукруглая мушка, на подъемном щитке прицела не сделана прорезь, обозначенная дистанцией «600» и, самое интригующее, мы видим на замочной доске – год «1855»! Оксидировки нет, а шомпол по конструкции аналогичен шомполам гладкоствольных ружей, но на его переднем торце сделана небольшая полусферическая выемка. В итоге перед нами – самый поздний представитель

Рис. 7. Штуцер сист. Гартунга обр. 1848 г. капсюльный (ударный), переделочный, второй вариант. Общий вид. ВИМАИВиВС, № 100Ф 3/96

семейства штуцеров системы Гартунга. Итак, можно констатировать, что кроме, так сказать, «канонического» штуцера образца 1848 г. существовал его второй вариант, но уже без переделки замка, поэтому его можно атрибутировать как «Штуцер сист. Гартунга обр. 1848 г. капсюльный (ударный), переделочный, второй вариант». Слово «переделочный» здесь остается, поскольку ствол все-таки брался от драгунского «гладкого» ружья. В заключение опять приведем основные размеры.

Таблица 2.

Основные размеры штуцера сист. Гартунга обр. 1848 г. капсюльного (ударного), переделочного, второй вариант.

№ п.п.	№ 100Ф	Калибр, мм	Ширина нарезов, мм	Глубина нарезов, мм	Расстояние от дульного среза ствола до основания прицела, мм	Длина ствола, мм	Общая длина, мм
1.	3/96	17,7	9	0,4	839	938	1336
2.	3/176	17,5	7,5	0,7	844	936	1334
3.	3/354	17,6	8,5	0,8	843	936	1333
4.	3/356	17,6	8,2	0,9	841	936	1334

3. Ружье пехотное нарезное сист. Гартунга капсюльное (ударное), переделочное, экспериментальное (?), середины 1840 гг. (?)

Представляемый вашему вниманию обзор позвольте завершить кратким описанием образца, резко выделяющегося из ряда ранее описанных, но, тем не менее, также относящегося к системе Гартунга. Речь пойдет о пехотном нарезном ружье (№ 100Ф 3/147), поступившем до 1883 г. в Артиллерийский музей без указания источника поступления⁹. За основу было взято гладкоствольное крем-

**Рис. 8. Ружье пехотное нарезное сист. Гартунга капсюльное (ударное), переделочное, экспериментальное (?), середины 1840 гг. (?).
Общий вид. ВИМАИВиВС, № 100Ф 3/147**

**Рис. 9. Ружье пехотное нарезное сист. Гартунга капсюльное (ударное), переделочное, экспериментальное (?), середины 1840 гг. (?).
Средняя часть. ВИМАИВиВС, № 100Ф 3/147**

невое пехотное ружье образца 1839 г., произведенное в том же году в Сестрорецке и переделанное в капсюльное по образцу 1844 г. – то есть с установкой подстержника с брандтрубкой в казенной части ствола между верхней и правой гранью, снятием огнива и подогнивной пружины с заглушением старого затравочного отверстия; курок заменен на новый с характерным изгибом. В стволе сформированы два нареза, на верхней образующей ствола есть паз для основания (сам прицел не сохранился). Оксидировки нет, сохранившийся на образце шомпол аналогичен шомполам гладкоствольных ружей. У В.Г. Федорова об этом оружии также не упоминается. Можно выдвинуть гипотезу, что были попытки сделать на основе конструкции, предложенной Гартунгом, не только штуцер, но и пехотное нарезное ружье. Данный опыт распространения, скорей всего, не получил. Основные размеры данного образца приведены в таблице.

Таблица 3.

**Основные размеры ружья пехотного нарезного сист. Гартунга
капсюльного (ударного), переделочного,
экспериментального (?), середины 1840 гг. (?)**

№ п.п.	№ 100Ф	Калибр, мм	Ширина нарезов, мм	Глубина нарезов, мм	Расстояние от дульного среза ствола до основания прицела, мм	Длина ствола, мм	Общая длина, мм
1.	3/147	17,5	7,2	0,4	884	1050	1452

В заключение можно подвести следующие итоги. Система переделки гладкоствольного оружия в нарезное, предложенная Гартунгом, довольно интересна как пример паллиативного решения проблемы снабжения войск штуцерами и нарезными ружьями. Конечно, в первую очередь, военное руководство принимало во внимание экономическую сторону вопроса – трехкратный выигрыш в цене по сравнению с заказываемыми за границей «литтихскими» штуцерами. Не меньшее значение имела независимость от зарубежного поставщика и возможность использовать оружие из старых запасов. Судя по тому, что в ВИМАИВиВС сохранился штуцер, изготовление которого датируется 1855 г., генералитет продолжал грезить о дешевой схеме перевооружения даже несмотря на все уже выявленные недостатки гартунговских штуцеров и на то, что эти недостатки преодолевались в уже спроектированных образцах, основанных на идеях Минье и являвшихся их развитием. Конечно, представленный обзор не претендует на истину в последней инстанции и дальнейшее изучение представленных предметов будет продолжаться.

¹ Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. [СПб.], 1911. С. 66, 96.

² Там же. С. 65.

³ Там же. С. 66.

⁴ Там же. С. 67.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Там же. С. 67.

⁷ Там же. С. 96.

⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 3. Л. 81 об.–82. № 1814.

⁹ Там же. Д. 6. Л. 36об.–37. № 234.

А.М. Лукашевич (Минск, Республика Беларусь)

ПРОЕКТЫ ФОРТИФИКАЦИОННОГО ПРИКРЫТИЯ ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ 3-го РАЗДЕЛА РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (1795–1796 ГОДЫ)

ПОСЛЕ 3-го раздела Речи Посполитой (1795), в результате которого Российская империя стала граничить с Австрией и Пруссией¹, военными инженерами было предложено несколько вариантов прикрытия западной границы.

Большинство проектов фортификационного прикрытия границ конца XVIII в. хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве: предложения Я.Я. де Витте², Н.В. Репнина³, П.К. Сухтелена⁴. Они дополняются обширным комплексом документов из Архива внешней политики Российской империи, которые раскрывают различные аспекты исследования новых приграничных районов империи⁵.

Первоначально исследованием способов укрепления северной части западной границы («герцогства Курляндского, Семигальского и округа Пильтенского») занимался инженер-генерал-майор Яков Яковлевич де Витте.

18 мая 1795 г. генерал-фельдцейхмейстер князь П.А. Зубов поручил Я.Я. де Витте немедленно отправиться «в новоучреждаемую из оных герцогств и округа губернию, осмотреть и описать прилегающий к оной морской берег, начиная от самой северной части и продолжая чрез Ирбен, Винда(в)у, Сакенгаузен и Либаву до Палангена»⁶.

При осмотре территорий П.А. Зубов советовал «замечать все то, что к совершенному познанию одного берега нужно, а наиболее употребить внимание на те места, к коим удобно приставать с судами», подробно описывать места и снимать им планы (в них указывать глубину, отмели, подводные камни и т. д.) и высказать свои пред-

положения о наилучшем приведении берега «в оборонительное состояние в случае могущих быть неприятельских покушений». «Для наступательных же подвигов» П.А. Зубов поручал Я.Я. де Витте подыскать «на сем берегу лучшее для судов пристанище, где бы всяким воинским и жизненным припасам верное и удобное депо учреждено быть могло». После осмотра всех портовых мест генералу следовало избрать самое удобное из них для закладки «военной гавани для гребных и прочих при берегах употребляемых судов», составить подробный проект сооружения этого порта и сметы⁷.

Кроме того, Я.Я. де Витте поручалось осмотреть «течение рек» в этом регионе на предмет их пригодности к судоходству (с указанием, «какого рода суда могут по оным плавать и до которых мест, буде же плавание судов по означенным рекам не производится, какие к тому настоят препятствия, нет ли возможности сделать их судоходными и какими способами сего достигнуть возможно»). Генерал должен был провести нивелирование местности, составить проект соединения Дубиссы с Виндавою и Невежи с Лавенною и оценить экономическое и военное значение этих коммуникаций⁸.

После окончания обзора «внутреннего положения Курляндии, Самогитии и части Литвы» Я.Я. де Витте поручалось представить мнение «о защите границ, начиная от Палангена вдоль границы Прусской до Юрбурга на Немене (Немане. – *А.Л.*) и вверх по сей реке до Ковны включительно». Генерал должен был составить топографические карты и планы мест, которые целесообразно укрепить, «с подробным изъяснением предполагаемых укреплений, со сметами, во что оные станут, и соисчислением времени, во сколько они окончены быть могут, и сколько потребно будет людей к построению сих предположений, равным образом означать число людей, также орудий и воинских снарядов, потребных для защиты выше реченных укреплений»⁹.

Для скорейшего выполнения поручения Я.Я. де Витте разрешалось использовать «чинов и людей» из подчиненной ему команды и истребовать «некоторую сумму» для проведения работ¹⁰. Тогда же в помощь генералу были прикомандированы инженер-подполковник Вергел и кондуктор 3-го класса И. Звелинг¹¹. Всемерную помощь Я.Я. де Витте должны были оказывать исполняющий должность курляндского генерал-губернатора барон П.А. Пален¹² и «начальствующий войсками в Польше, Лифляндии и Эстляндии» князь Н.В. Репнин¹³.

В частности, 29 мая 1795 г. П.А. Зубов сообщил Н.В. Репнину о приказе, отданном Я.Я. де Витте об укреплении Курляндии (поручил «сверх тех предположений, которые касаются до Курляндии и укрепления тамошних границ, о осмотре течения рек проходящих в Литве и Самогитии, также исследовать, можно ль соединить оные реки каналом»), и просил оказать генералу «пособия»¹⁴.

Особая роль в организации рекогносцировок новой границы принадлежала генерал-аншефу Николаю Васильевичу Репнину – лифляндскому и эстляндскому генерал-губернатору (с 30 сентября 1792 г.). С началом восстания под руководством Т. Костюшко на землях бывшей Речи Посполитой Н.В. Репнин 20 апреля 1794 г. был назначен главнокомандующим Действующей армией. Однако это назначение оказалось номинальным. В ходе подготовки 3-го раздела Речи Посполитой Н.В. Репнину было поручено управление отходившими к России землями. 30 октября 1794 г. он был назначен генерал-губернатором Литвы, с сохранением должности лифляндского и эстляндского генерал-губернатора (впоследствии часто именовался командующим войсками в Польше, Лифляндии и Эстляндии). В этой должности генерал оставался до 26 ноября 1798 г.¹⁵

Н.В. Репнин не ограничился оказанием помощи Я.Я. де Витте. Осенью 1795 г. командующий войсками осмотрел часть новой западной границы в пределах Великого Княжества Литовского и 18 сентября в докладной записке на имя П.А. Зубова¹⁶ высказал свои предложения относительно укрепления населенных пунктов. «Объезжая здешнюю границу, – сообщал князь из Гродно, – и почитая оную важнейшею протчих нашего Отечества, по сей причине примечал я положение мест, по ней лежащих с тем, чтобы ее пристойными укреплениями сделать благонадежнее»¹⁷.

Н.В. Репнин также сообщил, что в Ковно он видел инженер-генерал-майора Я.Я. де Витте, который планировал захватить к нему, чтобы обсудить общие принципы укрепления западной границы. Однако в связи со срочным заданием они не смогли обстоятельно обговорить этот вопрос. Тем не менее, Я.Я. де Витте изложил командующему войсками свое мнение. Н.В. Репнин сообщил об этом П.А. Зубову, снабдив записку замечаниями на основании личного осмотра границы¹⁸.

По словам командующего войсками, Я.Я. де Витте избрал около Юрбурга «несколько выше по течению Немена» место для крепости. Однако Н.В. Репнину оно хотя и «показалось выгодным, но несколь-

ко <...> обширным», потому что «в том крае Самогитии, лесистом и болотистом, не полагаю, чтобы армии действовать могли, а только легкие корпусы»¹⁹.

По мнению Н.В. Репнина укрепление города Ковно было невозможно, потому что он «лежит в яме и вблизи командована возвышениями противного берега». Поэтому генерал нашел «редко удобное место для достаточной крепости» около города. По словам командующего войсками, «оно повелевается обеими реками Немном и Вилею, то же береговыми лощинами тех рек, совершенно их открывая. Место притом высокое, имеющее однако ж вершину горы шесть плечей. Тем же паче удобным». По мнению Н.В. Репнина, это место «по крутости горы по большей части не требует нужды рвов копать и каменной одежды делать: почему та крепость больших на ее построение издержек, конечно, требовать не будет, а важность сего пункта, соединяющего две большие реки, очевидна»²⁰.

Не видел Н.В. Репнин возможности и в укреплении Вильни, которая также «лежит в яме – окружена горами, ею повелевающими». Притом генерал отметил важность этого пункта, возле которого «нужно иметь среди земли у большой реки запасы всякие в безопасном месте, и нужно же самый тот город в узде держать». Поэтому командующий войсками предложил укрепить «горы над самую Вильною вверх по Вилии, которые повелевают совершенно городом и той рекой». По мнению генерала, на это не понадобится больших издержек. «Ключи есть между тех гор в лощинах, которые неприятель отнять не может», – резюмировал Н.В. Репнин²¹.

Еще одним населенным пунктом, который предложил укрепить командующий войсками, являлось местечко Меречь. «В Мерече такая позиция, – писал князь, – что хотя бы неприятель на противном берегу был, переход чрез Немен воспретят нам». Однако «такое выгодное место всегда с верностью» необходимо иметь в своих руках. Поэтому генерал предложил построить здесь «небольшую крепость», которая «равномерно издержек больших стоить не будет»²².

Обратил внимание Н.В. Репнин и на окрестности местечка Прены. «С левого берега есть против нас у местечка Прени (Прены. – А.Л.) такой же переход чрез Немен, которому мы никак воспрепятствовать не можем, – сообщал князь П.А. Зубову, – но версты четыре оттоль есть позиция у деревни Бириштан (Бирштаны. – А.Л.), через которую необходимо идти должно и в которой надлежит сделать некоторое всегдашнее *полевое укрепление*». Впрочем, командующий войсками

отмечал, что «места тут лесистые, почему переход реки <...> легок, но проход далее затруднителен»²³.

Особое внимание Н.В. Репнин обратил на необходимость укрепления города Гродно, который занимал важное место «по обороту тут Немена», который «выше течет уже внутри наших границ, а при том выходящий угол границы с пруссаками». Однако генерал считал, что «укрепление сего места по его положению должно быть обширное и требовать станет одежды каменной и ров». Поэтому он предложил при проведении будущей демаркации границы с Пруссией сделать так, чтобы «форштат Гродненской за Неменом лежащий с выгонами версты хотя на три в округе при разделе за нами остался, дабы не быть в сем городе на часах, как в военное время»²⁴. И впоследствии этот вопрос был решен в пользу России²⁵.

В целях более подробного исследования избранных мест Н.В. Репнин поручил генерал-майору И.И. Герману «снять планы по инструменту». Все эти документы, как и «всю границу, также снятую, по которой помянутый генерал-майор сам ездил до самого Палангена», командующий войсками представил П.А. Зубову²⁶.

Что касается участка границы от Гродно до Брест-Литовска, то Н.В. Репнину «в подробной точности» эти места не были известны. Однако, «судя по карте», на этом участке сухопутной границы генерал предложил укрепить Брест-Литовск. Кроме того, Н.В. Репнин рекомендовал построить небольшую крепость около верховьев Свислочи, «между оной реки и верховьями же Нарева». Командующий войсками также выступал за возведение резервной крепости на реке Щаре около Слонима (поскольку сам город укрепить «с удобностью нельзя»), чтобы прикрыть «части Несвижской и Слуцкой», и «для сохранения всех запасов сей части сухой границы нужных»²⁷.

Кроме того, Н.В. Репнин остановился на возможных проектах соединения рек в подчиненном ему крае. «Соединение речки Дубицы (Дубиссы. – А.Л.), впадающей в Немен, с речкою Виндавою в их верховьях, дабы тем способом судоплавание производилось в наших границах из Немена в Виндаву», командующий войсками считал «весьма затруднительным». Поэтому он предположил, что лучше было бы «соединить для сего предмета Невяжу (Невежу. – А.Л.) чрез Лавену (Лавенну. – А.Л.) с Муссою, которая идет чрез Бовск, Мятаву (Митава. – А.Л.) и впадает у Динаминда (Динамюнда. – А.Л.) в Двину (Западную Двину. – А.Л.)». По мнению Н.В. Репнина, «осмотреть сие прилежно труда ничего не стоит»²⁸.

Командующий войсками в Польше, Лифляндии и Эстляндии высказался и относительно судьбы Королевского (идущего «из Пины близ Кобрина в реку Мухавец, которая впадает у Бреста в Буг») и Огинского каналов. По его мнению, их не только необходимо сохранить, «но и в самое исправное состояние привести»²⁹.

Таким образом, по мнению Н.В. Репнина, основные крепости на новой линии западной границы целесообразно было построить в окрестностях Вильно, в Гродно и Брест-Литовске, меньшие – выше Юрбурга, около Ковно, в Меречи, в верховьях р. Свислочь, около Слонима, и полевое укрепление – в д. Бирштаны (около м. Прены).

Предложения Н.В. Репнина генерал-фельдцейхмейстер П.А. Зубов передал генералу Я.Я. де Витте. Последний в ходе рекогносцировок присоединенного края рекомендовал укрепить Либаву и Ковно, а между ними возвести второразрядные укрепления в Обер-Бартау, Погаренах, Юрбурге, Ворне и Виндаве³⁰. Однако предложения генерала относительно Либавы и Ковно подверглись серьезной критике.

Одновременно с Я.Я. де Витте обследованием центрального и южного участков новой западной границы империи занимался инженер-генерал-майор Петр Корнильевич Сухтелен. Еще 21 августа 1795 г. он получил предписание П.А. Зубова изучить Минскую, Вольнскую, Брацлавскую и Подольскую губернии³¹.

В июле–октябре 1796 г. П.К. Сухтелен продолжил эти работы, но уже в Виленской и Слонимской губерниях (образованы на землях бывшего Великого княжества Литовского и подчинены генералу Н.В. Репнину)³².

В 1796 г. в помощь П.К. Сухтелену для обследования западной границы П.А. Зубов направил инженер-майора Карла Ивановича Оппермана. Результатом его работы стала инструкция «Обеспечение новой границы с Пруссией и Австрией» (1796), которая от имени генерал-фельдцейхмейстера была передана П.К. Сухтелену³³.

В этом документе предлагалось вдоль границы возвести 9 крепостей: Либава, Ковно, Меречь, Гродно, Брест-Литовск, Луцк, Лановец, Каменец-Подольский и Сорока. В промежутке между этими крепостями, отстоящими одна от другой на расстоянии 120–150 км, должны размещаться полевые войска (своими флангами они опирались бы на крепости). В тылу на расстоянии 80–100 км от первой линии планировалось учредить 6 крепостей-депо: Ворни, Вильно, Слоним, Пинск, Старый Константинов (Староконстантинов), Брацлав. По сути крепости-депо становились как бы второй укрепленной оборо-

нительной линией и в то же время служили базами обеспечения полевой армии. В проекте также высказывалось мнение, что крепости сами по себе не могут надежно обеспечить защиту страны от наступления противника. Поэтому они должны служить только опорными пунктами для действий полевых войск, прикрывать те основные направления, на которых наиболее вероятно развертывание армий³⁴.

В 1790-е гг. приблизительно те же взгляды относительно системы прикрытия западной границы, что и К.И. Опперман, высказал инженер-генерал-майор Франц Павлович Деволан. Однако он советовал расположить крепости в 3 линии. Согласно его плану, 1-я линия соответствовала проекту К.И. Оппермана, 2-я размещалась на расстоянии 80–100 км и включала крепости-склады в Ворни, Вильно и Слониме; 3-я линия состояла из первоклассных крепостей в Риге и Киеве. Такой способ прикрытия границы позволял в зависимости от военно-политической ситуации довольно эластично строить тактику обороны и наступления. В связи с этим система Ф.П. Деволана была более сложной, чем оппермановская³⁵.

Таким образом, проект П.К. Сухтелена (К.И. Оппермана), принятый за основу фортификационного прикрытия западной границы, в некоторой степени учитывал предложения Я.Я. де Витте и Н.В. Репнина. Однако он так и не был реализован. Финансовое положение России, которая при императрице Екатерине II вела многочисленные войны, не позволяло за короткий срок осуществить такие крупномасштабные фортификационные работы. Не хватало и квалифицированных кадров для крепостного строительства: Россия вела в основном наступательные войны, и инженерных частей было немного. В реальную же плоскость проекты фортификационного прикрытия западной границы были переведены только после Тильзитского мира (1807), когда для Российской империи сложилась неблагоприятная внешнеполитическая конъюнктура.

¹Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М., 2002.

²Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 93. Сухтелен Петр Корнильевич. Оп. 1. Д. 103.

³РГВИА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 123.

⁴Там же. Д. 126, 127, 129.

⁵Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВПРИ МИД РФ). Ф. 63. Сношения России с Курляндией. Оп. 63/7. Д. 596–599.

⁶АВПРИ МИД РФ. Ф. 63. Оп. 63/7. Д. 596. Л. 1–1 об.

- ⁷ Там же. Л. 1 об.–2. Я.Я. де Витте также поручалось осмотреть «со всевозможным рачением» купеческие гавани в Виндаве и Либаве, «показать, какие получает выгоды производимая чрез них торговля», и представить свое мнение, каким образом возможно привести эти торговые порты в наилучшее состояние и во сколько это обойдется. Там же. Д. 596. Л. 2–2 об.
- ⁸ Инженеру поручалось высказать свое мнение относительно возможности соединения этих рек, а также то, «какие чрез соединение оных рек произойдут выгоды и удобства для доставления товаров из Либавы в Ригу и в Курляндские порты». Там же. Л. 2 об.–3 об.
- ⁹ Там же. Д. 596. Л. 3 об.–4.
- ¹⁰ Там же. Д. 596. Л. 6–6 об.; Д. 598. Л. 2; Д. 599. Л. 1–1 об. Об использовании суммы предписывалось представить отчет. Тогда же, 21 июня 1795 г. П.А. Зубов писал П.А. Палену: «Для необходимых расходов» по поручению, данному Я.Я. де Витте «относительно обозрения и описания Курляндии и части Великого княжества Литовского», просит «по сношению с ним снабдить его некоторою суммою, какая действительно на сию надобность будет потребна из доходов Курляндских, с тем, что сии деньги возвращены к вам будут из сумм ведомства артиллерийского, как скоро я получу от вашего превосходительства извещение, какое число оных к нему отпущено». Там же. Д. 598. Л. 2. 28 июня 1795 г. П.А. Пален ответил П.А. Зубову, что он получил приказ, отданный Я.Я. де Витте исследовать для военных целей «Литву и Курляндию», и препроводил его 28 июня к генералу, «уведомляя его при том, что я вследствие предписания вашего сиятельства не оставлю снабдить его потребною на препорученное ему обозрение Курляндии и части Великого княжества Литовского суммою, по чему он благоволил бы меня известить, сколько ему на то действительно потребно». Там же. Д. 599. Л. 1–1 об.
- ¹¹ АВПРИ МИД РФ. Ф. 63. Оп. 63/7. Д. 596. Л. 6 об.
- ¹² Там же. Д. 598. Л. 1–1 об.
- ¹³ Там же. Д. 596. Л. 4–5; Д. 597. Л. 1–1 об.
- ¹⁴ Там же. Д. 597. Л. 1–1 об.
- ¹⁵ Бумаги князя Н.В. Репнина за время управления Литвою (годы с 1794 по 1796) / изд. под набл. Н.И. Костомарова А.А. Половцова // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1875. Т. 16.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 93. Д. 123.
- ¹⁷ Там же. Д. 123. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Л. 1–1 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 1 об.
- ²⁰ Там же. Л. 2–2 об.
- ²¹ Там же. Л. 2 об.–3.
- ²² Там же. Л. 3.
- ²³ Там же. Л. 3–3 об.
- ²⁴ Там же. Л. 3 об.–4.
- ²⁵ Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина, 1770–1837 : в 7 т. / изд. [и предисл.] А. Брикнера. СПб., 1888. Т. 1, ч. 1; Демаркация западной границы Российской империи (1796): док. и материалы / авт.-сост.: А.М. Лукашевич, Н.А. Заикин; под общ. ред. А.А. Павловского. Минск, 2005.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 123. Л. 4.
- ²⁷ Там же. Л. 4–4 об.

²⁸ Там же. Л. 1 об.–2.

²⁹ Там же. Л. 4 об.–5.

³⁰ Там же. Д. 103.

³¹ Там же. Д. 127.

³² Там же. Д. 126, 129.

³³ Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 т. / Гл. ред. Д.А. Скалон. СПб., 1902. Т. 7; Главное инженерное управление: исторический очерк / сост. И.Г. Фабрициус; помощники: Е.О. Попов [и др.] : Ч. 1. Очерк 1. Введение. С. I, VI.

³⁴ Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. 2-е изд. М., 1974. С. 92.

³⁵ Фриман Л. История крепости в России. СПб., 1895. Ч. 1; Яковлев В.В. История крепостей: эволюция долговременной фортификации. СПб., 1995.

В.Е. Лукин (Санкт-Петербург)

**АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОРСКОЙ
ИНСТИТУТ В БИТВЕ ЗА ЛЕНИНГРАД
В 1941–1944 ГОДАХ**

В БИТВЕ за Ленинград в 1941–1944 гг. принимали участие не только боевые артиллерийские части и подразделения, но и артиллерийские научно-исследовательские и научно-испытательные учреждения Красной армии и Военно-морского флота. Им принадлежала важная роль в использовании военно-научных достижений для обороны блокированного города. На Ленинградском фронте они участвовали в контрбатарейной борьбе с артиллерией противника, поддерживали артиллерийским огнем действия наших войск в оборонительных и наступательных операциях. Занимались снаряжением боеприпасов. Проводили контрольные и опытные испытания оборонной продукции, выпускаемой ленинградскими предприятиями, конструировали новые образцы артиллерийского вооружения и боеприпасов, изучали и исследовали трофейное оружие.

В числе воинских частей, организаций и учреждений, принимавших участие в обороне Ленинграда, были и артиллерийские научно-исследовательские и научно-испытательные учреждения Военно-морского флота, одно из них – это Артиллерийский научно-исследовательский морской институт (АНИМИ).

Начавшаяся война изменила привычный ритм работы артиллерийских научно-исследовательских и научно-испытательных учреждений ВМФ. Многие гражданские сотрудники ушли добровольцами на фронт, другие были призваны по мобилизации, изменилась жизнь и оставшихся в этих учреждениях военных и гражданских специалистов.

В июне 1941 г., когда фронт еще находился под Лугой и Кингисепом, перед АНИМИ была поставлена задача по обеспечению быст-

рого создания вокруг Ленинграда кольца из 152-мм стационарных и 130-мм железнодорожных батарей. По тактико-техническим данным, разработанным под руководством инженера Н. А. Сулимовского, была создана документация и изготовлены чертежи для комплектования 20 двухорудийных батарей¹.

В августе 1941 г., по мере готовности орудий, началась их установка под Красногвардейском (Гатчиной), Колпином и Шлиссельбургом. К этому времени уже были выбраны и оборудованы все огневые позиции. Установка орудий выполнялась при непосредственном участии специалистов Морского артиллерийского института, как и их отстрел, порой в боевых условиях, под огнем противника.

Одной из главных задач АНИМИ с началом войны стала задача по скорейшему вводу в строй артиллерии строящихся кораблей. В Ленинграде это была артиллерия главного калибра крейсера «Петропавловск». При непосредственном техническом руководстве Морского артиллерийского института на крейсере были введены в строй артиллерия и прицельная оптика, а личный состав обучен порядку и правилам обращения с ними.

Накануне блокады Ленинграда на оптическом полигоне АНИМИ успешно прошли подготовку около 100 дальномерщиков и визирщиков с кораблей и береговых батарей Краснознаменного Балтийского флота, принявших затем активное участие в обороне города².

С началом войны сотрудники Морского артиллерийского института приступили к выполнению различных оборонных заданий для фронта. Инженеры П.Т. Гельгиссер, С.А. Гринберг и Ю.А. Романовский оборудовали командный пункт начальника артиллерии Морской обороны Ленинграда и Озерного района. Научные сотрудники В.Т. Арутюнян, В.К. Круг, В.К. Михайлов и Н.А. Сулимовский создавали береговые и железнодорожные батареи, а Я.Ф. Авраменко, М.З. Вильнер и Л.С. Шур формировали и готовили личный состав береговых стационарных и морских железнодорожных батарей. В июне–августе 1941 г. на строительство оборонительных сооружений под Ленинградом Морской артиллерийский институт ежедневно выделял от 20 до 30 человек³.

В августе 1941 г. в АНИМИ началось увольнение гражданских сотрудников. Причин было две: предстоящая эвакуация и значительное сокращение штатов в связи со свертыванием научно-исследовательских работ. Из 215 гражданских сотрудников предстояло сократить 167⁴.

В сентябре 1941 г. все военнослужащие Морского артиллерийского института также были переведены на казарменное положение и сведены в роту. Командиром роты был назначен капитан 1 ранга А.А. Якубович, в прошлом начальник редакционно-издательского отдела.

Огневые позиции для кораблей и береговых батарей под Ленинградом определяла специальная комиссия, в которую от АНИМИ входили В.Т. Арутюнян и Н.Р. Тимофеев. По результатам работы этой комиссии и в соответствии с выбранными рекомендациями корабли заняли позиции на Неве, в торговом порту и на кронштадтском рейде.

В ходе обороны Ленинграда по инициативе АНИМИ вокруг города были созданы цепи ложных артиллерийских батарей. Для этого Морским артиллерийским институтом была разработана специальная имитационная система, которая имитировала световой и звуковой эффект выстрела орудий различного калибра. Конструкцию и снаряжение имитационных патронов, которые приводились в действие с помощью специального подрывного коммутатора, разработал инженер Морского артиллерийского института М.И. Зельцер.

В августе 1941 г. установили первую ложную батарею у Ивановских порогов, на правом берегу Невы. Находясь в 1,5 километрах от реальной батареи, она имитировала стрельбу из 180-мм орудий. Помимо имитационных патронов были сооружены и макеты орудий. Управлялась батарея дистанционно с командного пункта реальной батареи. Ложная батарея неоднократно подвергалась противником интенсивному артиллерийскому и минометному обстрелам. Дважды по ней наносились бомбовые удары. На основе полученного опыта по отработанной методике ложные батареи были созданы при всех береговых стационарных и двух морских железнодорожных батареях.

Опыт первых дней обороны Ленинграда показал, что высокой живучестью и большой эффективностью обладают морские железнодорожные батареи. Их изготовление на ленинградских предприятиях осуществлялось при активном участии специалистов АНИМИ. К январю 1942 г. по сравнению с началом войны число таких установок на железнодорожных ветках в окрестностях Ленинграда увеличилось в 3,5 раза⁵.

В конце августа – начале сентября 1941 г. для выполнения задачи по овладению Ленинградом противник сосредоточил огромные

силы: 32 пехотные, 4 моторизованные, 4 танковые дивизии, кавалерийскую бригаду – 300 000 солдат и офицеров. Эта группировка имела 3000 орудий, 19 000 ручных, легких и станковых пулеметов, 4500 минометов, 1000 танков. С воздуха ее поддерживал воздушный флот генерала Келлера, насчитывавший 1000 боевых самолетов⁶. Все это было брошено на штурм Ленинграда.

Из недавно рассекреченных телеграфных переговоров между И.В. Сталиным и командованием войсками Северо-Западного направления стало известно, какую роль он отводил артиллерии в битве за Ленинград, и в частности морской. Вот что телеграфировал И.В. Сталин руководству города и фронта 22 августа 1941 г.: «Мы думаем, что оборона Ленинграда должна быть, прежде всего, артиллерийской обороной. Надо занять все возвышенности в районе Пулковско и других районов, выставить там серьезную артиллерийскую оборону, имея в виду морские пушки»⁷. Последующая оборона Ленинграда полностью подтвердила правильность этого решения.

29 августа 1941 г. В.М. Молотов и Л.М. Каганович, посланные для оказания помощи местному руководству в организации обороны города, докладывали Сталину из Ленинграда: «В течение первого дня при помощи приехавших с нами товарищей мы занимались приведением в ясность дел в отношении имеющихся здесь артиллерии и авиации, возможной помощи со стороны моряков, особенно по морской артиллерии»⁸.

В августе–сентябре 1941 г. умелое взаимодействие артиллерии Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота позволило отразить штурм Ленинграда противником и остановить его наступление на подступах к городу.

В своих мемуарах маршал артиллерии Н.Н. Воронов написал об этом так: «Наземная, береговая и корабельная артиллерия на этот раз упредили противника. Обрушив на него мощные удары, она нанесла врагу большие потери. Наступление гитлеровцев было сорвано»⁹.

В сентябре 1941 г. в отражении штурма противником Ленинграда участвовало свыше 400 морских орудий крупного калибра. Около 60 морских орудий калибром 152 мм были переданы сухопутным войскам и установлены в укрепленных районах¹⁰.

После начала блокады Ленинграда вопрос по дальнейшему использованию Морского артиллерийского института был решен следующим образом. В октябре 1941 г. заместитель Наркома ВМФ адмирал И.С. Исаков, который находился тогда в городе, своей влас-

тью принял такое решение: «В связи со сложившейся обстановкой в г. Ленинграде перебазировать морской институт в г. Ульяновск, за исключением лиц, оставленных для обслуживания нужд обороны г. Ленинграда»¹¹.

Директивой начальника Артиллерийского управления Военно-морского флота (АУВМФ) № 117197 от 14 ноября 1941 г. АНИМИ был расформирован, а на его базе были созданы Научно-исследовательский отдел (НИО) и Оперативная группа (ОГ) в Ленинграде¹². В директиве говорилось: «Все функции научно-исследовательского органа по артиллерийскому вооружению переходят к Научно-исследовательскому отделу. На Оперативную группу в Ленинграде возлагается обслуживание нужд Ленинградского фронта, систематизация опыта войны и выполнения заданий Артиллерийского управления Военно-морского флота»¹³. В состав ОГ вошло 27 военнослужащих и 20 гражданских сотрудников, ее начальником был назначен полковник И. М. Корсаков¹⁴.

Оперативная группа в блокадном Ленинграде состояла из четырех отделов: первый (материальной части и электрооборудования), второй (боеприпасов), третий (приборов управления стрельбой, оптики и прожекторов), четвертый (правил и таблиц стрельбы). В составе группы также имелись административно-хозяйственный отдел, секретная и финансовая части.

В период битвы за Ленинград одной из основных задач сначала Морского артиллерийского института, а впоследствии и Оперативной группы, стало обучение артиллеристов флота более эффективным способам стрельбы, на основе научно-исследовательской работы АНИМИ, проделанной уже в ходе войны.

В сентябре 1941 г. специалисты АНИМИ инженеры М.В. Зинченко, В.В. Никитин и К.П. Рышков проверили на кораблях Невской оперативной группы состояние управления приборов стрельбы и прицельной оптики. По результатам этой проверки Морским артиллерийским институтом был составлен отчет, положивший начало опыту боевой эксплуатации артиллерийского вооружения.

С октября 1941 и по март 1942 г. ведущие специалисты ОГ Морского артиллерийского института П.А. Павлов и А.А. Свешников совершили более 30 выездов на корабли и береговые батареи Краснознаменного Балтийского флота¹⁵. Их главная задача была в обучении личного состава зенитных батарей новым правилам стрельбы по самолетам противника. Эти правила были разработаны

на основе научно-исследовательской работы, выполненной инженером А.В. Денисовым.

В декабре 1941 г. специалисты Оперативной группы А.В. Денисов, А.Т. Мельников, А.Н. Шибаев и В.В. Никитин были командированы в Ижорский укрепленный район для проведения инспекции с целью повышения боеготовности батарей кронштадтских фортов. Поставленная задача была успешно выполнена, они не только проинспектировали Ижорский сектор обороны и устранили на месте обнаруженные недостатки, но обеспечили высокую боеспособность батарей.

В феврале 1942 г. на крейсере «Киров» для командиров групп управления стрельбой кораблей эскадры Краснознаменного Балтийского флота под руководством специалистов Оперативной группы А.Т. Мельникова и П.А. Павлова была организована учеба. Активное участие представителей ОГ в боевых действиях на Ленинградском фронте и постоянный контакт с кораблями и береговыми батареями флота позволили собрать большой материал по опыту и результатам боевых стрельб.

Весной 1942 г. по инициативе ОГ Морского артиллерийского института на Научно-испытательном морском артиллерийском полигоне были организованы первые за все время войны сборы морских артиллеристов. В порядке подготовки к этим сборам специалистами Оперативной группы под руководством инженера А.Г. Кармана были проведены научно-исследовательские работы под названиями: «Наивыгоднейший обстрел площадей при стрельбе по невидимым береговым целям» и «Возможность перехода на поражение без пристрелки при полной подготовке»¹⁶.

В декабре 1942 г. положение под Ленинградом оставалось трудным, враг продолжал сжимать город кольцом блокады.

8 декабря Ставка Верховного Главного Командования Красной армии издала директиву о проведении наступательной операции по прорыву блокады Ленинграда.

Замысел операции состоял в том, чтобы встречными ударами двух фронтов – Ленинградского с запада и Волховского с востока – разгромить группировку противника на Шлиссельбургско-Синявинском выступе, прорвать вражескую блокаду и восстановить связь Ленинграда с центральными районами страны по суше.

Операция носила условное наименование – «Искра». Войскам обоих фронтов, наступающим по пересеченной лесисто-болотистой

местности, предстояло преодолеть сильно укрепленные узлы сопротивления. Наступающим с запада войскам Ленинградского фронта надо было форсировать под огнем противника Неву, шириной до 700 метров, с обрывистым берегом¹⁷.

Артиллерия, совместно с авиацией, должна была своим огнем проложить путь танкам и пехоте, обеспечить форсирование Невы и прорыв обороны противника. Благодаря умелому использованию всех видов разведки были почти полностью вскрыты огневая система, характер оборонительных сооружений и численность группировки войск противника. Это обеспечило высокую эффективность артиллерийской подготовки.

Она началась 12 января 1943 г. в 9 ч 30 мин. В течение 2 ч 20 мин на позициях противника бушевал артиллерийский ураган – это били 4500 орудий и реактивных минометов двух советских фронтов и КБФ¹⁸. Часть этих орудий стреляла прямой наводкой, в результате чего многие артиллерийские батареи и подразделения противника были полностью уничтожены.

В операции по прорыву блокады Ленинграда от КБФ участвовало: 11 артиллерийских батарей стационарной береговой артиллерии (34 орудия от 100 до 406-мм калибра); 16 батарей железнодорожной артиллерии (37 орудий от 100 до 356-мм калибра); лидер «Ленинград»; 4 эскадренных миноносца и 3 канонерские лодки (14 орудий 130-мм калибра)¹⁹.

С января 1943 года наступил решающий перелом в битве за Ленинград. Блокада была прорвана. Инициатива в боях перешла к войскам Ленинградского и Волховского фронтов. Это вселяло уверенность в скорый и полный разгром немецко-фашистских войск под Ленинградом.

Ставка Верховного Главнокомандования, планируя боевые действия по освобождению территории Советского Союза, приняла решение начать 1944 год с наступательной операции под Ленинградом и Новгородом (Первый Сталинский удар). К операции привлекались войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов, а также Краснознаменный Балтийский флот и части дальней бомбардировочной авиации. Цель операции заключалась в разгроме вражеской группы армий «Север», полном снятии блокады Ленинграда и освобождении Ленинградской области.

Утром 14 января в течение 65 минут позиции противника обстреливались артиллерией Ленинградского фронта и Краснознаменного

Балтийского флота, 100 тысяч снарядов и мин обрушились на боевые порядки врага²⁰.

15 января войска Ленинградского фронта нанесли мощный удар по противнику с Пулковских высот. 200 орудий и минометов 100 минут крушили вражеские укрепления, буквально перепахивая траншеи и ходы сообщения, доты и дзоты. Более 200 орудий корабельной и береговой артиллерии Краснознаменного Балтийского флота били по позициям крупнокалиберной артиллерии, узлам сопротивления и опорным пунктам противника²¹.

В Красносельско-Ропшинской наступательной операции Ленинградский фронт поддерживала артиллерия Краснознаменного Балтийского флота в составе 215 орудий калибром от 100 до 406 мм. Наибольшим числом орудий был представлен калибр 130 мм – 43,2 %²². Привлечение крупнокалиберной береговой (стационарной и железнодорожной) и корабельной артиллерии обеспечивало поражение целей, находящихся на значительном удалении от передней обороны противника. Морская дальнобойная артиллерия, воздействуя на тактическую глубину расположения противника, обеспечила советским войскам преодоление его мощных оборонительных рубежей как со стороны Ораниенбаумского плацдарма, откуда наступала 2-я ударная армия в направлении на Ропшу, так и со стороны Ленинграда, где в направлении на Красное Село действовала 42-я армия.

Перед артиллерией Краснознаменного Балтийского флота стояла задача разрушить узлы сопротивления и опорные пункты в тактической глубине обороны противника, подавить его батареи, не допустить стрельбы по наступающим войскам Ленинградского фронта и нейтрализовать работу его командно-наблюдательных пунктов и штабов, а также тыловых узлов связи, расположенных в недостижимости огня армейской артиллерии. Ей также предстояло огневыми ударами по местам сосредоточения резервов противника и узлам дорог, воспрепятствовать маневру живой силы и техники в районах Слущка (Павловска) и Ропши.

Одной из основных задач артиллерии КБФ при снятии блокады Ленинграда являлось подавление тяжелой артиллерии врага. Выполнение поставленных боевых задач требовало от нее четкой организации и согласованных по месту и времени действий.

К 27 января 1944 г. немецко-фашистские войска, 900 дней осаждавшие Ленинград, были отброшены на 65–100 километров от города²³.

Военный Совет Ленинградского фронта докладывал после завершения операции по снятию блокады Ленинграда в Ставку Верховного Главнокомандования: «Под ударами наших войск потерпела крушение сильная оборона немцев, которую они сами расценивали как неприступный и непреодолимый «Северный вал», как «стальное кольцо» блокады Ленинграда. Выполнена задача первоочередной важности – ликвидирована полностью вражеская блокада Ленинграда»²⁴.

27 января 1944 г. по радио был передан приказ командующего Ленинградским фронтом генерала армии Л.А. Говорова о двенадцатидневных наступательных боях. В нем говорилось: «Мужественные и стойкие Ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы. От имени войск Ленинградского фронта поздравляю вас со знаменательным днем великой победы под Ленинградом»²⁵.

Вплоть до полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады в январе 1944 г. в штабе командующего артиллерией Краснознаменного Балтийского флота вице-адмирала И.И. Грена, который до войны возглавлял АНИМИ, продолжали служить его бывшие подчиненные по институту: майор М.З. Вильнер, майор Н.И. Годун и капитан-лейтенант В.А. Сычев, впоследствии вице-адмирал. При их непосредственном участии, для обеспечения передислокации сил, участвовавших в прорыве блокады, был создан выносной командный пункт командующего артиллерией КБФ в районе Невской Дубровки.

В осажденном Ленинграде работа специалистов Оперативной группы осуществлялась с 14 ноября 1941 до 4 июля 1942 г., когда в Москве вновь был сформирован АНИМИ, и обе его группы, ульяновская и ленинградская, объединились.

В период битвы за Ленинград сотрудники артиллерийских научно-исследовательских и научно-испытательных учреждений ВМФ обучали личный состав подразделений Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота, получивших на вооружение новые образцы артиллерийского, минометного и стрелкового вооружения, более эффективному боевому его применению.

В годы обороны Ленинграда артиллерийские научно-исследовательские и научно-испытательные учреждения ВМФ собирали,

обобщали и анализировали опыт боевого применения и технической эксплуатации советской морской артиллерии, что давало возможность использовать эти сведения в послевоенный период при конструировании новых ее образцов.

¹ Коршунов Ю.Л. Военно-морская наука в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Галея Принт, 2005. С. 37.

² Там же, с. 35.

³ Там же..

⁴ Там же, с. 38.

⁵ Там же.

⁶ Кислицин Н. Г. Ленинград не сдается. М.: Прогресс, 1991. С. 44.

⁷ Стенограммы телефонных переговоров / Труд. 2001. 6 сентября. С. 8.

⁸ Там же.

⁹ Воронов Н.Н. На службе военной, М.: Воениздат, 1963. С. 189.

¹⁰ Кислицин Н.Г. Ленинград не сдается. С. 96.

¹¹ ЦВМА. Ф. 516. Оп. 5. Д. 7. Л. 13.

¹² Коршунов Ю.Л. Военно-морская наука в годы Великой Отечественной войны. С. 40.

¹³ ЦВМА. Ф. 516. Оп. 5. Д. 7. Л. 13.

¹⁴ Коршунов Ю.Л. Военно-морская наука в годы Великой Отечественной войны. С. 40.

¹⁵ Там же. С. 44.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Кислицин Н.Г. Ленинград не сдается. С. 201.

¹⁸ Там же. С. 203.

¹⁹ Перечнев Ю.Г., Виноградов Ю.А. На страже морских горизонтов. М.: Воениздат. С. 209–210.

²⁰ Там же. С. 221.

²¹ Там же. С. 222.

²² Перечнев Ю.Г. Советская береговая артиллерия. М.: Наука, 1976. С. 155–156.

²³ Кислицин Н.Г. Ленинград не сдается. С. 232.

²⁴ Там же. С. 232–233.

²⁵ Там же. С. 233.

Е.И. Малоземова (Санкт-Петербург)

АРХИВ КНЯЗЯ И.Д. САЛТЫКОВА И СОБРАНИЕ ВОСТОЧНОГО ОРУЖИЯ ЭРМИТАЖА

В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ древних актов (РГАДА) в фонде под № 1386 хранится дело № 333, которое называется «Рисунки древностей (оружие, памятники и другие) с описанием их и списками князя Салтыкова Ивана Дмитриевича»¹. Это дело – отдельные листы разных размеров и разного качества бумаги в количестве 121 – представляет собой архив документов, описывающих предметы из знаменитой художественной и оружейной коллекции князей Салтыковых, последним единственным владельцем которой стал князь Петр Дмитриевич Салтыков.

В 1860 г. финансовые затруднения вынудили жившего тогда в Париже князя расстаться со своей коллекцией, в которой только художественная часть, состоявшая из произведений декоративно-прикладного искусства Средних веков и эпохи Возрождения, насчитывала до 1109 номеров². Коллекция Петра Салтыкова была настолько великолепна и настолько хорошо известна во Франции, что собрание европейского оружия из нее приобрел Наполеон III³. Восточная часть коллекции, в конце концов, в 1861 г. оказалась в собрании императора Александра II, который заплатил за нее огромную сумму в 190 000 франков⁴. Эта коллекция пополнила собой собрание оружия русских императоров, которое к тому времени уже более двадцати лет располагалось в Царском Селе, в специально выстроенном по проекту архитектора А. Менеласа павильоне «Арсенал». Уже в июне 1861 г. хранитель Царскосельского Арсенала Флориан Антонович Жиль опубликовал «Прибавление», посвященное коллекции Салтыкова и служившее продолжением каталога Царскосельского Арсенала⁵. Судя по поящичному реестру, составленному в Париже при отправке

в Россию десяти ящиков, в коллекции насчитывалось 344 предмета⁶. Эта же цифра обозначена и в рапорте Ф.А. Жилия⁷, а в справке старшего хранителя Императорского оружейного собрания Эдуарда Эдуардовича Ленца, составленной им в 1918 г., говорится уже о 334 предметах, из которых 75 были розданы Александром II своим сыновьям⁸. Тем не менее, несмотря на сокращение количества предметов, эта коллекция стала настолько значительным добавлением к собранию оружия российских императоров, что появилась необходимость даже внести изменения в экспозиции Царскосельского Арсенала. Благодаря превосходным новоприобретенным вещам стало возможно устроить отдельную, так называемую Индо-персидскую комнату, в которой и предполагалось выставить лучшее оружие из новой коллекции. Для этого в мае 1861 г. императорскую коллекцию русского оружия, тоже пополнившуюся не лишенными исторического интереса предметами XVII в. из коллекции князей Салтыковых, пришлось перенести в библиотеку⁹, а в новой восточной комнате осуществить небольшие переделки и сделать дополнительные витрины¹⁰.

Судя по описаниям Ф.А. Жилия, в Царскосельском Арсенале оружие из новой коллекции выставлялось даже в отдельных витринах, а у каждой вещи были свои ярлычки, некоторые из них сохранились до сегодняшнего дня (рис. 1).

Обстоятельства же собирания этой коллекции долгое время оста-

Рис. 1. Ярлычок предмета из коллекции Салтыковых. Вторая половина XIX в. Государственный Эрмитаж

вались не в полной мере известными, а личности ее владельцев уже через полвека после приобретения превратились практически в легенду. Даже такой признанный специалист и авторитет, как Э.Э. Ленц, пишет: «В 1861 г. последовало крупное обогащение Арсенала 269 отборными образцами восточного ору-

жия из коллекции князя П. Салтыкова, собранной отцом его князем Алексеем Салтыковым во время трехлетнего путешествия с 1841 по 1843 гг. по Востоку...»¹¹. Эта неточность в дальнейшем вкралась и в работы современных исследователей¹².

Однако архивные материалы и, в частности, дело № 333, а также, по крайней мере, еще одна, совсем небольшая – всего в 28 листов – часть семейного архива Ивана Дмитриевича Салтыкова и его супруги Елизаветы Павловны, хранящаяся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) в Санкт-Петербурге¹³, свидетельствуют о том, что коллекционированием оружия занимались три родных брата Салтыковых: Иван Дмитриевич (1797–1832), Петр Дмитриевич (ок. 1802–1861(?)) и Алексей Дмитриевич (1806–1859). Они были внуками генерала-фельдмаршала светлейшего князя Николая Ивановича Салтыкова, видного государственного деятеля времен императрицы Екатерины II, наставника великого князя Александра, будущего императора Александра I, и его брата великого князя Константина. Каждый из братьев, воспитанных в одной из известнейших своими традициями и пристрастием к учености семей русского общества, был по-своему яркой неординарной личностью, и всех троих связывала теплая дружба¹⁴.

Интерес к собирательству оружия зародился, как видно, у князя Ивана¹⁵. Сам военный, Иван Дмитриевич знал толк в оружии и сумел увлечь им своих младших братьев, среднему из которых суждено было унаследовать коллекцию. Собственно, именно свидетельством этого общего для братьев увлечения стала не только их коллекция, но и то, чем они ее окружали: краткие описания вещей, их зарисовки, письма, в которых обсуждались планы по приобретению нового, и замечания о том, что уже было в собрании. Именно эти бумаги – отдельные листы, на которых довольно отрывочно, непоследовательно, но все же задокументирована коллекция, которую братья стремились сохранить и о которой хотели рассказать – и составляют дела из РГАДА и РНБ.

Большая часть бумаг – это словесные описания отдельных предметов коллекции, содержащиеся преимущественно в письмах Петра Дмитриевича брату Ивану, а также сводные ведомости и листы с пометками источников поступления. Описания часто бывают довольно подробными, особенно если предмет заинтересовал владельца. Так, на одном из листов дела № 333 есть описание шлема: «Такой же работы шишак, но весьма хорошо сохранный и ничем не испорчен-

ный. Он имеет вид цилиндра, кверху немного суженного; составлен из продолговатых блях, соединенных кольцами, с подзатыльником, небольшими наушниками и железным прутком для защиты лица. Формы прелюбопытной. Я нигде ничего такого не видал¹⁶». Этот шлем не только описан, но и зарисован автором письма (рис. 2), что облегчает сравнение его с кратким описанием предмета под номером

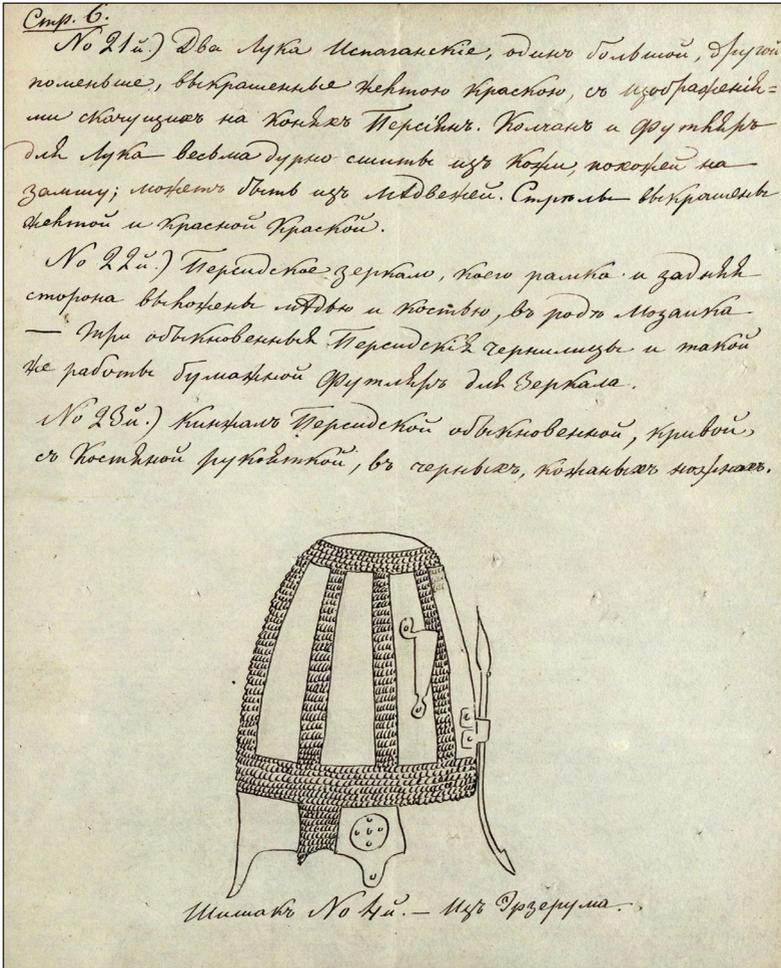

Рис. 2. Лист из письма. Архив И.Д. Салтыкова. РГАДА. Ф. 1386. Оп. 3. Д. 333. Л. 6 об

I.646 (Салт. 236) в «Указателе Отделения Средних веков и эпохи Возрождения», написанном Э.Э. Ленцем в 1918 г.: «Турецкий шлем из девяти стальных полос, соединенных сваренными и скрепленными на гвоздь кольцами в 5 рядов»¹⁷. Под рисунком шлема есть подпись «Из Эрзерума»¹⁸, позволяющая уточнить происхождение вещи.

Этот довольно эскизный рисунок – один из элементов наиболее примечательного корпуса документов этого дела: различных рисунков, на большинстве которых зафиксированы предметы коллекции князей. Большая часть рисунков, сложенных для того, чтобы поместить в конверты, была сделана, как представляется, Петром Дмитриевичем Салтыковым. Преимущественно это акварельные рисунки, исполненные уверенной, одновременно широкой, но аккуратной кистью, с использованием иногда туши. Есть и рисунки, выполненные просто тушью. К некоторым рисункам, сделанным на отдельных листах, можно подобрать и сохранившиеся в бумагах описания, как, например, для еще одного шлема (рис. 3): «Прелестнейший Персидский шишак, булатный, весь покрыт красивою золотою насечкою, которая по краям во всю окружность и в два ряда изображает надпись. Кольчуга, к краям онаго прикрепленная, сзади выкроена городами и сделана из мельчайших колец медных и железных»¹⁹. В коллекции Эрмитажа со-

Рис. 3. Рисунок. Архив И.Д. Салтыкова. РГАДА. Ф. 1386. Оп. 3. Д. 333. Л. 36

хранился очень похожий шлем № В.О.-1251 (рис. 4), при этом известно, что он происходит из коллекции Петра Салтыкова, в которой были вещи, похожие на те, что хранились в коллекции его старшего брата.

Кроме того, из содержания бумаг становится понятно, что некоторые рисунки были сделаны не Петром Дмитриевичем, а князем Алексеем. В одном из своих писем брату Петр Дмитриевич пишет: «Посылаю тебе подробное описание так называемого мною Clévan de Borneo или ножа, полученного мною от Геверса. Рисунки я заставил сделать Аleshу; ты это сам заметишь, потому что они слишком хорошо созданы и совершенно аккуратны»²⁰. Это подробное описание сохранилось²¹, равно как и сделанный карандашом с обводкой тушью рисунок к нему²² (рис. 5), который позволяет увидеть руку князя Алексея Дмитриевича. Творчеству этого младшего из трех братьев принадлежит и множество карандашных рисунков, сделанных чаще в жанре зарисовок, эскизов или проектов, которые по манере исполнения сходны с работами, которые были созданы им во время поездок по Востоку, особенно в Индию, где князь Алексей побывал дважды, в 1841–1843 и 1845–1846 гг.²³ Алексей Дмитриевич Салтыков, состоявший на дипломатической службе, но, в конце концов, оставивший ее ради путешествий, слыл большим любителем и знатоком восточной культуры и был прекрасным рисовальщиком. Его книги «Путешествие в

**Рис. 4. Шлем. № В.О.-1251.
Из коллекции П.Д. Салтыкова.
Иран, конец XVIII – начало XIX в.
Государственный Эрмитаж**

работами, которые были созданы им во время поездок по Востоку, особенно в Индию, где князь Алексей побывал дважды, в 1841–1843 и 1845–1846 гг.²³ Алексей Дмитриевич Салтыков, состоявший на дипломатической службе, но, в конце концов, оставивший ее ради путешествий, слыл большим любителем и знатоком восточной культуры и был прекрасным рисовальщиком. Его книги «Путешествие в

Персию» и двухтомные парижские издания «Voyage dans l'Inde» вышли с иллюстрациями по рисункам автора²⁴.

Таким образом, в архиве рисунков князя Ивана Дмитриевича есть исполненные братьями листы с изображением вещей, в 1861 г. попавших в императорское собрание оружия и до сих пор хранящихся в Эрмитаже. Происхождение многих вещей из этой коллекции, рисунки которых есть в архиве, точно зафиксировано. Например, кроме упомянутых шлемов в составе коллекции Салтыковых были четыре похожих кинжала, оформленных эмалью, и рисунок одного из них сохранился в архиве (рис. 6). Еще один пример – это жезл, прина-

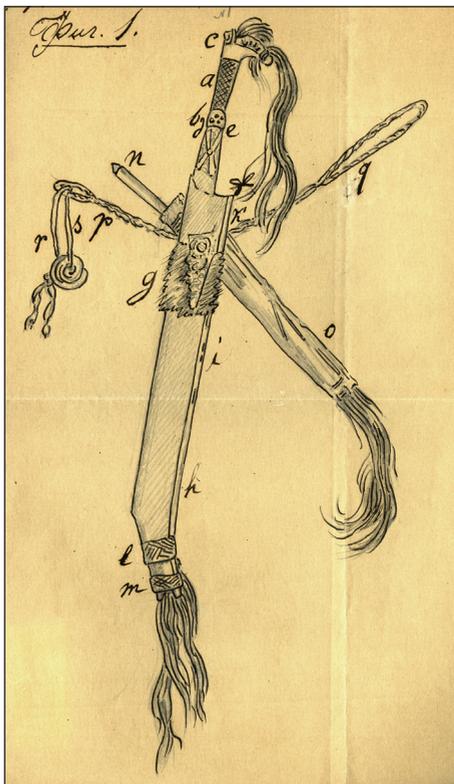

Рис. 5. Рисунок. Архив И.Д. и Е.П. Салтыковых. ОР РНБ. Ф. 669. Д. 7. Л. 3,4

Рис. 6. Рисунок с подписью. Архив И.Д. Салтыкова. РГАДА. Ф. 1386. Оп. 3. Д. 333. Л. 48

Рис. 7. Жезл Аббаса-Мирзы. №В.О.-4014. Иран, первая треть XIX в. Государственный Эрмитаж

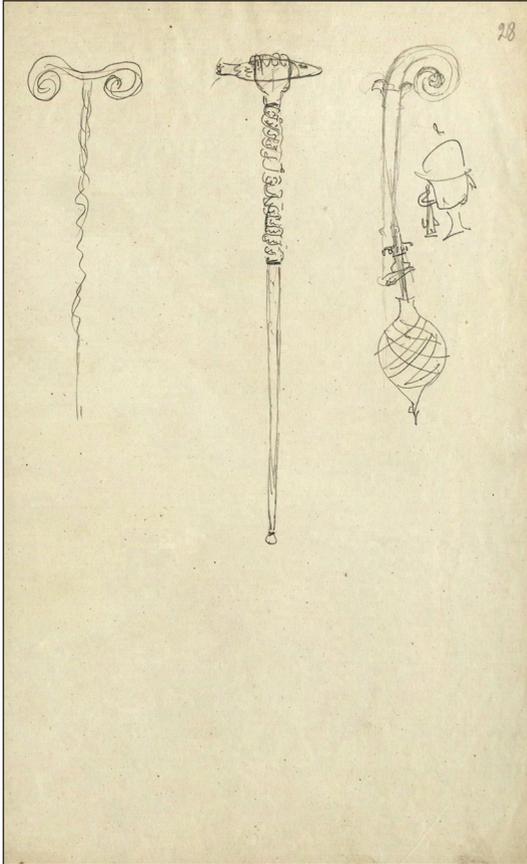

Рис. 8. Рисунки. Архив И.Д. Салтыкова. РГАДА. Ф. 1386. Оп. 3. Д. 333. Л. 28

тью – серединой XVIII в., с рукоятью из кости и ажурным стальным медальоном с надписью на затыльнике. Ножны с обеих сторон оформлены изображениями цветов и птиц, выполненных разноцветной эмалью в легком рельефе, а на лицевой стороне у устья они также

длежавший, судя по данным написанного с учетом инвентаря коллекции Салтыковых «Указателя» Э.Э. Ленца, иранскому принцу Аббасу-Мирзе²⁵ (рис. 7). Карандашный набросок этой вещи, сделанный, видимо, князем Алексеем, тоже есть в архиве (рис. 8).

Однако среди рисунков есть один, выполненный, скорее всего, князем Петром Дмитриевичем тушью по еле заметному карандашному эскизу²⁶ (рис. 9), который позволяет уточнить происхождение еще одной вещи, хранящейся сегодня в Эрмитаже. Это иранский нож (рис. 10), датированный второй четвер-

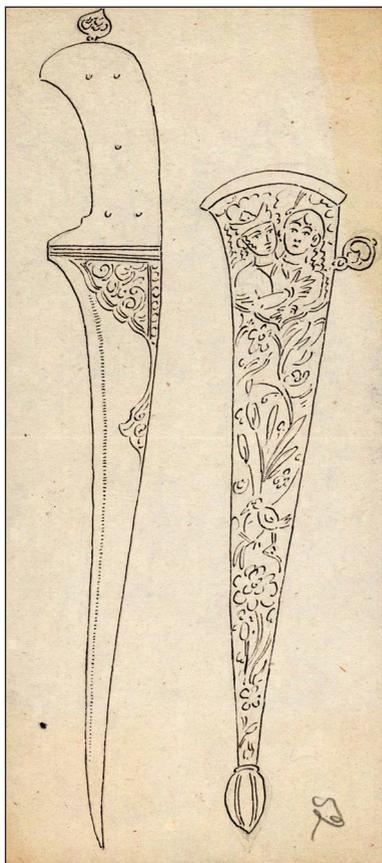

Рис. 9. Рисунок. Архив И.Д. Салтыкова.
РГАДА. Ф. 1386. Оп. 3. Д. 333. Л. 52

Рис. 10. Нож. № ОР-194. Иран, вторая
четверть – середина XVIII в.
Государственный Эрмитаж

дополнены изображениями юноши и девушки. О происхождении этого ножа до сих пор было известно только то, что он поступил в Эрмитаж в 1886 г. из Царскосельского Арсенала²⁷. Сопоставление столь точно исполненного рисунка и вещи не оставляет сомнений в том, что нож принадлежал когда-то князьям Салтыковым.

Таким образом, материалы из архива И.Д. Салтыкова, многие из которых представляют собой произведения искусства, позволяют

получить дополнительную информацию о коллекции князей Салтыковых, а также уточнить происхождение некоторых предметов восточного оружия, хранящихся сегодня в Государственном Эрмитаже.

¹ РГАДА. Ф. 1386. Оп. 3. Д. 333.

² Прибавление. Оружие из Собрании князя Салтыкова. Июнь 1861. Примеч. 1. С. 264; АГЭ. Ф. I. Оп. XIVА. Д. 33. 1861. Л. 10, 11.

³ Файбисович В.М. Князья Иван, Петр и Алексей Салтыковы и судьба их коллекции оружия // Коллекционеры и меценаты в Санкт-Петербурге. Тезисы докладов конференции. СПб., 1995. С. 21–23.

⁴ Ленц Э.Э. Указатель отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Ч. I. Собрание оружия. СПб., 1908. С. 6.; Зайченко М.Г. Из истории Царскосельского Арсенала // Александр II и его эпоха. Государственный музей-заповедник «Царское Село». Тезисы докладов конференции. СПб., 1995. С. 18–19.

⁵ Прибавление. Оружие из Собрании князя Салтыкова. Июнь 1861.

⁶ АГЭ. Ф. II. Оп. XIVА. Д. 33. 1861. Л. 2, 3.

⁷ Там же. Л. 11.

⁸ АГЭ. Ф. I. Оп. 5. Ч. 2. Д. 26 (41). 1918. Л. 1; Моны «ката-бамы» на предметах из восточной коллекции Арсенала Государственного Эрмитажа. К вопросу атрибуции // Семинар «Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина», апрель 2008.

⁹ Прибавление. Оружие из Собрании князя Салтыкова. Июнь 1861. С. 265.

¹⁰ АГЭ. Ф. II. Оп. XIVА. Д. 33. 1861. Л. 21–22.

¹¹ Ленц Э.Э. Указ. соч. С. 6.

¹² Малоземова Е.И. Аббас-Мирза: личность в истории // Личность в истории в эпоху нового и новейшего времени (памяти профессора С.И. Ворошилова). Материалы международной научной конференции. СПб., 2011. С. 165–168.

¹³ ОР РНБ. Ф. 669. Д. 7, 124, 125.

¹⁴ Файбисович В.М. Князья Иван, Петр и Алексей Салтыковы и судьба их коллекции оружия // Коллекционеры и меценаты в Санкт-Петербурге. Тезисы докладов конференции. СПб., 1995. С. 21–23.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1386. Оп. 3. Д. 333. Л. 4 об.

¹⁷ Ленц Э.Э. Указ. соч. С. 131.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1386. Оп. 3. Д. 333. Л. 6 об.

¹⁹ Там же. Л. 5 об., 6.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 669. Д. 7. Л. 3, 4.

²¹ Там же. Л. 1.

²² Там же. Л. 1.

²³ Путешествия по Индии князя Алексея Салтыкова. СПб., 2012. С. 10.

²⁴ Там же. С. 10, 201.

²⁵ Ленц Э.Э. Указ. соч. С. 90, 101.

²⁶ РГАДА. Ф. 1386. Оп. 3. Д. 333. Л. 52.

²⁷ Иванов А.А., Луконин В.Г., Смесома Л.С. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. М, 1984. С. 29.

А.А. Малыгина (Санкт-Петербург)

**ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ
ВОЕННО-ХИМИЧЕСКОГО ДЕЛА В США,
ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ***

Как известно, до начала Первой мировой войны Германия была лидером в производстве органических соединений и располагала месторождениями сырья, имевшего первостепенное значение для химической промышленности. В довоенной Европе она неизменно сохраняла за собой первые позиции в производстве лакокрасочных изделий. Поэтому для Германии не представляло сложности массовое и бесперебойное производство хлора. В химической войне, развернувшейся на полях Первой мировой, большое значение имело то, насколько слаженно была организована совместная работа военных, ученых и промышленников. Военно-химическое дело как новый, наукоемкий вид вооруженной борьбы подразумевало применение не только отравляющих веществ, но также зажигательных смесей и дымовых завес. Круг задач организации военно-химического дела включал обеспечение бесперебойных поставок средств химической борьбы, средств защиты людей и животных, средств лечения пострадавших от действия химического оружия, а также средств химической разведки и раннего обнаружения химической атаки. Немаловажными аспектами военно-химического дела являлись вопросы организации обучения офицеров и рядовых методам химической обороны, а также подготовка специалистов для ведения химической борьбы.

Германцы и союзники по Антанте в химической войне стартовали с неравных позиций. У Франции, Великобритании и США не было ни достаточного количества профессиональных кадров, необходимых

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00220.

для научно-исследовательских работ и организации производства, ни должных производственных мощностей, ни разведанной ресурсной базы. Именно «глубоким невежеством» союзников в вопросах промышленной химии объясняет Виктор Лефевьер, британский химик, выполнявший обязанности офицера связи на Западном фронте, то, что в начальный период химической войны «между химическими средствами войны германцев и союзников была такая же разница, как между современной скорострельной пушкой и старинным оружием, заряжающимся с дула»¹.

Решение задач химической защиты и нападения носило в Англии, Франции и США догоняющий характер и больше походило на импровизацию, нежели на следование заранее разработанной стратегии. Очевидно, именно это и явилось главной причиной того, что вплоть до конца Первой мировой войны организационная структура военно-химического дела в каждой из рассматриваемых стран характеризовалась недоработанностью и страдала от различных недостатков, которые можно уподобить родовым травмам.

Франции сравнительно быстро удалось выстроить систему административного управления, которая включила в себя сеть университетских лабораторий, различные департаменты военного министерства, а также комитеты, представляющие интересы промышленности и военной медицины. Во Франции централизованная система, курировавшая все вопросы военно-химического дела, сложилась уже к началу сентября 1915 г. и претерпела мало изменений вплоть до конца войны. Заметную роль в выстраивании этой системы сыграли, с одной стороны, ученые-химики, а с другой – частные промышленники. В Англии процесс централизации затянулся. Если первая единая структура была создана к весне 1916 г., когда было учреждено Управление газовой службы, то более рациональную структуру административная система приобретает лишь к октябрю 1917 г., когда в результате реорганизации различных отделов и самого Управления газовой службы было создано Управление химической войны.

И в Англии, и во Франции структуры департаментов, курировавших вопросы организации химической войны, отличались относительно малым штатом, широкими полномочиями, налаженным взаимодействием с верховным военным командованием, а также с войсками и всеми задействованными научно-техническими и производственными учреждениями. Поощрение инициативы в вопросах разработки средств и способов химической атаки и обороны, а так-

же стремление обеспечить адекватность и своевременность оценки возможных действий противника также играли значительную роль в том, что Англия и Франция уже к началу 1916 г. не уступали Германии в гонке инноваций. Вместе с тем обе державы придерживались неизменно принципа: применять новое отравляющее вещество исключительно как средство возмездия, то есть не проявлять инициативу в использовании новых газов или смесей.

Высокий уровень развития промышленности в Англии и Франции порой затруднял развитие централизованного производства химических веществ и боеприпасов. Сильное промышленное лобби Франции, к примеру, не позволяло передавать секреты технологии производства отравляющих веществ союзникам, а своих собственных производственных мощностей было недостаточно.

Если характеризовать национальную структуру военно-химического дела, то французская система более напоминала сеть, а английская – вертикальную иерархию со свойственными ей проблемами неудовлетворительного внутриведомственного взаимодействия «по горизонтали». Британский военный химик Виктор Лефевюр по этому поводу замечает: «если французы опередили нас (британцев. – *А.М.*) в вопросе централизации своих газовых организаций, то мы стояли выше в отношении рациональной постановки дела на самом фронте»².

Поэтому когда перед американским военным инженером Амосом Фрайсом была поставлена задача организовать военно-химическое дело в Американском экспедиционном корпусе, то он разрабатывал устав Газовой службы с учетом британского и французского опыта. 3 сентября 1917 г. вышел приказ об учреждении Газовой службы при Американском экспедиционном корпусе, а А. Фрайс был назначен его главой. Процесс институционального оформления военно-химического дела в США растянулся с осени 1917 до лета 1918 г., когда 28 июня Военный департамент издал приказ о создании Службы химической войны в структуре Национальной армии³. Этот формальный шаг, с одной стороны, завершил процесс централизации разрозненных структур, вовлеченных в военно-химическое дело, в рамках одного ведомства, а с другой – окончательно закрепил структуру, координировавшую усилия как на территории США, так и на европейском театре военных действий⁴.

Важным аспектом военно-химического дела был вопрос организации союзнического взаимодействия. По свидетельству Шарля

Муре, французского химика, активно задействованного в организации военно-химического дела во Франции, французы сразу после первой немецкой газовой атаки под Ипром, в конце апреля 1915 г., установили взаимодействие с англичанами. В. Лефевюр также свидетельствует, что французы «принимали широкое участие во всех химических исследованиях своих союзников, с которыми установили тесную связь и сотрудничество», но при этом уточняет, что уровень взаимодействия между исследователями значительно превышал уровень взаимодействия между военными на полях сражений⁵.

С целью изучения отравляющих веществ, применяемых немцами на Западном фронте, во Франции британцами была создана Центральная лаборатория. Связь между французскими лабораториями и британской армией осуществлялась посредством многочисленных контактов с этой Центральной лабораторией при Главной Квартире. Все союзные части, находившиеся на передовой, оповещались о факте применения боевого отравляющего вещества, а также о характере его действия. Не игнорировались даже вещества, примененные в незначительном количестве, поскольку за первым опытным обстрелом могла в скором времени последовать массированная атака. Тщательному изучению подвергались любые захваченные средства, в особенности противогазы, поскольку по характеру их усовершенствований можно было спрогнозировать направление прогресса немецких боевых отравляющих веществ.

Кроме того, в августе 1916 г. для обеспечения связи между французской Службой химических материалов и английским Военно-химическим департаментом в Париж был командирован «газовый» офицер одной из английских дивизий капитан Виктор Лефевюр. В его обязанности входило обеспечение двустороннего обмена информацией по вопросам исследований в области химической войны⁶. Сам В. Лефевюр в своем труде «Загадка Рейна» особо отмечает «тесное и продуктивное» сотрудничество французских и британских специалистов-медиков по вопросам обучения, организации и снабжения медицинского персонала в деле лечения пострадавших от газов.

Соединенные Штаты Америки присоединились к Антанте в тот момент, когда химическая война на полях Первой мировой достигла своего апогея. У американцев не было ни должного опыта, ни производственных мощностей для снабжения экспедиционных сил необходимыми средствами газовой борьбы и обороны. Взаимодействие с Великобританией и Францией по этому вопросу играло для

США принципиальное значение. Позднее обращение американцев к практической стороне вопроса химической войны принято объяснять именно технологическими аспектами: считается, что именно применение немцами горчичного газа в июле 1917 г. побудило политическое и военное руководство США более серьезно подойти к решению оборонительных и наступательных вопросов химической войны⁷.

В апреле 1917 г. руководитель отделения физической химии Принстонского университета профессор Джордж А. Хьюлет (он же в других источниках – Гуллет) был командирован за рубеж в качестве члена комиссии, организованной Национальным исследовательским советом для сбора данных «по вопросам военной техники»⁸. Указанная комиссия была отправлена в Англию и Францию вскоре после вступления США в войну. Перед ней была поставлена цель изучить различные способы войны, применявшиеся не только союзниками, но и противниками. Откомандированные офицеры Генштаба вместе с профессором Хьюлетом собрали немалые сведения о боевых отравляющих веществах, о способах их производства и применения, а также о средствах защиты от газов. Как оценивалось позже, Хьюлет «привез с собой целый ряд сведений, оказавшихся в высшей степени ценными»⁹. Однако, как с сожалением отмечал начальник Газовой службы А. Фрайс, «так как при генеральном штабе, да и вообще в регулярной армии, не было ни одного лица, на обязанности которого лежала бы забота о снабжении войск специальными материалами для газовой борьбы, то эти исследования остались без результата»¹⁰. Это, по мнению А. Фрайса, произошло еще и потому, что «газовое дело считалось маловажным по сравнению с регулярной инженерной работой»¹¹. В октябре 1917 г. в США прибыла британская военная миссия, состоявшая из 28 офицеров и унтер-офицеров¹². В том числе в ее состав входил советник по военно-химическому делу Третьей британской армии майор Сэмьюэл Дж. М. Аульд¹³. Миссия Аульда не только предоставила ценную информацию касательно средств химического нападения и обороны, которыми обладали союзники и Германия, но и оказала содействие в устройстве опытного полигона¹⁴. А. Фрайс упоминает также помощь французских представителей М. Гриньярда, капитана Ганкара и лейтенанта Энгеля. Однако, французские советники, по словам Фрайса, «были связаны тем обстоятельством, что французские заводчики не открывали производственных секретов даже своему правительству»¹⁵.

18 июня 1917 г., через несколько дней после того, как командующий американскими экспедиционными силами во Франции генерал Першинг прибыл на фронт, был сформирован совет офицеров для организации химического дела в американском экспедиционном корпусе. Этот совет начал свою работу с анализа того, как было организовано военно-химическое дело во Франции, Великобритании и Германии, а также стал изучать отчеты профессора Хьюлета¹⁶.

В течение 1918 г., особенно в летние месяцы, британские и французские специалисты активно и в большом объеме предоставляли американским союзникам информацию о свойствах собственных боевых отравляющих веществ и о способах их производства, о газах и противогазах, применяемых противником, а также о методах обнаружения отравляющих веществ, о средствах дегазации и защиты людей и животных. Особое внимание при этом было уделено горчичному газу¹⁷.

Весной и летом 1918 г. из Великобритании в США поступал значительный объем информации касательно свойств различных отравляющих веществ. Примечательно, что британцы сообщали не только о тех веществах, которые они и их противники применяли на фронте, но также об отрицательных результатах новых разработок и испытаний. В частности, сообщалось, что нецелесообразно смешивать горчичный газ с хлорпикрином: опыты на животных доказали, что слезоточивый эффект при этом не усиливается¹⁸. Кроме того, британские специалисты предоставляли американским коллегам подробные отчеты об испытаниях новых смесей. Например, в сентябре 1918 г. американцы получили отчет, подготовленный британским Департаментом химической войны, в котором содержался перечень лакриматоров и ирритантов, признанных непригодными для использования на фронте в качестве средств нападения¹⁹.

Разумеется, сотрудничество союзников по вопросам производства боевых отравляющих веществ было бы невозможно без взаимодействия по вопросам снабжения. Инициатива в этой области исходила от англичан. По их предложению в 1917 г. (по данным В. Лефевра²⁰, но Ш. Муре указывает январь 1918 г.²¹) был сформирован межсоюзный комитет по химическому снабжению, ответственный за централизацию поставок сырья и обеспечение его распределения согласно плану, принятому каждым из союзников. Впоследствии этот комитет вошел в состав союзного совета по снабжениям боеприпасами. На первом таком совещании, которое получило название «Межсоюзни-

ческая комиссия по снабжению материалами химической войны», присутствовали представители Англии, США и Франции. Со временем эта комиссия была преобразована в Комитет по химической промышленности Межсоюзного Совета по вооружению и военным припасам, в который входили представители Англии, Франции, США и Италии.

В Париже 28–29 мая 1917 г. прошла первая двусторонняя франко-британская конференция, на которой среди прочих были рассмотрены вопросы физиологического действия газов, применение боевых отравляющих веществ в бою, а также вопросы защиты «пунктов, угрожаемых неприятельскими газовыми атаками». Первая многосторонняя конференция по вопросам химической обороны с участием представителей США, Англии, Бельгии, Италии и Франции собралась в Париже лишь 17–19 сентября 1917 г. На повестке дня были вопросы защиты от горчичного газа и проблемы ухода за пострадавшими от отравления газами²². В ночь с 11 на 12 июля 1917 г. немцы при Ипре впервые применили против англичан горчичный газ. Поэтому именно действие этого газа и защита от него и стали главными вопросами, обсуждавшимися на конференции. Во время конференции в США была направлена телеграмма, содержащая запрос о возможности американцев наладить производство этиленхлор-гидрина – вещества, важного для производства горчичного газа известным тогда методом²³.

По решению конференции, в конце декабря 1917 г. был создан межсоюзный секретариат, который должен был выполнять роль посредника в научно-техническом обмене и был ответственным за сбор информации и информирование по требованию профильных организаций стран-союзниц о достижениях в вопросах химической войны и обороны. Этот секретариат организовал и провел вторую и третью межсоюзные конференции по вопросам химической войны и обороны, которые состоялись в 1918 г. 1–5 марта и 25–30 октября соответственно²⁴.

Показательна история с производством союзниками иприта. Разработка технологии его промышленного производства велась параллельно в английских и французских лабораториях. В январе 1918 г. профессор Шарль Муре посетил английские лаборатории, а в марте 1918 г. союзники сообщили о ходе и результатах изысканий на межсоюзнической конференции. Французские ученые первыми получили результаты, позволившие наладить массовое промышленное

производство иприта, после чего технология, к тому времени уже прошедшая проверку на французских заводах, была передана союзникам. Помимо этого, Франция наладила производство снарядов с ипритом для нужд бельгийской, американской, греческой и итальянской армий²⁵.

Что касается промышленного производства веществ, необходимых для снабжения армии боевыми газами, то в этом вопросе также был налажен взаимообмен между союзниками. Франция в течение войны получила из Англии 1000 т жидкого хлора, столько же в период 1916–1918 гг. поставили французам США. Некоторое количество жидкого хлора в 1915 г. во Францию поставила Италия. Кроме того Англия поставляла во Францию хлорную известь, цианистый натрий и серноокислый никель, нужный для пропитки французских масок первого образца. Примечательно, что в марте 1916 г. между Францией и Англией было заключено соглашение, действовавшее на протяжении всех лет войны, по которому французы получали нужный им английский хлор в обмен на фосген для британской армии. В конце октября 1918 г. аналогичное соглашение Франция заключила с США. Из США французы получали марлю, формалин и триоксиметилен, необходимые для изготовления и пропитки масок первого образца, а также четыреххлористый углерод для производства иприта, цианистый натрий. Италия поставляла Франции серу, нужную для производства иприта. Французские заводы производили для союзников противогазы (Бельгии – 900 000, США – 800 000, Греции – 500 000, Италии – 810 000, Румынии – 230 000), химические снаряды (Бельгии – 190 000, США – 940 000, Греции и России – по 12 000, Италии – 90 000, Португалии – 45 000, Румынии – 50 000), отравляющие вещества в виде газов (Англии – 7000 т и из них 6200 т фосгена, США – 150 т, Италии – 850 т)²⁶.

Обмен опытом и результатами изысканий по вопросам химической войны и обороны осуществлялся в той или иной мере на протяжении всех лет войны между всеми союзниками по Антанте. Если в 1915–1916 гг. контакты носили двусторонний нерегулярный характер, то к середине 1917 г. начался процесс институционализации такого взаимодействия. Различия методов и органов служб, а также технических характеристик вооружений и снаряжения не позволяли ввести единый для всех союзников тип противогаза, а также унифицировать тип снаряда или конструкцию техники для газовой войны²⁷.

Из трех сравниваемых стран Англия и Франция первыми испытали на себе опыт химической атаки. Их меры по организации военно-химического дела носили догоняющий характер, что отразилось на организационной структуре и принципах взаимодействия различных ведомств. Если говорить о положительном опыте, то британцам удалось наладить наиболее эффективную систему полевой службы, в то время как французы преуспели в выстраивании единой общенациональной сети, обеспечивавшей слаженную работу всех элементов, необходимых в военно-химическом деле. США, вступившие в войну позже, имели возможность детально изучить опыт союзников и следовали наиболее, с их точки зрения, успешным примерам. Кроме того, при подготовке американских экспедиционных сил активно использовалась обширная информация, предоставлявшаяся Францией и Англией. США, таким образом, имели возможность учиться на чужих ошибках. В вопросах химического нападения каждая из стран предпочитала руководствоваться собственной стратегией, что сказывалось на организационной структуре. Наибольшая сплоченность наблюдалась в вопросах подготовки кадров, организации химической защиты и обеспечении медицинского лечения пострадавших.

¹ Лефевюр В. Загадка Рейна. Химическая стратегия в мирное время и во время войны. М., 1926. С. 118.

² Там же. С. 120.

³ United States Army in the World War 1917–1919. Reports of the Commander-in-Chief, Staff Sections and Services. Center of Military History. United States Army. Washington, D.C. 1991. Vol. 12. P. 111.

⁴ Brophy L.P., Fisher J.B. The Chemical Warfare Service: Organizing for War. Center of military history, United States Army. P. 8–15.

⁵ Лефевюр В. Загадка Рейна. С. 71, 75.

⁶ Муре Ш. Химия и война. М., ГВИЗ. 1925. С. 31.

⁷ Brophy L.P., Fisher J.B. The Chemical Warfare Service: Organizing for War. Center of military history, United States Army. Washington, D.C., 1989. P. 4; Brophy L.P. Origins of the Chemical Corps // Military Affairs, 1956. Vol. 20. No. 4. P. 218.

⁸ Фарроу Э. Газовая война. М.: Государственное военное издательство, 1925. С. 16.

⁹ Brophy L.P. Origins of the Chemical Corps. P. 218.

¹⁰ Фрайс А., Вест К. Химическая война. М.: ВВРС, 1923. С. 83.

¹¹ Там же. С. 92–93.

¹² Там же. С. 83.

¹³ Brophy L.P., Miles W.D., Cochrane R.C. The Chemical Warfare Service: From Laboratory to Field. Washington, D.C., 1988. P. 7.

¹⁴ Фрайс А., Вест К. Химическая война. С. 84; Brophy L.P., Miles W.D., Cochrane R.C. The Chemical Warfare Service: From Laboratory to Field. P. 7.

- ¹⁵ Фрайс А., Вест К. Химическая война. Р. 84.
- ¹⁶ Brophy L.P. Origins of the Chemical Corps. Р. 218.
- ¹⁷ Отчет Отдела начальника Газовой службы от 30 января 1918 г. «Доклад, подготовленный для британского Физиологического военного комитета Королевского общества в сентябре 1915 г. и дополненный в марте 1916 г. и августе 1917 г. Выдержки из «Ядовитые газы и пары и их физиологическое воздействие». General Headquarters. American Expeditionary Forces. Issued by Office of Gas Service. American National Archive (NA), RG 165, Entry 310, Box 297; Защита лошадей от удушающих газов (Выдержки из французского армейского Отчета др. Банзера). Gas Service Intelligence Bulletin. 3 April 1918. Gas Service Intelligence Section. American Expeditionary Forces. Headquarters, Services Supply. Office, Chief of Gas Service A.E.F. NA, R.G. 165, Entry 310, Box 300; Отчет британского Департамента химической войны № 108. 20–26 июня 1918 г. Chemical Warfare Service. Intelligence Section Summary. NA, R.G. 165, Entry 310, Box 297.
12. Отчет № 110 британского Департамента химической войны. 4–17 июля 1918 г. Chemical Warfare Service. Intelligence Section Summary. NA, R.G. 165, Entry 310, Box 297. 13. Отчет, подготовленный капитаном С.Т. Гимингхэмом «О методах обнаружения дихлорэтилсульфида в воздухе». Отчет британского Противогазового департамента. British Anti-Gas Department Report. 20 July 1918. NA, R.G. 165, Entry 310, Box 297; Британская инструкция по изготовлению и использованию цветных тест-полосок для обнаружения дихлорэтилсульфида. 6 августа 1918 г. Intelligence Section Summary of British AGD/WR/35/1 Report. NA, R.G. 165, Entry 310, Box 297; Отчет о Методах обнаружения H.S. (горчичного газа) в земле на зараженных территориях. British Porton Field Report. C.C.P. 5262. 4 August 1918. NA, R.G. 165, Entry 310, Box 297.
- ¹⁸ Отчет о действии смесей H.S. и P.S. на глаза животных от 19 июля 1918 г. British Porton Field Report. C.C.P. 5230. NA, R.G. 165, Entry 310, Box 297.
- ¹⁹ Отчет № 113 британского Департамента химической войны. Intelligence Division Summary. A.E.F., Office of Chemical Warfare Service. British C.W.D. Report No 113. Received 28 Sept. 1918. NA, R.G. 165, Entry 310, Box 297.
- ²⁰ Лефевюр В. Загадка Рейна. С. 76.
- ²¹ Муре Ш. Химия и война. С. 31–32.
- ²² Там же. С. 31
- ²³ Фрайс А. и Вест К. Химическая война. С. 94.
- ²⁴ Муре Ш. Химия и война. С. 31–32.
- ²⁵ Там же. С. 51.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Военно-химическое дело. Пособие для начальствующего состава РККА / Под ред. начальника Военно-химического управления Я.М. Фишмана. М.; Л.: Государственное издательство «Отдел военной литературы», 1929.

А.В. Марыняк (Москва)

СОСТАВ РУССКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА В 1917 ГОДУ

*Не закрывая глаз на действительность,
нельзя не видеть, что прежней армии у нас уже нет...*

Генерал от инфантерии В.Н. Горбатовский. 1915 г.

ВЫШЕДШИЙ НА ФРОНТ Великой войны в августе 1914 г. русский офицерский корпус, конечно, не был идеален. Тем не менее, воодушевление первых недель войны охватывало не только кадровое офицерство, но и пополнивших полки офицеров запаса. Хотя практически сразу пробелы в подготовке запасных (как нижних чинов, так и, особенно, офицеров) были очевидны. Призванный из запаса офицер 11-го гренадерского Фанагорийского полка Арсений Иванович Митропольский, снискавший себе позже литературную известность под псевдонимом Арсений Несмелов, приводит анекдот, распространенный в первоочередных уже в первые недели войны еще даже до вступления в соприкосновение с противником):

«Является ординарец к командиру роты и говорит:

– Командир полка приказали послать дозор.

– С офицером? – спрашивает ротный.

– Можно и с прапорщиком, – отвечает солдат»¹.

Громадное напряжение первых месяцев войны и большие потери, понесенные офицерским корпусом в первых же боях, привели к тому, что значительная часть «пожилых» штаб-офицеров (как правило – командиров батальонов и помощников командиров полков) покинула ряды действующих частей (как ввиду кровавых потерь, так и болезней, не вынеся напряжения и походов маневренного периода войны). Для обер-офицерского состава возможность служебного

роста твердо соседствовала с громадной вероятностью пополнить собой списки убитых и раненых: первые бои обходились русским полкам очень дорого, сравниваясь с потерями великих битв прошлого (например, с Бородинским сражением), только случались значительно чаще.

Тем не менее, вплоть до конца 1914 г. действующей армии удавалось сохранять свой наступательный дух, несмотря на начавшее сказываться утомление. «Стремление к победе, слава и народная гордость еще манили лучших людей за собой, но большинство уже тяготилось риском, сопровождавшим эти достижения, а неумолимая действительность, как будто, оправдывала не первых, а последних», – отмечал генерал Владимир Михайлович Драгомиров².

С середины осени 1914 г. наступил едва ли не самый тяжелый период для частей действующей армии за мировую войну: громадные потери не успевали пополнять, получившие в первые месяцы кампании ранения офицеры еще находились на излечении, ускоренная подготовка еще не дала ни одного выпуска (прием 1 августа был выпущен 1 декабря 1914 г.). Русская армия попадала в ситуацию, «когда кадры расстраивались, и приходилось их не только пополнять, но и воссоздавать»³, что при активных боевых действиях осенне-зимней кампании 1914–1915 гг. было более чем затруднительно.

В значительной степени это явилось результатом просчетов мирного времени: недостаточной подготовки офицеров запаса (как качественно, так и количественно) и непродуманности перехода к системе «скрытых кадров» в 1910–1911 гг. Как и в других странах, расчет делался на решительную кратковременную войну, которая должна была закончиться если не к «осеннему листопаду», то к ближайшему Рождеству. Для долговременного возрастающего напряжения система не была приспособлена. Сомнительным утешением может служить лишь то, что в характере и сроках будущего конфликта заблуждались не только русское, но и военное руководство других стран. Итог был ожидаем. Поражает сходство восприятия ситуации как опытным корпусным командиром, одним из лучших генералов русской армии, вынесенное в эпитафию, так и простым казаком: «Пехоты у нас нет. Остались только мы, артиллерия и обозы»⁴.

Исключительное значение, которое приобрел офицер на полях русского фронта Мировой войны, было прекрасно понятно русскому верховному командованию. К концу первого года войны, 9 июля 1915 г., опытный русский военачальник, занимавший в тот мо-

мент должность главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, а до этого бывший начальником штаба Юго-Западного фронта и вскоре возглавивший штаб Верховного Главнокомандующего, – генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев в письме новому военному министру генералу А.А. Поливанову отмечал: «При современной обстановке офицер в бою если не все, то почти все...». Ситуация же во фронтовых частях была более чем плачевна: «Уже в настоящее время некомплект офицеров в частях пехоты, находящихся в наибольшем порядке, в среднем превышает 50 %, а если принять во внимание, что из наличного числа офицеров половина прапорщики, то до очевидности ясным становится, на сколь зыбких основаниях покоятся боевые и тактические достоинства армий, в настоящее время, при ничтожности надежных кадров, более чем когда либо зависящие от качеств и достоинств командного состава всех степеней, и в особенности младших начальников»⁵.

Вторил своему начальнику и генерал В.Н. Горбатовский, также перешедший со своим корпусом на Северо-Западный фронт, считая, что «огромный некомплект в командном составе (вынуждая вверять батальоны – поручикам, роты – прапорщикам – при отсутствии в полках не только сверхсрочных унтер-офицеров, но и вообще старых солдат) не преминул наложить свою тяжелую руку на войсковые части, обострив их впечатлительность и подорвав в них доверие к собственным силам»⁶. Этот аспект обострил восприятие трагичной и тяжелейшей весенне-летней кампании 1915 г., вошедшей в историю под именем «Великого отступления». Безусловно, подорванное моральное состояние увеличивало эффект от подавляющего господства германской артиллерии. В частях русской армии появилась до тех пор небывалая и несвойственная ей проблема: «недостатка стойкости войск и крайней их впечатлительности, чтобы не сказать сильнее. Горе той части, которая вынуждена ныне противником к отходу: отход достается ей тяжкою ценою: она тает неудержимо и не столько от огня, сколько от потерь “оставшимися на поле сражения”»⁷. Великое отступление 1915 г., обескровившее пехотные части русской армии, выбившее едва ли не полностью остатки и без того ослабленных офицерских и унтер-офицерских кадров, казалось, должно было сокрушить Россию. Плохо подготовленные и обученные пополнения не могли укрепить полки на фронте: количество не перерастало в качество, тем более, что в условиях 1915 г. пополнения, прибывавшие в полки, перемалывались германской артиллерией в ближайших

боях. Тяжелейшая (и морально, и профессионально) обстановка, в которую попадали неподготовленные к ней прапорщики и нижние чины, приводила к тому, что число «оставшихся на поле сражения» нередко стало преобладать над «кровавыми потерями».

Жизненно необходимая передышка, которую получила русская армия в середине осени 1915 г., после прекращения Великого отступления и стабилизации фронта, дала возможность попытаться привести части в относительный порядок и восполнить потери. Ужас 1915 г. стал тем уроком, который сковывающе стал влиять на инициативу русского высшего командования, его пережившего. Появилась склонность переоценивать силы противника и желание «перестраховаться», обеспечив себе многократный перевес не только в живой силе, но и технике. Образ «погрома 1915 г.» довлел над умами старших начальников, сковывая волю. В качестве примера можно привести требование главнокомандующего армиями Западного фронта генерала Алексея Ермолаевича Эверта, который накануне кампании 1917 г. требовал от Ставки все новых маршевых рот, дабы «избегнуть уничтожения кадров полков, как это было в 1915 году»⁸.

За зиму 1915–1916 г. части были пополнены, удалось даже «вернуть в строй» дивизии, погибшие еще в Восточно-Прусской операции 1914 г., в самом начале войны (например, 1-я пехотная дивизия была вновь развернута лишь в начале 1916 г.). Третьеочередные полки, сформированные из ополченских дружин, смогли получить некоторую долю опытных, в том числе кадровых офицеров. Обратной стороной было то, что некоторые из них были из запаса или отставки, переведенными с нестроевых должностей или из других ведомств, в значительной степени находившимися в уже немолодом возрасте и изрядно подзабывшими строевую службу. Второочередные части, сформированные при мобилизации 1914 г., изначально имели весьма слабый кадр (фактически «полки-отцы» выделяли кадр для полкового штаба, батальонных и ротных командиров, весь остальной офицерский состав до штатной численности должен был пополняться офицерами запаса). Находясь на театре военных действий практически одновременно с полками 1-й очереди, они несли не меньшие потери, при этом, как правило, обладая меньшей внутренней спайкой. Сменив несколько составов, полки неизбежно обращались в «проходные дворы», чему, разумеется, немало способствовала сама «временность» их существования.

Для первоочередных полков сохранялась возможность морально-го давления на своих кадровых офицеров, излишне долго задерживавшихся в тылу после ранения или контузии или «оседавших» в тыловых запасных батальонах и других формированиях. В качестве примера можно привести переписку, касающуюся офицеров Пулеметного запасного полка⁹. Хотя к вопросу о «собирации» своих офицеров обращались периодически, участились запросы после стабилизации линии фронта осенью 1915 г. Еще в июне 1915 г. и. д. адъютанта 197-го пехотного Лесного полка передавал одному из офицеров слова полкового командира, что «в случае невозвращения Вашего к полку в месячный от сего числа срок, дальнейшее возвращение Ваше в полк будет признано нежелательным и Вам надлежит озаботиться приисканием для себя нового места постоянного служения»¹⁰. Еще точнее выразился 5 ноября 1915 г. полковой адъютант 118-го пехотного Шуйского полка: «Систематическая болезнь в военное время будет служить препятствием к продолжению службы в мирное время»¹¹. Следует отметить, что полковые командиры в данном вопросе имели полную поддержку со стороны армейского начальства: в частности, вопрос о возвращении в полки находившихся в тылу офицеров был инициирован 27 октября 1915 г. командующим 1-й армией генералом от кавалерии Александром Ивановичем Литвиновым. Затягивавшееся «излечение» настораживало полковое начальство, превышая (по его мнению) все разумные сроки. И тут трудно упрекнуть «отцов-командиров», ибо излечение от контузии, полученной в начале декабря 1914 г., до конца октября 1915 г. выглядит, по меньшей мере, подозрительно.

Обострял ситуацию и тот аспект, что на большинство «офицеров военного времени» смотрели (и совершенно справедливо!) как на элемент проходящий, с полком не связанный и для полка после окончания войны посторонний. Число же «коренных» офицеров первоочередных полков, оставшихся в их строю, к концу 1915 г. исчислялось единицами, не превышая полутора-двух десятков человек на полк.

На протяжении 1915 г. поступавшие в полки в качестве офицерского пополнения прапорщички, в массе своей, надолго в рядах частей не задерживались: частые и кровопролитные бои вели к постоянным и крупным потерям. Обостряло проблему то, что полковое начальство не успевало присмотреться к вновь прибывшим офицерам, познакомиться с ними и степенью их подготовки. Обстановка же

часто требовала их назначения, порой даже сразу на ответственные должности ротных командиров. И если были основания подвергать сомнению объем профессиональных знаний офицеров, прошедших 3–4-месячный курс, то служебный опыт у них отсутствовал вовсе. В качестве примера можно привести вполне стандартную для 1915 г. ситуацию: окончивший курс Александровского военного училища 1 февраля 1915 г. Григорий Васильевич Агуров, который до войны «был драматическим артистом, играл на провинциальной сцене» (весьма спорное для офицерских погон ремесло), 8 февраля отбыл в действующую армию, а уже 7 марта пал геройскою смертью в бою, командуя ротой¹². В общем-то стандартная ситуация для Великой войны, когда нередко взводы приходилось вверять унтер-офицерам, а только что прибывшим прапорщикам – принимать роты.

Массированная подготовка офицерского состава, развернувшаяся в 1915 г. при помощи школ подготовки прапорщиков пехоты с трехмесячным курсом обучения, помогла преодолеть кризисный год. Но значительная часть свежеепеченных прапорщиков, как и несколько мобилизаций 1915 г., фактически сгорела в Великом отступлении. Именно на этот год пришлось наибольшее за всю войну количество мобилизаций, одних новобранцев было три призыва (1915, 1916 и 1917 гг.)¹³. К осени 1915 г. в пехотных полках кадровые составляют от 10 до 20 % офицерского состава, «уже не все батальонные командиры из кадровых; значительное же большинство ротных командиров офицеры ”военного времени”»¹⁴.

Отличительной особенностью офицерских пополнений 1914–1915 гг. был патриотический настрой образованной молодежи (заполнившей далеко не все вакансии военных училищ и, особенно, школ прапорщиков, образовательный и культурный уровень воспитанников которых вызывал серьезное и обоснованное беспокойство военного начальства¹⁵). Более того, можно утверждать, что офицеры «со студенческой скамьи» первых полутора лет войны были добровольцами. Начавшийся в 1916 г. призыв воспитанников высших учебных заведений продемонстрировал весьма слабый патриотический настрой оставшейся части студенчества, проявлявшей порой чудеса изобретательности в надежде избежать военной службы, особенно в пехоте. Чего стоило уже одно отчисление за неуспеваемостью с курсов, проходившихся успешно лицами с низшим образованием.

Пополнившийся за зиму 1915–1916 гг. офицерский состав армии в значительной части остался на полях боев кампании 1916 г. Тру-

ды долгих месяцев по укомплектованию, подготовке и воспитанию частей порой исчезали в считанные дни. В качестве примера можно вспомнить выход гвардии из «большого резерва». Восстановленные части, на воспитание и обучение которых было потрачено около 9 месяцев, перестали существовать в считанные дни, теряя в кровавых атаках последние кадры. Лейб-гвардии Кексгольмский полк, почти уничтоженный в Восточной Пруссии в самом начале войны, имел в своем строю к 15 июля 1916 г. всего лишь 5 (!!!) кадровых офицеров, включая командующего полком, остальные офицеры – прапорщички и подпоручики (включая даже одного из батальонных командиров)¹⁶. В результате атаки неприятельских позиций 15 июля 1916 г. в I-м батальоне полка из 9 офицеров останутся в строю 2, во II-м (оба батальона шли в первой линии) – также из 9 офицеров – только один, младший офицер 7-й роты. Из III-го батальона в строю тоже остался один офицер и из IV-го – трое¹⁷.

Помимо утраты кадров, даже офицеров, сколь-нибудь сроднившихся с полком, такой уровень потерь в первом же серьезном бою свидетельствует еще об одной характерной черте для русского офицерства второй половины войны, на которую обратил внимание в своей работе генерал-майор В.В. Чернавин¹⁸: срок пребывания на фронте далеко не всегда означал наличие серьезного боевого опыта. Разгадка проста: возвращавшийся в полк после ранения или контузии офицер мог в первом же бою по возвращении вновь получить ранение и на месяцы отправиться на излечение в тыл. Как правило, после продолжительного «сезонного» затишья приступавшие к активным боевым действиям полки несли очень большие потери, особенно в младшем офицерском составе, который должен был своею доблестью и личным примером компенсировать и недостаток обучения рядового состава, и отсутствие полноценных унтер-офицерских кадров.

Летняя кампания 1916 г., давшая громкие успехи, вместе с тем едва ли не окончательно обескровила полки, принимавшие в ней активное участие (в первую очередь – армии Юго-Западного фронта). Формирование в пехоте дивизий 4-й очереди, начавшееся зимой 1916–1917 гг., было во многом вынужденной мерой в преддверии кампании 1917 г., которая должна была носить наступательный характер. Генерал-майор В.В. Чернавин характеризует эту реформу как мероприятие, «расстроившее окончательно кадры и материальную часть пехотных полков»¹⁹. Немногие оставшиеся кадры ушли во

вновь формируемые полки. Учитывая предыдущий опыт, совершавшийся переход с четырехбатальонных полков на трехбатальонные (и, соответственно, дивизий с 16-батальонных на 12-ти) должен был облегчить командование новым строевым начальникам: служебного опыта многим недоставало, даже при наличии богатого боевого, а кампания предполагалась активная, маневренная.

К весне 1917 г. сложилась ситуация, когда просьбы и требования фронтового начальства увенчались почти полным успехом: в тылу почти не осталось кадровых офицеров, не принимавших участие в текущей войне. Уверенность в том, что практически любого тылового офицера может заменить негодный для строевой службы тяжело раненый офицер, сопровождавшая старший генералитет русской армии практически на протяжении всей войны, дала свои плоды. С середины 1916 г. шла, в частности, очень активная замена офицеров административной службы и преподавательского и командного состава всевозможных военно-учебных заведений. Схожая ситуация была и в тыловых запасных батальонах (с совершенно несоразмерно разросшимися штатами и полной нехваткой как офицерского, так и унтер-офицерского состава, ибо при мобилизации «кадр» оставлялся из расчета на «обычный» батальон, а к 1917 г. они нередко по своей численности приближались к дивизиям).

«Перетягивание полномочий» в результате склонялось в пользу действующей армии: постоянно росло количество «фронтовых» запасных частей (дабы не ждать подвоза подкреплений их предпочитали держать во фронтовой полосе), и летом 1916 г. появились «повторительные курсы для прапорщиков», которые должны были за 6 недель восполнить «пробелы образования» свежеприбывших офицеров.

Крупные потери и массовые пополнения, вместе с реорганизациями, привели к тому, что среди нижних чинов рот люди с опытом больших боев 1914–1915 гг. насчитывались единицами, в боях второй половины 1916 г. принимало участие 15–20 % рядового состава. Вместе с тем, крайне понизился интеллектуальный уровень пехотной массы: «все, что выдавалось над общим уровнем», либо по своему образованию, либо по профессиональным знаниям и навыкам ушло в школы прапорщиков, в специальные части и команды, вернулось на заводы (высококвалифицированные рабочие)²⁰. Здесь и далее мы будем опираться на доклад, составленный во второй половине 1917 г. и. д. генерал-квартирмейстера 6-й армии полковником (затем – ге-

нерал-майором) Генерального штаба В.В. Чернавиным, пробывшим в ходе войны более года на должности начальника штаба пехотной дивизии и более года – командира пехотного полка. Им были собраны сведения на более чем 700 офицеров (по одному из полков семи входивших в 6-ю армию дивизий). Дивизии были различных сроков формирования. Нам представляется, что это вполне репрезентативный срез, по которому можно судить о наибольшей части русского офицерства – офицерском составе пехоты.

Если большую часть войны (фактически – с первых же недель и до конца 1916 г.) русские полки испытывали некомплект офицерского состава, то резкое снижение боевой активности вследствие революции привело к переизбытку офицерского состава в полках. Если осенью 1915 г. «благополучными» считались полки, имевшие 20–25 офицеров, то спустя два года в четырехбатальонных полках (так называемая «реформа Гурко» затянулась) их число доходило почти до полутора сотен, в трехбатальонных – около сотни²¹. Причиной такого «сверхштатного» состояния, помимо резкого снижения боевой активности, стало продолжение усиленной подготовки офицеров по четырехмесячной программе, буквально «выплескивавшей» в армию ежемесячно все новые и новые сотни и тысячи носителей офицерских погон. Не добавляло порядка тут и законотворчество деятелей Временного правительства, снявшего все ограничения к достижению офицерского звания и предоставившего это право и юнкерам ударных батальонов, и вообще «за полгода пребывания на фронте». Вопрос какой-либо профессиональной подготовки офицера для такого выдающегося военного министра, каковым был Александр Федорович Керенский, был излишним.

«За время войны слишком разнообразные элементы составили новый корпус офицеров русской армии. Фактически был отменен не только образовательный, но и всякий другой ценз, и теперь в офицерском составе армии есть порядочный процент людей не только бесполезных, но и вредных», – замечает В.В. Чернавин²². Традиционно на состояние офицерского корпуса полка оказывал влияние полковой командир, но в течение 1917 г. во многих полках (если не в большинстве) сменялись командиры (и часто не по одному разу). Косвенно это подтверждает и В.В. Чернавин: из 32 командиров полков 6-й армии 19 человек занимают должность менее полугода, более года полком командуют пятеро. Столько же (5 человек) ранее были на административной службе, остальные – строевые офицеры. При этом

11 из 32 – «временно командующие» полками, причем ходатайство об утверждении в должности возбуждено только об одном из 11. Из 32 полковых командиров нет ни одного с высшим военным образованием. Нехватка офицеров на должностях Генерального Штаба уже известна, но и в строю их оставалось «меньше обычного». Единственное, что есть в избытке у полковых командиров 1917 г. – так это боевой опыт: 24 из 32 провели в строю на войне свыше двух лет и только один – 8 месяцев. Но преобладание испытанных боевых офицеров не говорит о служебном опыте на столь важной и ответственной должности: **«опытных командиров полков у нас немного»**²³. Большинство из 32 офицеров начинали войну в обер-офицерских чинах (полковников старшинства 1916–1917 гг. – 18 человек).

В подобной ситуации опорой командира могли бы стать кадровые офицеры, командиры батальонов (должность, значение которой за время войны сильно возросло в сравнении с мирным временем, когда она считалась едва ли не синекурой). Но число этих людей, обладающих достаточным служебным и строевым опытом, не превышало 3 %, причем распределялись по полкам они очень неравномерно: были полки, имевшие 4–5 кадровых офицеров, а в 40-м Сибирском стрелковом полку полковник даже командовал одним из батальонов, а где-то в случае убыли командира полка не было подходящего заместителя (так, в 29-м стрелковом полку был всего один(!) кадровый офицер, помимо командира полка, капитан, командовавший батальоном)²⁴.

Вообще, из общей массы в 725 человек, кадровых офицеров, прошедших полный курс военного училища, всего 28, это самая малочисленная группа. Менее $\frac{1}{3}$ прошли через четырехмесячный курс военных училищ во время войны и около $\frac{2}{3}$ – через школы прапорщиков. «За боевые отличия» были произведены 35 человек.

«Фактически мы воюем теперь почти исключительно офицерами военного времени, причем и в этой группе в огромной степени преобладают офицеры, очень недавно выпущенные из училищ», – отмечал генерал-квартирмейстер 6-й армии в начале осени 1917 г. Но первая часть фразы, выделенная автором жирным шрифтом, была справедлива для русской армии уже к концу первого года войны, нарастание же числа «вновь прибывших» активно шло с осени 1916 г.

$\frac{4}{5}$ офицерского состава полков составляли прапорщики и подпоручики, офицеры с минимальным служебным опытом. Абсолютное большинство ротных командиров – офицеры военного времени. Они

же составляют около половины батальонных командиров. Кадра средних начальников, имеющих опыт современной войны и знания для его осмысления, в отличие от артиллерии и кавалерии, в пехоте не сформировалось: из-за текучести кадров вследствие потерь разброс командиров батальонов в чинах крайне велик (от поручика до полковника). «Боевой опыт» (9 месяцев позиционного затишья на фронте 6-й армии) более половины офицерского состава – минимален: у 51,5 % (371 человек) он менее 6 месяцев. При этом у 172 человек (максимальная по численности группа) он не составляет и двух месяцев. Подавляющее большинство офицеров (78,5 % или 568 человек) пробыли на фронте менее года. Долгий период затишья, который мог способствовать возвращению раненых и контуженых офицеров в свои части, таким образом, заметно не сказывается, они насчитываются единицами.

В результате привлечения к отбыванию воинской повинности с начала 1916 г. воспитанников высших учебных заведений в армейской среде стал заметен процент людей с высшим и законченным средним образованием. Но в целом общеобразовательный уровень офицерства 1917 г. отличается крайней неоднородностью, как по объему, так и по типам пройденной школы. «В общем, образовательный уровень массы офицерства не высок: более половины состава обладает лишь низшим образованием, много есть офицеров без образовательного ценза, обладающих лишь примитивной грамотностью»²⁵. В целом, общий образовательный уровень офицерства за время войны упал: лица с низшим и меньшим образованием составляют 53 % чернавинской выборки. В то же время, «офицеры с высшим образованием составляют заметную величину, вместе же с людьми, получившими среднее образование, имеется в армии почти 30 % вполне интеллигентных развитых офицеров»²⁶. Офицеров, получивших высшее образование, насчитывалось 5 % (37 человек), законченное среднее – 22 % (158 человек). Особое внимание, уделенное генералом В.В. Чернавиным общеобразовательному уровню офицерского состава, объясняется тем, что «интеллигентность» (некоторым показателем которой как раз и может служить уровень образования) почиталась основным требованием, предъявляемым «современному офицеру» при попытке поднять боеспособность армии²⁷.

Подводя итог, можно отметить, что при шестикратном возрастании численности офицерского корпуса²⁸ за годы войны, в 1917 г. его абсолютное большинство составили офицеры военного време-

ни, подавляющее большинство которых надели офицерские погоны в 1916–1917 гг. Полученное ими военное образование оставляло желать лучшего (в частности, нередко были отзывы строевого начальства, когда свежепроизведенные из школ прапорщиков не могли ответить на вопросы из курса, обязательного для рядового пехоты в первый год службы). Общеобразовательный уровень половины офицерского состава был крайне низок, что, в свою очередь, исключало вероятность повышения уровня подготовки путем самообразования. Лица не только с боевым, но хотя бы со строевым служебным опытом составляли не более половины офицерского корпуса (безусловно, ситуация в других родах оружия несколько корректировала чернавинские данные по пехоте). Включение в выборку данных по запасным частям вряд ли бы улучшило ситуацию: из-за недостаточности кадрового состава в запасных полках и батальонах заниматься подготовкой свежевypущенных прапорщиков переменного состава было просто некому, пребывание там во второй период войны превращалось скорее в формальность.

Вместе с тем должно отметить, что впервые с начала войны был решен вопрос численности офицерского состава в частях действующей армии. Более того, появился значительный сверхкомплект офицеров. Этот вопрос шел «рука об руку» с разложением армии: некоторые дивизии расформировывались, а военные училища и школы прапорщиков большую часть года продолжали активно пополнять ряды войск. О том, что вопрос пополнения офицерского состава даже в пехоте после Февральской революции утратил свою остроту, ярко свидетельствует решение начальника Главного управления Генерального Штаба (ГУГШ) от 27 мая 1917 г.: он счел возможным увеличить отпуск после выпуска из военных училищ и школ прапорщиков с 5 дней до двух недель (возложив конкретное решение вопроса на командующих войсками и главных начальников военных округов)²⁹.

Назначенный 30 августа 1917 г. на пост военного министра профессиональный военный А.И. Верховский, озабоченный поднятием боеспособности армии, приказал увеличить срок обучения в школах прапорщиков с 4 до 8 месяцев³⁰. При этом непоследовательность и отсутствие какой-либо планомерности в работе сказывались и на военно-учебном деле: некоторые школы ликвидировались (например, к 1 октября 1917 г. закрылась Телавская школа подготовки прапорщиков пехоты³¹), а вскоре, «ввиду образовавшегося значительного

сверхкомплекта офицеров как в действующей армии, так и во внутренних округах, военный министр приказал прекратить отправку солдат для поступления в школы прапорщиков» с 6 октября 1917 г. и приступить с этой даты к закрытию всех школ прапорщиков (кроме одной, украинизированной, в Киеве) как типа военно-учебных заведений. По мере выпуска обучаемого на тот момент курса школы должны были закрыться, а подготовка офицеров, как и в мирное время, возлагалась исключительно на военные училища, прием в которые должен был производиться «на прежних основаниях», правда, под этим почему-то понимали «лиц с образованием I разряда», хотя в трехгодичные военные училища в мирное время по закону был разрешен прием лиц и с незаконченным средним образованием³². Как и многие другие инициативы времен «свободной России», здесь различия не были разъяснены.

Серьезной проблемой в 1917 г. стало то, что лучшая часть офицерского корпуса и новые революционные власти «говорили на разных языках». В прямом смысле. Достаточно взглянуть на велеречивые приказы новых военных министров весны–лета 1917 года: в них практически отсутствуют слова «Россия», «Родина», «Отечество». Гораздо чаще – «свобода» и «революция». Написавший же в мае 1917 г. письмо военному министру А.Ф. Керенскому с предложениями о мерах по оздоровлению армии израненный есаул Э.Ф. Семилетов ни разу не употребил слово «революция», зато закончил письмо следующими словами:

«Дайте нам, старым бойцам, счастье выпить до дна кровавую чашу, иначе нас преследовать будут тени наших погибших героев-товарищей и нас проклянет наша мать Великая Россия»³³. Будущий герой Белого движения, один из первых донских партизан 1917 года, добровольно пошедший, несмотря на болезнь, на фронт в 1914-м, просто не мог быть понят военным министром, не употреблявшим словосочетание «Великая Россия».

¹ Несмелов А. Полевая сумка // Арсений Несмелов. Собр. соч. Т. II. Владивосток, 2006. С. 103.

² Драгомиров В.М. Подготовка Русской Армии к Великой Войне // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Кн. V. Белград, 1924. С. 212.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 211.

⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1951. Л. 13об.–14.

- ⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 496. Л. 148.
- ⁷ Там же. Л. 148 об.
- ⁸ Цит. по: Оськин М.В. Проблема резерва для генерального наступления русской армии в 1917 году // Вопросы истории. 2011. № 8. С. 147.
- ⁹ См.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1560. Л. 235–240.
- ¹⁰ Там же. Л. 238.
- ¹¹ Там же. Л. 237.
- ¹² РГВИА. Ф. 725. Оп. 52. Д. 94. Л. 184–184 об.
- ¹³ См.: Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Т. I. Париж, 1939. С. 78–81.
- ¹⁴ Там же. С. 162.
- ¹⁵ См. напр.: РГВИА. Ф. 2078. Оп. 1. Д. 107. Л. 20.
- ¹⁶ См.: Адамович Б.В. Трыстень. 15–28.VII.1916. Париж, 1935. С. 10.
- ¹⁷ Там же. С. 21–23.
- ¹⁸ Чернавин В.В. К вопросу об офицерском составе Старой Русской Армии к концу ее существования // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Кн. V. Белград, 1924. С. 213–230.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1894. Л. 1 об.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Л. 9.
- ²² Там же. Л. 7 об.
- ²³ Там же. Л. 2.
- ²⁴ Там же. Л. 9.
- ²⁵ Там же. Л. 2.
- ²⁶ Там же. Л. 10 об.
- ²⁷ Там же. Л. 7 об.
- ²⁸ См.: Волков С.В. Первая мировая война и русский офицерский корпус // Вестник православного Свято-Тихоновского университета. Серия II: История, история Русской православной церкви. 2011. Вып. 3 (38). С. 111–117.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 1312. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.
- ³⁰ Там же. Л. 37.
- ³¹ Там же. Л. 50.
- ³² Там же. Л. 66.
- ³³ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 23. Л. 104.

Б.В. Мезгорский (Санкт-Петербург)

**«ОТДАТЬ НЕЛЬЗЯ СЖЕЧЬ».
ОСТАВЛЕНИЕ ГОРОДОВ И КРЕПОСТЕЙ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ**

ТРИСТА ЛЕТ НАЗАД, 24 февраля (7 марта) 1716 г. завершилась последняя для российских войск осада крепости в ходе Северной войны. Небольшой средневековый замок Каянеборг (совр. Каяаани) в центральной Финляндии был взят отрядом майора А.И. Румянцева; в целом операция эта не была ни масштабной, ни необычной с тактической точки зрения. Особенной ее сделало то, что пять недель осады пришлось на январь–февраль, в такой суровый сезон, как правило, осады не вели. В итоге небольшой шведский гарнизон сдался на дискрецию и был взят в плен, а сама цитадель взорвана и оставлена победителями¹. Юбилей этого финального аккорда последней петровской осады дает нам повод порассуждать о том, как часто за годы войны участникам случалось покидать города и крепости, и была ли судьба взорванного замка типичной для Северной войны. Где в фразе «отдать нельзя сжечь»² ставили запятую? Подобные сюжеты объяснимо обделены вниманием исследователей, однако представляется, что эта грань военной повседневности заслуживает своего обзора.

Прибегнуть к уничтожению взятой крепости могли в случаях, когда она была не нужна победителю или у занимающей ее стороны не было возможности ее оборонять, но, в любом случае, они не хотели, чтобы укреплениями и ресурсами города воспользовался противник. Например, в июле 1701 г. после победы шведов в сражении на Двине саксонцы взорвали Коброн шанец напротив Риги – уходя, они проложили к пороховому магазину зажженный фитиль. Один из бастионов укрепления взлетел на воздух на виду у шведов так, что от испуга лошади шведской армии оторвались от коновязей и разбежались по

окрестностям³. В изменившейся обстановке саксонско-русский гарнизон был вынужден покинуть и крепость Кокенгаузен (совр. Кокнесе), так как не имел возможности ее оборонять от приближавшейся армии Карла XII. Князь Н.И. Репнин в своих «отписках из Рижского похода» поведал, как комендант крепости саксонский полковник Бозен эвакуировал город: «нарядные бомбы и ядра разные и пушечные да два маджера [мортиры. – *Б.М.*], которые лежали на берегу, стали в Двину... и в городе пушек с двадцать и больше зарядили ядра по три и по четыре и порохом насыпали как мочно ядра положить. А июля в 14 числе полковник Бозен... с солдатами со всеми из города пошел вон и в городе-де людей никаких не осталось. И в то число в городе пушки и всякий снаряд почало рвать и городовую каменную башню и стену и земляной раскат взорвало... из Коканауза пошли они вон и тот город порохом подняли для того, что идут шведы, а держать им того города за малолюдством невозможно и подкоп под городом был у них сделан для случая неприятельского до сего времени за долго»⁴.

Так же поступил Б.П. Шереметев с крепостью Мариенбург (совр. Алуксне) в Лифляндии в августе 1702 г. Этот старый замок на острове был поврежден бомбардированием во время осады, а при сдаче пороховой погреб был взорван одним из офицеров гарнизона. «Когда с тое крепости наши обрали пушки, и все артиллерию и осадных сидельцов, тогда господин фельтмаршал тот город приказал разорить, и болварки и башни подорвали»⁵. В письме от 27 августа 1702 г. Шереметев отчитывался перед царем: «А Марин Бург разорил и раскопал без остатку; буду стоять до тех мест, докуля весь раскопаю; а держать было нельзя: удалела и около все опустела; так ж тот сумозбродной подорвал порохом»⁶. В следующем, 1703 году войскам Бориса Петровича без боя достался целый ряд средневековых замков, которые не могли выдержать нападения крупных сил: Ракобор/Везенберг (совр. Раквере), Фолин/Вильян (Вильянди), Пылцов (Пылтсамаа), Пайде, Руик. Гарнизоны их были слабы, и шведы оставляли их при подходе русских, зажигая за собой склады. То, что не успевали уничтожить бывшие хозяева, разорали победители.

Крепость Биржа (совр. Биржай) шведы и сапежинцы взяли у литовских войск в сентябре 1704 г., но уже в октябре при приближении русского отряда были вынуждены ее оставить. «Ушли до Митавы и Бовска, Биржу разоряя, валы раскопали, а иные места подорвали и палаты разломали и алтиллерию вывезли; толко осталось 2 пушки и 2

бочки пороху, не на чем было вести», – доносил Петру о действиях противника князь Н.И. Репнин 16 октября 1704 г.⁷ Литовский великий гетман Вишневецкий жаловался Репнину, что неприятель «не по обычаю прав всенародных оную... до основания разорил»⁸.

Готовность шведов взрывать свои укрепления при подходе осаждающих теперь приходилось учитывать, и в начале августа 1705 г. Петр инструктировал Шереметева, как лучше осадить Митава (Елгаву), чтобы гарнизон не успел взорвать цитадель: «Знатную партию послать в Митоу, и в ночь облокировать, и потом войтить в замок, чтоб (от чего я боюсь) не оставлены были малые люди, ради того, когда увидят многолюдство, то оные подорвут, а когда нечаемо город оступят, тогда не посмеют того учинить»⁹.

К 1706 г. Митава и Бауск (Бауска) уже находились под российским контролем, однако перед теперь наступавшей в свою очередь шведской армией русским пришлось отходить на восток и оставлять эти пункты. Ситуация осложнялась тем, что противник был близко. 12 марта Петр писал Г.Г. Розену и А.В. Кикину: «Когда сие письмо получите, тогда над замками учините по указу и подите к Друе... Зело б хорошо, чтоб замки подорвать на другой день по вашем выходе и для того несколько сот оставить драгун и с ними верного начального (да и сам для того с ними будь), для того чтоб неприятель не так скоро уведомил о вас»¹⁰. Через три дня царь повторил приказ, на что Кикин отвечал 6 апреля: «Над замками в Митаве и в Боуску и с пушками учинили по указу вашему, и пошли в путь свой из Боуска 3-го дня сего месяца»¹¹. Схожая участь угрожала в том году еще одному городу. В Пунктах генерал-майору Вердену от 12 июля 1706 г. Петр приказывал занять Полоцк, а «ежели (от чего, Боже, сохрани) неприятель силно наступит, которому противитца будет невозможно, то, разоряя Полоцкий замок (кроме церквей), уступить к своей границе»¹².

Особый случай оставления города армией представляет отступление из Гродно в марте 1706 г. Инструкции царя к фельдмаршалу Огильви и к генералу Репнину подробно описывали меры к скрытному и быстрому отходу. В частности, пушки разрешалось взять с собой лишь легкие трехфунтовые, а остальные велено побросать в Неман («ибо они так вас свяжут своею тягостию, что вам скоро отнюдь иттить будет невозможно»)¹³. Огильви в первую очередь выслал из города больных и пленных, приказал обновить укрепления ретраше-мента и распространить дезинформацию среди местного населения («жидам приказал сказать... будто я неприятельскую грозную атаку...

конечно ожидать хошу»). Затем был отправлен весь багаж и перекрыты выезды из Гродно, чтобы три дня после ухода армии никого не впускали и не выпускали из города. На третий день после получения приказа начали выходить войска. На месте оставался один драгунский полк, который перегородил входы в ретрашемент палисадами и поддерживал огни в лагере и ушел на седьмой день; первый шведский отряд появился у оставленного города лишь на девятый день¹⁴. Таким образом была достигнута скрытность отступления и выиграно время, чтобы оторваться от возможного преследования. Город и укрепления не уничтожали, поскольку рассчитывали вскоре снова занять его.

Вывоз пушек из крепостей, которые не предполагалось оборонять и которые могли достаться неприятелю, был разумной мерой предосторожности, однако подобные меры не устраивали союзников – хозяев разоружаемых крепостей. 22 февраля 1706 г. Петр приказал Мазепе: «Пушки медные из Бродов вели вывезть в границу нашу, куды удобнее»¹⁵. Операция эта была несложной, но повлекла за собой осложнения в отношениях с единственными союзниками. Крепость Броды принадлежала Великому Княжеству Литовскому, и Мазепа доносил царю о недовольстве литовских аристократов Поцея и Радзивилла тем, что перед лицом шведского вторжения край оставляли безоружным: «Велми негодуют, когда всюду пронеслося, что с фартецыю Бродскою сталося, с которой всю армату и амуницию, по указу монаршему его царского пресветлого величества, забрано и до Киева попроважено, о чем ляхи велми негодуют... Уже обнаженную армат и з амуниции от шведа, неприятеля нашего, Полшу теперь его царское пресветлое величество до конца наказал дозормовати [разоружить. – *Б.М.*], когда мало не последнюю уже надежду и оборону речи посполитой з Бродов указал забрати»¹⁶. Петр просил Г.И. Головкина разъяснить литовцам, что пушки «бы достались неприятелю, ибо уже не единой крепости не осталось, где бы неприятель не вывез, как Львов, Краков и прочие, а гварнизона там ныне держать невозможно»; чтобы успокоить союзников, Петр предписал пушки не ввозить в русские рубежи, а оставить в одной из приграничных литовских крепостей – Быхове или Могилеве¹⁷. В письме Меншикову от 29 апреля Петр подтверждал, что пушки «вывезены не для корысти нашей, но для того, что та крепость воеводы Киевского [польского сановника Ю. Потоцкого. – *Б.М.*], и ежели бы не вывезть, то б оный воевода шведов туда ввел и крепкий путь неприятелю к

нашим границам учинил; а оные пушки чтоб отдать в крепости полские, Могилев и Быхов, и как возможно их в сем деле утешить, дабы вовсе не озлобить»¹⁸.

Однако и Могилев лишили артиллерии через год и почти перед самым приходом шведов. 3 августа 1707 г. генерал Репнин из Минска прислал команду из двухсот кавалеристов с майором, которые после трех дней пребывания в городе рано утром в воскресенье собрали городские пушки: 25 орудий доставили в замок, где колеса и лафеты порубили, железные оковки ободрали, а стволы погрузили в байдак и отправили в Смоленск. Горожанам удалось утаить от русских замурованное в Олейной броне помещение цейхгауза, где хранился порох, пули, сотни брусков свинца и «три мортиры с русскою вокруг надписью». Однако через несколько дней «москвитяне», узнав о секретном хранилище, опустошили и его. Говорили, будто секрет выдал служивший долго в Могилеве «москаль Стенька Понарский». Порох, пули и свинец роздали по полкам, а все тяжелые ядра, чтобы не достались шведам, затопили в Днепре¹⁹.

Опасность шведского вторжения в российские владения стала реальной в 1708 г., и самым угрожаемым городом был Дерпт (Тарту), который располагался заметно дальше на запад, чем все остальные занимаемые россиянами на тот момент крепости. Удерживать город возможности не было, поэтому было решено выслать население вглубь России, а крепость разоружить и уничтожить при приближении шведов. Высылка населения произошла 18 февраля 1708 г., но русские войска занимали окрестности Дерпта до июля, когда эвакуация города была возложена на генерал-поручика Р.Х. Боура²⁰. К первым числам июля в Псков вывезли все запасы пороха и артиллерию; затем началось разграбление опустевшего города – вплоть до жести церковных кровель. А 12 июля стали уничтожать укрепления. Каменные стены взрывали, но на срытие земляных валов требовалось слишком много времени, поэтому они уцелели; под конец зажгли церкви и дома и покинули город 17-го числа²¹. 21 июля Боур докладывал царю об исполнении: «Дерпт по вашему царского величества особому указу все управил и так зделано, что башни и болварки все до подошвы подняты и заровняно, и полатное строение все от огня розвалилось»²², а в письме от 30 июля уточнял, что Дерпт был «подорван и заровнян» 15–16 июля 1708 г.²³

На направлении главного удара Карла XII русская армия, отступая и следуя «стратегии выжженной земли», намеревалась разорить

Могилев, однако поначалу горожанам удалось спасти свой город. Дошедшая до нас Хроника города дает нам уникальный шанс увидеть события Северной войны глазами горожан, попавших «между молотом и наковальней». В Хронике записано, что 3 июля 1708 г. «москвитяне хотели выжечь город, но значительными подарками такое предположение устранено. [Гибельное это намерение имел генерал-адъютант Шилинг.]»²⁴. В тот же день в Могилев вошли волохи (иррегулярная конница) Карла XII, а через три дня город был занят шведскими войсками, которые стояли там до середины августа.

Испытывая на себе эффективность «скифской тактики» противника, шведы пришли в город после долгой изнурительной кампании и были истощены. Ходили слухи, что если бы они задержались на походе еще три дня, то они пропали бы от голода, так как хлеба на их пути не осталось. Явившемуся на встречу короля магистрату Карл сказал: «вы давали провиант москалю, то следует давать и мне»²⁵. На город были наложены жестокие повинности по обеспечению армии провиантом и деньгами. И хотя город в течение всех предыдущих лет войны подвергался многочисленным и немалым контрибуциям со стороны литовских и русских войск, а также поборам частных воинских начальников, кратковременное пребывание шведов в Могилеве отмечено как исключительно разорительное для горожан. «Когда затем тяжкими экзекуциями город истощился и мещане пришли в убожество, так что негде было взять, ни получить займы денег, а требовалось еще в выдачу на пять региментов... то за всеми короля шведского ассигновками, экзекуция преследовала зажиточнейших граждан, их заключали в погреба, морили голодом, обнаженных погружали в холодную воду, вешали на балках и мучили разными истязаниями [и такими средствами вымучили еще 1133 битых талера, которые, присоединив к прежней сумме, составили все количество 10 648 битых талеров.] Шведский король, не довольствуясь продовольственными и денежными контрибуциями, сам объезжал знатнейшие церкви, и хотя мало видел серебра на иконах, ибо все лучшее припрятано было в землю, но получив от услужливых евреев извещение, что в церквях хранится значительное количество серебра, выдал приказ, чтобы из храмов немедленно было выдано несколько сот фунтов серебра, ибо в шведском обозе постоянно была чеканена монета. Причем король угрожал, в случае невыдачи, разграбить и сжечь город. Мещане, оставаясь во власти грозного неприятеля, уступили необходимости выдать требуемое серебро»²⁶. «Шведы, прибыв к Могилеву, тотчас

разграбили Буйницкий монастырь, разогнали монахов, так что в монастыре ни одной души не осталось. Древнюю деревянную церковь Успения пресвятой Богородицы разобрали и ее деревом помостили в хижинах, бывших под горою и по дорогам»²⁷.

Детальное описание всех материальных потерь города (в Хронике подробно расписано, сколько хлеба ежедневно предоставлял каждый городской квартал и сколько денег горожане выплачивали каждому шведскому полку) позволяет понять, почему воюющие стороны старались не отдавать в руки неприятеля такие обильные ресурсами поселения. К концу августа армия короля ушла дальше на юго-восток, и у Могилева снова появились царские войска, которые на этот раз имели твердый приказ разорить город. Петр писал Р.Х. Боуру 1 сентября: «не точию хлеб или фураж, но и строенье жгите, (дабы под сей холодный час неприятель не имел ничего себе выго... но Горки, Горы и прочие места разорять)»²⁸. Несколькими днями позже Петр повторял: «чтоб все (как уже и прежде указ дан вам) пред неприятелем жечь, не щадя отнюдь ничево (а именно знатных мест)... Також главное войско [неприятеля] обжиганием и разорением утомлять, для чего столко и войска вам прибавлено; також комоникацию с Могилевым отсечь. А ныне слышали мы, что в Могилеф несколько сот возоф с аммуницеєю прошло, а вы никокого пойску на них не учинили, и то не за добро приемлетца, к чему и ныне паки поттверждаем, чтоб вы чинили с помощью Божиєю по данным вам указам. К тому ж придается сие: ежели неприятель пойдет к Витепску, оставя дороги к Смоленску, тогда наперет перейти Днепр и Витепский уезд (или куда обращение неприятельское будет) разорять без остатку (хотя польское или свое)»²⁹. Боур, который незадолго перед тем выполнил аналогичную задачу в Дерпте, докладывал об исполнении 6 сентября: «И в правде своей вашему царскому величеству доношу: где обретение мое было, то все выжег; а в Горы для пожегу строенья посылал отъютанта своего, и в том месте стоит генерал-порутчик Генскин и выжечь не дал и сказал, что по походе своем то место велит выжечь. В Магилев сего числа отправил в партию маора Видмана, с ним драгун 300, казаков 500, и по указу вашего величества приказал управить повеленное, а с оным маеором поехал вашего царского величества господин отъютант Баргнев»³⁰.

Хроника рассказывает об исполнении петровского приказа, в результате которого город, ограбленный шведами, в один день обратился в прах и пепел. 8 сентября русские, калмыки и татары, окружив

со всех сторон город, заперли городские ворота, ударили в барабаны тревогу и зажгли замок. Жители вымолили отсрочку на один час, чтобы перенести городские книги из ратуши в подвал. Затем калмыки разорили и подожгли лавки и дома, а потом уехали из города.

Сначала распространился слух, будто московиты вырезают жителей; позднее говорили, что горожане избежали истребления, так как не стали оказывать вооруженного сопротивления. Разграбление церкви Св. Николая начали тоже калмыки, но довершили его «смелейшие мещане и священники с причтом». Одни горожане бежали и скрывались в лесах, в то время как другие остались в Могилеве и мародерствовали. Огнем были уничтожены самые богатые постройки города: «Пылающие храмы Божии и украшающие их кресты от жара склоняющиеся вниз и падающие на землю; дорого стоившие церковные куполы горят, а оторванные от них ветром железные листы, как птицы, летают в воздухе, колокола сами звонят, а частные хозяйские дома без всякой обороны обращаются в пепел»³¹.

Тем временем шведы продолжали движение, теперь на юго-восток. Среди других слободских городков Шереметев готовил к обороне Почеп и предусматривал разные варианты развития событий. Для обороны от небольших неприятельских партий туда введен один батальон пехоты и 100 драгун, «а ежели неприятель всею армеею обратит к Почепу, то по генералному совету предложили тому коменданту почепскому пушки медные и порох взять и отступить за реку Судость и последовать за главною армеею, а при отступлении Почеп жечь», – сообщал фельдмаршал Петру 12 октября 1708 г.³² Был ли в результате сожжен Почеп – не известно. Например, соседний городок Мглин Шереметев тоже приказывал сжечь, но сделано это не было, и немалые запасы продовольствия достались шведам³³.

Как известно, в итоге шведская армия повернула на юг, на Украину, где немало городков было ею занято (с боем или без боя), а потом сожжено при оставлении. Подобная участь, согласно Адлерфельду, ждала Смелое, Недригайлов, Тернов, Веприк, Олешню, Гадяч, Красный Кут, Городницу и Коломак³⁴. После неоднократных попыток снять шведскую осаду Полтавы у Петра появились оправданные сомнения, что эту крепость удастся выручить. Перед тем как перейти Ворсклу и попробовать атаковать шведскую армию в поле, царь отправил полтавскому коменданту А.С. Келину 19 июня 1709 г. письмо с инструкциями на случай неудачи и необходимости экстренно эвакуировать крепость: «усматривая время (в день или ночью), вытте вон

за реку, куды удобнее, и тамошних жителей вывести мужеска полу таким образом: сказать им, будто указ вы получили иттить всем на шанцы неприятельския, а когда реку перейдете, тогда удобнее с ними можете дойти до нас. И сие надлежит зело тайно держать, дабы неприятель не проведал, а мы к тому дню пришем несколько конницы к сему месту, где был наш обоз. Також надлежит вам наши пушки, которые вы привезли с собою, или тайно розорвать или в колодезь бросить, чтоб огнюдь не нашли, а знамена зжечь, також пороху в нескольких хоромах помалу поставить и при выходе, фитиль положа, замкнуть, чтоб после вас загорелся город, как сюды перейдете. И сие все объявить вам надлежит немногим из главных афицеров, а перво на том присягаю обезатца, а от жителей весма таить, також; вам пожитков с собою огнюдь не брать, дабы не догадались»³⁵. Впрочем уже скоро, 26 июня, за день до генеральной баталии, Петр смотрел на шансы на успех гораздо более оптимистично («понеже мы лучшую надежду отсея, с помощию божию, имеем вас выручить»), отменял свой прежний указ об оставлении крепости и повелевал Келину, чтобы защитники крепости «еще держались, хотя с великою нуждою до половины июля и далее»³⁶.

Самые масштабные операции по эвакуации городов и целых областей, с вывозом вооружений, уничтожением укреплений и выводом населения, российским войскам и администрации пришлось провести в 1711 г. во исполнение Прутского договора с Турцией. Но ограниченный объем публикации позволяет нам вынести рассмотрение этих действий за рамки настоящей статьи, поскольку формально эти действия относятся не к Северной войне, а к Турецкой войне 1711–1713 гг.

После Полтавской катастрофы и поражений 1710 г. ситуация изменилась для шведов и в Померании, где некоторые крепости они были вынуждены оставить без боя (очевидно, по невозможности держать оборону во многих городах одновременно). Причем, видимо, гарнизоны эвакуировались поспешно, а крепости не разоружались и не уничтожались, что было для союзников приятным сюрпризом. Так, в 1711 г. из Померании были получены ведомости о том, что «войски наших алиртов все случились [соединились] и блаковали Стралзунд, а шведы не токмо баталию [не] дали, но и 5 городов зело крепких (и одну крепкую переправу с шанцами) покинули, а именно: Демин, Грипсвалд, Анклам, Волгаст, Уздум с островом и Швейншанц, из которых людей токмо вывели, а артиллерию оставили, и так скоро

ушли, что и мины под контрошкарпами в вышереченных крепостях покинули, не подорвав, и всю свою пехоту в три главные крепости посадили: в Штетин, Висмар и Стралзунд, а конницу на Руген остров переправили»³⁷.

В 1713 г. русские войска заняли ряд городов в шведской Померании, однако из-за трудностей с провиантским снабжением содержать гарнизоны в этих городах стало проблематично. Чтобы эти города с их укреплениями и запасами не достались шведам, их предлагали занять римскому императору и прусскому королю, однако те отказались. Тогда было принято решение гарнизоны вывести, а сами города разорить. Петр в письме В.Л. Долгорукову от 17 апреля 1713 г. объяснял причины такого решения: «войска наши, тамо обретающиеся, от оставшихся в Померании неприятелей так были тесно окружены, что не могли себе в тех городех, где были, пропитания получить. И того ради, принуждены ис тех мест выти и с ними неприятельскою манерою поступить»³⁸.

«Неприятелькая манера» – это разорение, которому шведский командующий граф Стенбок подверг датский город Альтону 8–9 января 1713 г. (н. ст.)³⁹. Подойдя с войсками к этому богатому торговому городу недалеко от Гамбурга, шведский генерал потребовал от магистрата контрибуцию в 200 000 риксдаллеров, и когда горожане ответили, что не могут собрать сумму более 50 000, несколько шведских отрядов вошли ночью в город и подожгли его. Было уничтожено около трех тысяч домов и католический собор, уцелело до 80 домов, лютеранская и реформаторская церкви. После сожжения Альтоны граф Стенбок распространил письма, в которых заявлял, что был вынужден так поступить в наказание за аналогичные действия союзников; правда, конкретные примеры не были названы. Затем шведский генерал-губернатор Бремена граф Велинг в письме датскому и саксонскому командованию добавил, что Альтону сожгли в отместку за сожжение датчанами города Штадена и намекнул на многочисленные бесчинства русских войск. В ответ союзные генералы Флемминг и Шлотен отвечали Велингу в том смысле, что Штаден как крепость был законной целью для бомбардировки, что «московиты» если где-то и бесчинствовали, то не по приказу своего командования, а шведы вообще первые открыли счет незаконным поступкам в этой войне – в сражении под Нарвой, поэтому любые претензии шведской стороны к союзникам относительно способов ведения войны неуместны⁴⁰.

Итак, ссылаясь на шведское разорение Альтоны, Петр приказал генерал-майору Штафу 28 февраля 1713 г.: «города померанские Анклам, Демин, Гарц, Вольгаст – фартеции сколько возможно разорите. Также и дома сожгите, кроме церквей, все, не щадя, ниже оставляя что»⁴¹. Чуть более подробную инструкцию Меншиков переправил генерал-майору Буку 12 марта: «незамедлительно прежде всего, насколько возможно, разрушать и сносить фортификационные укрепления; после того следует отбирать у жителей имущество, однако не допуская беспорядка, все такое, что может пригодиться солдатам, как например, полотно, одежда и т. п. для распределения между ними. Однако звонкая монета пойдет в казну его царского величества. После выполнения предыдущего ваше благородие можете перейти к поджогу со всех углов вышеназванных городов. Однако при том нужно принять меры, чтоб церкви не были объаты пламенем, чтобы церкви были сохранены. Жителям можно разрешить уйти, куда они пожелают»⁴². Но причин для опасения становилось все меньше – шведская армия заперлась в Тенингене и была обложена союзниками, поэтому занять померанские города уже была не в состоянии; видимо, в связи с этим 16 марта Меншиков отменил приказ Буку. За это время русские войска успели разорить города Гартц и Вольгаст, а против дальнейшего выполнения царского приказа протестовали датский король, ганноверский курфюрст и представитель польского короля⁴³. В частности, генерал-майор царской службы Штаф намеревался выполнить первоначальное распоряжение о сожжении города Анклам, пока указ об отмене еще не прибыл. Город был спасен датским морским офицером по имени Христиан Томсен Карл, который вызвал на дуэль Штафа и был тем заколот, но тем не менее сожжение было отложено⁴⁴.

Таким образом, покидать занятую крепость войскам за годы войны приходилось неоднократно. Это случалось в нескольких типичных обстоятельствах:

- если не было возможности держать оборону в условиях непосредственной (Почеп) или лишь предполагаемой (Дерпт, города Померании в 1713) угрозы подхода крупных неприятельских сил;
- если крепость не представляла военной ценности и ее удержание не входило в планы командования (Мариенбург, Каянеборг);
- если того требовала не военная обстановка, а условия договоров (Браилов, Азов, Правобережье).

Покинутую крепость редко, но могли оставить нетронутой (например, Гродно покидали скрытно и город не разоряли). Как мини-

мум, вывозили либо уничтожали вооружение и боеприпасы, как в Бродах. Довольно часто доходило до уничтожения либо укреплений, либо города полностью (Дерпт, Могилев). Это зависело от оперативной обстановки, и на каждый случай у командования – будь то российского или шведского – были свои прагматические резоны поступать с городами так, а не иначе, какими бы жестокими не были эти поступки по отношению к местному населению.

¹ Об осаде Каянеборга см.: Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, Roi de Suede. Haye, 1748. Т. 2. Р. 274; Голиков И.И. Деяния Петра Великого. М., 1838. Т. 6. С. 115; Бородин М. История Финляндии. Время Петра Великого. СПб., 1910. С. 172.

² Вслед за известным упражнением на пунктуацию «казнить нельзя помиловать».

³ Adlerfeld G. The military history of Charles XII. King of Sweden, written by the express order of his Majesty. London, 1740. Vol. 1. P. 81.

⁴ Попов Н.Н. История 2-го гренадерского Ростовского полка. Т. 1. Приложения. С. 150–151.

⁵ Шереметев Б.П. Военно-походный журнал (с 3 июня 1701-го года по 12 сентября 1705-го года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева // Материалы военно-ученого архива главного штаба. СПб., 1871. Т. 1. С. 113.

⁶ Вольнский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием ее участия в Великой Северной войне. СПб., 1912. Кн. 1. С. 123.

⁷ Там же. Кн. 2. С. 20.

⁸ Там же. Кн. 3. С. 56.

⁹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 3. С. 411, 897.

¹⁰ Там же. Т. 4. С. 170–171.

¹¹ Там же. С. 178–179, 728–729.

¹² Там же. С. 296.

¹³ Там же. С. 158–161.

¹⁴ Там же. С. 717–718.

¹⁵ Там же. С. 125.

¹⁶ Там же. С. 844.

¹⁷ Там же. С. 228–229.

¹⁸ Там же. С. 231.

¹⁹ Трубницкий А., Трубницкий М. Хроника белорусского города Могилева // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1887. Кн. 3. Отд. I. Ч. 3. С. 52.

²⁰ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 8. Вып. 1. С. 26.

²¹ Лайдре М. Северная война и Эстония. Тарту в годину испытаний (1700–1708). Таллин, 2010. С. 209–210.

²² Письма и бумаги Петра Великого. Т. 8. Вып. 2. С. 458.

²³ Там же. С. 475.

²⁴ Хроника белорусского города Могилева. С. 60.

²⁵ Там же. С. 61.

²⁶ Там же. С. 64–65.

²⁷ Там же. С. 63.

²⁸ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 8. Вып. 1. С. 112.

²⁹ Там же. С. 118.

³⁰ Там же. Вып. 2. С. 789.

³¹ Хроника белорусского города Могилева. С. 67–69.

³² Письма и бумаги Петра Великого. Т. 8. Вып. 2. С. 789.

³³ Там же. С. 848.

³⁴ Adlerfeld. Vol. 3. P. 84, 85, 92, 93, 98–100.

³⁵ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 9. Вып. 1. С. 216–217.

³⁶ Там же. С. 225.

³⁷ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1873. Т. 11. С. 203.

³⁸ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 13. Вып. 1. С. 125.

³⁹ Gründliche und zuverlässige Nachricht, Dessen, Was sich vom 7ten bis auf den 9ten Januarii Anno 1713. Zwischen Dem Schwedischen General en Chef, Herrn Graff Magnus Stenbock, Und denen Deputirten der Stadt Altona, Vor dero Verbrennung begeben. Altona, 1713.

⁴⁰ British Officer in the Service of the Czar. PP. 371–381.

⁴¹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 13. Вып. 1. С. 98.

⁴² Там же. С. 308–309.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Heller C. Chronik der Stadt Wolgast. Greifswald, 1829. S. 225–233; Kurtze Relation Von Der erbärmlichen Einäscherung der Pommerischen Städte Gartz und Wolgast, Als dieselbe Respective am 16. und 27. Martii Anno 1713. von den Moscowitern kläglich in die Asche geleet worden. Б.м., 1713.

Д.Ю. Милосердов (Москва)

ТИПОЛОГИЯ РУКОЯТЕЙ САБЛИ ШАМШИР. ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОСТИ ШАМШИРОВ ПРИ ПОМОЩИ ФОРМЫ И ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ РУКОЯТИ

НАВЕРНОЕ, нет ни одного человека, занимающегося и интересующегося холодным оружием, кто не слышал бы о восточной сабле *шамшир* («*шамшер*» (shamshir) – «львиный коготь» или «хвост льва»)¹. Шамшир – сабля иранского происхождения². Надо отметить, что шамширом в Персии и, например, Афганистане называли и называют любое длинноклинковое оружие, в том числе и с прямым клинком. Но мы в своей статье будем рассматривать «классический» шамшир конца XVIII – начала XX вв., так как большинство исследователей, музейных работников и коллекционеров сталкиваются в основном с шамширами, относящимися именно к этому периоду.

Клинок этой сабли узкий, но толстый, обычно достаточно длинный и имеет значительную кривизну. В сечении он линзовидный или плоский. Елмани чаще всего нет. Часто изготовлен из булата. Рукоять простая, с небольшим загибом под мизинцем, направленным в сторону лезвия и позволяющим лучше удерживать саблю (угол «загиба» порядка 90 градусов). Состоит из двух костяных или, реже, роговых накладок-щечек, приклепанных простыми заклепками к хвостовику. Материалом накладок служит в основном моржовая кость, которая ценилась в Иране³. Накладки из кости традиционно ставились так, чтобы пуля моржового клыка⁴ была повернута наружу⁵. Снизу накладки дополнительно фиксируются стальным колпачком, а сверху стальным простым прямым перекрестьем с маленькими изящными лангетами (металлические накладки-усиления на лезвии в зоне гарды), которые придают прочность оружию в самом нагруженном месте. У богато декорированных шамширов перекрестье, колпачок

и металлические детали ножен могли быть изготовлены из булата и украшены всечкой золотом, резьбой или драгоценными камнями, как на шамширах из коллекции Государственного Эрмитажа (инвентарные номера В.О.-22, В.О.-46, В.О.-63, В.О.-85 и В.О.-171)⁶. Ножны шамшира изогнуты так, что позволяют вынуть клинок, обойдясь без прорези, которая встречается на ножнах у турецких кривых сабель. Ножны делали из дерева и обтягивали кожей, которую часто украшали тиснением или вышивкой шелковой нитью. Наконечник ножен мог быть металлическим, но чаще был выполнен из кожи или отсутствовал вовсе. Зато обязательны были две обоймицы, за кото-

Рис. 1. Иранский шамшир с ножнами

рые шамшир подвешивался на пояс⁷ (рис. 1).

Казалось бы, какие вопросы могут возникнуть при таких ярко выраженных признаках? Проблема заключается в том, что география использования шамширов гораздо шире пределов Персии⁸. Персидские клинки экспортировались по всему Востоку и даже в Россию. Например, если посмотреть русские документы о закупке восточного оружия в XVII в., то мы узнаем следующее: «Сабли ввозились в Россию в большем количестве, чем остальные виды холодного оружия. Особенно ценились у нас иранские сабли вследствие высокого

качества булата и изыска отделки. Кроме богато орнаментированных сабель, доступных немногим, из Ирана привозили сабли с простыми рукоятками стоимостью 4–5 рублей и отдельно сабельные полосы («полоса булатна») ценой в 3 рубля, находившие спрос и в дворянском ополчении»⁹. Вероятнее всего, первоочередным спросом пользовались именно «сабельные полосы» в связи с тем, что они были дешевле и позволяли смонтировать приобретенные персидские клинки с традиционными для регионов, где они были приобретены, рукоятками и деталями ножен.

Региональные особенности оформления сабель хорошо узнаваемы, но, как выяснилось, специальных работ на эту тему нет, хотя этот вопрос косвенно затрагивали многие авторы, как в России, так и за рубежом¹⁰. Это привело к тому, что некоторые авторы относят все предметы с персидскими клинками, невзирая на региональный монтаж, к Персии¹¹ или неправильно атрибутируют шамширы, путая регионы¹².

Здесь надо затронуть еще один важный вопрос: как давать название сабле – по рукояти или по клинку? На наш взгляд, если шамширный клинок смонтирован с рукоятью, похожей в общих чертах на «классическую» шамширную, описанную нами выше, мы можем говорить о шамшире, в дальнейшем уточняя его региональность по особенностям оформления рукояти и ножен. Если же рукоять отличается от шамширной, зато существует типичное региональное оружие с такой рукоятью, то мы должны говорить о данном виде оружия с использованием клинка шамшира.

Например, известно, что персидские клинки вообще и шамширов в частности пользовались большой популярностью в Индии, где их часто монтировали с рукоятками тальваров¹³ (рис. 2). Эти рукояти хорошо узнаваемы. Черен – бочонковидный, утолщенный в центре, навершие – дисковидное, слегка наклоненное, с куполообразным выступом посередине, крестовина – прямая, короткая, с расширенными концами. Нередко имеется S-образная дужка. Но встречается и D-образная. Сабли с такими рукоятками, которые смонтированы с персидскими шамширными клинками, по нашему мнению, правильно называть «тальвар с клинком шамшира» или «шамширного типа». Относятся такие предметы однозначно к Индии, так как нет никаких подтверждений того, что сабли с рукоятью тальвара и клинком шамшира использовали в Персии. Кроме того, в Индии персидские клинки монтировались с рукоятками, имитирующими «классические»

Рис. 2. Тальвар с клинком шамшира

шамширные, но выполненными из меди, булата или стали, декорированной в технике кофтгари или эмали¹⁴, иногда с зооморфными чертами¹⁵ (рис. 3). Не менее часто встречаются индийские шамширы, по внешнему виду почти не отличающиеся от персидских. Разница заключается в декоре и использовании материала ножен и рукояти. У подавляющего большинства подобных индийских шамширов накладки рукояти выполнены не из моржовой, а из слоновой кости¹⁶. Перекрестья и металлические детали ножен могут быть декорированы в технике кофтгари или

Рис. 3. Индийский шамшир с металлической рукоятью, имитирующей «классическую» шамширную

украшены эмалью. Сами ножны обтянуты не кожей, а тканью¹⁷.

В Афганистане наравне с использованием шамширов, отличавшихся от персидских тем, что в качестве материала для накладок рукояти использовали рог или дерево, а железные перекрестье и детали ножен декорировались специфической сквозной «перфорацией», персидские клинки (в том числе шамширов) монтировали с традиционными афганскими рукоятями пулваров¹⁸ или с рукоятями «по мотивам» европейских, как на «уставных» хайберах¹⁹. Рукоять пулвара – железная, в некоторых случаях булатная, отдаленно напоминает рукоять тальвара, но отличия сразу бросаются в глаза. Черен, как и у тальвара, – бочонкообразный, с утолщением в центре, но украшен не насечкой или всечкой, а гравировками разного уровня исполнения; навершие – не дисковидное, а шарообразное или полусферическое, часто прорезное или украшенное гравировками. Небольшие прорезные шарообразные навершия чаще всего встречаются в сочетании с клинками шамширного типа. Если навершие полусферическое, то в центре на плоской стороне часто есть куполообразное возвышение с фигурной петелькой, к которой, вероятно, крепился кожаный шнур, по аналогии с европейскими темляками. Усы (концы) крестовины опущены к клинку и оформлены в виде стилизованных головок животных, скорее всего, драконов. Изображение головок драконов может быть связано с иранской традицией, где на ранних сабельных и палашных перекрестьях встречаются крестовины с концами такой формы. Лангеты хорошо выражены. Редко имеется дужка – широкая и в некоторых случаях прорезная. Монтаж рукояти, как и у тальвара – на смолах, но часто через рукоять хвостовик крепится дополнительной клепкой²⁰. В случае такого монтажа можно говорить о пулварах с шамширными клинками. Такие предметы относятся исключительно к Афганистану. Мы не будем подробно останавливаться на образцах из Индии и Афганистана, потому как двух мнений об их региональной привязке быть не может.

В данной статье мы сосредоточимся исключительно на региональных разновидностях шамширов, близких к «классическим», и особенностях их атрибуции.

Вечным соперником Ирана была Турция. При этом персидские шамширы турки ценили и использовали как минимум с XVII в., что подтверждается описаниями Марсильи²¹. В период, интересующий нас, ситуация не менялась, и персидские клинки – в том числе шамширного типа – часто встречаются в Турции, что подтверждается экспонатами музеев РФ, таких как ГИМ, ВИМАИВиВС и Эрми-

таж²², а также предметами из частных коллекций²³.

Турецкие шамширы, в подавляющем большинстве, хорошо узнаваемы и легко атрибутируются по форме рукояти. Перекрестье с длинными, чаще всего подграненными концами, оканчивающимися либо шариками, либо продолговатыми ромбиками²⁴. Материалом для перекрестья, в подавляющем большинстве случаев, служили бронза и латунь. Хотя встречаются и крестовины из белого металла и железа. Рукоять, в отличие от рукоятей персидских шамширов, более «мощная» и «пузатая». Типичный для Персии металлический колпачок, венчающий рукоять, на турецких шамширах отсутствует. Вместо него рукоять заканчивается загнутой в сторону лезвия крупной округлой «головкой», напоминающей по своей форме «запятаю»²⁵. Причем такой тип шамшира был распространен на всей территории Османской империи²⁶. Материалом рукояти, в основном, служит полированный рог копытных животных разного цвета, от светло-желтого до черного.

Ножны состояли из двух деревянных пластин, обтянутых кожей или бархатом. Кожа сшивалась металлическими нитями, образующими твердый характерный шов. Устье и наконечник делались из бронзы, белого металла или железа, очень широкими. Устье имеет «гнезда» для лангетов крестовины. Наконечник ножен часто заканчивается «башмаком». Для удобного вынимания клинка со стороны обуха сделана прорезь. Вплотную к устью примыкает верхняя обоймица, на небольшом расстоянии от которой расположена нижняя. Все металлические части в большинстве случаев украшены гравировкой, чеканкой или золотой насечкой²⁷ (рис. 4).

В состав Османской империи за сотни лет ее существования входили страны Северной Африки и Арабского Востока. Поэтому неудивительно, что население этих регионов пользовалось турецкими образцами оружия, в том числе такими шамширами, о которых шла речь выше. Но существовали и образцы, эндемичные для определенных регионов. О них и пойдет речь. Арабские шамширы (из Аравии) известны двух типов: один из них отличается от персидских «классических» шамширов незначительно, а второй – настолько сильно, что в литературе его иногда называют – саиф (saif). Рукоять сабель первого типа практически полностью копирует форму рукояти персидского шамшира. Крестовина, чаще всего, используется железная персидская, черен рукояти такой же тонкий, но угол загиба не 90, а 75 градусов. Колпачок, в отличие от железных у персидских шамши-

Рис. 4. Турецкий шамшир

Рис. 5. Арабский (аравийский) шамшир

ров, выполнен из белого металла, чаще всего серебра. Он сильнее вытянут, заострен и покрыт чеканкой или гравировкой. Через колпачок иногда проходит кольцо из того же металла. Накладки выполнены чаще всего из темного рога полорогих, хотя, как исключение, встречаются накладки из моржовой или слоновой кости. Они фиксируются клепками, под которые проложены сплюснутые серебряные монеты или монетовидные диски. Накладки и нижний лангет крестовины обвязаны серебряной или медной проволокой, часто заплетенной с одной стороны в узел специфической формы²⁸ (рис. 5). Во втором варианте у рукояти сохраняется форма персидского шамшира, причем даже угол загиба часто составляет 90 градусов. Но все без исключения детали рукояти, в том числе и крестовина, выполнены не из железа, а из белого металла, чаще всего серебра, с чеканкой и гравировкой. При этом «обмотка» проволокой, теряющая свою функциональность и являющаяся имитацией, присутствует. В качестве исключения встречаются рукояти таких шамширов с накладками из слоновой

Рис. 6. Арабский (авраийский) шамшир – саиф

кости (рис. 6).

Ножны первого варианта арабских шамширов, в большинстве случаев, выполнены из деревянных плашек, обтянутых кожей. Металлические обоймицы могут присутствовать, но чаще все элементы подвеса выполнены из грубо тисненой кожи²⁹. У второго варианта арабских шамширов с цельнометаллической рукоятью ножны имеют либо цельнометаллический чехол с отделкой, аналогичной отделке рукояти, либо очень большие устье и наконечник, выполненные в такой же технике³⁰.

Безусловный интерес представляют сирийские шамширы, которые некоторые авторы называют арабскими³¹ или ирано-турецкими³². Их рукояти по форме действительно напоминают арабские шамширы, особенно углом загиба в 75 градусов. Крестовина может быть как персидской, так и турецкой. Но при внимательном изучении легко обнаружить отличия. Накладки темного рога часто декорированы вбитыми металлическими кружками или звездочками. Обязательно поверх роговых накладок пущены приклепанные выступающими крупными клепками металлические полоски из железа или латуни, одним концом

уходящие под крестовину, нижний лангет которой, как на арабских шамширах, обмотан проволокой, а другим под подгранный заостренный металлический колпачок с небольшим колечком на верхушке, к которому могла крепиться цепочка, идущая к крестовине³³ (рис. 7). Мы относим эти шамширы к сирийским на основании фото народов, населяющих Османскую империю, сделанных в 1893 г. к Чикагской выставке 1894 г. и фотографии конца XIX в., представленной в статье (рис. 8).

Рис. 7. Сирийский шамшир

Окончательно атрибутировать шамширы такого типа, как сирийские, помогают детали ножен. Если они будут украшены серебряной или золотой насечкой в характерном стиле, то шамширы можно однозначно отнести к Сирии. В том случае, если ножны будут покрыты цельно-

металлическим, обычно серебряным, чехлом с чеканкой или гравировкой или будут обладать очень большими устьем и наконечником, декорированными в такой же технике, можно предполагать, что такой шамшир бытовал у арабов.

Особый интерес для российских специалистов по историческому холодному оружию и коллекционеров, на наш взгляд, представляют среднеазиатские шамширы. За редкими исключениями они легко узнаваемы. Отличительными признаками

таких сабель являются использование бирюзы и драгоценных металлов для декорирования рукоятей и ножен. При этом за «основу» использовались клинки, накладки, перекрестья и фурнитура ножен «классических» иранских шамширов (рис. 9). В самых простых вариантах изменения затрагивали только ножны. Ножны можно разде-

Рис. 8. Фото сирийца с шамширом

Рис. 9. Среднеазиатский шамшир

лить на две группы по использованию материалов для их изготовления и декорирования. В одном случае использовались самые дешевые материалы, а в другом – драгоценные металлы и камни. В первом случае традиционные ножны, покрытые кожей, декорировались спиральной обмоткой из кожаного ремня, чаще всего приклепанного к ножнам полусферическими или звездчатыми клепками³⁴. В случае использования драгоценных материалов местные мастера дополняли персидские ножны длинным чеканным наконечником и не менее длинным устьем из золота или позолоченного серебра, которое заходило под верхнюю обоймицу³⁵. Окаймляли нижнюю обоймицу пластинами из драгметаллов, декорированными в той же стилистике, что и устье³⁶, иногда с использованием бирюзы³⁷. Иногда чехол ножен выполнялся полностью из драгоценных металлов и инкрустировался крупными поделочными камнями. Обоймицы при этом сохранялись персидские, как у шамшира из коллекции Государственного Эрмитажа за инвентарным номером В.О.-1847³⁸. Иногда гладким серебром, декорированным в технике чернения, обкладывался и черен рукояти³⁹. Встречаются шамширы, рукоять которых обкладывалась листами драгметалла, декорированного чеканкой в общей стилистике с цельным чехлом ножен. При этом обоймицы, устье и граница несуществующего наконечника украшались «поясками» из бирюзы⁴⁰. В некоторых случаях «классическая» персидская рукоять покрывалась съёмным чехлом из тонкой, хорошо выделанной кожи или бархата, что мы можем наблюдать у шамшира из коллекции Государственного Эрмитажа за инвентарным номером В.О.-1848⁴¹. Известны примеры, когда рукоять и ножны выкладывались, как мозаика, бирюзой, в технике, напоминающей перегородчатую эмаль, когда в основу, напоминающую сеть с тонкими стенками, инкрустировались кусочки этого поделочного камня⁴². Исключением являются шамширы, у которых изменения практически незаметны. Такие сабли можно отличить только по тому, что накладки рукояти из моржовой кости заменялись накладками из дерева.

Основные типы рукоятей шамширов (рис. 10).

В заключение хочется сказать несколько слов о датировках персидских клинков. Датировать персидские клинки необходимо по комплексу признаков, включающему: строй клинка, надписи на нем и в последнюю очередь – оправу. К сожалению, как в России, так и за рубежом встречаются работы, в которых авторы пытаются датировать персидские клинки исключительно по нанесенным на них подписям

Рис. 10. Основные типы рукоятей шамширов: № 1–2 – персидская; № 3–4 – индийские; № 5 – турецкая; № 6–8 – арабские; № 9 – сирийская; № 10 – среднеазиатская

и символам, одним росчерком пера «превращая» предметы XIX в. в более редкие клинки «XVII в.»⁴³ и даже «XII в.»⁴⁴. Эта ошибка связана чаще всего с надписью на клинке: «Работал Асадулла из Исфохана», которой часто сопутствует надпись: «Аббас, слуга Повелителя Земли». В оружейведческом сообществе благодаря Эгертону и Стоуну сформирована версия о том, что Асадулла Исфохани (Асадуллах из Исфохана) был придворным кузнецом шаха Персии Аббаса Великого (1571–1629)⁴⁵ и, конечно, прославился мастерством изготовителя булатных клинков... Скорее всего, это просто красивая легенда, развенчать которую может помочь коллекция Оружейной палаты Московского Кремля. Американский исследователь оружия русского происхождения Кирилл Ривкин высказывал предположение, которое кажется нам наиболее вероятным. Шах Аббас пытался наладить отношения с Европой и Москвией, поэтому не скупился на подарки клинков и позволил русскому посольству вывезти беспошлинно довольно большое их количество. Поэтому существует значительное количество клинков, имеющих провенанс на начало XVII в. Многие из них подписаны именами кузнецов. Часть не имеет подписей, но ни один клинок не подписан «Асадуллой». Что же касается клинков с подписями «Асадулла», то подавляющее большинство изготовлено в годы 1674–1864, с некоторым пиком в районе первой половины XVIII в. Некоторые клинки имеют и даты начала XVII в., а некоторые даже XV в., хотя по форме ни те, ни другие не совпадают с клинками первой половины XVII в. (например, не выражена елмань)⁴⁶. Поэтому вероятнее всего предположить, что подпись «Асадулла» появилась не раньше 1674 г. При этом стоит учитывать (как это ни печально будет для многих коллекционеров), что подавляющее большинство подписей первой половины XVIII в. – явные фальшивки из века XIX, например индийские⁴⁷ и турецкие, о чем прямо упоминает Э.Г. Аствацатурян. Описывая саблю, она пишет: «У сабли номер 1190... имя мастера “Асадулла” “в Исламбуле”, “работа Исфохан”. Здесь...стремление...подчеркнуть персидское происхождение клинка: и «Асадулла», и “Работа в Исфохана”. Но мастер проговаривается – наряду с Исфоханом он называет и город Исламбул, то есть Стамбул»⁴⁸. В пользу турецкого происхождения надписи на вышеуказанной сабле говорит то, что подписи выполнены не всечкой, а насечкой в турецком стиле. Подпись «Асадулла» сделанная в Персии, обычно выполнялась резьбой или всечкой⁴⁹.

Кирилл Ривкин высказывает предположение, что причина появ-

ления подписи «Асадулла» периода конца XVII в. связана с тем, что именно в это время происходит отмена фактического запрета экспорта персидских клинков (300%-ная пошлина на их экспорт). Напротив, их экспорт начинают поощрять. Вместо никому не известных за пределами Исфахана мастеров персидские мастера начинают подписываться как «Асадулла» («Лев Аллаха») из Исфахана, указывая, таким образом, происхождение клинка и его «марку». Надо также отметить, что во многих музейных коллекциях - вообще отсутствуют клинки XVIII в., не подписанные Асадуллой, т. е. так подписывались почти все работы, что подтверждает версию К. Ривкина. Ни к какому конкретному кузнецу, несмотря на разные легенды, «Лев Аллаха» скорее всего не имеет отношения. Кстати, подобную же версию высказывает и Манучер Хоросани, правда, делая акцент на том, что подпись «Асадулла» («Лев Аллаха») указывала на прозвище лучших персидских кузнецов, которым было позволено ставить эту подпись как своеобразный знак качества⁵⁰.

Резюмируя, надо отметить, что, изучая клинок, подписанный таким образом, исследователь должен исходить из того, что, вероятнее всего, он был изготовлен в конце XVIII – XIX вв.

К сожалению, даже если авторы не ограничиваются датировкой по надписям на клинке, а ссылаются на «совокупность характеристик»⁵¹, судя по всему, они делают эти заключения, не изучив образцы персидских сабель XVII – начала XVIII в., что приводит к ошибкам в атрибуции и датировке. Надеюсь, данная статья поможет исправить сложившуюся ситуацию.

¹¹ Lebedynsky I. *Les Armes Orientales*. Paris. 1992. P. 188.

² Stone G.C. *A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor in All Countries and in All Times*. New York, 1961. P. 550; Jacob A. *Les Armes Blanches Du Monde Islamique*. Paris, 1985. P. 156.

³ Хождение купца Федота Котова в Персию. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 8; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 11. СПб., 1892. С. 58; Курц Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича // Сборник Студенческого историко-этнографического кружка при Университете святого Владимира / Под руководством проф. М.В. Довнар-Запольского. Вып. 6. С. 112.

⁴ Милосердов Д.Ю. Остеологические материалы рукоятей клинкового оружия XIX–XX вв. в Индоиранском регионе и на сопредельных территориях // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции. Ч. II. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. С. 326.

⁵ Музейным работникам и коллекционерам стоит учитывать, что накладки из слоню-

вой или трубчатой кости на персидских шамширах, с высокой долей вероятности, являются более поздней реставрацией, так же как и накладки из моржовой кости, установленные пульпой вовнутрь.

⁶ Иванов А.А. Ювелирные изделия Востока. Коллекция Особой кладовой отдела Востока Государственного Эрмитажа. Древний, средневековый периоды. М.: Искусство, 1984. С. 124–130, 132–134, 136–137.

⁷ Khorasani M.M. Arms and Armor from Iran: The Bronze Age to the End of the Qajar Period. Germany: Legat, 2006. P. 424–475.

⁸ Хайдаков К. Шамширы. Старые сабли и тайны древних мастеров. М., 2013. С. 15.

⁹ Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 31. М., 1956. С. 92.

¹⁰ Jacob A. Les Armes Blanches Du Monde Islamique. P. 133–135, 157–158, 203–205; Анисимова М.А. Оружие Востока XV – первой половины XX века. Из собрания ВИМАИВиВС. СПб.: Атлант, 2013. С. 29, 83, 92, 157–158, 160–162, 255–256, 258–259; Buttin C. Catalogue de la Collection d'Armes Anciennes, Europeennes et Orientates. Rumilly (France), 1933. P. 144, 164, 261–264; Сиваченко Е. Опасное обаяние клинка. Восточные сабли-шамширы в коллекции Александра Фельдмана // Антиквар. 2010. № 3 (41). С. 18–19.

¹¹ Пронин А.О. Иранское холодное оружие из частных собраний в новом музейном проекте // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой международной научно-практической конференции. Ч. IV. СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. С. 40–43.

¹² Buttin C. Catalogue de la Collection d'Armes Anciennes, Europeennes et Orientates. P. 263–264; Jacob A. Les Armes Blanches Du Monde Islamique. P. 134–135.

¹³ Bashir Mohamed. The Arts of the Muslim Knight: The Furusiyya Art Foundation Collection. Italy: Skira, 2008. P. 90; Скраливецкий Е.Б., Ефимов Ю.Г., Образцов В.Н. Восточное оружие в частных коллекциях. СПб.: Русская коллекция, 2013. С. 54–55, 62–66.

¹⁴ Bashir Mohamed. The Arts of the Muslim Knight. P. 91–93; Скраливецкий Е.Б., Ефимов Ю.Г., Образцов В.Н. Восточное оружие в частных коллекциях. С. 61; Суханов И.П. Шедевры клинкового оружия. СПб.: Атлант, 2004. С. 115, 118; Образцов В.Н. Оружие Востока в собрании Эрмитажа. СПб.: Эрмитаж, 2015. С. 116–117; Paul Jaiwant E. Arms and Armour: Traditional Weapons of India. Roli Books, 2005. P. 83; Hales R. Islamic and Oriental Arms and Armour. P. 186.

¹⁵ Hales R. Islamic and Oriental Arms and Armour. P. 166–167.

¹⁶ Elgood R. Arms and Armour: At The Jaipur Court (The Royal Collection). New Dehli, 2015. P. 123–125.

¹⁷ Paul Jaiwant E. Arms and Armour. P. 16, 78; Chakhravarti P.L. Alwar museum. Delhi, 2008. P. 25.

¹⁸ Скраливецкий Е.Б., Ефимов Ю.Г., Образцов В.Н. Восточное оружие в частных коллекциях. С. 82.

¹⁹ Хайдаков К. Шамширы. Старые сабли и тайны древних мастеров. С. 163; Милосердов Д.Ю. К вопросу об «уставных куберах» в конце XIX – начале XX веков в Афганистане // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции. Ч. III. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. С. 24–25.

²⁰ Милосердов Д.Ю. Холодное оружие Афганистана конца XVIII – начала XX веков.

Обзор // Сохранность культурного наследия: наука и практика. Вып. 7. СПб., 2012. С. 127–139.

²¹ Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. СПб.: Атлант, 2002. С. 111.

²² Там же. С. 113–114, 119; Анисимова М.А. Оружие Востока XV – первой половины XX века. С. 92–93.

²³ Buttin C. Catalogue de la Collection d'Armes Anciennes, Europeennes et Orientates. P. 114; Скраливецкий Е.Б., Ефимов Ю.Г., Образцов В.Н. Восточное оружие в частных коллекциях. С. 233, 282.

²⁴ Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. С. 111; Хайдаков К. Шамширы. Старые сабли и тайны древних мастеров. С. 159–162.

²⁵ Diehl V., Hampe H. Weapons of Warriors: Famous Antique Weapons of the Near East. Germany, 2012. P. 192–197; Jacob A. Les Armes Blanches Du Monde Islamique. P. 156.

²⁶ Elgood R. The Arms of Greece and Her Balkan Neighbours in the Ottoman Period. New York, 2009. P. 71.

²⁷ Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. С. 111.

²⁸ Хайдаков К. Шамширы. Старые сабли и тайны древних мастеров. С. 105–107, 109.

²⁹ Там же. С. 96–97.

³⁰ Jacob A. Les Armes Blanches Du Monde Islamique. P. 132–133.

³¹ Buttin C. Catalogue de la Collection d'Armes Anciennes, Europeennes et Orientates. P. 263–264.

³² Jacob A. Les Armes Blanches Du Monde Islamique. P. 134–135.

³³ Lebedynsky I. Les Armes Orientales. P. 31; Анисимова М.А. Оружие Востока XV – первой половины XX века. С. 29–31.

³⁴ Лютов А.М. Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея. СПб., 2006. С. 220–222.

³⁵ Там же. С. 207, 209.

³⁶ Анисимова М.А. Оружие Востока XV – первой половины XX в. С. 258–259.

³⁷ Лютов А.М. Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея. С. 206.

³⁸ Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2010. С. 92, 96; Введенский Г.Э. Сто предметов из собрания Российских императоров. Царскосельский арсенал. СПб.: Балтика, 2000. С. 27.

³⁹ Абдуллаев Т., Фахретдинов Д., Хакимов А. Песнь в металле. Народное искусство Узбекистана. Ташкент, 1986. С. 123.

⁴⁰ Лютов А.М. Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея. С. 205.

⁴¹ Образцов В. Н. Оружие Востока в собрании Эрмитажа. С. 152.

⁴² Анисимова М.А. Оружие Востока XV – первой половины XX века. С. 255–256.

⁴³ Пронин А.О. Иранское холодное оружие из частных собраний в новом музейном проекте. С. 38, 42.

⁴⁴ Weapons of the Islamic World: Swords & Armour. Riyadh, 1991. P. 68.

⁴⁵ Egerton, Lord of Tatton. Indian and Oriental Armour. Dover Publications, 2002 (first published 1880). P. 52–53; Stone G.C. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor in All Countries and in All Times. P. 77.

⁴⁶ Levykin A. The Tsars and the East. Gifts from Turkey and Iran in the Moscow Kremlin. England, 2009. P. 42–44.

⁴⁷ Скраливецкий Е.Б., Ефимов Ю.Г., Образцов В.Н. Восточное оружие в частных кол-

лекциях. С. 80.

⁴⁸ Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. С. 117.

⁴⁹ Скраливецкий Е.Б., Ефимов Ю.Г., Образцов В.Н. Восточное оружие в частных коллекциях. С. 152–155, 158.

⁵⁰ Хайдаков К. Шамширы. Старые сабли и тайны древних мастеров. С. 123.

⁵¹ Пронин А.О. Иранское холодное оружие из частных собраний в новом музейном проекте. С. 40–42.

Д.Ю. Милосердов (Москва), А.М. Щелков (Минск)

АФГАНСКАЯ БУЛАТНАЯ САБЛЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В настоящей статье будет рассматриваться интересный экземпляр холодного клинкового оружия Афганистана, датируемый концом XIX – началом XX в. Но прежде чем приступить к описанию самого предмета, на наш взгляд, необходимо вспомнить особенности геополитического положения Афганистана в этот временной период.

Образовавшись как самостоятельное государство довольно поздно (держава Дуррани (1747–1819), Ахмад-шах (1747–1773)), Афганистан на протяжении всей своей истории представлял арену противостояния интересов различных народов и государств. Обусловлено это его географическим положением, представляющим из себя «ворота в Индию» – единственный сухопутный путь в Индию через Хайберский проход. Издавна через эту страну проходили караванные и торговые пути, включая «великий шелковый путь». Будучи отделена с севера непроходимыми Гималаями, с запада системой Сулеймановых гор, территория Индии ближе всего подступает к густонаселенным странам Востока на северо-западе, в районе Хайберского прохода, перевала Гиндукуш. Таким образом, территория Афганистана становится важнейшим путем взаимодействия Индии с остальным миром, кроме того, это и наиболее вероятный путь вторжения в Индию. Становится понятна двоякая роль географического положения Афганистана: как стратегический путь в Индию и как перекресток мировых торговых путей в страны средней Азии и затем в Европу.

Данное обстоятельство (географическое положение и его стратегическое значение) и определило политическую судьбу Афганистана в XIX и начале XX в. В этот период страна попадает под плотную опеку Британской империи, стремящейся сохранить «жемчужину»

своей колониальной политики – Индию, что приводит к трем англо-афганским войнам (1838–1842, 1878–1880 и 1919) и практически культурной и политической изоляции страны вплоть до обретения Афганистаном независимости в 1919 г. Более того, кроме внешней изоляции, спровоцированной англичанами, в конце XIX в. при правлении эмира Абдурахман-хана насаждалась изоляция внутренняя. Контакты афганцев с иностранцами ограничивались. Например, за выезд из страны без пропускного свидетельства грозила смертная казнь. Если же выехавший на законных основаниях не возвращался, все его родственники попадали в тюрьму, а одного из них казнили. Опасаясь экспансии англичан, эмир отказался от предложения постройки железной дороги в стране. Дипломатическим представителем Англии в Кабуле мог быть только мусульманин, да и то он постоянно находился под контролем афганской полиции. К началу XX в. Афганистан был «запретной страной», попасть в которую европейцам удавалось крайне редко и исключительно по личному разрешению Абдурахман-хана. Было разрешено пребывание в стране лишь иностранных специалистов, которые были связаны со строительством и работой Кабульского оружейного завода¹.

Сложившая изоляция Афганистана не могла не оказать влияния на типы вооружения, принятые как афганской армией, так и афганским ополчением, с которым, по большей части, и пришлось иметь дело британской армии во время трех войн и многочисленных стычек с афганцами. Накануне Второй англо-афганской войны один из сотрудников миссии генерала Столетова в Кабуле, очевидец всех событий, предшествовавших Второй англо-афганской войне, этнограф и путешественник И.Л. Яворский писал: «Война Афганистана с Англией была неизбежна. Нетрудно было предвидеть, на чьей стороне будет победа. Афганцы не имеют ни достаточного числа войска, ни порядочного оружия...»². Большинство огнестрельного оружия поступало из Англии, и это были устаревшие образцы³. В середине XIX в. в Афганистане выпускали отдельные виды огнестрельного оружия, которые копировались с иностранных образцов, «...тяжелое и грубое, ударники затворов очень часто имеют дефекты. В основном это оружие турецкого типа с нарезками»⁴. Холодное оружие на этот момент было представлено исключительно этническими типами, производимыми традиционно в Кабуле, Кандагаре и Герате.

Известны свидетельства о широком использовании этнического холодного оружия (и в некоторых случаях даже предпочтении его огнестрельному) как на период, непосредственно предшествующий второй англо-афганской войне, так и непосредственно в ее ходе. Например, вышеупомянутый И.Л. Яворский в книге «Путешествие русского посольства по Афганскому и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг.» пишет: «Она (афганская пехота) была вооружена винтовками, заряжающимися с дула, с пистонным замком. Штыки, прикрепленные к ружьям – нашего старого образца, т. е. от основания к острию истончающиеся пирамидально. Кроме того, у некоторых висели на поясе длинные ножи или шашки»⁵. «Кавалерия (афганская) вооружена винтовками, револьверами и саблями... Она предпочитает перестрелке действие холодным оружием»⁶. Говоря о саблях, надо уточнить, что кавалерия использовала не европейские образцы, а этнические сабли, в описании которых легко узнаются пулвары. Это было отмечено полковником русской императорской армии Матвеевым: «Всадники, одетые однообразно... Были вооружены карабинами, револьверами и кривыми широкими саблями... Виденные у афганцев сабли были все превосходны: кривые, широкие и хорошо отточенные клинки вделаны в тонкие железные рукоятки с такими же эфесами и носятся в прочных кожаных ножнах, прикрепляемых к лопасти портупеи посредством двух колец»⁷ (рис. 1).

Рис. 1. Пулвар

Здесь же уместно вспомнить знаменитую цитату из рассказа Редьярда Киплинга: «Если хотите узнать, каким оружием они (афганцы) сражаются, у меня под скамейкой длиннющий нож, – сказал английский кавалерист и вытащил устрашающий афганский нож с костяной рукояткой. – Им запросто можно отхватить руку, от плеча. Все равно, что кусок мыла пополам разрезать»⁸. Если же обратиться к

документальным свидетельствам, то становится понятным, что хайберские ножи использовались афганцами в стычках с британскими войсками и в самом конце XIX и в начале XX в. Например, Уинстон Черчилль в книге «Походы Британской армии» (оригинальное название – «Границы и войны»), пишет об использовании афганцами в 1897 г. холодного оружия: «Они (британские войска) встретили массу врага (афганцев) – около тысячи вооруженных “мечами” и ножами мужчин»⁹. Так как из текста понятно, что речь идет не о всадниках, а о пеших войнах, логично предположить, что под «мечами» имеются ввиду хайберские ножи. Сохранились и фотосвидетельства. В фотоальбоме «Афганистан, 1879–1880 годы», выполненном Джоном Берком и сэром Бенджаминим Симпсоном, хранящемся в Библиотеке Конгресса и включающем редкие исторические фотоснимки, на которых изображены люди и места, связанные со Второй англо-афганской войной (1878–1880), представлен среди прочих фотоснимок военных трофеев, захваченных в ходе сражения в Пейварском ущелье в ноябре 1878 г.¹⁰. На снимке разнообразное оружие, брошенное во время битвы или собранное у убитых афганских солдат, включая пулвар (сабля афганского образца, упоминаемая очевидцами) и хайберы (те самые длинные афганские ножи, так устрашавшие англичан), ножны и огнестрельное оружие (рис. 2).

Рис. 2. Трофей, захваченные англичанами в Пейварском ущелье

Надо заметить, что большинство сведений об активном использовании афганцами этнического холодного оружия относятся к армиям «повстанцев» в терминологии англичан, т. е. нерегулярным вооруженным формированиям, оказывающим сопротивление англичанам в ходе второй англо-афганской войны. При этом известно, что Шер Али-хан в 70-х гг. XIX в. уделил особое внимание реорганизации вооруженных сил и созданию регулярной армии на основе английских уставов и тактики ведения боевых действий¹¹. Есть свидетельство 1857 г., об английской военной миссии во главе с майором Лэмсденом, побывавшей в Афганистане¹². Белью отмечает, что уже в то время афганские регулярные войска были одеты и обучены по английскому образцу. В этот период (предшествующий второй англо-афганской войне) обеспечение регулярной афганской армии оружием и боеприпасами становится важнейшей проблемой Афганистана, в это время афганская армия почти полностью зависела от ввоза вооружения из Британской Индии и Англии¹³.

После окончания второй англо-афганской войны Абдуррахман начал реорганизацию и усиление регулярной армии. Благодаря армии он восстановил свою власть над Гератом и Кандагаром, присоединил ханства левобережья Амударьи, завоевал Хазараджат и Кафиристан. С помощью иностранных специалистов механические и оружейные мастерские в Кабуле были частично реорганизованы в первое крупное промышленное производство – «Машин-хана». Оборудование было закуплено в Англии, и в реконструкции старых мастерских принимали участие английские инженеры¹⁴. Именно в это время в Кабуле начинают производить холодное оружие для армии с клеймом «Машин-хана»¹⁵. Особый интерес среди этого оружия в контексте данной статьи представляют уставные хайберы и подражания им (рис. 3, 4). «Уставной» хайбер отличается от этнического хайбера и

Рис. 3. Типы уставных хайберов

Рис. 4. Этнический хайбер, исполненный в подражание «уставному»

напоминает европейский тесак. Клинок полуторной заточки, широкий и с незначительным изгибом. У рукояти четко выражена пята клинка. Практически все такие клинки несут на пяте клеймо арсенала «Машин-хана» в Кабуле и иногда дату. Клинок в последней трети переходит в небольшую елмань с режущей кромкой. Линия лезвия плавно сближается с елманью, образуя мечевидное острие. Рукоять стальная с накладными деревянными щечками, расположенными во второй трети рукояти, между гладкими металлическими деталями. Щечки фиксируются двумя стальными заклепками. Передняя дужка гарды – прорезная, так что создается эффект трех расположенных рядом дужек, в месте фиксации с головкой рукояти, которая изящно выгнута наружу и напоминает стилизованную голову птицы. Конец крестовины загнут в сторону обуха клинка, как на европейском холодном оружии. Ножны деревянные, обтянуты черной или коричневой кожей, с двумя металлическими (чаще всего стальными) деталями: наконечником и устьем. Устье ножен составляет единую деталь с обоймицей, на которой с внутренней стороны ножен закреплено кольцо. На наконечнике ножен, как на европейском оружии, четко выражен башмак¹⁶ (рис. 5).

Рис. 5. «Уставной» хайбер

Также в Афганистане несколько раньше были известны единичные образцы холодного оружия с эфесами на манер «уставных», на наш взгляд, копирующие неизвестный нам европейский (скорее всего британский) уставной образец. На известном фото Джона Берка (John Burke) «Mohammad Yaqub Khan with British officers in May of 1879» («Мохаммад Якуб Хан с британскими офицерами в мае 1879») у второго справа афганца виден интересующий нас предмет: афганская сабля с «уставным» эфесом (рис. 6). Эта сабля отличается от «уставных» образцов, выпускавшихся на «Машин-хана», рядом деталей, из которых прежде всего в глаза бросаются рукоять и подвес. В нашей статье мы хотели бы рассмотреть аналогичный экземпляр, но явно возникший после появления «уставного» хайбера.

Общая длина данной сабли 83 см. Клинок булатной стали, скорее всего персидского, но возможно и афганского происхождения, длиной 70 см, слабо изогнут. В последней четверти имеет небольшую елмань с фальшлезвием. Ширина клинка у основания – 3 см, толщина спинки – 0,6 см. Перечисленные особенности строения клин-

Рис. 6. Фото Бёрка: Мохаммад Якуб Хан с британскими офицерами и Даудом в мае 1879.

Рис. 7. Афганская булатная сабля конца XIX – начала XX в.

ка являются характерными для афганского «уставного» холодного оружия рассматриваемого периода (рис. 7). Известно, что некоторые такие булатные сабли, на манер «уставных» хайберов, делались из укороченных персидских булатных клинков¹⁷. В нашем случае следы переточки клинка отсутствуют. Перековка также маловероятна, так как известно, что при этой операции невозможно сохранить характерную для булатных сталей муаровую структуру, ярко выраженную в данном случае (рис. 8). По обеим сторонам клинка от пяты на одну четверть своей длины клинок имеет арабские надписи – суры Корана, выполненные травлением. Также имеются стихотворные надписи на фарси, нанесенные на клинок в технике всечки. Она выполнена желтым металлом (с высокой долей вероятности – золотом), частично утраченным в процессе бытования предмета. На рикассо вытравлена гексаграмма, характерная для английских клинков. Такая гек-

саграмма изначально ставилась на клинках, производимых фирмой «Вилкинсон»¹⁸. Эфес имеет характерную для рассматриваемого типа афганского холодного оружия форму и практически идентичен эфесу афганских тесаков, производимых на «Машин-хана» и называемых, по введенной Д.Ю. Милосердовым классификации, «уставными» хайберами¹⁹. (рис. 9). Металлические детали густо декорированы растительным орнаментом, накладки выполнены из слоновой кости. Ножны деревянные, обтянуты кожей, устье и наконечник металлические, также декорированные растительным орнаментом в технике травления. На наконечнике, в подража-

Рис. 8. Структура клинка афганской булатной сабли конца XIX – начала XX в.

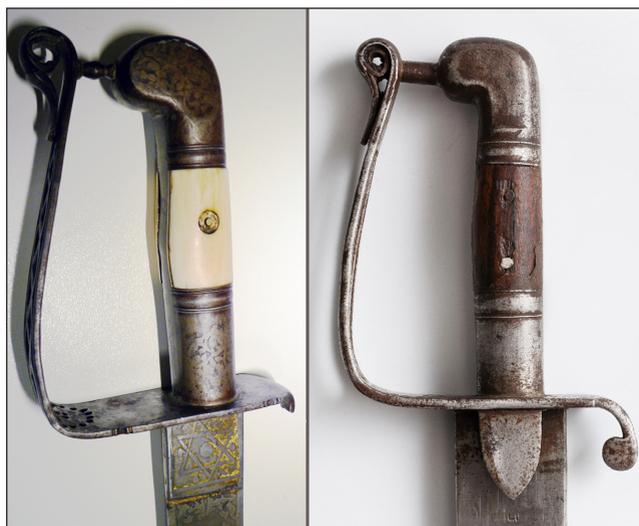

Рис. 9. Эфес афганской сабли и эфес «уставного» хайбера

Рис. 10. Наконечник и устье ножен афганской булатной сабли конца XIX – начала XX в.

ние европейским типам, четко выражен башмак. На устье вытравлен герб Афганистана на период 1919–1926 гг. Подвес ножен идентичен подвесу «уставных» хайберов. По нашему мнению, это также доказывает то, что обсуждаемый предмет изготовлен по единым с «уставным» хайбером «мотивам».

Особенно важно, на наш взгляд, остановиться на материале деталей ножен (рис. 10). Они не стальные, что стоило бы ожидать, в случае вторичного использования клинка, а изготовлены из булата, так же, как и клинок. И хотя можно считать происхождение клинка персидским и более ранним, не вызывает сомнения то, что ножны и их детали изготовлены в конце XIX – начале XX в. Это подтверждается даже не изображением герба Афганистана на начало XX в., а тем, что изготовлены они, следуя единой традиции, сложившейся, как мы видим по уставным хайберам, в конце XIX в.

Таким образом, мы не только вводим в научный оборот интересный афганский предмет конца XIX – начала XX в., но и сталкиваемся с важным фактом, свидетельствующим о том, что производство булата или, как минимум, умение ковать из булата изделия, вполне возможно, не исчезло к середине XIX в., как утверждают многие авторы²⁰. Можно предположить, что в Афганистане, в силу изоляции и незначительного, в отличие от Индии, промышленного влияния Британии, булат если не производили, то умели обрабатывать до начала XX в. Безусловно, этот вопрос требует дальнейшего изучения, и пока рано делать какие-то серьезные выводы.

¹ Ганковский Ю.В., Полищук А.И., Слинкин М.Ф., Луков В.В. История вооруженных сил Афганистана 1747–1977, М., 1985. С. 52.

² Раскольников Ф.Ф. Афганистан и английский ультиматум. М.: Изд. Красная Новь. Главполитпросвет, 1924.

³ Гамильтон А. Афганистан, СПб., 1908. С. 171–172.

⁴ J. Ferrier. History of the Afghans. London, 1858. P. 315.

- ⁵ Яворский И.Л. Путешествие русского посольства по Афганскому и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг. Т. 2. СПб., 1882. С. 138.
- ⁶ Путята Д.В. Очерк экспедиции Генерального штаба капитана Путяты. СМА. Вып.10. СПб., 1884. С. 82.
- ⁷ Матвеев П.П. Поездка Генерального штаба полковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям. СМА. Вып. 5. СПб., 1883. С. 41–42.
- ⁸ Киплинг Р. Стихотворения. Роман. Рассказы. М.: Рипол Классик, 1998. С. 673.
- ⁹ Winston S. Churchill, *Frontiers and Wars*. London, 1962. P. 32.
- ¹⁰ Битва в Пейварском ущелье, в которой британцам благодаря искусному маневру удалось добиться преимущества, состоялась в конце 1878 г. между британскими войсками под командованием сэра Фредерика Робертса (1832–1914) и афганскими вооруженными формированиями под предводительством неизвестного военачальника. В результате британцы одержали победу и захватили проход через Пейварское ущелье.
- ¹¹ Ганковский Ю.В., Полищук А.И., Слинкин М.Ф., Луков В.В. История вооруженных сил Афганистана 1747–1977. С. 43–44.
- ¹² Bellew H.W. *Journal of a Political Mission to Afghanistan in 1857*. London, 1862. С. 224.
- ¹³ Там же. С. 89.
- ¹⁴ Ганковский Ю.В., Полищук А.И., Слинкин М., Луков В.В. История вооруженных сил Афганистана 1747–1977. С. 78–82.
- ¹⁵ Милосердов Д.Ю. К вопросу об «уставных куберах» в конце XIX – начале XX веков в Афганистане // *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции*. Ч. III. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013; С. 24–25; Он же. К вопросу о типологии афганских «уставных» шашек // *Война и оружие. Новые исследования и материалы., Труды Шестой международной научно-практической конференции. Часть III*. СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. С. 148, 151, 153, 156.
- ¹⁶ Милосердов Д.Ю. К вопросу об «уставных куберах» в конце XIX – начале XX веков в Афганистане. С. 24.
- ¹⁷ Там же. С. 24–25.
- ¹⁸ Кулинский А.Н. *Европейское холодное оружие*, СПб., 2003. С. 257.
- ¹⁹ Милосердов Д.Ю. К вопросу об «уставных куберах» в конце XIX – начале XX веков в Афганистане. С. 24–25.
- ²⁰ Носов К.С. *Традиционное оружие Индии*. М., 2011. С. 345; *Asking the Earth: Farms, Forestry and Survival in India*. Winin Pereira, Jeremy Seabrook Routledge, Nov 5, 2013. P. 21.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Клейн Эдуард Григорьевич – Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (Кострома), кандидат культурологии, доцент.

Ковалев Сергей Николаевич – НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Санкт-Петербург), ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Коневская Мария Анатольевна – НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), младший научный сотрудник.

Коровин Владимир Викторович – Юго-Западный государственный университет (Курск), профессор, доктор исторических наук.

Коротков Сергей Николаевич – Университет ИТМО (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук, доцент.

Кочуков Сергей Анатольевич – Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, профессор, доктор исторических наук, доцент.

Кочукова Ольга Викторовна – Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, кандидат исторических наук, доцент.

Крапивенцева Мария Борисовна – Тульский государственный музей оружия, хранитель фондов.

Кручинин Андрей Сергеевич – Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына (Москва), заведующий отделом.

Кудзеевич Леонид Владимирович – Государственный музей политической истории России (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Кудрец Анастасия Сергеевна – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), экскурсовод.

Кузнецов Андрей Юрьевич – председатель регионального отделения политической партии «Казачья партия Российской Федерации» в Кабардино-Балкарской республике (КБР); руководитель объединенного национально-культурного центра казачьих общественных организаций в КБР – «Нальчикская казачья община».

Кузнецова Ирина Викторовна – начальник Военной исторической библиотеки Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (Санкт-Петербург).

Кулиев Муса Рагим-оглы – Институт истории, археологии и этнографии (Нахичеванское отделение, Азербайджан), кандидат исторических наук.

Кулинский Александр Николаевич – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), главный хранитель оружейных фондов, профессор Южно-Уральского государственного университета.

Курбатов Олег Александрович – Российский государственный архив древних актов, заведующий архивохранилищем, кандидат исторических наук.

Курлаев Евгений Анатольевич – Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Курочкин Алексей Юрьевич – заместитель главного редактора журнала «Историческое оружиеведение» (Москва).

Лаврук Петр Петрович – Воено-историческая библиотека Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (Санкт-Петербург), библиограф.

Лебедева Светлана Соломоновна – Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, доктор педагогических наук, профессор

Леонов Андрей Александрович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Лепкова Елена Александровна – Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва», старший научный сотрудник.

Лихачева Ольга Сергеевна – Алтайский государственный университет (Барнаул), аспирант.

Лобин Алексей Николаевич – Государственный комплекс «Дворец конгрессов» Управления делами Президента РФ (Санкт-Петербург), начальник отдела, кандидат исторических наук.

Ломакин Николай Владимирович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Лукашевич Андрей Михайлович – Белорусский государственный университет (Минск), доктор исторических наук, доцент.

Лукин Валерий Евгеньевич – Центральный военно-морской музей (Санкт-Петербург), начальник отдела, кандидат исторических наук.

Малоземова Елена Игоревна – Государственный Эрмитаж, научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Малыгина Анастасия Александровна – Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат политических наук, доцент.

Марыняк Андрей Владимирович – Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына (Москва), старший научный сотрудник.

Мегорский Борис Вадимович – историк-исследователь (Санкт-Петербург), кандидат политических наук.

Милосердов Дмитрий Юрьевич – Государственный Дарвиновский музей (Москва), старший научный сотрудник.

Щелков Артур Михайлович – частный коллекционер и исследователь (Минск, Республика Беларусь).

Щерба Александр Николаевич – НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Клейн Э.Г.</i> Выпускники вузов Санкт-Петербурга – ветераны военно-оркестровой службы Костромского края	3
<i>Ковалев С.Н., Щерба А.Н.</i> Деятельность Полевого управления Ленинградского фронта в период 1.01.1942 – 5.10.1943 годов: историографический и источниковедческий анализ	10
<i>Коневская М.А.</i> Организация вещевого снабжения РККА накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 годов	20
<i>Коровин В.В.</i> Участие партизанских формирований в борьбе против коллаборационистов (1941–1943 годы)	33
<i>Коротков С.Н.</i> Артиллерия Корпуса Конде: структура, социальный состав	45
<i>Кочуков С.А.</i> Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в корреспонденциях князя Л.В. Шаховского	48
<i>Кочукова О.В.</i> Русский флот на переломе двух эпох в мемуарном наследии Н.А. Качалова	59
<i>Крапивенцева М.Б.</i> Организатор производства Тульского оружейного завода М.В. Крапивенцев (1883–1943) (по материалам Тульского государственного музея оружия)	71
<i>Кручинин А.С.</i> Первый бой на Перекопе в 1920 году	84
<i>Кудзеевич Л.В.</i> Личная история Северной войны фельдмаршала П.П. Ласси	101
<i>Кудрец А.С.</i> Сражения 1916 года: опыт мемориализации	116
<i>Кузнецов А.Ю.</i> Русский след «кавказской» шашки	125
<i>Кузнецова И.К., Лаврук П.П.</i> Подлинный Воинский устав Его Императорского Величества Петра I	136
<i>Муса Рагим-оглы Кулиев.</i> Личный архив К.Н. Смирнова	155

<i>Кулинский А.Н.</i> Оружие из коллекций Романовых: новые данные исследований	164
<i>Курбатов О.А.</i> Ясаки – боевые опознавательные кличи царского войска XV–XVII веков	204
<i>Курлаев Е.А.</i> Военное производство и ремонт оружия в восточных регионах России в XVII – начале XVIII века	218
<i>Курочкин А.Ю.</i> Ручные (малые) копьё в оружейной традиции Индии	230
<i>Лебедева С.С.</i> Социально-образовательные инициативы в отношении военнослужащих в XIX веке.....	240
<i>Леонов А.А.</i> Нарукавные знаки матросов и младших унтер-офицеров Военно-морских сил ГДР, прошедших специальную подготовку в 1956–1990 годах.....	248
<i>Лепкова Е.А.</i> Организационные мероприятия командования 11-й армии по защите города Черный Яр (апрель–октябрь 1919 года)	260
<i>Лихачева О.С.</i> Пластина с кавалькадой всадников из сибирской коллекции Петра I как источник для реконструкции вооружения кочевников раннего железного века.....	272
<i>Лобин А.Н.</i> Малоизвестный источник о битве под Оршей 1514 года (К вопросу об уникальности сведений раннего списка Холмогорской летописи	287
<i>Ломакин Н.В.</i> Оружие системы Гартунга в коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи	296
<i>Лукашевич А.М.</i> Проекты фортификационного прикрытия западной границы Российской империи после 3-го раздела Речи Посполитой (1795–1796 годы)	304
<i>Лукин В.Е.</i> Артиллерийский научно-исследовательский морской институт в битве за Ленинград, 1941–1944 годы.....	313
<i>Малоземова Е.И.</i> Архив князя И.Д. Салтыкова и собрание восточного оружия Эрмитажа	323
<i>Мальгина А.А.</i> Принципы организации военно-химического дела в США, Великобритании и Франции: сравнительный анализ	333
<i>Марыняк А.В.</i> Состав русского офицерского корпуса в 1917 году	343
<i>Мегорский Б.В.</i> «Отдать нельзя сжечь». Оставление городов и крепостей в годы Великой Северной войны.....	357

<i>Милосердов Д.Ю.</i> Типология рукоятей сабли шамшир.	
Определение региональности шамширов при помощи формы и остеологических материалов рукояти	370
<i>Милосердов Д.Ю., Шелков А.М.</i> Афганская булатная сабля конца XIX – начала XX века	387
Сведения об авторах	398

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Седьмой Международной
научно-практической конференции

В пяти частях

Часть 3

Редактор: *Н.В. Медведев*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронко*
Верстка: *В.И. Хоронко*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 20. 04.2016.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л.12,75.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman PS MT.
Тираж 200 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.
Издательско-полиграфический центр
Санкт-Петербургского государственного университета
промышленной технологии и дизайна.
Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 262.

=====**Для заметок**=====

==== Для заметок ====

=====**Для заметок**=====

==== Для заметок ====